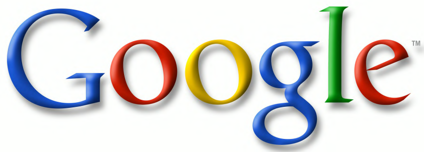
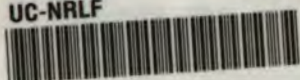
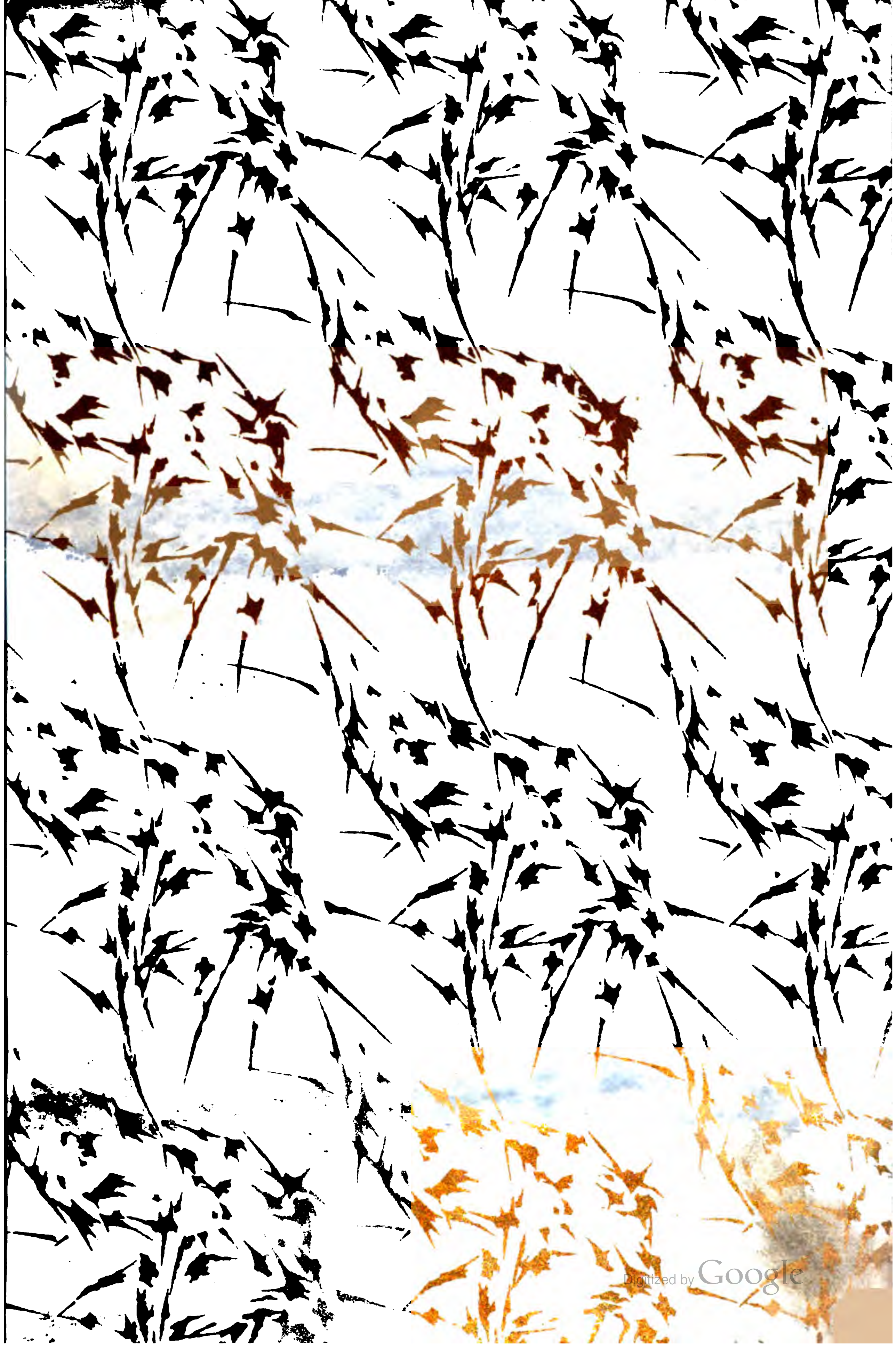

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ИСТОРІЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА

ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. И. Никитскаго.

МОСКВА.

1893.

ИСТОРІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. И. Никитскаго.

(Посмертное изданіе).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

Печатано подъ наблюденіемъ Члена-Соревнователя А. А. Гоздаво-Голомбіовскаго

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Въ 1887 году, при открытіи на Вольскомъ кладбищѣ памятника покойному профессору русской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ Александру Ивановичу Никитскому, на могилѣ высказано было профессоромъ русской исторіи Н. П. Барсовымъ, между прочимъ, желаніе, чтобы въ возможно скоромъ времени было обнародовано оставшееся въ рукописи многолѣтнее изслѣдованіе проф. Никитскаго объ экономическомъ бытѣ Великаго Новгорода. Безспорно, что это было бы лучшей памятью по неутомимомъ труженикѣ исторической науки, какимъ былъ покойный профессоръ А. И. Никитскій («Варшавскій Дневникъ» 1887 г. № 103. Рѣчь Барсова).—Съ одной стороны, подъ вліяніемъ этой мысли, а съ другой—съ цѣлью ближе ознакомиться сравнительно съ мало извѣстнымъ въ исторической литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ вопросомъ, какой представляетъ изъ себя экономическая жизнь Великаго Новгорода, какъ типическаго представителя древне-русской исторической жизни,—я и рѣшился выполнить высказанное на могилѣ желаніе. Для этого я обратился къ вдовѣ покойнаго историка Александрѣ Антоновнѣ Никитской за позволеніемъ ознакомиться съ рукописью, на что и получилъ согласіе, а также и самую рукопись, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана съ особаго ея разрѣшенія.

Для меня лично, признаюсь, задача была не легка. Если даже посмотрѣть на дѣло съ чисто внѣшней стороны, то прежде всего слишкомъ мелкій почеркъ представлялъ не мало трудностей при чтеніи рукописи, особенно при чтеніи техническихъ словъ и выраженій; во всѣхъ этихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ помощи увеличительнаго стекла. Для уясненія себѣ разныхъ вопросовъ, во избѣжаніе могущихъ произойти неточностей, необходимо было тщательно

просмотрѣть первоисточники, при надлежащемъ, конечно, знакомствѣ со всевозможными пособіями, со всей литературой вопроса. Всѣ цитаты провѣрены мной по лѣтописямъ, писцовымъ книгамъ, актамъ, временникамъ, договорнымъ грамотамъ и разнымъ сборникамъ, изданнымъ учеными обществами и археографическими коммиссіями. Не достающія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссылки на источники восполнены мной, насколько это было нужно и возможно. Подобные случаи представляли довольно значительныя трудности. Позволю себѣ для примѣра сослаться хотя бы на такой фактъ. Въ текстѣ стоитъ цифра, указывающая на цитату, обозначенную на поляхъ. Не разъ случалось, что желаемой цитаты или совсѣмъ нѣтъ, или обозначено только названіе источника, на которое хотѣлъ сослаться авторъ въ подтвержденіе извѣстнаго положенія,—безъ указанія года, страницы и иногда самаго тома. Очевидно покойный историкъ хотѣлъ обозначить цитату при окончательномъ просмотрѣ своего труда. Внимательный просмотръ каждаго отдѣла, года и страницы первоисточниковъ и полное знакомство съ пособіями, въ концѣ концовъ, давали мнѣ возможность восполнить недостающее.—Мѣста въ рукописи, зачеркнутыя рукой покойнаго автора, я, въ случаяхъ надобности, помѣщалъ или въ формѣ примѣчаній, или же прямо вводя въ текстъ въ видѣ дополнительныхъ разъясненій, не нарушающихъ общаго хода и смысла рѣчи. Что же касается попадающихся по временамъ на поляхъ замѣтокъ автора, то онѣ были приняты мной въ соображеніе. Во всякомъ случаѣ изученіе памятниковъ и пособій являлось единственно надежнымъ средствомъ для уясненія вопросовъ и недоумѣнія. Въ подтвержденіе истинности, во избѣжаніе могущихъ возникнуть какихъ либо подозрѣній въ преувеличеніи на этотъ счетъ съ моей стороны, я считаю долгомъ сослаться на рѣчь Николая Алексѣевича Лавровскаго, бывшаго ректора Варшавскаго Университета. Тамъ, между прочимъ, сказано: «Безвременная смерть застигла Александра Ивановича въ усиленной работѣ на одной изъ темъ, начертанной имъ программы, надъ изслѣдованіемъ Новгородской торговли. Работа была почти окончена, какъ со-

общалъ мнѣ покойный, и нуждалась только въ окончательномъ просмотрѣ, незначительныхъ дополненіяхъ и снабженіи необходимыми ссылками на источники» («Варшавскій Дневникъ», № 103, 1887 г.). Приведенныя только что слова служили, такъ сказать, исходнымъ пунктомъ моей работы. Самымъ же существеннымъ правиломъ въ данномъ случаѣ служила та необыкновенная научная пытливость покойнаго историка, которая не допускала его принять самого мелочнаго факта безъ строгой критической провѣрки, и результатомъ которой явилась полная самостоятельность его взглядовъ и мнѣній. Такая строгая добросовѣстность, бывшая основнымъ правиломъ научной дѣятельности А. И. Никитскаго, и была для меня высшей побудительной причиной того, чтобы какъ можно тщательнѣе просмотрѣть всѣ источники и пособія и быть до крайности осторожнымъ при разборѣ рукописи. Въ этихъ случаяхъ приходилось прочитывать разныя замѣтки и подробности и не всегда относящіяся къ дѣлу. И только въ послѣдствіи, при окончательномъ пересмотрѣ автографа, когда пришлось надлежащимъ образомъ ознакомиться съ источниками и съ болѣе существенными, необходимыми пособіями, я въ состояніи былъ разобраться во всей массѣ матеріала и, сравнительно, уже безъ особеннаго труда могъ найти разгадку сомнѣніямъ, отыскать нужное и, такимъ образомъ, восполнить недостающее. Правда, въ сомнительныхъ случаяхъ, боязнь замогильнаго укора и упрека не разъ приходила въ голову, поселяя въ душѣ тяжелое раздумье; впрочемъ, это было въ началѣ работы, когда какой нибудь намекъ, сдѣланный авторомъ на поляхъ, простое обозначеніе названія источника или возможность разночтенія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ и географическихъ названій заставляли меня вновь просматривать цѣлые томы разныхъ сборниковъ и пособій. Трудность работы обусловливалась и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что я не имѣлъ возможности обратиться къ кому нибудь за разъясненіями. Напримѣръ, какъ сейчасъ было упомянуто, трудно было прочесть древнія географическія названія, какихъ теперь въ атласахъ не существуетъ. Возможность ошибочнаго чтенія такихъ

мѣстъ смущала не разъ, а обратиться за указаніями къ знатоку исторической географіи Н. П. Барсову я не могъ, такъ какъ въ то время онъ былъ разбитъ параличемъ. Помимо этого, немалое препятствіе къ скорѣйшему окончанію работы представляло и то немаловажное обстоятельство, что въ Варшавѣ нельзя было найти всего матеріала, который, какъ извѣстно, покойный историкъ восполнялъ по возможности, получая книги и рукописи изъ Императорской Академіи Наукъ, Императорской публичной библіотеки, Археографической коммиссіи въ С.-Петербургѣ, изъ Музея Псковской Археологической коммиссіи и другія. Въ данномъ случаѣ я могъ получать многія книги, напримѣръ Акты, грамоты и договоры и т. п., занимаясь въ библіотекѣ при Румянцевскомъ музеѣ и получая нѣкоторыя изъ библіотекъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ. Кромѣ того въ бумагахъ покойнаго историка нашлось нѣсколько тетрадей и листовъ съ необходимыми выписками изъ такихъ источниковъ, которыхъ я не имѣлъ подъ руками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось измѣнять и самый планъ и сдѣлать незначительныя дополненія и измѣненія выраженій въ текстѣ, когда являлась необходимость.

Во всякомъ случаѣ мною руководило искреннее желаніе обнародовать неизданный цѣнный трудъ покойнаго историка А. И. Никитскаго и предложить его благосклонному вниманію всѣхъ, будутъ ли то спеціалисты—историки, или тѣ просвѣщенные читатели, которымъ дороги и памятны слова поэта:

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу!» —

Обращаясь къ внутренней сторонѣ настоящаго «Очерка», я считаю не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя предварительныя объясненія, необходимыя для уясненія его научно-исторической цѣнности и новизны.

Въ нашей исторической литературѣ, можно сказать, нѣтъ сочиненій, гдѣ бы экономическая жизнь древней Руси разсматривалась какъ нѣчто, имѣющее первостепенную историческую важность, цѣлое, въ органической связи съ другими

сторонами общественно-исторической жизни. «Начиная съ Карамзина, большинство историковъ русской старины увлекались политической и административной стороной русской исторіи. Ихъ вниманіе было обращено на изученіе болѣе крупныхъ явленій, которыя закрывали собой другіе, хотя и не такъ замѣтные, но не менѣе существенные вопросы исторической жизни, какъ, напримѣръ, вопросъ экономическій» (Аристовъ). Можетъ быть это объяснялось отсутствіемъ или же разбросанностію матеріала по исторіи торговаго, экономическаго быта, изданнаго учеными обществами и коммиссіями сравнительно недавно; а главнымъ образомъ, можетъ быть, потому, что изученіе экономической стороны древне-русской исторической жизни требовало кропотливаго труда, для того, чтобы надлежащимъ образомъ ознакомиться съ массой подчасъ мелочнаго матеріала, разбросаннаго по разнымъ архивамъ и библіотекамъ. Можно указать здѣсь на весьма цѣнный трудъ вообще для знакомства съ экономическимъ бытомъ древней Руси, на сочиненіе Аристова: «Промышленность древней Руси». Этотъ трудъ представляетъ собою обзоръ предметовъ промысловаго производства, касающихся обыденнаго употребленія и предметовъ передаточной промышленности и можетъ, потому, служить хорошимъ руководствомъ для занимающихся этимъ вопросомъ. Въ области прикладной экономіи есть до сихъ поръ незамѣнимый трудъ для знакомства съ старой русской торговлей, это—«Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ» Костомарова. Ими, можно сказать, исчерпывается вся наша литература по исторіи экономическаго быта древней Россіи вообще. Есть отдѣльныя монографіи о нѣкоторыхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности нашихъ предковъ, но, по своей неполнотѣ и разбросанности, онѣ не позволяютъ составить точный, опредѣленный взглядъ на состояніе экономическаго быта древней Руси.

Что касается исторіи Новгорода, то «Сѣвернорусскія народоправства» Костомарова представляютъ чуть ли не единственную попытку дать возможно полное представленіе Новгородской исторіи и быта не съ одной только политической

стороны, а одинаково и со стороны общественной и частной. «Сѣвернорусскія народоправства» имѣютъ важное значеніе какъ начальная попытка, существенно облегчающая для позднѣйшихъ изслѣдователей дальнѣйшее изученіе Новгородской жизни, во всей ея совокупности. Но какъ бы ни были разнообразны и многочисленны труды, посвященные изученію Новгородскаго быта, они являются далеко не столь цѣльными, какъ бы требовалъ того интересъ, который возбуждаетъ въ себѣ Новгородская исторія: разногласіе какъ въ общихъ взглядахъ, такъ и въ частныхъ вопросахъ не даетъ возможности цѣльнаго представленія и связи явленій Новгородской исторической жизни. Не касаясь пробѣловъ въ изученіи другихъ сторонъ исторической жизни Новгорода, мы должны остановиться на отсутствіи въ трудахъ по Новгородской исторіи отчетливаго и полнаго представленія объ экономическомъ развитіи Великаго Новгорода.—Между тѣмъ существуетъ масса отдѣльныхъ грамотъ, могущихъ дать понятіе объ экономическихъ отношеніяхъ Новгорода и ихъ исторіи; есть много громадныхъ сборниковъ, гдѣ экономическая жизнь Новгорода выступаетъ довольно рельефно. Такъ, писцовыя книги заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для знакомства съ первоначальной и обрабатывающей промышленностью Новгорода; попытки воспользоваться писцовыми книгами относятся больше къ общей исторіи Россіи и имѣютъ въ виду главнымъ образомъ рѣшеніе вопроса о существованіи поземельной общины въ древней Руси. Что же касается сборниковъ по Ганзейской торговлѣ, то они даютъ много матеріала для характеристики передаточной промышленности Новгородской земли. Эта часть экономической исторіи Великаго Новгорода затронута гораздо болѣе, такъ какъ по ней мы имѣемъ два особенныхъ сочиненія, а именно изслѣдованія Ризенкампфа и г. Бережкова, но и здѣсь этотъ вопросъ далеко не исчерпанъ и кромѣ того не всегда правильно освѣщенъ.—Словомъ, отсутствіе экономической исторіи въ надлежащемъ ея видѣ составляетъ слишкомъ замѣтный пробѣлъ въ Новгородскомъ бытописаніи. Всѣ эти недочеты въ разработкѣ Новгородской исторіи ясно показывали желательность такого

труда, который представлялъ бы собою нѣкоторый опытъ болѣе цѣльной исторіи торговой, экономической, культурной жизни Великаго Новгорода. Въ этомъ отношеніи настоящее сочиненіе Никитскаго представляетъ въ высшей степени важный научно-историческій интересъ.

«Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» имѣетъ обще-историческое значеніе, не смотря на то, что предметомъ своего содержанія имѣетъ жизнь только Новгорода. Въ древнее время эта область занимала громадную площадь: обширныя Новгородскія владѣнія занимали собою сѣверъ и востокъ нынѣшней Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана до впаденія Оки въ Волгу и отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ и до владѣній Камскихъ Болгаръ; такъ что сфера ея дѣятельности распространялась на цѣлый рядъ нынѣшнихъ сѣверо-восточныхъ губерній, благодаря широкому развитію торговли и колонизаціи. Установившійся издавна обычай повольничества (ушкуйники) служилъ также весьма важнымъ пособіемъ для Новгородцевъ въ распространеніи владѣній и торговлѣ и является весьма характернымъ явленіемъ древне-новгородской исторической жизни [1]). Съ другой стороны, исторія Новгорода принадлежитъ къ числу самыхъ привлекательныхъ отдѣловъ отечественнаго бытописанія потому, что въ ней мы становимся лицомъ къ лицу съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ проявленій русской жизни, тѣмъ именно, въ которомъ главнымъ дѣятелемъ являются по преимуществу чисто народныя силы, гдѣ общественно-политическая, экономическая жизнь развивалась вполнѣ самостоятельно, особнякомъ, безъ особеннаго давленія извнѣ, при взаимной, свободной переработкѣ однихъ внутреннихъ элементовъ. Въ торговой, экономической дѣятельности Новгородца рельефно выразились весь складъ ума и направленіе его характера, степень цивилизаціи, особенности его политически-гражданскаго быта, въ своемъ развитіи идущія рука объ руку съ матеріальнымъ развитіемъ

[1]) Повольничество было однимъ изъ древнѣйшихъ учрежденій Новгорода, незнакомое другимъ славянскимъ племенамъ на Руси.

страны. Въ предлагаемомъ трудѣ довольно ярко выступаетъ общественно — государственный строй жизни Новгородской области, выяснены взаимное вліяніе и связь торговопромышленнаго быта со всѣмъ гражданскимъ строемъ Новгородской республики. Правда, приведено не мало данныхъ, повидимому, мелочныхъ, не представляющихъ особеннаго интереса для большинства; но, какъ справедливо замѣтилъ Н. И. Костомаровъ, «въ древней Русской исторіи, при недостаткѣ прямыхъ свидѣтельствъ, соединеніе многихъ мелочей необходимо для характеристики жизни народа, скорѣе и вѣрнѣе дастъ понятіе о древнемъ экономическомъ бытѣ, о степени цивилизаціи нашихъ предковъ, чѣмъ знакомство съ одними крупными явленіями».

«Исторія экономическаго быта В. Новгорода» имѣетъ и ту характерную особенность, что служитъ фактическимъ опроверженіемъ господствовавшаго въ прежнее время въ экономической наукѣ взгляда, по которому производительные промыслы непремѣнно должны слѣдовать въ строго-послѣдовательномъ порядкѣ, одинъ за другимъ. Безспорно, что естественно-экономическіе законы, основанные на выводахъ изъ отношенія человѣка къ внѣшней природѣ и изъ индивидуальныхъ потребностей людей, имѣютъ вездѣ всеобщій смыслъ и значеніе. Но всѣ положенія экономической науки, которыя связаны со складомъ общественной жизни извѣстнаго историческаго періода, не имѣютъ равной примѣнимости повсюду. Въ данномъ случаѣ законъ послѣдовательности экономическаго развитія никакихъ обязательствъ на развитіе народовъ не налагаетъ, не можетъ служить всегда мѣриломъ изслѣдованія и оцѣнки экономической жизни, особенно въ зачаточномъ ея развитіи. Такъ что послѣдовательность, въ какой слѣдуютъ производительные промыслы разныхъ народовъ, опредѣляется не закономъ экономическаго развитія, а исключительно природой, положеніемъ занимаемой извѣстнымъ народомъ страны и его жизненными потребностями. Въ сочиненіи А. И Никитскаго проводится именно этотъ принципъ, какъ наиболѣе примѣнимый въ области научно-историческаго изслѣдованія экономическаго быта В. Нов-

города. По мнѣнію автора различіе въ зачаткахъ народнаго производства обусловливаетъ въ свою очередь и различіе въ дальнѣйшихъ путяхъ его развитія, а чрезъ это отнимаетъ у прогресса производства всякую возможность служить нормой экономическаго развитія народовъ. Убѣдительнымъ примѣромъ исключительной зависимости экономическаго производства отъ природныхъ условій и служитъ Великій Новгородъ, который, по выраженію автора, «экономическимъ обликомъ своимъ обязанъ не чему нибудь иному, какъ положенію и характеру своей области»[1]). Построенный на этомъ принципѣ печатаемый трудъ представляетъ собою строго-научную повѣсть изъ жизни древней Руси; въ ней основой содержанія служатъ многочисленные источники, изъ которыхъ почерпну-

---

[1]) Примѣненія этого принципа иногда встрѣчаются въ нашей литературѣ по исторіи сельскаго хозяйства; не мало найдемъ указаній, напримѣръ, у Соколовскаго, на то, насколько природныя условія страны или извѣстной мѣстности даютъ, такъ сказать, тонъ развитію экономической жизни. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнны два сочиненія по исторіи землевладѣнія—Соколовскаго: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ“ и „экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи“ и колонизація Юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ; въ нихъ на основаніи изученія писцовыхъ книгъ и современныхъ формъ землевладѣнія разныхъ мѣстностей Россіи доказывается существованіе въ Руси общинно-волостной формы землевладѣнія. Важно для знакомства съ исторіей сельской общины сочиненіе Ефименка: „изслѣдованіе народной жизни“, написанное на основаніи неизданнаго до сихъ поръ матеріала, который даетъ ясную картину поземельныхъ отношеній на сѣверѣ; по вопросу о старыхъ русскихъ артеляхъ имѣемъ превосходное изслѣдованіе Калачова, Исаева о строѣ русскихъ артелей и мн. др. Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ трудахъ принципъ природнаго вліянія разсматривается по отношенію къ одной какой нибудь сторонѣ народной жизни, напримѣръ, по отношенію къ земледѣлію, колонизаціи и т. п., а не проводится какъ нѣчто цѣлое, посредствомъ котораго историко-экономическая жизнь освѣщалась бы во всѣхъ своихъ сторонахъ. Въ послѣднее время, когда статистическая наука стала быстро развиваться, въ печати появляется много статей, очерковъ и цѣлыхъ сборниковъ по исторіи народнаго благосостоянія, отечественной промышленности во всѣхъ ея формахъ. Всѣ эти работы, гдѣ рѣшаются вопросы современной экономической жизни на основаніи живыхъ свѣдѣній, наблюденій, земско-статистическихъ сборниковъ, имѣютъ пока мѣстный характеръ, обнимая собою извѣстный районъ—губернію, уѣздъ—и служатъ матеріаломъ для цѣльнаго историческаго изслѣдованія въ будущемъ.

ты богатыя, интересныя свѣдѣнія, органически связанныя главной идеей въ одно цѣлое. На основаніи простого перечня предметовъ потребленія, первоначальной, добывающей и обрабатывающей промышленности въ древней экономической жизни, какія мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и, въ особенности, писцовыхъ книгахъ; на основаніи цѣлаго ряда торговыхъ и политическихъ трактатовъ, какіе мы находимъ въ актахъ и договорныхъ грамотахъ,—построена живая исторія древне-русскаго экономическаго быта, выяснены причины и характеръ дѣятельности смѣлаго новгородца, благодаря которой онъ съумѣлъ создать сильную и богатую республику, съумѣлъ дойти до понятія гражданственности и создать эту гражданскую жизнь по особому, присущему его природѣ и условіямъ своей громадной области, образцу. «Въ Великомъ Новгородѣ не ослаблялось и чувство единства народнаго съ другими землями, а голосъ Церкви напоминалъ Новгородцамъ о духовномъ братствѣ съ русскимъ міромъ и, кромѣ того, внѣдрялъ въ умы монархическія понятія».

Что же касается собственно исторіи Новгородской торговли, то въ сочиненіи А. И. Никитскаго мы найдемъ обстоятельное изслѣдованіе цѣлой серіи существенныхъ вопросовъ, поставленныхъ уже предшествующими трудами, затронутыхъ, напримѣръ, Бережковымъ, но, можно сказать, мимоходомъ, и при томъ рѣшенныхъ неправильно. Не вдаваясь въ подробности, считаемъ пока достаточнымъ указать хотя на нѣкоторые болѣе существенные вопросы, какъ на основные пункты программы настоящаго историческаго изслѣдованія. Таковы вопросы: объ отличительныхъ чертахъ ганзейской торговли, о характерѣ мѣны (система кунъ, какъ единицъ мѣновой цѣнности, замѣнявшихъ денежное обращеніе), о способахъ взвѣшиванія товаровъ, о степени активнаго участія въ торговлѣ русскихъ и ея относительной выгодности для послѣднихъ; стачки лодочниковъ, какъ орудіе борьбы противъ нѣмцевъ— весьма любопытное явленіе для характеристики Новгородской артельной жизни, далѣе, вопросъ объ организаціи Новгородской нѣмецкой конторы, ея торгово-административное и юридическое значеніе и бытъ, причины ея упадка и мотивы

закрытія и мн. др.; наконецъ, общій взгляды на торговое значеніе сношеній Новгорода съ городами, входившими въ составъ Ганзейскаго союза и на ихъ культурно-историческое вліяніе, сказавшееся въ послѣдствіяхъ торговли: 1) для теченія народной жизни, 2) въ области политической и экономической, 3) въ сферѣ урегулированія отношеній Новгородцевъ къ разнымъ краямъ древней Руси и 4) въ области культурнаго развитія Новгорода [1]. Всѣ эти вопросы при глубокомъ освѣщеніи ихъ идеей автора представляютъ систематическій, полный научнаго интереса, историческій очеркъ. Въ этой живой картинѣ торговой жизни Новгорода мы найдемъ много характерныхъ особенностей, какія сказались въ торговыхъ сношеніяхъ Новгородцевъ съ Нѣмецкими городами. Достаточно указать на тѣ мѣста, гдѣ именно описываются эти взаимныя отношенія Новгородскаго и нѣмецкаго купечества, ихъ торгово-правовыя сдѣлки и подчасъ политическія столкновенія изъ-за экономическихъ интересовъ. Съ поразительной, напримѣръ, вѣрностью сказался еще въ древнее время отличительный характеръ нѣмцевъ, а въ данномъ случаѣ ихъ «торговый эгоизмъ». Корпоративно-замкнутая жизнь Новгородской конторы съ цѣлымъ кодексомъ строгихъ предписаній и правилъ, особенно въ періодъ ея первоначальнаго существованія и широкаго развитія, живо напоминала собою аскетически-одностороннюю жизнь раскольническихъ скитовъ, обнесенныхъ высокой загородью. Эго-

[1]) Вопросъ о культурномъ значеніи западной торговли и нѣмецкаго элемента въ древней Руси, не смотря на его животрепещущій научный интересъ, составляетъ замѣтный пробѣлъ въ исторической литературѣ. Даже въ спеціальномъ трудѣ Бережкова по исторіи Ганзейской торговли этотъ вопросъ задѣвается лишь мимоходомъ, не разсматривается обстоятельно, какъ того требовалъ бы научный интересъ; у него мы замѣчаемъ односторонность взгляда на взаимно-культурное вліяніе Новгородско-Ганзейской торговли, отсутствіе опредѣленныхъ, точныхъ результатовъ. Трудъ Фортинскаго: „Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года“ въ цѣломъ представляетъ также довольно незначительную попытку, такъ какъ объясняетъ тѣ стороны въ жизни Ганзейскаго союза, которыя только посредственно касаются древне-русской Ганзейской торговли.

истическая политика Нѣмецкихъ городовъ давала себя знать во многихъ случаяхъ торговой жизни Новгородцевъ; особенно она была чувствительна въ случаяхъ доставленія хлѣба, въ которомъ жители Новгородской области, при неплодородіи почвы и неблагопріятномъ климатѣ, *часто* и *сильно* нуждались. Духъ корпораціи, свойственный средне-вѣковой торговлѣ, побуждалъ нѣмцевъ вести торговлю, имѣя въ виду исключительно выгоды своего общества; поэтому неудивительно, что цѣлый рядъ всевозможныхъ притѣснительныхъ мѣръ непрерывной нитью проходитъ черезъ всю торговую жизнь Нѣмецкихъ городовъ. Съ своей стороны Новгородцы также не оставались въ долгу передъ иноземнымъ купечествомъ; эгоистическая политика послѣдняго заставила и самихъ русскихъ купцовъ выработать *опредѣленные торговые пріемы* въ противовѣсъ притѣснительнымъ иноземнымъ вліяніямъ въ торговомъ быту. «Положеніе русскаго купечества было далеко не такъ беззащитнымъ, какъ представляютъ это нѣмецкіе ученые. Если нѣмецкое купечество составляло компанію, обязанную строго сообразоваться со своими уставами, то и въ русскомъ мы должны видѣть не разбредшееся стадо, а довольно компактную массу. Если нѣмцы ставили ему всевозможныя препятствія, чтобы по крайней мѣрѣ сохранить за собой преобладаніе на морѣ, то и русское купечество, въ свою очередь, не безъ искусства умѣло пользоваться тѣми выгодами, которыя давало ему его собственное положеніе. Конечно, вслѣдствіе раздробленія древней Руси, выгоды эти въ разныхъ краяхъ ея были далеко не одинаковы, тѣмъ не менѣе сознаніе о нихъ не терялось нигдѣ» [1]. Правда, притѣснительныя мѣропріятія Нѣмцевъ служили нерѣдко поводомъ къ столкновеніямъ [2], вызывая со стороны

---

[1]) Нѣкоторыя разъясненія этого важнаго вопроса можно найти въ рецензіи профессора А. И. Никитскаго на сочиненіе Бережкова.

[2]) Понятно, что всѣ эти враждебныя столкновенія между нѣмцами и новгородцами и вытекавшіе отсюда перерывы въ торговлѣ и новые торговые договоры были только видимымъ отраженіемъ тѣхъ внутреннихъ вопросовъ, которые волновали торговый міръ, и потому составляютъ лишь внѣшнюю сторону исторіи торговли.

Новгородцевъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. По временамъ дѣло доходило до крутой расправы, открытаго грабежа, и, наконецъ, заключенія въ тюрьму съ наложеніемъ оковъ, въ качествѣ понужденія къ скорѣйшему удовлетворенію новгородскихъ требованій. Въ подобныхъ случаяхъ благодѣтельное вліяніе оказывалъ Новгородскій владыка на положеніе отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ составъ нѣмецкаго купечества: благодаря его заступничеству много иноземныхъ купцовъ получили прощеніе и свободу. Но самое важное здѣсь то, что сильный своимъ авторитетомъ представитель Новгородской церкви являлся защитникомъ и покровителемъ не только отдѣльныхъ лицъ, но всѣхъ иноземцевъ въ ихъ цѣломъ составѣ [1]).—Въ этой-то продолжительной борьбѣ Новгородца съ многочисленными трудностями, въ опасныхъ торговыхъ предпріятіяхъ и сношеніяхъ съ иноземцами, въ неусыпной колонизаторской дѣятельности на далекихъ и глухихъ окраинахъ сѣвера и востока Россіи—вполнѣ сказались дѣловой умъ его и непреклонная воля.

---

[1]) Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была благотворна и для самихъ Новгородцевъ. Дѣло въ томъ, что задержаніе нѣмецкихъ гостей въ Новгородѣ вызывало задержаніе новгородскихъ купцовъ въ лифляндскихъ городахъ; а иногда прекращалась и самая торговля съ Новгородомъ, такъ что изъ-за одного частнаго случая торговое движеніе, продуктъ долгой исторической жизни, къ великому ущербу обѣихъ сторонъ, останавливалось совсѣмъ. Въ этихъ случаяхъ примирительное вмѣшательство Новгородскаго владыки имѣло громадное значеніе. Опираясь на святость своего сана, владыка старался не допускать крайнихъ проявленій вражды къ иноземцамъ; своей духовной санкціей пользовался какъ средствомъ въ борьбѣ съ вѣчевыми увлеченіями. Кромѣ предупрежденія насильственныхъ мѣръ, онъ хлопоталъ и объ уничтоженіи простаго задержанія и доставленіи нѣмцамъ свободнаго пути на родину. Заботы владыки не ограничивались только этимъ; онѣ, что особенно важно, клонились главнымъ образомъ къ тому, чтобы поправить дѣло торговли, возстановить торговое движеніе, которые обыкновенно прерывалось въ случаяхъ столкновеній и вражды между нѣмцами и Новгородцами; и владыка съ честью умѣлъ выйти изъ такого затруднительнаго положенія; такъ что справедливо данъ ему одной нѣмецкой грамотой титулъ: „добраго защитника и покровителя нѣмецкаго купечества“ (Bunge, VII, 261, 1425 г.).—См. „Отношенія Новгородскаго владыки къ нѣмецкому купечеству“ Никитскаго въ Журн. М. Нар. Просвѣщ.

«Какъ воинъ и торговецъ, двигался онъ впередъ и впередъ по безконечности пустынь, которыя идутъ отъ нынѣшней Финляндіи къ горамъ Уральскимъ, пустынь непріютныхъ, покрытыхъ вѣковыми лѣсами, не видавшими внутри себя человѣка, богатыхъ озерами, болотами, тундрами, изрѣзанныхъ значительными рѣками, а въ зимнее время еще менѣе пріютныхъ, когда обымутъ ихъ трескучіе морозы, и завоетъ вьюга, и засыплютъ глубокіе снѣга. И эти пустыни, съ ихъ полудикими народами, признаютъ въ немъ своего хозяина, властителя, который, не снимая оружія, бродитъ посреди этой безпріютности, собираетъ богатства, серебро и дорогіе мѣха, и уноситъ ихъ чрезъ эти пустыни къ своей родинѣ. Народы южныхъ и сѣверныхъ береговъ чудскаго залива признавали власть его. Море Балтійское съ своими бурями, берега теперешней Пруссіи и Даніи были также знакомы Новгороду: онъ долго развозилъ по нимъ свои богатства, взамѣнъ которыхъ получалъ богатства новыя. Не разъ также видѣла его Сѣверо-восточная и Южная Русь у себя въ гостяхъ, какъ воина; а какъ богатаго торговца онѣ видѣли его у себя постоянно въ палатахъ княжескихъ и боярскихъ, и въ хижинѣ мужика; продолжительной борьбой завязалъ онъ знакомство свое съ нѣмцами, когда они отказывались отъ признанія какихъ либо правъ его на страны, прилегающія къ южному берегу чудскаго залива. Была же мечта въ жизни новгородца, была же вѣра сильная, которая влекла его въ предпріятія опасныя и отдаленныя»... (Пассека, изслѣдованія въ области русской исторіи).

Среди остальныхъ краевъ древней Руси Новгородъ занималъ, безспорно, первенствующее положеніе, какъ центръ полнѣйшаго развитія ганзейско-русскихъ сношеній, и богатства древняго Новгорода, такимъ образомъ, были не простымъ случаемъ хищнической наживы, грабежа или однихъ какихъ либо крупныхъ коммерческихъ мѣропріятій, а являлись естественнымъ результатомъ всей многовѣковой, самостоятельной, кипучей торгово-промышленной дѣятельности и колонизаціоннаго движенія; поэтому неудивительно, что самъ популярный Садко, этотъ эпическій богатырь—купецъ, ничто въ сравненіи съ богатымъ Великимъ Новгородомъ.

«Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій,
Побогаче меня славный Новгородъ!»

Въ заключеніе позволимъ себѣ еще коснуться той особенности всѣхъ вообще научно-историческихъ трудовъ А. И. Никитскаго, какая съ особой рельефностью выражается въ настоящемъ трудѣ. Нами раньше приведено было мнѣніе Костомарова, что соединеніе мелочныхъ фактовъ лучше и вѣрнѣе характеризуетъ древне-экономическій бытъ, цивилизацію предковъ, чѣмъ однѣ крупныя явленія. Справедливость этого мнѣнія, какъ нельзя лучше, подтверждается въ настоящемъ случаѣ. Въ печатаемомъ сочиненіи мы найдемъ много такихъ частностей, которыя при бѣгломъ взглядѣ покажутся, пожалуй, сравнительно маловажными; на самомъ же дѣлѣ всѣ эти мелочныя подробности, частичныя явленія въ области народной экономической жизни, взятыя въ ихъ реальной связи, освѣщенныя глубокой идеей историка, являются важными факторами, вліяющими на общій ходъ развитія экономической, культурной жизни Новгородской области. Покойному историку приходилось имѣть дѣло съ массой разнообразнаго матеріала и только послѣ многолѣтнихъ изысканій возможно было возстановить живой, полный обликъ давноминувшей жизни. Философская способность разобраться въ мелочномъ, сыромъ матеріалѣ и, не упуская изъ виду частностей, открывать въ нихъ реальную, общую связь, общее всѣмъ имъ начало, обширная эрудиція и начитанность, близкое знакомство съ исторической, философской и юридической литературой—вотъ что давало А. И. Никитскому возможность открывать новые кругозоры въ изучаемой имъ старинѣ. Философская абсолютность нѣкоторыхъ воззрѣній Никитскаго, по справедливому замѣчанію Бестужева-Рюмина, была «хорошимъ признакомъ, какъ свидѣтельство потребности сознавать общее въ частныхъ явленіяхъ». Основная задача уяснить себѣ процессъ образованія государственнаго строя въ силу историческихъ потребностей русскаго народа, а съ другой стороны — подъ вліяніемъ его характера—служила историку руководящей нитью при разработкѣ обшир-

наго, часто мелочнаго матеріала, придавая научнымъ историческимъ его работамъ, хотя бы и самымъ спеціальнымъ, внутреннее единство, особую живость, силу убѣдительности и общій интересъ. При такомъ богатомъ запасѣ научныхъ знаній, при глубокомъ пониманіи прошлаго, онъ съумѣлъ извлечь изъ многочисленнаго матеріала живую повѣсть о торговой, экономической жизни В. Новгорода. «Новгородецъ родомъ, обучавшійся въ самомъ центрѣ старой Новгородской жизни, окруженный многочисленными памятниками ея глубокой старины, Александръ Ивановичъ съ дѣтства воспиталъ въ себѣ любовь къ этой родной старинѣ, наклонность къ созерцанію этихъ памятниковъ, къ размышленію надъ ними, къ изученію ихъ. Отсюда ведутъ свое происхожденіе и получаютъ объясненіе его лучшіе историческіе труды, посвященные изученію внутренней исторіи Пскова и Новгорода. Въ предисловіяхъ къ этимъ трудамъ начертана цѣлая программа послѣднихъ, обнимающая, и литературу, и искусство, и соціальный бытъ, и всю область частнаго права, и торговлю» (Рѣчь Н. А. Лавровскаго). Эта живая связь съ прошлымъ его родины, при громадномъ литературномъ талантѣ, сказалась въ каждой подробности, которую онъ отыскивалъ и изучалъ съ удивительной тонкостью и вниманіемъ. Въ «Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода» съ особенной силой выразились главныя качества предыдущихъ изслѣдованій Никитскаго по исторіи Псковско-Новгородской области, а именно: добросовѣстность въ собираніи фактовъ, правильность ихъ оцѣнки, наглядность группировки, глубокій анализъ всей связи разнообразныхъ историческихъ явленій. По своей неутомимой научной энергіи онъ былъ живымъ портретомъ того древняго Новгородца, который своей необыкновенной дѣятельностію и мощью запечатлѣлъ навсегда свою долголѣтнюю, полную всевозможныхъ предпріятій, трудную жизнь. Къ глубокому сожалѣнію чрезмѣрная умственная работа привела ученаго историка къ ранней могилѣ. Своей посмертной работой онъ заплатилъ послѣднюю дань горячо-любимой имъ родинѣ, какъ преданный и взлелѣянный ею сынъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создавши себѣ вѣчный

памятникъ въ области исторической науки, любовь къ которой онъ воспиталъ въ себѣ еще съ юныхъ лѣтъ.—Въ виду этой живой связи личности покойнаго историка съ его твореніями, въ виду характерныхъ особенностей, придающихъ его научно-историческимъ работамъ особенную цѣнность и новизну, мы и сочли для себя долгомъ напомнить объ этомъ, указавши, хотя бы въ общихъ чертахъ, на внутреннюю сторону «Исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода», которымъ Александръ Ивановичъ Никитскій и завершилъ кругъ своихъ капитальныхъ трудовъ въ области отечественнаго бытописанія.

Алексѣй Харизоменовъ.

Москва.
30 **Декабря** 1892 **года.**

I. Зачатки Новгородской экономической жизни.

(IX—XII в).

Послѣдовательности, въ какой являются въ народной жизни одинъ за другимъ различные производительные промыслы, въ прежнее время въ наукѣ придавали большое значеніе и даже искали въ ней закона экономическаго развитія. Въ окончательномъ своемъ результатѣ поиски эти привели къ установленію четырехъ ступеней экономическаго развитія, а именно: періодъ пастушеской жизни, непосредственно слѣдующей за состояніемъ естественной дикости, періодъ земледѣлія, періодъ земледѣлія и мануфактуры и, наконецъ,—земледѣлія, мануфактуры и торговли. Не смотря, однако, на кажущуюся вѣроятность, законъ этотъ не внушаетъ къ себѣ въ настоящее время ни малѣйшаго довѣрія. Нѣтъ сомнѣнія, что торговлѣ и фабрикаціи непремѣнно должно предшествовать производство грубыхъ матеріаловъ, такъ какъ торговля предполагаетъ мѣновыя цѣнности, а фабрикація—сырыя вещества, которыя должны быть или произведены дома, или же пріобрѣтены извнѣ за другія домашнія произведенія. Но этимъ собственно и исчерпывается все истинное содержаніе указаннаго закона, никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ на развитіе народовъ онъ не налагаетъ. Послѣдовательность же, съ какой идутъ одинъ за другимъ производительные промыслы различныхъ націй, опредѣляется не закономъ экономическаго развитія, а исключительно природой и положеніемъ земли, которую эти народы занимаютъ и которая доставляетъ имъ матеріалы для ихъ работы и первыя средства для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей. Приморское положеніе, естественно, ведетъ человѣка къ рыбной ловлѣ, къ мореплаванію, къ торговлѣ; горныя страны располагаютъ своихъ обитателей по преимуществу къ охотѣ и скотоводству, а равнины раньше всего вызываютъ къ жизни земледѣліе. А это различіе въ зачаткахъ народнаго производства обусловливаетъ въ свою очередь различіе и въ дальнѣйшихъ путяхъ его развитія и, такимъ образомъ, отнимаетъ у прогресса производства всякую возможность служить нормой экономическаго развитія народовъ.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ исключительной зависимости экономическаго производства отъ природныхъ условій можетъ служить Великій Новгородъ. Своимъ экономическимъ обликомъ послѣдній обязанъ не чему иному, какъ именно положенію и характеру своей области. Какъ часть великой восточно-европейской равнины, Новгородская область должна быть отнесена къ разряду земледѣльческихъ, и земледѣліе съ связанными съ нимъ побочными занятіями, дѣйствительно, было у Новгородцевъ обычнымъ занятіемъ. Но неблагопріятныя условія страны не давали земледѣлію возможности удовлетворять всѣмъ потребностямъ населенія и оно должно было искать другихъ источниковъ содержанія. Вопреки теоріи, однимъ изъ такихъ источниковъ уже въ древнѣйшее время являлась, подъ вліяніемъ тѣхъ же природныхъ условій, торговля. Въ самомъ дѣлѣ, не будучи въ собственномъ смыслѣ приморскою страною, Новгородская земля тѣмъ не менѣе обладала нѣкоторыми качествами послѣдней. Хотя береговая линія ея и была крайне незначительна, тѣмъ не менѣе Новгородская земля не только отличалась множествомъ всякаго рода водъ,—озеръ, рѣкъ и болотъ,—но, вдобавокъ, еще эти воды представляли весьма счастливое расположеніе. Изобиліе водъ въ Новгородской землѣ было такъ велико, что сообщало странѣ какъ бы островной характеръ, дѣлало ее мало доступною въ періодъ лѣтняго времени иначе, какъ на судахъ. Подъ покровомъ такой естественной защиты, Новгородцамъ приходилось главнымъ образомъ заботиться о томъ, какъ бы протянуть въ искусныхъ переговорахъ зиму, какъ бы прожить ее „пролыгаяся", если говорить выразительнымъ лѣтописнымъ языкомъ; лѣтомъ же имъ нечего было бояться; лѣтомъ, во время разлива водъ, они жили „безъ опаси". И если какой-либо врагъ не останавливался предъ препятствіями, какія выставляла ему Новгородская природа, и дерзалъ вступать съ нею въ борьбу, то его ожидала печальная участь. Вмѣсто побѣдныхъ лавровъ, ему приходилось подвергаться тяжелымъ испытаніямъ при блужданіи между Новгородскими озерами и болотами, питаться кониной и сдирать кожу со щитовъ; вмѣсто богатой добычи, возвращаться домой пѣшимъ и даже безъ доспѣховъ и вооруженія. Но, кромѣ внѣшней безопасности, воды Новгородской земли представляли, какъ мы уже замѣтили, весьма счастливое сочетаніе. Въ остальной Руси воды характеризуются чрезвычайнымъ развѣтвленіемъ; каждая рѣка является съ цѣлымъ рядомъ усиливающихъ ее притоковъ, которые приводятъ въ связь самыя отдаленныя мѣстности. Въ Новгородѣ, напротивъ, такой развѣтвленности мы не замѣчаемъ: рѣки въ немъ по большей части лишены притоковъ. Но зато съ другой стороны,

вмѣстѣ съ наполняющими Новгородскую землю озерами, они слагаются въ великій водный путь, который, начинаясь въ южныхъ частяхъ Новгородской земли, приводитъ послѣднюю въ непосредственную связь съ моремъ на западѣ. Значеніе этого воднаго пути тѣмъ важнѣе, что въ южныхъ частяхъ своихъ онъ допускаетъ легкій переходъ къ другимъ рѣчнымъ системамъ Россіи и такимъ образомъ является въ древней Руси единственной дорогой, которой она могла сноситься съ западомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ распредѣленіи Новгородскихъ водъ должно быть отмѣчено то обстоятельство, что онѣ имѣютъ тенденціи концентрироваться въ извѣстныхъ пунктахъ; обстоятельство, могущее объяснить намъ возвышеніе нѣкоторыхъ пунктовъ Новгородской жизни. Въ особенности такое сосредоточеніе замѣчается въ озерѣ Ильменѣ, на которомъ находились и главнѣйшія поселенія славянъ. Посредствомъ впадающихъ и выходящихъ изъ него рѣкъ Шелони, Ловати, Msты и Волхова, оно дѣлало окрестныя мѣстности центрами Новгородской жизни, питающимися сокомъ всей земли и потому особенно оживленными. Подобное же сосредоточеніе водъ замѣчается и въ Ладожскомъ озерѣ, гдѣ западъ Новгородскихъ владѣній приводился рѣкою Свирью въ непосредственную связь съ востокомъ.

Между внутренними Русскими областями Новгородская земля принадлежитъ къ числу самыхъ возвышенныхъ. Собственно въ Новгородской землѣ нѣтъ горъ, но большую часть ея покрываетъ холмистая плоская возвышенность, извѣстная у географовъ подъ именемъ Алаунской, а у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ Валдайскихъ горъ. Сообразно съ направленіемъ этой возвышенности и обусловливаемыми имъ климатомъ и почвой, Новгородская земля можетъ быть раздѣлена на двѣ части: на сѣверо-восточную и юго-западную. Сѣверо-восточная часть обнимаетъ собою пространство, начинающееся отъ озеръ Воже и Лача и простирающееся къ югу до рѣкъ Сяси и Мологи. Пространство это подвержено вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, наполнено лѣсами и стоячими водами. Особено богаты послѣдними нынѣшніе уѣзды Тихвинскій и Устюженскій. Въ предѣлахъ ихъ есть болота, простирающіяся на тысячу квадратныхъ верстъ. Различіе въ очертаніи поверхности двухъ половинъ Новгородской земли важно не въ одномъ физическомъ отношеніи, но еще болѣе въ отношеніи къ народному хозяйству. Глинистая почва, свойственная обѣимъ половинамъ Новгородской земли, уже сама по себѣ способна скудно вознаграждать жителей за тяжелые труды по обработанію полей. Но въ сѣверо-восточной половинѣ этотъ недостатокъ является гораздо замѣтнѣе. Обиліе проточныхъ и стоячихъ водъ дѣлаетъ воздухъ этой страны крайне

влажнымъ, а это въ свою очередь необходимо отзывается на всеобщемъ неплодородіи почвы. Другимъ характеромъ отличается другая, юго-западная половина Новгородской земли. Конечно, основныя черты озерной области, изобиліе водъ, лѣсовъ и влажность воздуха, замѣчаются и здѣсь. Но эти черты здѣсь значительно смягчены. Благодаря преимущественному распространенію въ этой половинѣ Валдайскихъ горъ, она значительно возвышеннѣе, особенно въ южной части Тихвинскаго, въ сѣверо-западной—Боровичскаго, западной части Валдайскаго и восточной—Демянскаго уѣздовъ. А благодаря возвышенному характеру юго-западной половины, воздухъ ея гораздо суше и почва плодороднѣе. Конечно, говорить о плодородіи Новгородской земли, даже въ ея юго-западной части, можно только относительно, по сравненіи съ сѣверовосточною. Собственно же плодородными въ строгомъ смыслѣ, т. е. удовлетворяющими нуждамъ населенія и представляющими нѣкоторый избытокъ для продажи, могутъ быть названы только два уѣзда, а именно Демянскій и Старорусскій. Но и въ юго-западной половинѣ преимущественное плодородіе парализуется многими неблагопріятными условіями. На первомъ планѣ доженъ быть поставленъ климатъ. Климатъ Новгородской области самъ по себѣ довольно суровый, но причина, вредно вліяющая на плодородіе почвы, заключается не въ его суровости, а въ непостоянствѣ, являющемся слѣдствіемъ, съ одной стороны близкаго положенія у моря, а съ другой—отсутствіемъ высокихъ горныхъ кряжей, которые бы защищали страну отъ вліянія сѣверныхъ вѣтровъ. Сѣверные вѣтры, дующіе очень часто въ Новгородской области, служатъ источникомъ апрѣльскихъ, майскихъ, юльскихъ и сентябрьскихъ изморозей, губительно вліяющихъ на произведенія земли; а южные производятъ зимою оттепели, которыя также отзываются на плодородіи почвы неблагопріятно. Но кромѣ этихъ общихъ причинъ есть еще нѣсколько мѣстныхъ, вліяющихъ на растительное царство крайне вредно. Мы разумѣемъ именно присутствіе въ Новгородской землѣ массы болотъ и лѣсовъ, которыхъ въ древности, сравнительно съ настоящимъ, было гораздо больше. Оба фактора вели согласно къ произведенію одного и того же результата, къ образованію мѣстныхъ изморозей. Проточныя воды и болота вліяютъ на образованіе изморозей своими испареніями. Испаренія, связанныя съ поглощеніемъ теплоты, необходимы для обращенія воды въ пары, а это поглащеніе можетъ совершаться на счетъ не чего иного, какъ окружающаго воздуха (Веселовскій, О клим. Рос., 131). Что же касается лѣса, то онъ вліяетъ на образованіе утренниковъ тѣмъ, что дольше сохраняетъ въ себѣ нерастаяннымъ зимній снѣгъ. Вліяніе

этого обстоятельства сказывается не только весной, но и лѣтомъ. Въ густыхъ лѣсахъ лѣтомъ воздухъ большею частію прохладенъ и сыръ, не происходитъ движенія воздуха и осаждающіеся водяные пары, особенно въ ясныя и холодныя ночи, бываютъ гибельны для нѣжныхъ растеній (Веселовскій, 130—131).

Еще менѣе благопріятныя условія для человѣческаго существованія представляютъ Заволоцкія владѣнія Великаго Новгорода. Тамъ ясно различаются три совершенно особенные пояса. Изъ нихъ западный, простирающійся до рѣки Онеги, является какъ бы продолженіемъ Финляндіи. Подпочва состоитъ изъ тѣхъ же гнейсовъ, а мѣстами—гранитовъ и кристаллическихъ сланцевъ. Поверхность земли характеризуется тѣми же мало выдающимися скалами и между-горными котловинами. Отсюда понятно, чта западный поясъ отличается безчисленнымъ множествомъ озеръ и что большая часть рѣкъ, служа ихъ стоками и протоками, не имѣетъ длиннаго теченія. Совершенную противоположность съ западнымъ представляетъ восточный поясъ Заволочья обнимающій Печорскій край и ограниченный съ запада Тиманскимъ хребтомъ. За исключеніемъ каменистыхъ горныхъ хребтовъ (Урала, Пай-хоя и Тиманскаго), весь этотъ поясъ представляетъ не что иное, какъ сплошныя тундры, лишенныя по большей части всякой древесной растительности. Какъ ясно и безъ комментаріевъ, оба указанные пояса мало привлекательны для человѣческаго существованія. Гораздо выгоднѣйшія условія представляетъ средній поясъ, заключающійся между рѣками Онегой и Мезенью. Горные кряжи встрѣчаются и здѣсь, но они не составляютъ помѣхи для сообщенія. Напротивъ, три большія параллельныя рѣки Онега, Сѣверная Двина и Мезень, вмѣстѣ съ ихъ значительными притоками Пинегой и Вагой, тѣсно связываютъ между собою всѣ части этого обширнаго края. Почва въ этомъ поясѣ образуется тѣми же древними формаціями, которыя вообще распространены въ сѣверной половинѣ Россіи; вслѣдствіе этого въ южныхъ частяхъ этого пояса возможно даже земледѣліе.

Какъ ясно съ перваго взгляда, природныхъ богатствъ въ такой странѣ нужно ожидать не отъ почвы, а отъ массы лѣсовъ и водъ, покрывающихъ ее въ полномъ изобиліи. Подобно рыболовству, Новгородская земля представляла благодарную страну и для звѣроловства. И дѣйствительно сѣверная часть Россіи въ древности еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время, была богата лѣсными и водными звѣрями. Изобиліе звѣрей въ ней было такъ велико, что о нѣкоторыхъ, болѣе отдаленныхъ и мало извѣстныхъ, краяхъ этой области ходили самые фантастическіе разсказы. Въ Ладогѣ, напримѣръ, нѣкоторые Новгородцы,

какъ очевидцы, разсказывали, что на востокъ отъ Югры и Самояди есть полунощныя страны, въ которыхъ звѣри валятся изъ тучъ. Находитъ одна туча, и изъ нея падаютъ на землю во множествѣ молодыя веверицы, какъ бы только что родившіяся, и выросши распространяются по окрестности. Собирается другая туча, и по землѣ распространяются малые оленьцы, выпавшіе изъ небесныхъ облаковъ. [1]) Но и оставивъ въ сторонѣ эти сказки о восточныхъ странахъ, мы въ дѣйствительныхъ фактахъ находимъ прямыя указанія на необычайное богатство звѣрей въ Новгородской области. Особенно богатыми являются Двинскія владѣнія Новгорода. Морской берегъ послѣднихъ изобиловалъ тогда еще больше, чѣмъ теперь, морскими животными, тюленями, моржами и китами. Прямыхъ указаній на присутствіе этихъ животныхъ для древнѣйшаго времени нѣтъ; но всѣ косвенныя соображенія доказываютъ, что они не только существовали, но и были хорошо извѣстны Новгородцамъ [2]). Затѣмъ Югра, лежавшая у каменнаго пояса и представлявшая для Новгородцевъ область чудесъ, независимо отъ второстепенныхъ пушныхъ звѣрей, изобиловала соболями. Сами Югорцы не безъ успѣха умилостивляли Новгородцевъ обѣщаніемъ собрать для нихъ богатую дань соболями [3]). Слѣдовавшая за Югрой къ западу Печора заключала, какъ и въ настоящее время, въ своихъ пространствахъ также много дорогихъ пушныхъ звѣрей, а именно: горностаевъ, песцовъ, лисицъ, а изъ пернатыхъ—соколовъ, которые очень дорого цѣнились въ старое время [4]). Собственно Двинская земля, преимущественное мѣсто поселенія Новгородцевъ, была

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 199, 1114 г.;„.... вѣверица млада, акы топерво рожена.... и спадаютъ оленци мали въ ней (тучѣ)..“

[2]) А. А. Э., I, ок. 1459 г.: „А кто пріѣдетъ на тыи (пожалованные Соловецкому монастырю) островы на ловлю или на добытокъ, на сало или на кожю....“ П. С. Р. Л., VI, 202, 1476: „А даровъ владычнихъ...... зубъ рыбей“... Antiquites Russes, II, 462, IX в.: „Ipsum vero (Оттеръ) has regiones adiisse... praecipue, ad rosmaros (моржей) capiendos, quippe quorum dentibus pretiosissima materies inest (horum dentium aliquot regi donum dederunt) et quorum coria ad funes nauticos conficiendos maxime idonea sunt.“

[3]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193: „и высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако: яко копимъ сребро и соболи“...

[4]) Лѣт. по Ип. сп., 345—6, 1160. А. А. Э., I, 1, по 1329: „пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру ...“ А. Ю., 269: „и сокольи гнѣзда“...

богата бобрами, куницами и бѣлками [1]). Бѣлокъ вообще было такъ много во всемъ Двинскомъ краѣ, что ею не только обыкновенно платилась дань, но и что они играли тамъ гораздо дольше, чѣмъ въ самомъ Новгородѣ, роль денегъ [2]). Наконецъ, въ западной части Двинской области, въ странѣ Лопи, обыкновенное явленіе составлялъ олень, который встрѣчался, безъ сомнѣнія, и въ другихъ частяхъ сѣверныхъ Новгородскихъ владѣній [3]). Условія, которыя благопріятствовали размноженію полезныхъ животныхъ, заключались въ изобиліи лѣсовъ и водъ. А такъ какъ эти условія повторялись одинаково и въ самой Новгородской землѣ, то неудивительно, что тамъ мы встрѣчаемъ богатство звѣрей и птицъ, хотя и не такихъ цѣнныхъ. Въ ближѣйшихъ окрестностяхъ Новгорода, какъ видно изъ опредѣленій княжескихъ правъ на охоту, водились дикія свиньи и зайцы [4]). Кромѣ того, въ Новгородскихъ лѣсахъ обычнымъ явленіемъ были медвѣди, волки, куницы, бѣлки, веверицы [5]). Что же касается до пернатыхъ, то извѣстно, что Волховъ славился ловлями гагачей, цѣнимыхъ высоко за ихъ мягкій пухъ, а въ другихъ краяхъ обычной лѣсной и водной дичью были тетерева, гуси, утки и журавли [6]).

Рыбы по временамъ нарождалось въ такомъ множествѣ, что благочестивые Новгородцы умѣли объяснить себѣ это явленіе только вмѣшательстомъ сверхъ-естественной силы. Такъ, напримѣръ, въ 1354 году въ Новгородѣ каждый ловилъ себѣ рыбу руками у берега, сколько было нужно, и лѣтописецъ видѣлъ въ этомъ великое чудо, сотворенное мо-

---

[1]) А. Ю., 112: „и бобровни ловища"…. А. Ю., 116: „а куница съ шерстью celлонка за овцу".

[2]) А. Ю., 112: „А далъ Григорей на той земли…. 30 сороковъ бѣлки"… А. Ю., 113: „А далъ Филипъ двѣ тысячи бѣлки".

[3]) Амвросія, И. Р. Іер., V, 123, ок. 1340: „Азъ же (Лазарь Мурманскій) едину кожицу еленю и мало нѣчто отъ брашенъ взяхъ" (у старшины Лопянъ).

[4]) С. Г. г. и Д., I, 13, 1307: „А свиньи бити ти, княже, за 60 верстъ около города, а дале куда кому годно". Тамъ же, I, 20, 1327.

[5]) Пам. XII в., 192: „Нѣтуть бѣды (ходити), хотя и въ медвѣдинѣ". А. А. Э., I, 63, 1470—71: „а на стержи 30 куницъ, до 60 бѣлъ, а съ Меревы 40. куницъ да 80 бѣлъ". Пам. XII в., 191: „оже то друзіи (смерды) ядятъ веверичину и ино".

[6]) П. С. Р. Л., III, 61, 1270: „чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловци. а поле отъялъ еси заячими ловци?" Д. къ А. И., I, 8, 1192; Пам. XII в., стр. 121· „А тетеревину принесли ему бяху на пиръ…." Писц. кн, II, 153, III, 97.

литвами Пресв. Богородицы [1]). Но при общемъ богатствѣ, различные края Новгородской земли различались какъ по количеству, такъ и по видамъ ловившихся въ нихъ рыбъ; однимъ изъ главнѣйшихъ мѣстъ изобиловавшихъ рыбою была Двинская земля, особенно ея морской берегъ и многочисленныя рѣки. У насъ нѣтъ древнихъ документальныхъ данныхъ, которыя бы показывали намъ, какіе именно роды рыбъ водились въ Двинской землѣ. Но позднѣйшія свидѣтельства показываютъ, что этими родами были семга, лосось и тинда (изъ породы мелкой семги), а также, вѣроятно, сельди, треска, палтусъ, ловимыя и въ настоящее время по берегамъ Бѣлаго моря [2]). Затѣмъ къ числу земель, весьма богатыхъ рыбою, нужно отнести западную половину Новгородской области, особенно въ ея сѣверной, озерной части. Здѣсь съ озерахъ Онежскомъ, Ладожскомъ и въ рѣкѣ Невѣ водилась такъ называемая красная рыба, а именно—осетры, считавшіеся въ древности одною изъ самыхъ дорогихъ рыбъ не только на Руси, но и между нѣмцами. По крайней мѣрѣ извѣстно, что этою рыбою дорожили сами Новгородскіе князья и выговаривали для себя у Великаго Новгорода право посылать въ извѣстныя мѣста, а именно въ Ладогу, своихъ ловцовъ осетра (осетринниковъ) [3]). Извѣстно также, что для ловли осетровъ пріѣзжали на Неву и нѣмецкіе промышленники изъ сосѣднихъ городовъ Нарвы и Ревеля [4]). Кромѣ того, въ рѣкахъ, впадавшихъ въ Финскій заливъ, водились въ большомъ количествѣ лососи, репукса, курва и мойва. Изъ лососей особенною репутаціей пользовались Невскіе [5]). Извѣстенъ былъ также и другой сортъ лососей такъ называемые лохи или выхлоки [6]). Подъ репуксой же и курвой нужно разу-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 62, 1354: „а люди емляху рыбы у берега руками". Ср. тамъ же, III, 228, 1353.

[2]) А. А. Э., I, 426, 1591: „учнутъ рыбу семгу и лосось и тинду ловить. на водахъ по морскому берегу..."

[3]) А. А. Э., I, 19, 1434: „а что изымаетъ (въ Объонежьи) осетръ .." С. Г. Г. и Д., I, 1, 1265: „А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара"...

[4]) Bunge, И. В., IV, 660, 1409: „Des hebbe wi wol vurmonen, dat gi (Ревельцы) beorlovet hebben dem kompanne to varende up den störvank (на ловлю осетровъ) in de Nu".... Ibidem., V, 96, 1415. Рус. Лив. Акты, 134.

[5]) Врем., XI, 120: „20 сиговъ Невскихъ"... Писц. кн., III, 503—4: „2 кола на рѣцѣ на Керновѣ, а ловятъ въ нихъ лососи и всякую рыбу бѣлую". III, 763.

[6]) Врем. XI, 123: „на Порожкѣ же (въ р. Невѣ) колятъ пруды да ловятъ лохыи"... Тамъ же, 131: „а ловятъ выхлокы"...

мѣть не что иное, какъ также хорошо извѣстныя нынѣ ряпушку и корюшку, считавшіяся въ древности большими количествами, тысячами и лыками [1]). Въ большихъ озерахъ и впадающихъ въ нихъ рѣкахъ встрѣчалась еще мелкая рыба—снѣтки, являвшаяся въ продажѣ обыкновенно въ сушеномъ видѣ и называвшаяся тогда сушемъ. Присутствіе снѣтковъ мы замѣчаемъ напр. въ Ладожскомъ озерѣ и р. Волховѣ [2]). Что же касается остальныхъ частей Новгородской земли, то, благодаря изобилію водъ, рыба ловилась вездѣ въ значительномъ количествѣ, достаточномъ для покрытія мѣстныхъ потребностей. Но водившіеся тутъ роды ея принадлежали исключительно къ разряду, такъ называемой, бѣлой рыбы. Многіе изъ ловившихся тогда сортовъ были тѣже, что и теперь, а именно: сиги, щуки, окуни, ерши [3]). Но между попадавшимися тогда рыбами встрѣчались и такія, которыя въ настоящее время остаются совсѣмъ неизвѣстными. Къ числу такихъ родовъ рыбъ относятся, напримѣръ, упоминаемые въ источникахъ довольно часто острецы [4]). Какъ, однако, ни разнообразны были роды рыбъ, указанныхъ выше, не слѣдуетъ думать, что ими исчерпывалось все богатство Новгородскихъ водъ. Напротивъ, источники содержатъ только самыя незначительныя указанія на дѣйствительныя сокровища рыбнаго царства въ Новгородѣ.

Мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы судить, насколько эта обширная область стала ареною культуры уже въ древнѣйшее время и какъ сформировались въ ней права собственности. Можно однако предпологать, что вся земля, и въ цѣломъ составѣ достояніе Великаго Новгорода, была открыта для занятія и обработки всѣхъ свободныхъ Новгородцевъ. Послѣдніе дѣйствительно подъ именемъ смердовъ владѣли ею въ значительной части и чрезъ это стояли въ нѣкоторомъ отношеніи къ князю, какъ представителю власти Великаго Новгорода. Крупные поземельные собственники, нѣтъ сомнѣнія, были, но крупное землевладѣніе находилось еще въ начальной

---

[1]) Врем. XI, 48: „бочка репуксы"... Писц. кн., III, 641: „а старого дохода (въ дер. Копорскаго уѣзда) шло 10 лыкъ курвы, 10 лыкъ ершовъ"... III, 499: „1000 курвы"... Врем. XI, 123: „да полъ бочки мойвы"...

[2]) Врем. XI, 16: „да четверть тони на Ригочинѣ снетенная"....

[3]) Писц. кн., III, 48: „а угодья у того селца: озерко Ретепь, а ловятъ въ немъ рыбу бѣлую, щуку да окунь"... III, 461: „да Волотовская жъ была тоня сиговая"...

[4]) Писц. кн., III, 197: „А угодія тѣхъ деревень: озерко Боровское, а рыба въ немъ острецы"....

стадіи своего развитія. Начать съ того, что учрежденія, которыя впослѣдствіи сосредоточили въ своихъ рукахъ значительную часть Новгородской территоріи, а именно—владычная каѳедра и монастыри, только что водворялись въ странѣ и начинали дѣлать первыя земельныя пріобрѣтенія чрезъ пожалованіе отъ князей и Великаго Новгорода, и чрезъ куплю и пожертвованіе со стороны частныхъ лицъ. Затѣмъ, что касается послѣднихъ, то несомнѣнно, что многіе изъ нихъ уже обладали въ начальное время поземельной собственностью. На это указываютъ такія факты, какъ купля Антоніемъ Римляниномъ земли и тони у посадничихъ дѣтей Смехна и Прохна и пожертвованіе Варлаамомъ Хутынскимъ основаному имъ монастырю двухъ селъ [1]). Но во всякомъ случаѣ поземельныя владѣнія въ частныхъ рукахъ были врядъ-ли еще значительны. Съ этимъ вмѣстѣ связывается и характеръ древнѣйшаго хозяйства Новгородскихъ землевладѣльцевъ. Нельзя отрицать, чтобы и частные землевладѣльцы не сдавали своихъ земель свободнымъ лицамъ, желавшимъ взять ихъ въ обработку, чтобы они не пользовались, при извлеченіи выгодъ изъ своихъ помѣстій, услугами смердовъ [2]). Но при слабомъ развитіи землевладѣнія эти услуги были еще, кажется, мало нужны. Владѣлецъ могъ ограничиваться силами рабовъ или полусвободныхъ людей. По крайней мѣрѣ, при перечисленіи принадлежностей древнихъ Новгородскихъ частныхъ имѣній, мы встрѣчаемъ почти неизбѣжно указанія на присутствіе въ нихъ рабовъ, вѣрный признакъ, что обработка имѣній находилась на ихъ обязанности. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что рабы встрѣчаются и у тѣхъ учрежденій, которыя въ послѣдующее время совсѣмъ не знали непосредственнаго занятія земледѣліемъ. Памятники указываютъ намъ на присутствіе рабовъ у владыки и монастырей, которые позднѣе, не смотря на общирныя поземельныя владѣнія, отнюдь не имѣли собственной запашки [3]). Кромѣ рабовъ, рабочую силу при обработкѣ

---

[1]) Амвросія, И. Р. Іер., III, 123: „купилъ есми землю Пречистыя въ домъ у Смехна да у Прохна у Ивановыхъ дѣтей у пасадничихъ, а далъ есми сто рублевъ“... Изв. И. А. Н., X, 510, ок. 1192: „Се вдале Варламе Св. Спасоу землю... се дроугое село... за гребнею вдале св. Спасу и божниця въ немъ св. Георгия“...

[2]) Срезн., Грам. 1130 г., 4: „повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Боуицѣ св. Георгіеви съ данію и съ вирами и съ продажами“.

[3]) П. С. Р. Л., III, 179; I, 1061: „Поставленъ бысть епископъ Новуграду Стефанъ, и въ Кіевѣ свои холопи удавиша его“... Амвросія, И. Р. Іер., III, 125—6:... „Василей съ женою и дѣтьми одерень“... Изв. И. Ак. Н., 510, подъ 1192: „вхоуже то землю Хоутиньскоую вдале св. Спасоу и съ челядію и съ

частныхъ имѣній могли доставлять полусвободные люди и даже свободные наемщики. Уже „Русская правда“ упоминаетъ, какъ извѣстно, о ролейныхъ закупахъ и о наймитахъ и нѣтъ никакого основанія отрицать ихъ присутствіе въ Новгородѣ. А подъ ролейными закупами разумѣлись не кто иной, какъ люди, обязанные за долгъ работать на владѣльческихъ земляхъ при помощи владѣльческаго скота и орудій, наймиты же были свободные наемники, которымъ болѣе состоятельные люди поручали между прочимъ и обработку своихъ имѣній. [1])

Согласно со ступенью экономическаго развитія, мы въ древнѣйшей экономической жизни Новгорода мало встрѣчаемъ раздѣленія занятій. Напротивъ, каждое хозяйство, сколько можно думать, заключало въ себѣ чуть ли не всѣ элементы промышленной жизни, которые были обусловлены Новгородскою природой. При неудовлетворительности результатовъ, получаемыхъ отъ земледѣлія, природа Новгородской области открывала возможность заниматься еще и другими промыслами, напримѣръ звѣроловствомъ и рыболовствомъ; земледѣліе, звѣроловство и рыболовство поэтому входили въ составъ почти каждаго хозяйства. Всего лучше такой характеръ экономической жизни виденъ изъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ описаній Новгородскихъ имѣній. Въ составѣ каждаго изъ нихъ одинаковую роль подлѣ земель, предназначенныхъ служить ареной земледѣлія, играютъ ловища, т.-е. мѣста, служившія ареною ловли звѣрей или рыбы [2]). Такой характеръ хозяй-

---

скотиною, а се брат... а отрокъ съ женою... в... вълость (?) и дѣвъка Февронія съ двѣма сыновья д. недачь“....

[1]) Русск. Правда по Троицк. списку, ст. 53, 54, 55. Тамъ-же, ст. 11. Ст. 53: „Аже оу господина ролейныи закупъ, а погубить воискии конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть безъ него, то того ему не платити“. 54 ст.: „Аже изъ хлѣва выведуть, то закупу того не платити; но же погубить на поли, и въ дворъ не вженеть и не затворить, кдѣ ему господинъ велить, или орудья своя дѣя, а того погубить: то то емоу платити“. Ст. 55: „Аже господинъ переобидить закоупа, а оувидить купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ.... продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ;....“

[2]) Амвросія, И. Р. Іер., Ш, 125: „да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на земли и на тони 70 гривенъ, на семъ есмь далъ гривенъ 100 на Волховскомъ“... Изв. Имп. А. Н., X, 510, подъ 1192: „Се въдале Варламе Св. Спасоу землю и огородъ, и ловища рыбьная и гоголиная... Се другое село на Своудици за гребнею... и нивы, и пожни, и ловища и еже въ немь“...

ства въ нѣкоторой степени сохранялся и въ позднѣйшее время въ Новгородскихъ имѣніяхъ; но особенно онъ имѣлъ мѣсто въ Двинскихъ владѣніяхъ Новгорода, мало допускавшихъ какую-либо спеціализацію занятій. Здѣсь въ особенности долго поддерживалось соединеніе въ одномъ и томъ же хозяйствѣ самыхъ разнообразныхъ промысловъ. Подлѣ пашни здѣсь вездѣ встрѣчаются въ составныхъ частяхъ хозяйства тони или рыбныя ловища, перевѣсища или мѣста, предназначенныя для ловли птицъ, и путики или лѣсные уголки, служившіе ареною ловли звѣрей [1]). Такое сосредоточеніе въ одномъ и томъ же хозяйствѣ самыхъ разнообразныхъ занятій являлось тѣмъ неизбѣжнѣе, что земледѣліе, главный источникъ поддержанія существованія, оказывалось далеко недостаточнымъ. На слабое развитіе земледѣлія, конечно, оказывала свою долю вліянія неплодородность почвы, присутствіе большаго количества болотъ. Но едва ли не главнымъ врагомъ земледѣлія являлось непостоянство климата, лишавшее Новгородцевъ часто всѣхъ плодовъ ихъ усиленныхъ работъ. По крайней мѣрѣ источники преисполнены указаній на губительныя дѣйствія этого непостоянства климата. Особенно вредно отзывались осеннія изморози. Онѣ не только губили озимый хлѣбъ, но нерѣдко побивали и хлѣбъ яровой, который убирался Новгородцами иногда довольно поздно [2]). Благодаря этому непостоянству климата, Новгородцамъ приходилось временами переживать тяжелыя испытанія. Уже въ обыкновенное время они не могли питать въ отношеніи жатвы большихъ ожиданій. Когда же послѣдняя подвергалась дѣйствію мороза, то дѣло доходило не только до значительной дороговизны, но очень часто сопровождалось голодомъ, со всѣми его ужасными послѣдствіями. При отсутствіи всякихъ предупредительныхъ мѣръ, для населенія въ подобныхъ случаяхъ, къ сожалѣнію, не особенно рѣдкихъ, представлялся двоякій, одинаково пагубный, исходъ: приходилось или расходиться по чужимъ людямъ, а

---

[1]) А. Ю., 110: „село земли въ Нижно-Кехтѣ, дворъ и дворищо, горныя орамыи земли... и перевѣсѣща, и ловища, и въ Вачѣеви тони участокъ и въ зимней тони участокъ, и въ путикѣхъ, и въ лѣсѣхъ участокъ по земли“... А. Ю., 112: „село земли на Ижьмѣ... орамыи земли и съ притеребы и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села и полѣшіи лѣсы, и бобровни ловища, и въ тонѣ участокъ“...

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 5, 1127: „а на осень уби морозъ верьшь всю и озимицѣ“. Ш, 13, 1161: „а на осень уби всю ярь морозъ“... Ш, 54—5, 1251: „И на осень уби морозъ обилье“... П. С. Р. Л., Ш, 5, 1127: „вода бяше велика въ Волховѣ а снѣгъ лежа до Яковля (30 апр.) дни“.

это влекло за собой нерѣдко рабство, или же нужно было прибѣгать къ суррогатамъ, а это вело къ невѣроятному возрастанію смертности. Въ числѣ суррогатовъ хлѣба, къ которымъ въ нуждѣ обращались Новгородцы, многіе составляютъ подспорье въ подобныхъ же случаяхъ и въ настоящее время.

Къ числу такихъ относятся мохъ, кора липовая, березовая, сосновая. Но въ числѣ суррогатовъ попадаются и такіе, которые были свойственны одной древности или, по крайней мѣрѣ, Новгородской области. Сюда относится, напримѣръ, приготовленіе муки изъ молицъ (по всей вѣроятности моли, мелкой рыбы, встрѣчающейся въ Новгородской землѣ), въ соединеніи съ пелми, т.-е. мякиною и соломою. Наконецъ, между суррогатами встрѣчается *ушь*, вещество до сихъ поръ еще не опредѣленное. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ физическое бѣдствіе становилось даже источникомъ нарушенія общественнаго спокойствія. Въ порывѣ отчаянія лица, на которыхъ обрушивалось бѣдствіе, хватались за опасное оружіе, начинали грабить дворы состоятельныхъ людей, у которыхъ предполагалось существованіе значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ [1]).

Кромѣ развитія побочныхъ сельскихъ занятій, природа Новгородской области открывала для населенія и другой, еще важнѣйшій, выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Мы разумѣемъ именно счастливое расположеніе Новгородскихъ водъ, удобство путей сообщенія. Послѣднее какъ бы приглашаетъ мѣстное населеніе искать вчужѣ того, въ чемъ отказываетъ ему собственная природа. Какъ уже намъ извѣстно, озеро Ильмень, около котораго сосредоточивались главнѣйшія поселенія Новгородцевъ, открывало въ своихъ главныхъ рѣкахъ Волховѣ, Мстѣ, Ловати и Шелони на всѣ четыре стороны удобныя водныя сообщенія. Благодаря этимъ естественнымъ путямъ, Новгородцы уже рано могли проникнуть какъ на отдаленный сѣверъ, такъ и на столь же отдаленный югъ, какъ на западъ, такъ и на глухой еще востокъ. Водные пути, какъ они ни были удобны, могли служить

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 47, 1230: „даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, гостьмъ". П. С. Р. Л., III, 33, 1215. П. С. Р. Л., III, 47, 1230: „иии же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто что замысля, а инія, пакы зліи человѣци почаша добрыхъ людіи домы зажигати, кдѣ чююче рожь, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ". П. С. Р. Л., III, 5, 1128: „ядяху люди листъ липовъ, кору березову, иніи молицъ истълъкше, мяту же съ пелъми и съ соломою, иніи ушь, мъхъ, конину". Д. къ А. И., V, 345, 1668: „ѣдятъ (сѣверные крестьяне) сосну и сѣно и мохъ"...

на пользу населенія, однако, только меньшую часть года; большую же они должны были оставаться внѣ употребленія. Новгородская природа выручила населеніе и здѣсь. Тотъ же самый морозъ, который былъ главнымъ бичемъ Новгородскаго земледѣлія, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ, благодаря которому Новгородцы могли поправить свое горе. Сковывая земляную поверхность въ своихъ рукахъ и устилая ее бѣлоснѣжнымъ ковромъ, морозъ открывалъ Новгородцамъ путь на зимнее время года. Благодаря его помощи, установившіяся сношенія не прерывались, и только развѣ зимой, вмѣсто судовыхъ карава-новъ по рѣкамъ, тянулись хлѣбные обозы по снѣговымъ равнинамъ [1]).

Но если природа открывала возможность общенія Новгорода съ остальною Русью и западомъ Европы, то побочныя занятія, которымъ предавалось населеніе, неизбѣжно наталкивали его на торговлю. Мы указывали уже, что рыболовство было сильно развито въ Новгородской землѣ; а рыболовство находится въ тѣсной связи съ торговлей: рыбаки являются при благопріятныхъ условіяхъ обыкновенно предвозвѣстниками торговой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, рыбный промыселъ не можетъ существовать безъ умѣнья сооружать суда и обходиться съ ними, короче,—безъ судоходства, а развитіе судоходства составляетъ одно изъ важнѣйшихъ предположеній развитія торговли. До какой степени судоходство было знакомымъ дѣломъ для Новгородцевъ, можно видѣть не только изъ разнообразія судовъ употреблявшихся у послѣднихъ и носившихъ названія ладей, лойвъ [2]), учановъ, насадовъ и ушкуевъ; не только изъ того обстоятельства, что въ военное время рати, особенно составленныя изъ охочихъ людей, обыкновенно отправлялись въ походъ на врага на судахъ; но еще гораздо болѣе изъ тѣхъ отдаленныхъ походовъ, которые совершали на судахъ не установившіяся Новгородскія силы, Новгородскіе удальцы, извѣстные подъ названіями повольниковъ или ушкуйниковъ.

Благодаря удобству путей сообщенія, Новгородцы уже безъ особеннаго труда могли пополнять мѣстный недочетъ произведеніями другихъ краевъ древней Руси при помощи торговой дѣятельности.

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 68, 1303: „бысть зима тепла, не бысть снѣга черезъ всю зиму, и не добыша люди хлѣба, и бысть дороговь велика“... Значитъ хлѣбъ подвозился въ Новгородъ зимою.

[2]) Морское судно *лойва* было нѣмецкаго или шведскаго происхожденія; Новгородцы заимствовали его отъ иностранцевъ. Подробности и документальныя указанія относительно названій судовъ и ихъ употребленія русскими см. „Промышленность древней Руси“ Аристова.

Легко догадаться, куда должна была направиться первоначальная торговля Новгородцевъ. Озеро Ильмень, какъ извѣстно, играло весьма важную роль въ великомъ водномъ пути изъ сѣверо-западной въ юговосточную Европу, въ томъ знаменитомъ пути, который, по лѣтописцу, „велъ изъ Варягъ въ Греки". Въ виду этого обстоятельства понятно, что, держась этого пути, и первоначальная внутренняя торговля Новгородцевъ направлялась и находила удовлетвореніе своему запросу преимущественно въ южной Россіи. Начиная съ древнѣйшихъ временъ вплоть до конца XII вѣка или даже до Татарскаго погрома, Новгородскіе купцы были разсѣяны по разнымъ городамъ этого края; ихъ встрѣчаемъ мы въ Черниговѣ и на Волыни [1]). Самымъ, однако, важнымъ притономъ Новгородцевъ въ южной Руси служилъ городъ Кіевъ, который для древнѣйшаго періода Новгородской исторіи по справедливости можетъ быть названъ Новгородскою житницей. О важности сношеній Великаго Новгорода съ Кіевомъ можно уже судить потому, что онъ имѣлъ тамъ особенную церковь св. Михаила, извѣстную подъ названіемъ Новгородской божницы и позволяющую заключать о постоянномъ проживаніи въ Кіевѣ значительнаго числа Новгородскихъ купцовъ [2]). О предметахъ, которые служили торговыми статьями въ этой торговлѣ, можно заключать только предположительно. Со стороны Новгородцевъ предметъ мѣны составляли, естественно, мѣха. Прямыхъ указаній на это нѣтъ, но, кромѣ общихъ соображеній, такое предположеніе оправдывается тѣми дарами, какіе поднесены были однимъ изъ Смоленскихъ князей Кіевскому и которые показываютъ, что мѣха и при томъ, очевидно, изъ разряда сѣверныхъ, Новгородскихъ (соболи, горностаи, песцы, черные куны, рыбьи зубы), составляли на югѣ одинъ изъ самыхъ желательныхъ предметовъ [3]). Со стороны же южной Руси торговую статью образовалъ, прежде всего, хлѣбъ, безъ ввоза котораго извнѣ Новгородская земля существовать никакъ не могла. О ввозѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 41, 1225: „не хочю у васъ княжити, иду Цьрнигову, гость ко мнѣ пускаите; а яко земля ваша, тако земля моя". Лѣт. по Ип. сп., 605, 1288: „и тако плакавшеся надъ нимъ все множество Володимерцевъ... Нѣмци и Сурожцы и Новгородци, и жидове плакахуся..."

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., 302. 1147: „И повелѣ Лазарь взяти (тѣло) Игоря и понести и въ церковь св. Михаила, въ Новгородскую божницю..." Ср. Лѣт. по Ип. сп., 249.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 345—346 1160: „да бо Ростиславъ Святославу (на съѣздѣ въ Моровійскѣ) соболми, и горностаими, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы"..

хлѣба съ юга можно заключить изъ того, что когда въ 1141 году Новгородцы разсорились со всѣми Русскими землями, Суздалемъ, Смоленскомъ, Полотскомъ и Кіевомъ, то подвозъ прекратился отовсюду и въ городѣ сдѣлалась дороговизна [1]). За симъ къ числу предметовъ, получавшихся съ юга, нужно отнести тѣ, которые заходили въ Русь изъ Византіи, какъ то золото, вина, овощи и паволоки [2]). Впослѣдствіи, вѣроятно, къ числу торговыхъ статей, шедшихъ съ юга къ Новгородцамъ и весьма для послѣднихъ желательныхъ, присоединился и воскъ, такъ какъ воскъ составлялъ одну изъ важнѣйшихъ статей въ утверждавшейся тогда въ Великомъ Новгородѣ иноземной торговлѣ [3]).

Умноженіе торговыхъ оборотовъ, которымъ характеризуется Новгородская жизнь уже въ древнѣйшій періодъ, неизбѣжно должно было вести, съ одной стороны, къ устройству внутренняго торговаго быта, съ другой же къ опредѣленію взаимныхъ отношеній между Новгородскимъ и иноземнымъ купечествомъ. Дѣйствительно, торговый бытъ уже въ это время получилъ свою прочную организацію. Подобно тому, какъ центромъ княжеской дѣятельности стало городище, а дѣятельности посадника владычній дворъ, такъ точно центромъ торговой жизни сдѣлалась торговая сторона, а именно церковь „св. великаго Ивана на Петрятинѣ дворищѣ", въ Торжкѣ. Постройка храма св. Ивана впервые была начата въ 1127 году Новгородскимъ княземъ Всеволодомъ-Гавріиломъ, а окончена въ 1130 году и снабжена цѣнными по тому времени храмовыми принадлежностями [4]). На содержаніе храма и его причта былъ опредѣленъ извѣстный денежный доходъ. Этотъ доходъ образовался изъ вѣсу вощанаго, пошлины за провѣсъ воску, которая въ Новгородѣ шла вполнѣ въ храмъ Предтечи, а въ Торжкѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 8, 1137: „и не бѣ мира съ ними, ни съ Сужьдальци, ни съ Смольяны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны, и стоя все лѣто осьмьнъка великая по 7 рѣзань". Лѣт. по Лавр. сп., 293, 1141: „Новгородци не стерпяше безо князя седѣти, ни жито къ нимъ не идяше ни откудуже". Ср. П. С. Р. Л., III, 9, 1142.

[2]) П. С. Р. Л., III, 43, 1228: „везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволокы и овощь"...

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., 66, 969 г.: „ту (въ Переяславцѣ) вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве разноличныя; изъ Чехъ же и Угоръ сребро и комони; изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь".

[4]) П. С. Р. Л., III, 5, 1127: „Заложи церковь камяну святого Іоанна Всеволодъ Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, въ имя сына своего". Тамъ же, III, 6, 1130. Доп. къ Акт. И., I, № 3, 1134—5 г.

дѣлилась по поламъ со Спасскою Торжковскою церковью. Изъ получаемой этимъ путемъ суммы часть шла на содержаніе причта: священники получали по 8 гривенъ серебра, діаконъ 4 гривны, дьякъ 3, сторожа всѣ вмѣстѣ также 3; остальная же часть, за вычетомъ 25 гривенъ на ежегодный храмовой праздникъ, 25 гривенъ на ежегодный взносъ князю и нѣсколькихъ гривенъ на дары, бывшіе во время праздника, была назначена на поддержаніе храма, о чемъ должны были заботиться особые избранные изъ купечества старосты, равно и всѣ купцы, доводя до свѣдѣнія владыки или князя [1]. Такая щедрая обстановка храма, какой не представляетъ ни одна другая Новгородская церковь этого времени, за исключеніемъ развѣ только Софійскаго собора, свидѣтельствуетъ не объ одномъ только благочестіи Новгородцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что храмъ св. Ивана имѣлъ, кромѣ религіознаго, и другое, мірское назначеніе. Подобно тому, какъ храмы и дворы ихъ служили въ древности мѣстомъ храненія частныхъ имуществъ, такъ точно къ нимъ примыкали и разныя общественныя и правительственныя учрежденія. Въ данномъ случаѣ щедрая обстановка храма указываетъ на то, что съ существованіемъ храма св. Ивана было связано существованіе особой торговой общины, и именно общины купцовъ, торговавшихъ воскомъ. Условіемъ вступленія въ Иванскую общину служилъ единовременный взносъ въ нее 50 гривенъ серебра, половина коихъ шла въ храмовую казну и доставляла послѣдней новый источникъ доходовъ [2]. Что же касается правъ членовъ общины, то внесеніе 50 гривенъ дѣлало каждое лицо настоящимъ или, какъ тогда выражались, *пошлымъ* купцомъ, не только лично, но и потомственно [3]. Кромѣ того внесеніе вклада давало каждому пошлому купцу право старощенья, право быть избираемымъ въ купецкіе старосты, и чрезъ это принимать дѣятельное участіе въ торговомъ управленіи [4].

[1]) Д. къ А. И, I, 3: „и даю св. вел. Ивану.....на строеніе церкви и въ..... вѣсъ вощаный, а въ Торжку пудъ вощаный, половина св. Спасу, а половина св. в. Ивану на Петрятино дворище; а оброкъ попомъ, и дьякону, и дьяку и сторожамъ изъ вѣсу вощаного имѣти“..... Пов. о началѣ Печер. монастыря. Пск. 1849, стр. 100.

[2]) Д. къ А. И., I, 3: „А кто хочетъ въ купечество вложиться въ Иванское, даетъ купьцемъ пошлымъ вкладу 50 гривенъ серебра, а тызяцкому сукно Ипьское, ино купцамъ положить въ св. Ивана полъ-тредьядцать гривенъ серебра.“

[3]) Д. къ А. И., I, 3: „ а не вложится кто въ купечество, не дастъ 50 гривенъ серебра, ино то не пошлый купецъ; а пошлымъ купцемъ ити имъ отчиною и вкладомъ“.

[4]) Д. къ А. И., I, 3: „а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ

Весьма возможно, что община купцовъ-вощанниковъ существовала въ Новгородѣ и прежде и что уставъ Всеволода сообщалъ ей нѣкоторый правительственный характеръ, сдѣлавъ ее органомъ торговаго управленія. Согласно съ этимъ уставомъ при церкви св. Ивана учреждалось особое торговое управленіе, состоявшее изъ трехъ старостъ отъ житьихъ людей, двухъ старостъ отъ купцовъ и тысяцкаго отъ черныхъ людей [1]). Къ сожалѣнію, кругъ дѣятельности этого торговаго учрежденія мало извѣстенъ, особенно въ административномъ отношеніи. Такъ какъ община въ начальномъ своемъ значеніи представляла не что иное, какъ соединеніе торговцевъ воскомъ, то, естественно, первоначальныя ея обязанности касались именно торговли этимъ важнымъ предметомъ. По уставу взвѣшиваніе продаваемаго воску должно было совершаться въ притворѣ храма или, по позднѣйшимъ извѣстіямъ, подъ храмомъ св. Ивана [2]) и производиться двумя Иванскими старостами, вѣроятно, если не исключительно, то преимущественно купеческими, которыхъ, какъ при первоначальномъ основаніи общины, такъ и въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи, было только двое [3]). Старостамъ поставлено было въ обязанность не злоупотреблять провѣсомъ, не дружить своимъ согражданамъ на счетъ иноземныхъ купцовъ. Провѣсъ сопровождался пошлиною, называвшеюся вощанымъ вѣсомъ. Величина этой пошлины сообразовалась съ происхожденіемъ купца: Новгородскій купецъ, естественно, платилъ меньше, именно 6 мордокъ отъ берковца; Новоторжскіе отъ того же количества—полторы гривны, Смоленскіе и Полоцкіе—по двѣ гривны кунъ, Низовскіе отъ двухъ берковцевъ—полгривны серебра и гривенку перцу [4]).

Съ теченіемъ времени, однако, компетенція учрежденія расширилась. Судя по десятинному уставу, мы могли бы думать, что такое расширеніе совершилось еще во время того же Всеволода Мстисла-

---

пошлымъ, добрымъ людемъ; а не пошлымъ купцемъ старощенія не държати, ни вѣсу имъ не вѣсити Иваньского".

[1]) Д. къ А. И., I, 3: „и азъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми св. Ивану три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцевъ два старосты, управливати имъ всякіе дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый".

[2]) Д. къ А. И., I, 3: „А вѣсити имъ (купцамъ) въ притворѣ св. Ивана, гдѣ дано, ту его и дръжати". А. А. Э., I, 320—324, 1571.

[3]) Д. къ А. И., 3: „А вѣсити старостамъ Иванскимъ двѣма купцемъ пошлымъ, добрымъ людемъ"... Bunge, U. B. Ш 270, 1371.

[4]) Д. къ А И. I, 3.

вича, при которомъ организовалась купеческая община; но упоминаніе въ десятинномъ уставѣ вощаныхъ скалвъ заставляетъ предполагать, что расширеніе случилось не раньше XIII столѣтія, такъ какъ скалвы введены въ употребленіе въ Новгородѣ только въ половинѣ этого вѣка. Какъ то бы ни было, только въ XIII вѣкѣ въ Ивановскомъ учрежденіи сосредоточились всѣ орудія мѣры, а именно, вощаныя скалвы или вѣсы о двухъ чашкахъ, медовые пуды или безмѣны, гривенка рублевая для взвѣшиванья благородныхъ металловъ и Ивановскій локоть для измѣренія длины [1]). Надзоръ за этими орудіями, кромѣ Ивановскаго старосты, былъ порученъ еще, подъ вліяніемъ Византійскихъ представленій, Новгородскому владыкѣ и сотскимъ. Сообразно съ этимъ и самыя пошлины, получавшіяся вслѣдствіе обнаруженія какихъ-либо извращеній орудій мѣры, распредѣлялись на три части: одна изъ нихъ шла въ казну св. Софіи, другая — св. Ивану, третья же сотскимъ [2]).

Кромѣ административнаго, община при св. Иванѣ имѣла еще и судебное значеніе, была представительницей торговаго суда. До начала XII вѣка торговый судъ, по всей вѣроятности, находился, какъ и судъ вообще, въ рукахъ князя и производился на княжемъ дворѣ публично, въ присутствіи всѣхъ, желавшихъ быть его свидѣтелями. Но съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ такая форма казалась Новгородцамъ обременительною. Дѣло въ томъ, что такъ какъ Новгородскіе князья являлись со стороны и при томъ, обыкновенно, изъ тѣхъ краевъ, съ которыми у Новгорода шелъ преимущественный торгъ, то понятно, что они легко могли вносить духъ интереса въ свое званіе, какъ правители и судьи, особенно когда, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, они и сами далеко не чужды были коммерческихъ оборотовъ. Поэтому въ прямой выгодѣ Новгорода было — стараться объ устраненіи князя отъ всякаго вмѣшательства въ торговую жизнь, а начало этому устраненію и было положено уставомъ Всеволода [3]). По этому уставу Новгородскій князь не только за себя отказался отъ всякаго вмѣшательства въ торговыя дѣла за ежегодную плату въ 25 гривенъ изъ торговыхъ

---

[1]) Пов. о нач. Печер. мон., 99—100: „далъ есми судъ и мѣрила...... торгу.... въ Новѣгородѣ св. Софіи, и епископу, и старостѣ Иванскому, и всему Новугороду: мѣрила торговая, скалвы вощаные, пуды медовые, и гривенку рублевую и локоть Иванскій“... Ср. Д. къ А. И., I, № 1.

[2]) Пов. о нач. Печер. мон., 102.

[3]) Д. къ А. И., I, 3: „управливати имъ всякіе дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый“.

доходовъ, но и воспретилъ подобное же вмѣшательство и всѣмъ другимъ, въ особенности же посаднику и боярамъ, не заинтересованнымъ въ торговлѣ непосредственно [1]). Торговый судъ былъ переданъ цѣликомъ въ руки Ивановскаго учрежденія и его главнаго представителя, тысяцкаго. Подобно тому, какъ представитель Новгорода, посадникъ, выработался изъ княжескаго органа управленія, такъ точно можно думать, что и званіе тысяцкаго организовано по примѣру той же среды. Между княжескими людьми въ Новгородѣ встрѣчается званіе не только посадника, но и тысяцкаго: послѣднее то, по всей вѣроятности, и послужило для Новгородцевъ образцомъ для созданія сана тысяцкаго [2]). Не трудно догадаться также, какимъ образомъ тысяцкій сдѣлался главнымъ лицомъ въ Ивановскомъ учрежденіи. Тысяцкій былъ не чѣмъ инымъ, какъ представителемъ тысячи; а такъ какъ въ тысячѣ, т. е. собраніи сотенъ, на которыя дѣлился Великій Новгородъ какъ городъ, записаны были купцы, то естественно, что представитель сотенъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ лицомъ въ Ивановскомъ учрежденіи. Также нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ торговой общинѣ тысяцкій былъ представителемъ черныхъ людей. Если мы вспомнимъ, что подраздѣленіе города было двоякаго рода: на купеческія сотни или ряды и сотни просто, заключавшія въ себѣ остальное, низшее или черное городское населеніе, то мы легко поймемъ тогда, въ какомъ смыслѣ тысяцкій былъ представителемъ черныхъ людей въ Ивановскомъ учрежденіи.

Но если уже во внутреннихъ торговыхъ дѣлахъ участіе князя казалось для Новгородцевъ обременительнымъ, то еще болѣе эта обременительность чувствовалась въ торговлѣ внѣшней. Нужно принять во вниманіе, что сообразно съ характеромъ времени, Новгородскіе князья были не только правителями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и купцами, которые вели на свой страхъ торговые обороты. Но являясь представителями земель, сравнительно съ Новгородомъ, болѣе богатыхъ, князья не только могли подрывать своей торговлей Новгородскую, но и въ качествѣ правителя, изъ-за своихъ частныхъ интересовъ, нару-

---

[1]) Д. къ А. И., I, 3: „а взять князю великому изъ вощаного пол-30 гривенъ серебра черезъ годъ". Тамъ же, I, 3: „а Мирослову посаднику въ то не вступатца, и инымъ посадникамъ, въ Иванское ни въ что-же, ни бояромъ Новгороцкымъ". А. А. Э., I, 63, 1470—71: „А во владыченъ судъ и въ тысяцкого, а въ то тебѣ (Казимиру IV) не вступати... по старинѣ".

[2]) П. С. Р. Л. Ш, 37, 1218: „князь же Святославъ присла свои тысяцькыи на вѣче".

шать добрыя отношенія Новгородцевъ къ иноземнымъ торговцамъ. Въ такомъ положеніи для Великаго Новгорода было весьма важно ограничить не только торговыя права своего князя, но и значеніе его какъ правителя. Необходимая перемѣна совершилась во второй половинѣ XIII вѣка. Въ это время Новгородскій князь, потерявъ значительную долю своего вліянія на дѣла съ иноземцами, долженъ былъ отказаться отъ всякаго права на судѣ въ дѣлахъ Новгородцевъ съ нѣмцами. Не трудно догадаться, въ чьи руки долженъ былъ перейти судъ, отнятый у князя. Уже сами нѣмцы неоднократно указывали, что разборъ дѣлъ, въ которыхъ Новгородцы сталкивались съ нѣмцами, долженъ быть отнесенъ въ вѣдѣніе учрежденія, имѣвшаго мѣсто при храмѣ Іоанна Предтечи или иначе—въ вѣдѣніе тысяцкаго [1]). Судъ тысяцкаго былъ судомъ торговымъ, а потому ему естественно было вѣдать и дѣла Новгорода съ иноземцами, имѣвшія по преимуществу торговый характеръ. И дѣйствительно, по договору 1269—1270 года въ руки тысяцкаго были отданы всѣ тяжбы русскихъ съ нѣмцами безъ исключенія и при этомъ было постановлено, что самый призывъ нѣмцевъ къ суду долженъ производиться не иначе, какъ черезъ биричъ со стороны тысяцкаго [2]). Судъ тысяцкаго, какъ извѣстно, происходилъ при храмѣ св. Іоанна Предтечи и на это мѣсто указывали сами нѣмцы, какъ на форумъ, гдѣ должно было совершаться разбирательство ихъ тяжбъ съ Новгородцами; мѣсто это находилось въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ихъ дворами, а потому пройти было удобно какъ для тяжущихся, такъ и для остальныхъ иноземцевъ. Новгородцы однако не были такими формалистами, какъ того желалось нѣмецкимъ гостямъ. Подобно тому, какъ вѣче не считалось прикрѣпленнымъ неизбѣжно къ своему обыкновенному мѣсту собранія, такъ точно и судъ тысяцкаго производился нерѣдко совсѣмъ не зависимо отъ храма Іоанна Предтечи. Въ 1426 году поручители должны были представить подсудимаго Гермона къ зданію гильдіи, въ которомъ тогда находился тысяцкій. Послѣдній вышелъ изъ дома на улицу къ нѣмцамъ и ска-

---

[1]) Bunge, U. B., I, 521, 1269: „item placita hospitum inter hospites et Ruthenos habenda sunt in curia S. Iohannis coram duce et oldermano Nogardiensibus, et non coram aliquo alio“.

[2]) Bunge, U. B., I, 524, 1269: „so wat so sake to wervende hebben van gerichteswegene wintervart un somervart, dat scholen se endegen vor deme hertogen, den oldermannen un den Nogarderen“. Въ одномъ мѣстѣ (U. B., I, 522) упоминается на ряду съ тысяцкимъ и посадникъ, но, должно быть, по незнанію нѣмцами устройства Иванскаго суда. Bunge, U. B., I, 522.

залъ имъ, что онъ далъ грамоту на Гермона въ 20 гривнахъ серебра. Тогда нѣмцы напомнили тысяцкому, что по крестоцѣлованію онъ долженъ производить судъ предъ св. Іоанномъ, что такова старинная пошлина. На это тотъ отвѣчалъ: „у васъ есть фогты въ вашихъ городахъ, но гдѣ бы они ни производили свой судъ и давали управу нашимъ братьямъ, въ ратушѣ ли, или въ своихъ частныхъ домахъ, или же па улипахъ, управа отъ этого была бы совершенно одинакова. Точно также, гдѣ бы я ни производилъ судъ, предъ св. Іоанномъ-ли, или же на улицѣ, или наконецъ въ собственномъ домѣ, судъ отъ этого отнюдь не терялъ бы для васъ своего значенія“ [1]). Составъ суда былъ крайне не сложный. Конечно, нѣмцы не прочь были бы ввести въ составъ суда, кромѣ Новгородскаго, и свой собственный элементъ въ лицѣ двухъ старостъ Нѣмецкаго двора [2]). Но этого имъ, кажется, не удалось совсѣмъ. Составъ Иванского суда оставался всегда исключительно Новгородскимъ. Въ судъ, кромѣ тысяцкаго, входили, кажется еще Новгородскіе купеческіе старосты, въ качествѣ засѣдателей. Какъ число, такъ и роль этихъ старостъ на судѣ совершенно неизвѣстны [3]). Изъ низшихъ служителей при судѣ имѣлся праставъ тысяцкаго, на обязанности котораго лежало производство судебныхъ дѣлъ, равно какъ и разныя полицейскія обязанности [4]). Что же касается до компетенціи, то она была такою же, какъ и на судѣ Новгородскаго князя въ дѣлахъ съ Нѣмцами. Иванскій судъ вѣдалъ одинаково всѣ какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла иноземцевъ съ Новгородцами, равно какъ и всѣ торговыя сдѣлки. Источники представляютъ массу указаній на счетъ разбора судомъ тысяцкаго убійства, увѣчья, побоевъ, грабежа, кражи, такъ что въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ поводовъ къ сомнѣнію [5]). Относительно же гражданскихъ и собственно торговыхъ тяжбъ не можетъ даже и возникать вопроса: какъ само собой разумѣется, всѣ подобныя тяжбы сами собой должны были поступать на судъ тысяцкаго.

Что же касается до судопроизводства, то подобно княжескому суду, и судъ тысяцкаго былъ публичнымъ и гласнымъ. Присутствовать при этомъ судѣ могъ всякій, и временами, когда разбирались любопытныя дѣла, любопытныхъ являлось весьма много, особенно изъ

---

[1]) Bunge, VII, 349, 1426.
[2]) ibid. VI, 108—9.
[3]) ibid. I, 524.
[4]) ibid. I, 522.
[5]) ibid. IV, 664—5.

купеческаго класса: собирался чуть ли не весь Великій Новгородъ [1]. Присутствующіе вели себя на судѣ не пассивно, а позволяли себѣ выражать свое мнѣніе на счетъ совершавшагося разбора дѣла. Въ 1412 году они, напримѣръ, вмѣстѣ съ тысяцкимъ, возглашали, что безъ суда нельзя заносить никого на вѣсы или на доску, какъ человѣка недостовѣрнаго, не допускающаго безопасныхъ сношеній [2].

Какъ уже замѣчено раньше, приглашеніе въ судъ должно было производиться съ обѣихъ сторонъ, при помощи пристава тысяцкаго. Положеніе это, однако, не всегда соблюдалось, особенно со стороны Русскихъ. Нерѣдко случалось, что истецъ со своими пріятелями просто хваталъ отвѣтчика на улицѣ и тащилъ его въ судъ или къ тысяцкому [3]. Доказательства на судѣ оставались тѣ же, что и на судѣ Новгородскаго князя. Какъ и прежде, для рѣшенія извѣстнаго дѣла отъ истца требовались послухи; только теперь уже, кажется, не болѣе, какъ по одному человѣку съ каждой стороны, со стороны русскихъ и Нѣмцевъ. Если оба послуха сходились въ показаніи, то оно рѣшало дѣло. Если же этого согласія не было, то послухи должны были бросать жребій и на чью долю выпадалъ послѣдній, свидѣтельство того и было признаваемо окончательно рѣшающимъ дѣло [4]. Въ связи съ переходомъ дѣлъ иноземцевъ отъ князя къ тысяцкому имѣло мѣсто и измѣненіе въ судебныхъ пошлинахъ и штрафахъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще платились князю. Съ отстраненіемъ князя судебные штрафы перестали, кажется, взиматься; по крайней мѣрѣ, источники не представляютъ прямыхъ указаній на такіе поборы [5]. Но зато въ судѣ тысяцкаго значительно развивается система *помни-*

---

[1]) Bunge, VII, 65.

[2]) ibid., IV, 821—822, 1412. (Поводомъ къ этому послужило извѣстное дѣло Кузьмы Царькова, которому нѣмцы причинили большіе убытки, выгрузивши товаръ свой съ его лодки за то, что онъ записанъ былъ ихъ старшинами на вѣсахъ за пособничество, оказанное имъ нѣкоторымъ лицамъ въ несправедливомъ взятіи зимой съ Детмора Бухгольта двухъ гривенъ серебра. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ виноватъ, какъ выяснилось на дѣлѣ).

[3]) ibid., VII, 65 349.

[4]) Bunge, U. B., I, 526, 1269: Is dat sace, dat twe tugen solen Dudeschen un Nogardere, unde se beide dregen over en, sosal men en truwen is oc dat se schelet, un se over en nicht ene dreget, so solen se loten under en; so wes lot sic ut nemet, de is recht an sineme tuge". Ср. ibidem, I, 525, 1269: „Item si hospes debet ducere testimonium in Ruthenum, habebit duos hospites et duos Ruthenos, similiter Ruthenus contra Theutonicum"...

[5]) ibid., VII, 65.

ковъ *). Это не были судебныя пошлины въ собственномъ смыслѣ, но они въ нѣкоторомъ родѣ замѣняли ихъ недостатокъ. Указанія на *посулы* тысяцкому и другимъ лицамъ, причастнымъ суду, были обыкновеннымъ явленіемъ [1]). Въ самой системѣ вознагражденій надо предполагать значительную перемѣну. Прежде гривнами серебра оплачивались только убійства; теперь же нерѣдко мы встрѣчаемъ указанія, что за простые побои взыскивалось въ пользу пострадавшаго по десятку гривенъ серебра [2]).

Кромѣ удовлетворенія мѣстнымъ потребностямъ, внутренняя торговля Новгорода съ русскими областями: съ югомъ, а въ особенности съ востокомъ и сѣверомъ древней Руси, имѣла другое, не менѣе важное, значеніе: доставляла Новгородцамъ не мало отпускныхъ статей для торговли внѣшней, которую Новгородъ, слѣдуя великому водному пути изъ Варягъ въ Греки, съ давнихъ поръ велъ съ Западною Европой. Не слѣдуетъ, конечно, чрезмѣрно преувеличивать активнаго характера этой западной европейской торговли; не будучи въ собственномъ смыслѣ морскою державой, Новгородъ врядъ ли могъ вести обширную торговлю моремъ. Но несомнѣнно, что уже съ самыхъ древнихъ временъ торговля Новгородцевъ имѣла нѣкоторый активный характеръ, совершалась, въ извѣстной степени, ихъ собственными головами, руками и капиталами.

Существуетъ мнѣніе, что исходнымъ пунктомъ этой Новгородской торговли служила торговля Новгородцевъ съ Балтійскими славянами. Мнѣніе это основывается на двухъ главныхъ обстоятельствахъ: на томъ вліяніи, какое оказало развитіе славянскихъ Балтійскихъ городовъ на позднѣйшій взмахъ жизни въ городахъ нѣмецкихъ, и на нѣкоторыхъ положительныхъ свидѣтельствахъ источниковъ. Изъ нихъ главнѣйшихъ два: Адамъ Бременскій, писатель XI вѣка, говоритъ именно, что въ его время путь отъ Волыни на Одерѣ, славянскаго города, богатаго товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, не имѣвшаго недостатка ни въ чемъ, ни въ рѣдкомъ, ни въ пріятномъ, совершался въ четырнадцать дней [3]). Подобнымъ образомъ и Саксонъ Грамматикъ

---

*) *Помники* были не что иное, какъ подносы изъ почтенія пріѣзжающимъ или отъѣзжающимъ начальникамъ, а *посулы*—подарки или взятки за судопроизводство. Русск. достопамятн. I, 150, прилож.

[1]) Bunge, VII, 349.

[2]) ibid., VII, 349.

[3]) Adami Brem. gesta, II, 19: „Ab ipsa urbe tendens quarto decimo die ascendens ad Ostrogard Ruzziae“.

сообщаетъ, что при взятіи Шлезвига Датскимъ королемъ Свеномъ Грете были захвачены между прочимъ и товары русскихъ и розданы датскимъ воинамъ вмѣсто жалованья, обстоятельство, поведшее къ окончательному паденію торговли Шлезвига [1]). Оба эти соображенія, однако, недостаточны для доказательства выводимаго изъ нихъ положенія. Балтійскіе славянскіе города могли достигнуть блестящаго развитія и оказать чрезъ это большое вліяніе на поднятіе нѣмецкихъ городовъ и не ведя ни малѣйшей торговли съ Новгородцами. Что же касается до лѣтописныхъ данныхъ, то они страдаютъ другими недостатками. Прежде всего они недостаточно многочисленны, чтобы основывать на нихъ твердые научные выводы. Затѣмъ первый изъ нихъ говоритъ только о длинѣ пути, который нужно было пройти до древней Руси, но отнюдь не указываетъ на существованіе торговыхъ сношеній. А наконецъ, свидѣтельство Саксона Грамматика относится къ очень позднему времени, когда торговыя сношенія Новгородцевъ, разъ установившись съ другой областью, могли распространиться и на славянскіе города Балтійскаго поморья.

Такимъ образомъ зачатковъ Новгородской торговли съ Западною Европой нужно искать не въ сношеніяхъ ихъ съ Балтійскими славянами, а въ другомъ мѣстѣ. Мѣстомъ этимъ были сѣверные берега Балтійскаго моря, а именно Данія, Норвегія и Швеція. Мы видѣли уже, что Скандинавскіе народы были прежде не только знакомы другимъ племенамъ Европы, но и принимали участіе въ торговомъ движеніи, имѣвшемъ мѣсто между западомъ и востокомъ. Господствующее мнѣніе, основывающееся на мѣстныхъ находкахъ, утверждаетъ даже что они находились въ сношеніяхъ и съ Новгородскими славянами. Намъ кажется это утвержденіе нѣсколько сомнительнымъ; но во всякомъ случаѣ въ сношеніяхъ Норманновъ съ востокомъ Европы нужно искать зачатковъ и собственно Новгородской торговли. Два обстоятельства содѣйствовали особенно сильно зарожденію этой сѣверной европейской торговли, а именно образованіе изъ Скандинавскихъ земель трехъ королевствъ и водвореніе въ нихъ христіанства. Первое изъ нихъ было важно, какъ установленіе внутри нѣкотораго порядка, а второе, какъ факторъ, могущественно повліявшій на смягченіе нравовъ.

---

[1]) Saxo Gram., Historia Danica, ed Mul., I, 713: „Jllic (въ Шлезвигѣ) Sveno peregrinam classem praedatas, dipertas Ruthenorum merces stipendii loco militibus erogavit. Quo facto non solum advenarum in posterum frequentiam deturbavit, sed etiam splendidam mercimoniis urbem ad tenuem angustum que vicum redegit“. Lerberg, Untersuchungen, s. 268.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ, которымъ на Руси отвѣчали сходныя же явленія, между Скандинавскими народами и Новгородскими славянами установились болѣе правильныя связи, въ которыхъ и торговлѣ давалась нѣкоторая роль. Скандинавскіе народы прежде были знакомы другимъ племенамъ Европы только какъ грозные пираты, не щадившіе ни жизни, ни собственности сосѣдей. Теперь отношенія ихъ къ послѣднимъ принимаютъ болѣе дружественный характеръ; движенія ихъ принимаютъ мирный торговый отпечатокъ. Объ этихъ новыхъ торговыхъ движеніяхъ такъ много свидѣтельствъ въ источникахъ, особенно въ сагахъ, что сомнѣваться въ нихъ было бы довольно трудно. Направленіе, въ которомъ шли эти движенія Скандинавовъ, было двоякаго рода. Скандинавскіе удальцы ставили своею конечною цѣлью достиженіе Біарміи или же самаго Великаго Новгорода. Въ первомъ случаѣ они двигались по Сѣверному океану и Бѣлому морю и достигали Двины, которая со своими притоками давала имъ возможность пробираться далеко на востокъ. Есть указанія даже, что этимъ путемъ пробирались не только въ Біармію въ собственномъ смыслѣ, но даже и въ восточно-русскія владѣнія, какъ, напримѣръ, въ Суздаль[1]).

Во второмъ случаѣ, движеніе направлялось по Балтійскому морю, при чемъ главнымъ остановочнымъ пунктомъ служилъ островъ Готландъ[2]). Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ торговомъ движеніи были Норвежцы. Саги разсказываютъ, что когда Ярославъ узналъ о смерти Олава святаго и когда ему казалось, что смерть его была не естественная, а умышленно нанесенная Норвежцами, то онъ, прекративши торговыя сношенія съ послѣдними, вступилъ съ преемникомъ

---

[1]) Ant. Rus., I, 99; „Hic cum tres noctes jacuissent, tum ventus secundus extitit, nullaque itineris eorum mentio facta est, priusquam in Bjarmiam pervenerunt. Ostium amnis, qui Vina (С. Двина) dicitur, navibus ingrediuntur, in quo amne multae jacent insulae“. Тамъ же, 1, 450; II, 92—93. Ant. R., II, 122: „rex Eirecus, Bjorni et Salgardo significat, placere sibi, ut septemtrionem versus in Surtzdalos et Bjarmiam proficiscantur“; Ibidem, II, 81: „remanserat (въ Біарміи) et Ögmundus, qui proximo autumno. cum suis sociis et mercimoniis regnum Sudurdalorum, profectus erat... Quo cognito Ögmundus orientem versus Holmgardos profectus erat, indeque per regiones orientales ad mare usque contenderat, neque prius itinere destiterat, quam Hierosolyma venisset“.

[2]) Ant. Rus., I, 295: „Aliquantum temporis ad Gottandiam in ancoris stetit. . . Eadem aestate Gudleikus in terras Orientales ad Holmgardum profectus“...

Олава въ борьбу [1]). Подобнымъ образомъ та же сага разсказываетъ, что когда жители Новгородской области узнали въ прибывшихъ къ нимъ водой иноземцахъ Норвежцевъ, то грозили сдѣлать на нихъ нападеніе [2]). Несомнѣнно также, что отдѣльныя лица, извѣстныя изъ сагъ по своимъ торговымъ связямъ съ Россіей, всѣ эти Гауки Габроки, Гудлейки, были Норвежцами [3]). Но рядомъ съ Норвежцами въ первоначальной торговлѣ съ Новгородомъ принимали дѣятельное участіе и Датчане. По словамъ Адама Бременскаго, Датчане утверждали, что у нихъ многіе хорошо знакомы съ длиной Балтійскаго моря, а нѣкоторые даже, при благопріятномъ вѣтрѣ, достигали въ теченіе мѣсяца Великаго Новгорода (Ostrogard Russiae) [4]). Онъ же сообщаетъ, что островъ Борнгольмъ былъ главнымъ Датскимъ портомъ и вѣрнымъ пристанищемъ для кораблей, которые направлялись къ варварамъ и даже въ Грецію; а изъ Саксона Грамматика извѣстно, что Датскій король Гальдонъ былъ извѣстенъ на Руси, благодаря купцамъ [5]). Но и независимо отъ этихъ, быть можетъ не особенно компетентныхъ, писателей, мы имѣемъ относительно сношеній Новгорода съ Даніей несомнѣнныя свидѣтельства русскихъ лѣтописей. Послѣднія сообщаютъ намъ именно, что еще въ 1134 году Новгородцы были подвергнуты заключенію въ Даніи. Цѣль пребыванія ихъ тамъ не указана; но, очевидно, ее скорѣе всего нужно искать не въ чемъ иномъ, какъ въ торговыхъ сношеніяхъ [6]).

---

[1]) Antiquites Russes, II, 6: „Post casum regis Olavi sancti, bellum inter regem Iarizleivum et Sveinem Alfivae filium, qui tunc imperium Norvegiae capessiverat, erupit, quod rex Iarizleivus Norvegos Olavum mala fide prodidisse existimavit; quare omni inter eos sublato commercio, mutuis caedibus alteri alteros, prout occasio se tulit, infestaverunt“.

[2]) Ibidem, II, 7; „incolae vero, cum Norvegos esse comperissent, impetum in eos facere minati sunt“.

[3]) Ibidem, II, 118.

[4]) Script. R-G., VII 372: „Affirmant autem Dani, longitudinem hujus pontis a pluribus captam, secrando flutu per mensem aliquos a Dania pervenisse in Ostrogard Russiae“.

[5]) Ibidem VII, 373: „Oclavam (insulam) dicunt illam, quae Sconiae ne Gothiae proxima Halmus appellatur, celeberrimus Daniae portus et fida stacio navium, quae ad barbaros et in Graeciam dirigi solent“. Saxo Gram., Histor. Dan., I, 359: „Quod Haldonus apud Russiam per negotiarores expertus“.

[6]) П. С. Р. Л., 6, 1134: „рубоша Новгородць за моремъ въ Дони“ (Даніи). Ср. III, 68, 1302: „посылаша послы за море въ Доньскую землю“...

Характеръ этой первоначальной иноземной торговли Великаго Новгорода опредѣляется ея происхожденіемъ. Въ своей исходной точкѣ отправленія торговля имѣла пиратскіе набѣги Норманов. Набѣги, какъ набѣги, стали мало по малу выходить изъ употребленія и уступать свое мѣсто торговымъ сношеніямъ. Но исчезновеніе ихъ было далеко не такъ полнымъ, чтобы поле дѣйствія было очищено для торговли совершенно. Еще многіе оставались вѣрными старымъ привычкамъ, и между тѣмъ, какъ ихъ собратья предавались мирнымъ занятіямъ, въ то время другіе позволяли себѣ нерѣдко пользоваться достатками, которые добыты были этими трудолюбивыми руками. Торговля, поэтому, была крайне не безопаснымъ занятіемъ. За доказательствами ходить далеко не нужно. Достаточно указать, что Гудлейкъ, ѣздившій по порученію короля Олава за разными предметами въ Новгородъ, на возвратномъ пути не только былъ лишенъ всѣхъ закупокъ, но и перебитъ чуть ли не со всею свитою непріятелемъ своимъ Торгатомъ [1]. Но что всего любопытнѣе, самыя привычки, свойственныя быту пиратовъ, по наслѣдству продолжали жить въ торговыхъ первоначальныхъ сношеніяхъ. Компаніи, образовавшіяся для отдаленныхъ странствій, преслѣдовали далеко не однѣ торговыя цѣли. Очень часто случалось, что въ однихъ и тѣхъ-же лицахъ соединялись промыслы и пирата и купца; нерѣдко случалось, что участники одной и той же компаніи грабили въ одномъ мѣстѣ и торговали въ другомъ [2]. Что же касается до характера торга, то при полномъ почти отсутствіи денегъ у той и другой стороны, онъ неизбѣжно долженъ былъ быть мѣновымъ. Произведенія, привезенныя изъ дома или нахватанныя на чужбинѣ, мѣнялись на товары туземцевъ. Во многихъ случаяхъ эта мѣна была, по всей вѣроятности, просто на просто нѣмою торговлею. При рѣдкомъ соприкосновеніи торгующихъ сторонъ между собою, при полномъ непониманіи обоюдномъ языка, переговоры и не могли совершаться иначе, какъ нѣмымъ указаніемъ на предметы мѣны [3]. Не-

[1] Antiq. Russes, I, 295: „Thorgatus omnia eorum pecunia et cinieliis regis Olavi potitus"...

[2] Ibid., I, 285: „Dum celebrabantur (въ Эстоніи) nundinae, ad quos varia mercium genera sunt comportata, magna quoque adducta est mancipiorum venalium copia"...

[3] Ibid., II, 9: „duas tibi propono (Ярославъ) conditiones: unam, ut tibi ad navem redeunti vinum et cibum praebeam, vosque pro cubitu merces vestras permutetis..." Тамъ же, I, 335: „Jn Biarmiam delati, ad emporium appulerunt et mercaturam facere coeperunt, omnibus, qui quidem merces ad commutandum haberent, omnium rerum copiam lucrantibus".

извѣстно, какіе предметы, подлежавшіе этой мѣнѣ, привозили съ собой Скандинавскіе торговцы. Предположительно есть, однако, основаніе думать, что Скандинавы привозили съ собой нахватаные или пріобрѣтенные въ другихъ земляхъ сукна, вина, хлѣбъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, и деньги. Что же касается до статей, которыя они вымѣнивали тамъ для своей родины, то онѣ были различны, смотря по различію мѣстности. Въ Біарміи главной статьей мѣны со стороны мѣстныхъ жителей были мѣха. Изъ нихъ спеціально упоминаются шкурки бѣличьи, бобровыя и собольи [1]). Въ самомъ же Великомъ Новгородѣ къ мѣховымъ богатствамъ, которыя также играли и тамъ въ торговлѣ важную роль, присоединялись еще и предметы роскоши, шедшіе въ Русь чрезъ Византію. Къ числу такихъ предметовъ роскоши относились матеріи, изъ которыхъ приготовлялись торжественныя княжескія одежды, а именно: пурпуровыя сукна, золотыя парчи, разная столовая утварь, отличавшаяся изяществомъ отдѣлки, равно какъ и драгоцѣнные камни, привозимые чрезъ Византію съ Востока [2]).

Какъ ни древни и часты были торговыя сношенія Скандинавскихъ народовъ съ Россіей, всетаки они врядъ-ли могутъ считаться истинно торговымъ движеніемъ. Чтобы быть послѣднимъ, имъ не доставало правильности и опредѣленности, полнаго устраненія всякой случайности. Такой правильный характеръ торговля усвоиваетъ себѣ не раньше, какъ съ поднятіемъ Готланда и водвореніемъ тамъ общаго купечества. На возвышеніе Готланда особенно сильное вліяніе оказывало его географическое положеніе. Находясь посреди земель, замыкающихъ со всѣхъ сторонъ Балтійское море и сосредоточивая въ себѣ всѣ дороги сѣверо-востока, Готландъ какъ бы самой природою пред-

---

[1]) Ant. Rus., I, 335: „Thorer immensam mercium grisearum copiam, pelles fibrinas et zibelinas, nactus est; Karlius quoque multum pecuniae habuit, quo magnam coemit pellium copiam.“ Тамъ же, II, 122, 316.

[2]) Ibid., I, 295: „Eadem aestate Gudleicus in terras Orientales ad Holmgardum profectus, ibi eximium pannum e bombyce coccina emit, ex quo vestes ad ornatum regium pertinentes regi conficerentur, praeterea pelles pretiosas, insuperque mensae supellectilem mirandae pulchritudinis...“ Тамъ же, II, 119: „hic cum videret, pallium aliquod pretiosum totum auro intertextum, id coemit...“ Ibidem, I, 426: „Vere incipiente Olavus iter ab oriente paravit, sex ducens naves, praeter tres illas, quas illi orientem versus duxerant quae naves muttis rebus pretiosis, auro, gemmis, eximiis sericis coccineis, et quibuscunque rebus in septemtrione rarissimis, onustae erant“.

назначенъ былъ служить главнымъ торговымъ пунктомъ, притокомъ для всего сѣвернаго купечества.

Кромѣ собственно мѣстнаго, Готскаго населенія, онъ принималъ къ себѣ купцовъ и другихъ націй, особенно начиная съ XII вѣка Нѣмецкой. Въ это время образовалось и его торговое управленіе, а именно правительственный совѣтъ управленія изъ 36 засѣдателей отъ обоихъ народовъ и два фогта, одинъ отъ Готовъ, а другой отъ Нѣмцевъ. Важнѣйшимъ источникомъ могущества Готланда служила Новгородская торговля. На присутствіе Готландцевъ въ Новгородѣ указываетъ уже то обстоятельство, что во время голода 1128 года Новгородцы отдавали своихъ дѣтей въ ладьи къ гостямъ, которые развозили ихъ по чужимъ землямъ и подъ которыми скорѣе всего должно разумѣть ни кого иного, какъ Готландцевъ [1]. Но еще болѣе о пребываніи Готландцевъ въ Новгородѣ, и при томъ въ значительномъ количествѣ, свидѣтельствуетъ присутствіе въ Новгородѣ варяжскихъ поповъ, къ которымъ обращались временами за церковными требами сами Новгородцы, и особенно существованіе церкви, которая, по характеру времени, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ для большихъ запасовъ Готландскихъ товаровъ [2]. Вмѣстѣ съ Готландцами, которые, по всей вѣроятности, уже обладали въ это время въ Новгородѣ своимъ особеннымъ дворомъ, появились тамъ и другіе западно-европейскіе народы. Въ особенности по своимъ послѣдствіямъ важенъ значительный приливъ нѣмцевъ. Появленіе ихъ въ Новгородѣ должно быть отнесено къ исходу XII вѣка. Къ этому времени Нѣмцы, по преимуществу Вестфальцы, уже успѣли пробиться черезъ славянъ къ южнымъ берегамъ Балтійскаго моря и обзавелись тамъ въ Любекѣ особенною гаванью. Благодаря двумъ привиллегіямъ, которыя даны были городу въ 1163 году Генрихомъ Львомъ и изъ которыхъ одна опредѣляла отношенія Любека къ Готланду, а другая давала освобожденіе отъ пошлинъ всѣмъ купцамъ, посѣщавшимъ городъ, Любекъ вскорѣ получилъ большое значеніе [3]. Граждане его не только приняли дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Готландомъ, но вскорѣ постара-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 5, 1128: „отецъ и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостьмъ“...

[2]) Пам. XII вѣка, 202: „А оже се носили къ Варяжскому попу дѣти на молитву“. П. С. Р. Л., III, 11, 1152: „и церквіи съгорѣ 8, а 9-я Варязьская“ (варежъская). Тамъ же, III, 18, 1181; III, 35, 1217: „а въ Варязьской божници изгорѣ товаръ весь Варязьскый, безъ числа“.

[3]) Frensdorff. Das lub. Recht nach seinen altesten Formen (Leip. 1872.)

лись завести непосредственныя сношенія и съ Великимъ Новгородомъ. Первоначально эти сношенія находились еще подъ опекой Готланда, но впослѣдствіи роли перемѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнился и весь характеръ сѣверо-восточной торговли. Такому обороту не мало содѣйствовало, вѣроятно, и то обстоятельство, что около конца XII вѣка нѣмцы прочно утвердились въ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ и, такимъ образомъ, кромѣ великаго воднаго пути, пріобрѣли, для сношеній съ Новгородомъ, и многія другія второстепенныя дороги.

Но если посѣщеніе Новгорода Готландскимъ купечествомъ было обыкновеннымъ явленіемъ, то нельзя отрицать, чтобы и Новгородцы въ свою очередь не посѣщали Готланда. Трудно сказать, на сколько сильно и самостоятельно было это первоначальное плаваніе Новгородцевъ на Готландъ. Прежде всего нельзя думать, чтобы Новгородцы совершали плаванія на Готландъ на собственныхъ судахъ. Великій Новгородъ не былъ собственно приморскою страной, а потому если и располагалъ судами, то отнюдь не болѣе, какъ рѣчными: настоящихъ же морскихъ судовъ у Новгородцевъ не было. Вслѣдствіе этого необходимо допустить, что движенія Новгородцевъ на западъ совершались обыкновенно на судахъ чужихъ. Данныя же позднѣйшаго времени, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ это положеніе. Какъ увидимъ впослѣдствіи, Новгородцы въ XIV и XV вѣкахъ обыкновенно ѣздили на иноземныхъ судахъ. Обыкновенно заключаютъ отсюда, что активный характеръ торговли ихъ падалъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе. Но намъ кажется гораздо правдоподобнѣе, что въ этомъ смыслѣ активности не было и въ начальное время. Не трудно доискаться и пути, какимъ возникло плаваніе Новгородцевъ на Готландъ. Обязанные для безопасности гостей давать проводниковъ, Новгородцы удовлетворяли этой обязанности помѣщеніемъ своихъ пословъ и купцовъ, которые ѣхали съ гостями до самой ихъ родины и тамъ занимались торговлей. Но какъ скоро обычай отправлять товары на иноземныхъ корабляхъ установился, то дѣло совершалось обыкновенно такъ, что Новгородскіе купцы подряжали какого-либо шкипера или же просто поручали свои товары на коммиссію иноземнымъ гостямъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что плаваніе Новгородцевъ на Готландъ, называвшійся у нихъ Готскимъ берегомъ, началось раньше. Такъ въ 1130 году буря захватила семь Новгородскихъ ладей, возвращавшихся съ Готланда, часть Новгородцевъ погибла вмѣстѣ съ товаромъ, другіе же воротились домой благополучно, но съ пустыми ру-

ками [1]). Подобнымъ образомъ Новгородскихъ купцовъ нужно предполагать и въ тѣхъ трехъ ладьяхъ, которыя, идучи въ 1142 году изъ за моря, подверглись безуспѣшному нападенію со стороны Шведскаго короля, потерявшаго при этомъ три ладьи и 150 человѣкъ [2]). О значительности размѣра торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ можно судить уже изъ того, что Новгородцы имѣли на Готскомъ берегу свое отдѣльное становище или дворъ [3]). На тоже развитіе сношеній указываетъ и то обстоятельство, что аресты, которымъ Новгородцы подвергались на Готскомъ берегѣ, сопровождались также и важными слѣдствіями для Варяговъ, а именно закрытіемъ всей торговли, которое заставляетъ предполагать присутствіе на Готландѣ значительнаго числа Новгородскихъ купцовъ [4]).

Но коль скоро Новгородцы вступили въ тѣсную связь съ Готландомъ и привыкли къ его посѣщенію, то отсюда недалеко уже было и до сношенія съ другими городами, представителей которыхъ они встрѣчали въ Висби. Такимъ путемъ нужно объяснить возникновеніе ихъ сношеній съ Любекомъ. Во всякомъ случаѣ есть данныя, которыя показываютъ, что Новгородцы бывали и въ Любекѣ. Въ привиллегіи Генриха Льва, данной городу въ 1163 году, между разными народами, имѣвшими право пользоваться освобожденіемъ отъ пошлинъ, упоминаются и Русскіе, и при томъ на первомъ планѣ. Можно даже думать, что торговля Великаго Новгорода съ Готландомъ и вообще западомъ находилась въ рукахъ особеннаго товарищества, извѣстнаго подъ названіемъ заморскихъ гостей, какъ оно и совершенно согласно съ характеромъ того безпокойнаго времени. Во всякомъ случаѣ, между купцами, торговавшими съ Готландомъ, существовала несомнѣнная связь и эта связь находила свое выраженіе въ построеніи и, по всей вѣроятности, въ поддержаніи ими особенной церкви въ Новгородѣ,

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 6, 1130: „идуще изъ заморія съ Готъ, потопи лодіи 7; и сами истопоша, и товаръ, а друзіи вымъзоша, нъ нази, а и въ доми придоша здорови“.

[2]) П. С. Р. Л., III, 9, 1142: „приходи свъискѣи князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ“.

[3]) Рус. Лив. А., 9, 1257—63: „А Новгородцьмъ въ становищи на Гоцкомъ березѣ бес пакости въ старый миръ“. Lehrberg, Unters., S. 26.

[4]) П. С. Р. Л., III, 20, 1188: „рубоша Новгородьцѣ Варязи, на Гътѣхъ Нѣмьцѣ, въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я безъ мира“.

церкви св. Пятницы [1]). Правда, многіе ученые, какъ напр. Славянскій, Бѣляевъ, отождествляютъ эту церковь съ Варяжскою и потому считаютъ часто нѣмецкою, или же, какъ Ризенкампфъ, хотя и русскою, но имѣвшею нѣмецкое происхожденіе. Но оба эти мнѣнія одинаково несправедливы, такъ какъ, съ одной стороны, церковь св. Пятницы существовала рядомъ съ Варяжскою, а съ другой—названіе строителей ея заморскими гостями не даетъ еще никакого права видѣть въ нихъ иноземцевъ [2]).

Какъ мы уже сказали, развитіе торговыхъ оборотовъ Новгорода требовало не только устройства внутренняго порядка, но и опредѣленія отношеній Новгородцевъ къ иноземцамъ, установленія извѣстныхъ нормъ, которыя бы давали возможность улаживать разныя несогласія и ссоры между заинтересованными сторонами. Потому уже съ конца XII столѣтія появляются договоры, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія Новгородскихъ и иноземныхъ гостей и изъ которыхъ первый, дошедшій до насъ, относится къ 1189—99 г., а второй—къ 1257—63 г. Договоры эти одинаково гарантировали обѣимъ сторонамъ свободу торговыхъ сношеній, только второй отличался сравнительно большей подробностью въ нѣкоторыхъ пунктахъ [3]). По этимъ договорамъ, Новгородцы ручались за безопасность гостей въ своихъ предѣлахъ только на пространствѣ между Котлиномъ и Новгородомъ, да при томъ не иначе, какъ только въ томъ случаѣ, когда иноземцы будутъ сопровождаемы нарочно взятыми для этой цѣли Новгородскими послами или купцами. Точно также ручательство въ безопасности не распространялось и на тотъ случай, когда бы иноземцы вздумали торговать въ Корелѣ, Новгородской области, которая, вслѣдствіе споровъ съ Шведами изъ-за владѣнія, не могла считаться совершенно спокойной страной [4]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 12, 1156: „поставиша заморьстьи церковь св. Пятницѣ, на търговищи“. Тамъ же, III, 30, 1207: „съвѣршиша церковь св. Пятницѣ заморьскіи“. III, 82—83, 1345.

[2]) Славянскій, Истор. обозр. торг. снош. Новг., стр. 22—23; Бѣляевъ, Разсказы изъ Рус. ист., III, 417—8; Riesenkampf, 14, 74.

[3]) Рус. Лив. Акт., 1—2, 1189—99: „ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю в миръ в Нѣмечьску землю и на Гоцкъ берегъ. Такоже ходити Нѣмьчьмь и Гтяномъ в Новъгородъ безъ пакости, ни обидимъ ни кыиже“.

[4]) Рус. Лив. Акт., 9, 1257—63: „А старый миръ до Котлигпѣ.... а Новгородцѣмъ въ становищи на Гоцкомъ березѣ бес пакости въ старыи миръ. А зимнии гость, оже не поиметь нашего посла, ни Новгородцьскыхъ купець из Новгорода, или съ Гъцького берега, а что ся учинить ис Котлингъ до Новгорода,

Кромѣ опредѣленія арены безпрепятственной торговли, договоры гарантировали обѣимъ сторонамъ неприкосновенность личности и имущества. Личность гарантировалась тѣмъ, что купцовъ нельзя было подвергать заключенію и что за преступленіе противъ нихъ, кромѣ штрафовъ, опредѣлялись въ пользу обиженнаго значительныя взысканія. Въ дѣлахъ по убійству вознагражденіе выражалось въ гривнѣ серебра, такъ что за убійство посла, заложника или священника платилось 20, а за убійство простаго купца—10 гривенъ серебра. Всѣ же остальные проступки противъ личности: нанесеніе побоевъ, безчестіе, оплачивались гривнами кунъ [1]). Что же касается собственности, то она гарантировалась тѣмъ, что въ случаѣ тяжбы нельзя было безъ должныхъ справокъ прямо приступать къ рубежу или конфискаціи имущества, а нужно было ждать уплаты отъ самого гостя; конфискація могла имѣть мѣсто только тогда, когда и на другой годъ со стороны должника не слѣдовало ожидаемой уплаты [2]). Наконецъ, въ договорахъ опредѣлялись органы и самый процесъ судопроизводства, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Какъ вообще вся судебная дѣятельность, такъ точно и разборъ дѣлъ съ иностранцами составлялъ первоначально принадлежность княжеской власти. Производство суда не только происходило предъ лицомъ князя и людей (вѣча?), но даже князь получалъ, если не со всѣхъ, то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыхъ дѣлъ, судебныя пошлины (штрафы) [3]). Что же касается до судопроизводства, то, какъ указано было раньше [4]), въ уголовныхъ дѣлахъ, по

или изъ Новгорода до Котлингъ Нѣмецкъму гости, оже бес посла поидутъ, то Новгороду тяжя не надобе, въ старыи миръ. Оже кто гостить въ Корѣлу, или Нѣмци или Гтяне, а что ся учинитъ, а то Новгороду тяжя не надобе".

[1]) Ibidem, I, 1189—99: „А оже убьютъ Новгородца посла за моремъ, или Нѣмецкыи посолъ Новгородѣ, то за ту голову к҃ гривенъ серебра. А оже убьютъ купчину Новгородца, или Нѣмчина купчину Новъгородѣ, то зату голову, і҃ гривенъ серебра. А оже мужа свяжуть безъ вины, то в҃ (12) гривенъ за соромъ старыхъ кунъ. Оже убьютъ таль или попъ Новгородцкое, или Нѣмецкъе Новѣгородѣ, то к҃ гривенъ серебра за голову.

[2]) Рус. Лив. Акты, 2, 1189: „Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцъ, любо Нѣмчину Новѣгородѣ, то рубежа не творити, па другое лѣто жаловати: оже не правять, то, князю, явя и людемъ, взяти свое у гости... Нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмцьхъ; нъ имати свое у виновата".

[3]) Рус. Лив. Акт., 2, 1189: „оже пошибаетъ мужеску жену, любо дчьрь, то князю 40 гривенъ ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гривенъ ветхыми кунами". Пам. XII в., стр. 190.

[4]) См. выше 23 стр.

крайней мѣрѣ такихъ, которыя кончались „безъ крови“, истецъ долженъ былъ выставлять послуховъ (свидѣтелей) изъ лицъ съ обѣихъ сторонъ, какъ изъ русскихъ, такъ и изъ нѣмцевъ. Согласіе свидѣтелей въ показаніи рѣшало дѣло; въ случаѣ же разногласія обѣ серіи свидѣтелей должны были бросать жребій [1]. Въ гражданскихъ же дѣлахъ также требовались свидѣтели и при томъ въ числѣ 12, показанія которыхъ подъ присягой имѣли рѣшающій, кажется, голосъ [2].

[1]) Рус. Лив. Акты, 2: „оже тяже родится бес крови, снидутся послуси, и Русь и Нѣмци, то вергуть жеребее: кому ся выимьть, ротѣ шедъ, свою правду възмуть“.

[2]) Рус. Лив. Акты, 2: „оже емати скотъ Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его заприть, то ві мужь послухы: идеть ротѣ, възметь свое“.

II. Экономическій бытъ Великаго Новгорода въ XIII в.

1. Натуральное хозяйство.

Область, составлявшая непосредственное владѣніе Великаго Новгорода, представляется въ XIII вѣкѣ вошедшею въ районъ экономической культуры уже во всѣхъ ея частяхъ. Однако подчиніе ея культурѣ далеко не могло считаться сколько-нибудь полнымъ. Обработанныя пространства области являются еще скорѣе оазисами посреди природной дичи. Населеніе Новгорода было еще слишкомъ слабо, чтобы оно могло захватить подъ свою власть одинаково всѣ части области. Неудивительно поэтому, что какъ въ XIII, такъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ, мы встрѣчаемся съ непрерывными стараніями подчинить земледѣльческой культурѣ все новыя и новыя мѣста. Въ этихъ стараніяхъ, впрочемъ, мы не видимъ какъ никакой организаторской мысли, такъ точно и никакого руководящаго класса, который бы несъ на своихъ плечахъ, по преимуществу, дѣло колонизаціи. Сколько можно думать, нѣсколько выдающуюся роль играли при этомъ единственно монастыри. Стремленіе спасать душу побуждало, особенно въ начальныя времена, подвижниковъ удаляться отъ міра и селиться въ дикихъ, пустынныхъ краяхъ. Тоже стремленіе заставляло ихъ поддерживать свое существованіе трудами ихъ собственныхъ рукъ,— и вотъ, благодаря этимъ обстоятельствамъ, мѣстности, прежде совершенно незнакомыя съ обработкой, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, начинали расчищаться подъ пашню и привлекать къ себѣ поселенцевъ даже не монашескаго званія. А затѣмъ и монастыри, находившіеся въ мѣстностяхъ людныхъ, не отказывались, въ видахъ хозяйственныхъ, пріобрѣтать разными путями земли въ отдаленныхъ краяхъ и заботились объ ихъ заселеніи и обработкѣ [1]). Подобно монастырямъ, и дру-

[1]) „Очеркъ внутр. ист. церкви въ В. Новг.“, 96—97. Амвросія, И. Р. Іер., III, 12 : „Не пріяхъ ни имѣнія отъ князя, ни отъ епископа, но токмо благо-

гіе землевладѣльцы не упускали случаевъ на расширеніе своихъ поземельныхъ владѣній, хотя собственно тутъ главнымъ двигателемъ были не они сами, а земледѣльцы, въ собственномъ значеніи этого слова. Ихъ неустаннымъ трудамъ, ихъ топору, косѣ и сохѣ обязана главнымъ образомъ Новгородская земля своей разработкой. Кѣмъ бы, однако, ни было ведено расширеніе культурной области, во всякомъ случаѣ путей, которыми оно шло, было два. Пространство дикой, невоздѣланной земли уменьшилось или чрезъ увеличеніе обработанной земли уже существовавшихъ селеній, или же чрезъ заложеніе новыхъ поселеній. Первый случай былъ весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Побуждаемый экстенсивной системой земледѣлія, каждый владѣлецъ долженъ былъ заботиться о приращеніи новыхъ пространствъ обработанной земли. Такія пространства назывались въ древности притеребами и, какъ кажется, относились одинаково какъ къ пашенной, такъ и къ сѣнокосной землѣ. Вмѣстѣ съ этимъ расширеніемъ собственно земледѣльческой области, возростало господство Новгородскаго населенія надъ угодьями страны чрезъ заложеніе новыхъ ловищъ, перевѣсищъ и путиковъ, равно какъ и чрезъ устройство въ лѣсахъ бортныхъ ухожьевъ [1]. Но точно также былъ обыкновеннымъ явленіемъ и второй случай, заложеніе новыхъ поселковъ. Въ древности только въ рѣдкихъ случаяхъ размножающееся населеніе оставалось въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Обыкновенно же чуть ли не каждое появленіе новой семьи было равнозначительно съ заложеніемъ новыхъ поселковъ,

---

словеніе отъ Никиты епископа, и паша на чюжей землѣ ни вдвое, ни воедино, ни себѣ покоя не дахъ, и братіи и сиротамъ и здѣ крестьяномъ досаждая"... Ibid., IV, 89, 1539: „и намъ бы игум. Леонтія (одного изъ Вологод. мон.) съ братьею пожаловати, велѣти ему отъ той пустыни лѣсъ сѣчи и людей на томъ лѣсу садити на всѣ стороны отъ монастыря по 5 верстъ".

[1]) А. Ю., 110, XIV—XV в.: „се купи... село земли въ Нижно Кехтѣ, дворъ и дворище, горныи орамыи земли, и Юрмольскіи орамыи земли, и Нарѣчскіи орамыи земли, и пожни, и притеребы, и перевѣсѣща, и ловища, и въ Вѣчѣеви тони участокъ... и въ путикѣхъ и въ лѣсѣхъ участокъ по земли и съ подскотиню участокъ"... Тамъ же, 112: „се купи... село земли па Ижьмѣ Фофановьское, отчину ея, дворъ и дворище, орамыи земли и съ притеребы, и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села, и полѣшіи лѣсы, и бобровыи ловища, и въ тонѣ участокъ"... Ibid., 113: „се купи... у Солзи стокъ его, отцину его, и у прибытъчнихъ людей мѣстѣхъ участокъ его"... Ibid., 117: „се купилъ... землю Сенькинскую, па Икшинѣ островѣ и дворъ за рѣкою, и въ Нарьи пожни... съ притеребы до Двины, и Плоскую веретею, и починки свои, чертенсища свои".

которое, естественно, могло совершаться только на счетъ невоздѣланной земли.

Характеръ колонизаціи страны отражался и на формахъ поселеній. Значительное соединеніе людей въ одно мѣсто замѣчается только въ городахъ, т.-е. укрѣпленныхъ центрахъ, служившихъ мѣстомъ прибѣжища не только для поселенной при нихъ массы, но и для всего окрестнаго населенія. Но, съ одной стороны, такихъ городовъ вообще было не много, а съ другой, количество жителей, сосредоточенныхъ въ нихъ, въ бо́льшей части городовъ, кромѣ самаго Новгорода, незначительно. Что же касается до остальнаго, сельскаго населенія, то между нимъ почти совсѣмъ не замѣчается никакихъ слѣдовъ тѣснаго сожительства. Въ періодъ родоваго быта типичной формой поселенія была, какъ мы уже видѣли, *„весь“* или домъ. Теперь же *„весь“* вытѣснена другой формой поселенія, а именно *„селомъ“*. Какъ мы уже говорили, *„весь“* обозначала такое селеніе, члены котораго были соединены между собою родственной связью; земля играла при этомъ второстепенную роль. Напротивъ, въ новой формѣ поселенія родственныя или даже просто общежительныя отношенія совершенно не играютъ никакой роли; вся сила ея сосредоточивается исключительно въ землѣ, въ осѣдлости. Село обозначало первоначально ни болѣе, ни менѣе, какъ только клочокъ земли, который былъ достаточенъ для одного лица и его семьи, какъ мѣсто дѣятельности и источникъ содержанія. Въ этомъ слыслѣ оно было равнозначительно съ участкомъ земли и даже имѣло значеніе нѣкоторой мѣры; въ древности говорилось нерѣдко: село земли, двѣ трети села, пол-села [1]). Какъ мѣсто поселенія, село заключало въ себѣ обыкновенно жилыя помѣщенія и этимъ собственно отличалось отъ простой поземельной собственности [2]). По большей части село составляло мѣсто поселенія одной семьи и заключало, поэтому, одно дворище съ находящимся на немъ дворомъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, села заключали въ себѣ по два и, вѣроятно, по нѣскольку дворовъ, при чемъ не рѣдко дворище дѣлилось на участ-

---

[1]) А. Ю., 112: „се купи... село на Ижьмѣ“... Тамъ же, 116: „се купилъ... двѣ трети села“... Тамъ же, 117: „се купили... полсела земли“.

[2]) А. Ю., 112: „се купи... село въ Кехтѣ въ Малой; дворъ и дворище“... Тамъ же, 115: „се купи землю... полъполча“... Тамъ же, 110, 114: „се купи землю... за Паритовымъ озеромъ, и пожни, и съ дворищомъ“... Тамъ же, 115: „се купи... село на Лукини береги, горней землѣ... и въ дворищи уцястокъ“... Тамъ же, 114: „се купи Кондратъ у Степана у Прошкина землю, отцину его, дворъ и дворище“.

ки [1]). Отъ селъ въ собственномъ смыслѣ отличались *сельца* и *селища*. Подъ сельцами, вѣроятно, разумѣлись поселки самаго меньшаго размѣра, весьма часто обыкновенныя села по сравненію съ центральнымъ или владѣльческимъ селеніемъ; что же касается до селища, то это собственно значитъ мѣсто села, въ дѣйствительности обозначаетъ такую землю, на которой нѣкогда было село, но затѣмъ, съ уходомъ жителей, перестало существовать. Селище относится къ селу такъ же, какъ деревнище къ деревнѣ; только какъ исключеніе селище встрѣчается въ качествѣ сельца [2]). Изъ другихъ поселеній, встрѣчающихся въ Новгородской землѣ, извѣстны между прочимъ *исады*. Подъ этимъ словомъ разумѣлось селеніе, жители котораго посвящали себя занятію рыболовствомъ [3]). Впрочемъ, исады составляютъ болѣе отличительную принадлежность Псковской земли, гдѣ они достигаютъ, какъ селенія, значительныхъ размѣровъ; въ Новгородѣ же на мѣстѣ ихъ въ позднѣйшее время являются ряды [4]).

Въ распредѣленіи поземельной собственности въ настоящую эпоху замѣчается сильное движеніе къ сосредоточенію земли въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, отчасти учрежденій, отчасти же отдѣльныхъ лицъ. Между учрежденіями особенно значительнымъ сосредоточеніемъ поземельной собственности отличалась церковь, а именно владычняя каѳедра и монастыри; у мірскихъ же церквей земли хотя и бывали, но не въ большомъ количествѣ. Пути, которыми сосредоточивалась въ рукахъ церкви поземельная собственность, были многообразны. Прежде всего монастыри, подобно другимъ частнымъ лицамъ, занимали пустопорожнія земли и обработкой обращали ихъ въ частную собственность. Еще большее количество земель переходило въ

---

[1]) А. Ю., 117: „се купили бояре... полсела земли... дворъ и дворище"... Слѣд. дворъ могъ быть и въ друг. половинѣ села. Тамъ же, 115: „се купи... село на Лукини береги... и въ дворища уцястокъ".

[2]) А. Ю., 144: „и на Княжъ-островѣ селца"... С. Г. Г. и Д., I, № 1V. Мухановъ, Сборникъ, 2 изд., стр. 605. Срезн. Памятн., 38, XIII в.: „даю за все за то два села... и съ малыми селищи"... Писц. кн., III, 2: „Дахъ той же деревнѣ къ Земтицамъ селищо Перемци, а косятъ его хрестьяне изъ Земтицъ себѣ". I, 412: „Да тѣ же рядовичи пашутъ селищо на разъ селъ".

[3]) П. С. Р. Л., IV, 61, 1352: „друзіи (даютъ) въ озерѣ ловища и исады". Врем. XI, 27—8: „да Юшку жъ полчетьи въ полутонѣ, въ Богданѣ, въ Троицкой исадъ въ сиговой на Волховѣ".

[4]) П. С. Р. Л., IV, 223, 1463: „два исада большихъ выжгоша; Островцы да Полѣшье, и крестьянъ посѣкоша много".

ихъ руки, благодаря пожертвованіямъ со стороны мірянъ на поминъ души. Самъ Новгородъ служилъ для послѣднихъ поучительнымъ примѣромъ, жалуя всѣмъ выдающимся монастырямъ земли и села, даже съ правительственными поборами. Не мало, далѣе, поземельныхъ владѣній пріобрѣтено монастырями посредствомъ купли и заклада. Располагая значительными по тому времени денежными средствами, монастыри не только могли совершать покупки сосѣднихъ земель, но и дѣлать денежныя ссуды нуждающимся подъ залогъ ихъ поземельныхъ владѣній. Въ послѣднемъ случаѣ всякая просрочка въ уплатѣ долга должна была вести къ передачѣ въ руки монастырей заложенныхъ земель [1]). Что же касается отдѣльныхъ лицъ, то и тамъ господствовали тѣ же формы поземельной собственности. Они пріобрѣтали земли пожалованіемъ со стороны Великаго Новгорода, куплей и закладомъ, по наслѣдству и родству и т. п. [2]). Въ особенности, въ значительныхъ размѣрахъ поземельная собственность сосредоточивается въ рукахъ бояръ: это былъ собственно землевладѣльческій классъ Великаго Новгорода. Такъ какъ, однако, земля служила въ то время главнымъ источникомъ содержанія, то владѣніе землей встрѣчается и у всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ Новгорода, у купцовъ и у житьихъ [3]). До сихъ поръ мы имѣли въ виду только крупныхъ собственниковъ; но кромѣ ихъ были еще собственники мелкіе, называвшіеся земцами и сельниками. Какъ показываютъ самыя названія, это были обладатели селъ, т.-е. небольшихъ участковъ, достаточныхъ для поддержанія существованія самихъ владѣльцевъ, или же только немного болѣе значительныхъ [4]). Составъ этого класса былъ довольно разнообразный. Къ числу земцевъ относились, прежде всего, члены духовнаго званія,

---

[1]) Срезн., Неизв. Памятн., № XXXV, XIII в.: „что възялъ есмь 20 гривенъ серебра на свои рукы св. Георгья, было же бы ми чимъ заплатить, и даю за все за то два села съ обильемъ“... А. Ю., 119: „взяль Софонъ... дѣдъ Василей у игумена св. Михаила 9 рублевъ серебра да пол-30 сороковъ бѣлки, да 9 пузовъ жита, да кунъ, а выкупити быти своими купами; и донялъ Василей, Григорьевъ сынъ, Софонтіевъ внукъ, у игумена... къ тымъ купамъ 40 бѣлъ да пополонка 3 пуза ржы, а купили ввѣки св. Михаилу“... Тамъ же, 435, 260.

[2]) А. Ю., 429—40: „А что Новгородъ пожаловалъ отца моего и меня и далъ грамоту на Волжане“.

[3]) А. А. Э., I, 70, 1471: „А цѣловать боярину и житьему и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женню“.

[4]) А. Ю., 112, 116, 429.

священники, дьяконы, поповы дѣти, пріобрѣтавшіе себѣ клочокъ поземельной собственности [1]). Главнымъ, однако, фондомъ, изъ котораго классъ земцевъ получалъ свое обновленіе, должны быть названы—разрядъ молодшихъ людей Великаго Новгорода, равно какъ и населеніе пригородовъ. Присутствіе въ средѣ земцевъ лицъ, собственно принадлежавшихъ къ низшему разряду Новгородскаго общества, засвидѣтельствовано многими данными. Постоянно встрѣчаются указанія, что такія-то деревни или ихъ части принадлежатъ Новгородцамъ съ такой-то и такой-то улицы, или жителямъ того или другаго пригорода. Это обстоятельство даетъ намъ право заключать, что и въ массѣ остальныхъ случаевъ въ земцахъ нужно видѣть предпочтительно лицъ этого класса [2]).

Что же касается до земледѣльцевъ собственно, то всѣ данныя говорятъ въ пользу того заключенія, что они совсѣмъ не знали никакой поземельной собственности. Какъ бы разнообразно ни назывались въ Новгородской землѣ земледѣльцы, смердами ли, половниками, сиротами или крестьянами, отличительной чертой ихъ было отсуствіе поземельной собственности [3]). Такъ извѣстно, что смерды образовали классъ людей, прямо противоположный земцамъ; а такъ какъ отличительной чертой земцевъ служило обладаніе отчиною или полною поземельною собственностью, то ясно, что подъ смердами въ древности разумѣлись люди, не имѣвшіе собственной земли и принужденные жить на чужой [4]). Но живя на чужихъ земляхъ, смерды отнюдь не становились чрезъ это въ подданическія отношенія къ своимъ патронамъ,

---

[1]) Писц. кн., III, 438: „Въ Селецкомъ пог. деревни Своеземцовы"... 444: „попова Алексѣева съ погоста съ Солцы отчина его". III, 549; III, 553: „Дікона Ивана Спаского, изъ городка изъ Копорьи, въ селѣ въ Запольѣ Воблучьѣ... на діаконовѣ жеребьѣ"... III, 48: „Въ Лузскомъ жъ погостѣ деревни Своеземцова"... III, 268. Врем. XI, 191, 178.

[2]) Писц. кн. III, 20, 21: „Юрки Савина мясника съ Лубянки съ Малые"... 50: „Ивашка Ноздри конюха"... III, 143, 267, 355, 410 и др.

[3]) А. Ю., 145: „а игумену половниковъ посадницихъ Васильевыхъ, ни отхожихъ людей не принимати".

[4]) П. С. Р. Л, I, 103, 1096: „толко Семцю (читай: семцю, земцю) яша одиного живого, ти смердъ нѣколико". П. С. П. Л., IV, 289, 1511: „а со Пскова взялъ 1000 пищалниковъ и Псковскихъ земцовъ, тогда еще не сведены быша съ своихъ вотчинъ". П. С. Р. Л., II, 179, 1240: „си бо (два беззаконьника, отъ племени смердья) есть недостойна ни Вотьпина держати (читай: Вотьнина, принимая въ соображеніе. Изв. Имп. Ак. Н., X, 691, 1398).

не превращались въ рабовъ. Противоположно несвободнымъ людямъ, отвѣтственность за дѣйствія которыхъ была возложена на ихъ владѣльцевъ, подъ смердами въ древней Руси разумѣлись лица, пользовавшіяся всѣми правами свободныхъ состояній, сами отвѣчавшія предъ судомъ за свои преступленія и платившія штрафы, виры и продажи [1]). Наравнѣ съ юридической, смерды пользовались и экономической свободой: она выражалась не въ чемъ иномъ, какъ въ правѣ перехода. Садясь на землѣ какого-либо владѣльца, смерды не обязывались пребывать на ней постоянно. Они жили только пока жилось, пока отношенія ихъ къ поземельному собственнику не становились для нихъ обременительны [2]). Неизвѣстно, существовали ли уже въ древности какія-либо правила, регулировавшія этотъ переходъ; но несомнѣнно извѣстно, что съ начала XIV столѣтія начинаютъ являться узаконенія, опредѣлявшія время этого перехода. Въ Псковѣ, напримѣръ, въ эту эпоху опредѣлено было срокомъ отказа Филиппово заговѣнье [3]). Въ отношеніи этой послѣдней, т.-е. чужой земли, особенно когда принадлежали къ разряду земель Новгородскихъ, они пользовались правомъ владѣнія. За полнымъ недостаткомъ извѣстій, трудно рѣшить, было ли это владѣніе общиннымъ или частнымъ. Во всякомъ случаѣ общинное владѣніе, даже если оно и было, представляетъ собою совершенно отличное явленіе отъ того, что̀ мы разумѣемъ подъ общиною въ настоящее время. Общину въ древности могло составлять не отдѣльное селеніе, какъ нынѣ, а только цѣлая волость. Отдѣльное селеніе не могло составлять общины не только потому, что оно было чрезвычайно мало (состояло обыкновенно изъ 2—3-хъ дворовъ, а не рѣдко и изъ одного), но и потому, что не заключало въ себѣ никакихъ элементовъ прочности: сегодня оно существовало, а завтра его и слѣдъ простылъ. Напротивъ, волость, какъ совокупность нѣсколькихъ селеній, заключала въ себѣ одинаково, какъ достаточное для образованія общины количество членовъ, такъ и нѣкоторый элементъ устойчивости.

---

[1]) Рус. Правда по Троицкому сп., ст. 41: „то ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю“; ст. 42: „аже будуть холопи татие... іхъ же князь продажею не казнитъ, зане суть несвободни“.

[2]) А. И., I, 26, ок. 1411: „а кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему міряпину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити па землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ“. А. Ю., 145, 1452: „а игумену половниковъ посадничихъ Васильевыхъ, ни отхожихъ людей не принимати“.

[3]) П. С. Гр., 2-ое изд.

А затѣмъ и самыя права, которыя соединялись съ древнимъ общиннымъ владѣніемъ землей, были совсѣмъ иныя, какія мы знаемъ въ настоящее время. Сколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, права общины по владѣнію состояли не въ чемъ иномъ, какъ только въ простой раздачѣ пустыхъ участковъ крестьянамъ, желавшимъ ихъ занять. Это видно изъ двухъ обстоятельствъ. Начать съ того, что памятники представляютъ намъ каждый крестьянскій участокъ, какъ нѣчто совершенно цѣльное и замкнутое въ самомъ себѣ. Въ этомъ цѣльномъ видѣ участокъ всегда поддерживался и переходилъ отъ одного владѣльца къ другому: община на его внутреннее устройство не имѣла ни малѣйшаго вліянія [1]). А затѣмъ и положительныя свидѣтельства памятниковъ, даже позднѣйшаго времени, если и позволяютъ думать о какой-либо роли общины во владѣніи землей, то только развѣ о раздачѣ ею пустыхъ земель въ пользованіе новыхъ членовъ. Писцовыя книги, напримѣръ, свидѣтельствуютъ, что въ позднѣйшее время въ великокняжескихъ оброчныхъ волостяхъ раздачею пустыхъ участковъ завѣдывалъ великокняжескій староста; быть можетъ, онъ именно и былъ представитель всей великокняжеской волости [2]). Подобнымъ образомъ, тѣмъ же правомъ раздачи пустыхъ земель пользовались иногда и сами крестьяне, хотя и не всей волости, а только нѣкоторой части ея. Въ нашемъ настоящемъ смыслѣ общее владѣніе въ древности имѣло мѣсто только, кажется, въ отношеніи нѣкоторыхъ угодій, а именно, лѣсовъ и водъ. Сколько можно думать, послѣднія находились, обыкновенно, въ общемъ пользованіи цѣлыхъ волостей [3]). Но и это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока лѣсъ и вода не получали хозяйственнаго значенія, не становились источникомъ дохода. Коль скоро же эти угодья, напр. тони, имѣли спеціальное хозяйственное значеніе, служили ареной особеннаго труда, то и они исключались изъ общаго владѣнія и поступали въ частныя руки, входили въ составъ сельскихъ участковъ [4]). Случаи

[1]) А. Ю., 274: „а тыя села достажстца Василью Θедоровичю отъ братниа своего... въ отдѣлъ; а ловища и пожни, и страдомыя земли, и лѣсъ, а то къ тымъ селамъ по старинѣ, изъ котораго села которыя мѣста дѣлали"... А. Ю., 431: „а тѣхъ селъ пожни, и страдная земли и пастьва, а то по селамъ".

[2]) Писц. кн., I, 226: „а се тѣ деревни, которые сажалъ в. князя староста Ивашка на Трубицынскихъ же земляхъ послѣ первыхъ писцовъ".

[3]) Врем. XI, 123, 136: „А угодій у той волости море"... или: „А угодій у тѣхъ деревень р. Нева".

[4]) Врем., XI, 118, 131, 125.

пользованія угодьями отдѣльными лицами также весьма обыкновенны. Такъ, напримѣръ, подъ Хатовичами, деревней, принадлежавшей къ числу великокняжескихъ оброчныхъ, находилась тоня; но эта тоня, однако, состояла въ пользованіи не цѣлой деревни, а только одного крестьянина Ѳедька Гришина, платившаго за нее особенный оброкъ [1]). Подобныя же условія имѣли мѣсто и относительно другихъ угодій, лѣсовъ и мховъ [2]). Какъ на причины сокращенія крестьянъ-собственниковъ въ настоящую эпоху можно указать на такія обстоятельства, какъ, напримѣръ, на естественныя бѣдствія, хлѣбные недороды, падежъ скота, частію же и на обременительныя общественныя тягости и поборы, которые отнимали у крестьянъ возможность быть самостоятельными землевладѣльцами. Какъ бы то ни было, перевороту этому нельзя отказать въ существенномъ значеніи. Положимъ, что садясь на чужую землю, смерды сохраняли за собой право перехода и, такимъ образомъ, продолжали оставаться лично свободными; но, тѣмъ не менѣе, экономическая свобода ихъ терпѣла несомнѣнный ущербъ. Впрочемъ, было бы несправедливо думать, что, благодаря неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, самостоятельное крестьянское землевладѣніе въ настоящую эпоху изчезло совершенно. Оно не только не изчезло, но продолжало образовать все еще замѣтную величину. Насчетъ того, какой характеръ имѣло это крестьянское землевладѣніе, общинное или частное, какъ уже выше было замѣчено, положительныхъ данныхъ для настоящаго времени нѣтъ. Но изъ всѣхъ косвенныхъ соображеній нужно заключить, что общиннаго владѣнія въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Руси, совсѣмъ не было. Прежде всего, строй жизни весь проникнутъ былъ господствомъ личнаго начала, трудно мирившагося съ какими-либо ограниченіями личной самостоятельности. Затѣмъ, какъ уже раньше было разобрано, способъ разселенія земледѣльцевъ рѣшительно противорѣчилъ общинному владѣнію.

Въ какомъ, однако, значительномъ размѣрѣ ни сосредоточивались поземельныя владѣнія въ рукахъ нѣкоторыхъ частныхъ собственниковъ, сосредоточеніе это преслѣдовало цѣли не экономическія, а постороннія, лежавшія совершенно внѣ сферы народнаго хозяйства. У монастырей обладаніе большими поземельными владѣніями служило частію для поддержанія великолѣпія храмовъ, частію же (и при томъ

[1]) Писц. кн., Ш, 488, „Да подъ Хотовичами (деревней въ 3 двора) тоня Лукинская Ѳедорова, а ловитъ Ѳедко Гришинъ изъ Хотовичъ, а дастъ оброку 8 гривенъ“. Врем., XI, 117.

[2]) Писц. кн., III, 5, 6. Врем., XI, 345.

главною) для содержанія стада чернецовъ, входившихъ въ составъ какъ своего, такъ и постороннихъ приписныхъ монастырей. Въ рукахъ же бояръ и другихъ главнѣйшихъ классовъ Новгородскаго общества поземельныя владѣнія служили средствомъ къ соціальному и политическому преобладанію. По характеру своему Новгородскіе землевладѣльцы принадлежали къ разряду, такъ называемой, городской знати, т. е. такой, которая всѣ интересы свои полагала въ городской жизни. Какъ кажется, она и жила постоянно въ главномъ городѣ, а въ своихъ имѣніяхъ бывала только временно. Для своего пребыванія въ центрѣ общественной жизни каждый землевладѣлецъ имѣлъ тамъ свой дворъ, а многочисленныя и богатыя семьи даже по нѣскольку. Въ городѣ же, въ подцерковныхъ палатахъ или подвалахъ находились склады боярскаго имущества, а въ окрестностяхъ и склады боярскаго хлѣба. Но жизнь въ городѣ требовала отъ землевладѣльцевъ большихъ средствъ. Начать съ того, что значительная часть доходовъ отъ имѣнія поглощалась расходами по содержанію семьи боярской, равно какъ и многочисленной дворни, которая, подъ названіями чадъ, челяди, паробковъ, дѣтскихъ, окружала персону боярина и была необходима для послѣдняго, частію для городскихъ службъ, частію же по сельскимъ занятіямъ [1]). Частныя издержки составляли, однако, незначительную долю въ расходахъ боярскаго класса. Едва ли не гораздо важнѣе были расходы, которые вызывались его соціальнымъ и общественнымъ положеніемъ. Бояринъ въ Великомъ Новгородѣ стоялъ не изолированнымъ, не однимъ. Для того, чтобы имѣть значеніе въ городѣ, онъ долженъ былъ, прежде всего, имѣть на своей сторонѣ свою улицу и конецъ, и это возможно было только при томъ предположеніи, что бояринъ входилъ во всѣ интересы уличанской и кончанской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всѣ, связанныя съ ними, траты. Общимъ дѣломъ, которое связывало тѣсно уличанъ между собою, было сооруже-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 30, 1209: „Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь“..... III, 98, 1398: „у городка единого человѣка убиша дѣтьскаго Левушку Өедорова посаднича“..... III, 46, 1230: „и биша Иванка наробчи посадници“.. III, 48—9, 1233: „Изгониша Изборьскъ Борисова чадь, съ княземъ Ярославомъ Володимирицемъ и съ Нѣмци“... П. С. Р. Л., VI, 236, 1484: „и Ивана Кузмина поима, что былъ у короля въ Литвѣ, а сбѣжалъ коли князь великій Новгородъ взялъ съ *тридцатью слугъ своихъ*, и король его не пожаловалъ, и люди отстали отъ него, и онъ самъ третей прибѣжалъ на свою отчину въ Новгородъ“...

ніе и поддержаніе благолѣпія приходскаго храма. Бояринъ, отправлявшій, вѣроятно, часто должность церковнаго старосты, долженъ былъ не только нести въ этомъ свою долю участія, но и при опредѣленіи ея размѣра не очень скупиться, сооружать храмъ временами на одни собственныя средства [1]). Другимъ источникомъ связи, находившимся отъ перваго въ нѣкоторой зависимости, было устройство братчинъ, пиршествъ, отправлявшихся сообща жителями. Бояринъ и тутъ не долженъ былъ оставаться назади, и, какъ показываетъ примѣръ Василья Буслаева, дѣйствительно вносилъ въ общую казну, собиравшуюся на устройство праздника, львиную долю. Тоже, конечно, имѣло мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь о пріемѣ гостей цѣлыми концами и улицами, что случалось, обыкновенно, при пріемѣ великихъ князей [2]). Наконецъ, и политическая роль боярина требовала большихъ средствъ. Бояринъ былъ важный дѣятель на вѣчѣ и, какъ такой, нуждался въ твердой опорѣ своихъ сосѣдей. Улица могла принять его подъ свою защиту въ случаѣ какой либо напасти; конецъ и улица могли дать ему средства къ дѣятельной борьбѣ на вѣчѣ со своими противниками. Все это могло быть добыто не иначе, какъ рѣшительнымъ привлеченіемъ на свою сторону уличанъ и кончанъ. А такое привлеченіе неизбѣжно предполагаетъ частое угощеніе сосѣдей, пріемъ ихъ и жизнь съ ними за панибрата. Въ худшихъ случаяхъ, бояринъ, просто-на-просто, долженъ былъ бросать большія денежныя средства для того, чтобы въ извѣстномъ столкновеніи имѣть на своей сторонѣ какъ можно больше народа, особенно изъ низшаго

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 96, 1392: „посадникъ Богданъ Обакуновичъ, съ своею братьею и съ уличаны, поставиша церковь камену святаго Симеона, на Чудинцевѣ улицѣ“... III, 102, 1402: „поставиша Чюдинцевци церковь камену Усѣкновеніе главы Іоанна Предтеча, а Черничинци церковь камену святую Варвару поставиша, а посадникъ Кирила Ондрѣяновичь 3 отроковы придѣлъ у святаго Михаила, на Пруской улицѣ“... III, 231, 1378: „подписаша церковь Господа нашего Іисуса Христа, на Ильинѣ улицы, повелѣніемъ благороднаго и боголюбиваго боярина Василья Даниловича, со уличаны Ильины улицы“... III, 227, 1350: „поставилъ двѣ церкви каменыя Юрьи посадникъ, Козму и Даміана на Холопьи улицы, и св. Іоанна Златоустаго въ Каменномъ городѣ Дѣтинцѣ, въ Околоткѣ“.

[2]) Сборникъ Кирши Данилова..... П. С. Р. Л., VI, 202, 1476: „пріидоша къ нему два старосты улицы Славковы Иванъ Кузминъ да Трофимъ Григорьевъ, а Никитины улицы два же....., а явили обѣихъ улицѣ бочка вина красного....“

класса, который за деньги не прочь былъ приходить на вѣче и громко кричать въ интересахъ своего патрона [1]).

Подчиненіе хозяйства совершенно постороннимъ для послѣдняго цѣлямъ не осталось безъ важныхъ слѣдствій, какъ для отношеній владѣльцевъ къ своимъ имѣніямъ, такъ и для самой организаціи послѣднихъ. Живя въ главномъ городѣ и преслѣдуя интересы политическіе или торговые, землевладѣльцы имѣли мало времени заниматься своимъ хозяйствомъ. Потому неудивительно, что хозяйственныя занятія ихъ ограничивались довольно поверхностнымъ наблюденіемъ за имѣніями, выражавшимся не въ чемъ иномъ, какъ во временномъ посѣщеніи послѣднихъ. По примѣру владыки, совершавшаго поѣздки по своей епархіи, въ монастырскихъ имѣніяхъ такія посѣщенія организовались въ особые подъѣзды. Настоятель монастыря, окруженный свитой изъ монастырскаго духовенства и разныхъ слугъ, пріѣзжалъ въ извѣстное время въ свои волости и, по всей вѣроятности, пользовался подъѣздомъ для устройства крестьянскихъ дѣлъ [2]). Подобнымъ образомъ поступали и свѣтскіе владѣльцы. Ѣзда по селамъ и у тѣхъ была одной изъ главныхъ формъ ихъ владѣльческой власти [3]). Собственно же постоянное управленіе имѣніями находилось въ рукахъ не самихъ землевладѣльцевъ, а ихъ довѣренныхъ лицъ, которыя, живя въ имѣніяхъ, сдавали въ пользованіе крестьянамъ свободные поземельные участки и взимали съ нихъ наложенныя владѣльцами повинности. Названія этихъ представителей владѣльческой власти были довольно разнообразны. Въ монастырскихъ владѣніяхъ они носили по большей части названія посельскихъ, посельниковъ, а временами—ключниковъ и старостъ. Въ свѣтскихъ владѣніяхъ они назывались, почти исключительно, ключниками. Въ частности, во владычнемъ управленіи различались еще ключники городскіе или погребные отъ ключниковъ сельскихъ или посельскихъ. Послѣдніе были мѣстными управителями, завѣдывали крестьянскими поселками на мѣстѣ, а первые принимали въ

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 1471: „и сей Пуминъ такоже упова, множество злата издаваше лукавѣй той женѣ Марѳѣ, а веляше ей давати въ народъ людемъ многимъ, дабы имъ помагали на ихъ волю“. А. И., I, 39, ок. 1450: „и многонародное събираніе со обоихъ странъ, еще же и наимовати на то злое и богоненавистное дѣло..... сбродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣкъ“.

[2]) Чт. въ Моск. Общ. Истор. и Древн. за 1858 г., II т., с. 54.

[3]) А. Ю., 430: „а доколѣ сынъ мой Ѳедоръ подростетъ, а дотолѣ ѣздитъ по моимъ селамъ братъ мой Григорей, въ мое мѣсто, и людми моими володѣетъ: а хлѣбъ и куны и даръ, а то идетъ матери моей и сыну моему Ѳедору„

городѣ или въ мѣстѣ управленія хлѣбъ отъ крестьянъ, которые обязаны были доставлять его во владычнія житницы собственными средствами. Быть можетъ такіе ключники бывали и у нѣкоторыхъ монастырей [1]). По происхожденію своему владѣльческіе управители были также довольно разнообразны. Иногда они, особенно у свѣтскихъ владѣльцевъ, обладавшихъ значительнымъ количествомъ слугъ, назначались изъ владѣльческой дворовой челяди, но очень часты были случаи, когда такіе управители избирались и изъ крестьянской среды [2]). Помѣщаемы они были обыкновенно въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя имѣли наибольшіе размѣры, и завѣдывали оттуда извѣстнымъ, подчиненнымъ имъ райономъ [3]). Какъ владѣльцы совершали объѣздъ всѣхъ своихъ имѣній, такъ ключники обязаны были ѣздить по отдѣльнымъ селамъ. Въ мо-

---

[1]) Писц. кн. III, 22: „а доходъ владыцѣ 100 яицъ, а изъ хлѣба треть; а ключнику пол-третьи денги; а городскому ключнику, который у нихъ въ городѣ хлѣбъ отъимаетъ, пол-третьи же деньги". III, 8. Врем., XI, 43: „а ключнику погребному владычню 10 бѣлъ, а селскому ключнику 10 денегъ, коробья съ четверткою ржы, пол 3 коробья овса".

Писц. кн. Шел. пят., л. 162—3: „А владыцѣ шолъ доходъ съ тое волости съ осми сохъ безъ четверти, а съ сохи шло въ подъѣзжой годъ денегъ 20 гривенъ, а хлѣба поспомъ: пол—13 коробьи и съ четверкою ржы, пол—14 коробьи овса, пол—8 кор. ячмени, 3 кор. пшеницы.... А въ неподъѣзжой годъ шло владыцѣ съ тое волостки денегъ съ сохи 14 гр., а хлѣба 9 кор. ржы, 10 кор. овса, пол—8 кор. ячмени, 3 кор. съ четверкою пшеницы".

Писц. кн. Шел. пят., л. 36—7: „а дохода съ нихъ шло монастырю игумену и съ посельникомъ, съ 12 сохъ безъ четвертца, съ сохи шло денегъ въ казну 5 гривенъ, *поральскому* двѣ гривны, поспомъ шесть денегъ, а за рыбу и за масло полторы гривны.... А хлѣба съ сохи пол—11 кор. ржы, пол—11 кор. овса, коробья пшеницы и жита. А постояны игуменъ свое: варятъ на игумена пиво.... 2 кор. съ четверкою овса, а дару игумену полкоробьи ржы, столнику и чашнику и *куньщику* 3 четверки ржы, *повару* и *верховникамъ* и *конюху* 3 четвертки ржы, *медовару* полчетвертки ржы, посельникамъ полторы короб. ржы и овса и жита".

[2]) Писц. кн., I, 391—2: „Д. Цыбыцыно: дв. Ондрѣйко Цыбыцынъ, а подворникъ его дв. Сысойко, дв. Пилка... 4 обжы, стараго дохода съ нее не было: былъ тотъ Ондрѣйко при Иванѣ (Кузьминѣ) ключникомъ: Д. Козьякова гора: дв. Ондрѣйко Совинъ, а подворникъ его дв. Бурко.... 2 обжы, стараго дохода не было: былъ тотъ Ондрѣйко при Иванѣ ключникомъ же".

[3]) Писц. кн., I, 708: „Въ Тюхолскомъ погостѣ волость владычня. Погостъ Тюховской.... На погостѣ жъ: дв. владычень — поселской Ивашко Рѣпа". II, 442; „Волостка Юрьева монастыря.... На погостѣ жъ дв поселской Игнатъ, пашни не пашетъ".

настырскихъ имѣніяхъ эта сторона даже получила особенную организацію: для облегченія посельскимъ и ключникамъ въ совершеніи подъѣздовъ въ разныхъ краяхъ монастырскихъ имѣній были устраиваемы и поддерживаемы особенные монастырскіе дворы, предназначенные именно для пребыванія управителей во время пріѣзда.

Владѣнія большей части поземельныхъ собственниковъ представляли массу разбросанныхъ по всей Новгородской землѣ клочковъ, какъ они случайно образовывались чрезъ пожалованіе, наслѣдство, куплю, закладъ и другіе способы пріобрѣтенія. Дошедшія до насъ писцовыя книги Деревской и Вотской пятины показываютъ, что, напр., владѣніе посадника Захара Овина и сына его Ивана находились больше, чѣмъ въ 20 мѣстахъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляли сколько нибудь значительныя волости; по большей же части это были небольшія волостки, смѣшанныя владѣнія и даже просто отдѣльныя деревни или ихъ купы. И это только по описаніямъ двухъ дошедшихъ до насъ пятинъ; что же касается остальныхъ, то мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы и въ нихъ не встрѣчалось, въ большомъ или меньшемъ количествѣ, поземельныхъ владѣній семьи Овина [1]). Подобнаго же рода разрозненностію характеризовались не только монастырскія имѣнія, составлявшія въ цѣломъ обыкновенно весьма значительныя величины, но и владѣнія мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Какъ ни незначительны были послѣднія, они рѣдко образовывали одну компактную массу. Напротивъ, въ большей части случаевъ, они были разбросаны не только по различнымъ погостамъ однаго края, но не рѣдко и по погостамъ весьма отдаленныхъ между собой областей [2]). Попытки установить нѣкоторую связь между разбросанными селеніями существовали, правда, и въ Великомъ Новгородѣ; но онѣ имѣли цѣлью удобства не столько хозяйства, сколько управленія. Поселки, лежавшіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ, были соединяемы тамъ въ одно цѣлое: въ волость, волостку или просто группу селъ. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ волостей устраивались особые владѣльческіе дворы, служившіе центромъ соединенія. Одинъ изъ такихъ дворовъ непремѣнно былъ у каждаго владѣльца большой; иногда же большихъ дворовъ было у землевладѣльцевъ и по нѣскольку; но

---

[1]) Писц. кн. I, 78; II, 198, 413, 452; III, 19, 375, 423, 445, 489, 570, 620, 658, 740, 798, 874, 941. Врем., XI, 290, 361, 378, 394, 399.

[2]) Писц. кн., III, 828: „Да ихъ же (своеземцевъ Городенскаго пог. Орѣховскаго уѣзда) деревни въ Орѣховскомъ уѣздѣ въ Куивошскомъ погостѣ, да въ Келтушскомъ погостѣ“. III, 273, I, 808 и д.; II 97, 391.

это свидѣтельствовало только о томъ, что вотчина составилась исторически, чрезъ переходъ изъ рукъ другихъ владѣльцевъ, уже имѣвшихъ свои большіе дворы. Владѣльческіе дворы служили частью складочнымъ мѣстомъ для хозяйственныхъ запасовъ, поступавшихъ съ крестьянъ, частью же мѣстомъ управленія и даже пребыванія владѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы, мало занимавшіеся земледѣліемъ, пребывали въ нихъ, впрочемъ, только временно, когда совершали объѣзды вотчинъ, или когда являлись въ деревню лѣтомъ подышать свѣжимъ воздухомъ и взглянуть на сельскія работы. Собственно постоянными обитателями дворовъ были только мелкіе поземельные собственники, земцы, связь которыхъ съ земледѣліемъ была тѣснѣе. Конечно, и между земцами были лица, жившія преимущественно въ городахъ, главныя массы ихъ, однако, несомнѣнно жили въ своихъ вотчинахъ, а въ городахъ бывали только временно. На послѣднее указываетъ то обстоятельство, что дворы, которые имѣли земцы въ городѣ, стояли очень часто пустыми, строились обыкновенно не на посадѣ, а въ крѣпости и, такимъ образомъ, служили только мѣстомъ временнаго убѣжища отъ непріятеля. Всѣ сколько-нибудь значительные землевладѣльцы имѣли обычай жить, по всей вѣроятности, въ лѣтнее время, главнымъ образомъ для отдыха, въ важнѣйшихъ изъ своихъ поземельныхъ имѣній, ближайшихъ къ Новгороду. Въ послѣднихъ въ этихъ видахъ существовали особые, такъ-называемые, боярскіе дворы. Если же семья боярская была многочисленна и распадалась на нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ, то каждая изъ нихъ имѣла свой отдѣльный боярскій дворъ. Такъ, напримѣръ, изъ семьи Селезнева, распадавшейся въ концѣ XV столѣтія на три вѣтви, каждый домовладыка, Ѳедоръ Яковлевичъ и Михаилъ Матвѣевичъ Селезневы, равно какъ и Яковъ Васильевъ Губа Селезневъ, имѣлъ свой особенный сельскій дворъ [1]). Совсѣмъ другой видъ носило разселеніе мелкихъ поземельныхъ собственниковъ: они представляли по преимуществу земскій классъ населенія. Конечно, и между ними были лица, которыя исключительно жили въ городахъ, въ тѣхъ по крайней мѣрѣ, въ районѣ которыхъ были расположены ихъ земли, но быть можетъ, это были

[1]) Писц. кн., I, 457: „Селцо Глиняпище... старого дохода со всего села не было: изъ старины былъ дворъ Васильевъ (Кузьмина)". II, 132—3: „селцо Теребуново... старого дохода (съ обжы) не было... жилъ въ немъ самъ Ѳедоръ (Селезневъ)"... I, 252: „селцо Митробузицы... жилъ въ немъ самъ Михаилъ (Селезневъ)".

лица городскаго происхожденія, обзаведшіяся землей [1]). Главная же масса земцевъ, во всякомъ случаѣ, въ сосѣднемъ городѣ бывала только временами, и для этой цѣли содержала особые дворы, находившіеся на попеченіи дворниковъ. Расположеніе такихъ дворовъ внутри городовъ (крѣпостей), а не на посадѣ, показываетъ, что одною изъ важныхъ причинъ временнаго пребыванія земцевъ въ городѣ служило опасеніе вражескаго нашествія [2]). Постоянно же земцы жили въ своихъ имѣніяхъ, гдѣ также существовали особые дворы для ихъ помѣщенія. У болѣе зажиточныхъ такіе дворы, по примѣру крупныхъ землевладѣльцевъ, были большіе [3]).

Еще болѣе важныя слѣдствія подчиненіе хозяйства постороннимъ цѣлямъ имѣло для внутренней организаціи поземельныхъ владѣній. Благодаря этому обстоятельству, во внутреннемъ расчлененіи поземельныхъ владѣній довольно замѣтно отсутствіе экономической организующей мысли. Какъ ни громадны были владѣнія нѣкоторыхъ Новгородскихъ бояръ, ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчается намека на большое хозяйство: послѣднее, напротивъ, во всѣхъ имѣніяхъ было малымъ. Собственной запашки не существовало вовсе, или же она являлась въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Вовсе собственной запашки не существовало и въ церковныхъ владѣніяхъ, какъ владычнихъ, такъ и монастырскихъ. Причины этого явленія понятны. Собственная запашка предполагаетъ присутствіе значительнаго числа собственныхъ рабочихъ рукъ; а такихъ рукъ, обыкновенно, у церкви не было. Нѣтъ сомнѣнія, монахи нерѣдко являлись дѣятельными факторами при распространеніи земледѣлія; но это бывало обыкновенно въ началѣ монастырскаго существованія, когда послѣднее было предоставлено исключительно собственнымъ силамъ и находило поддержку въ подвижническомъ настроеніи первыхъ основателей монастырскаго житія. Съ теченіемъ же времени, когда существованіе монастыря дѣ-

---

[1]) Врем. XI, 111: „А се дворы на посадѣ лутчихъ людей своеземцовъ, а въ нихъ живутъ сами“. Врем. XII, 4: „А се въ Корелѣ жъ на посадѣ своеземцы, а живутъ на городскихъ мѣстѣхъ на тяглыхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянутъ“...

[2]) Врем. XI, 113: „А се па посадѣ жъ и внутри города дворы своеземцевы, а въ нихъ живутъ дворники... а дворники съ горожаны тянутъ“. XII, 5: „Да на посадѣ жъ дворы своеземцевъ Корельскихъ, а въ нихъ живутъ сами и дворники... а дворники съ горожаны въ оброкъ тянутъ“.

[3]) Писц. кн., Ш, 826 и д. Врем. XI, 137 и д. Врем. XII, 13: „Григорія Иванова... у часовни надъ озеромъ.... дв. въ большомъ самъ Григорій“...

лалось обезпеченнымъ, инокя переставали заниматься земледѣліемъ и обращались къ другимъ болѣе почетнымъ или выгоднымъ занятіямъ. А затѣмъ, монастыри не располагали и посторонними руками, связанными съ монастыремъ. Холопы, конечно, могли быть и въ владычнихъ, и монастырскихъ имѣніяхъ, но число ихъ, во всякомъ случаѣ, было ограниченнымъ. Внушая мірянамъ отпускъ несвободныхъ людей на волю, какъ богоугодное дѣло предъ смертью, церковь, естественно, не могла и сама равнодушно относиться къ скопленію рабовъ въ своемъ владѣніи. Противоположно церкви, мірскіе поземельные собственники отдѣляли въ своихъ имѣніяхъ земли подъ собственную запашку, но послѣдняя никогда на достигала сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, и служила только къ удовлетворенію непосредственныхъ нуждъ землевладѣльцевъ. Такъ какъ потребности крупныхъ землевладѣльцевъ, естественно, были больше, то и запашка ихъ, сравнительно, была большею, хотя въ сущности все-таки малою. Такъ извѣстно, что во второй половинѣ XV столѣтія дворъ боярина Ивана Захарьина Овина имѣлъ при себѣ запашки до 37½ десятинъ, Михаилъ Селезневъ пахалъ на себя до 22½ десятинъ, Ирина Никифорова—тоже [1]). Что же касается мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, то хотя они и имѣли свою собственную запашку, тѣмъ не менѣе размѣръ подходилъ къ запашкѣ не крупыхъ землевладѣльцевъ, а крестьянъ; временами даже низпадалъ ниже уровня самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ. Обыкновенный размѣръ запашки въ земецкихъ владѣніяхъ не превышалъ той нормальной величины, которая указана нами для крестьянской пашни въ разныхъ пятинахъ. Болѣе зажиточные земцы, конечно, запахивали временами гораздо болѣе крестьянъ, особенно когда земецкая семья была многочисленна. Но за то нерѣдки случаи, когда на семью приходилась половина крестьянской нормы [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у своеземцевъ даже совсѣмъ не

---

[1]) Писц. кн. I, 83: „А съ пяти обежъ съ сельскихъ дохода не было: изъ старины былъ дворъ боярской (Ивана Овина)“. I, 256: „А съ трехъ обежъ дохода не было, пахалъ ихъ Михаилъ (Селезневъ) на себя“. I, 745: „А съ пяти обежъ дохода нѣтъ: три обжы Орина (Никифорова) пахала на себя, а двѣ пахалъ попъ“.

[2]) Врем. XI, 139: „Д. въ верхъ Морви рѣки: дв. самъ Микитко сѣетъ ржи три коробьи, а сѣна коситъ 100 копенъ, обжа“. Врем. XI, 181: „Д. Корбола... дв. самъ Остапъ... сѣютъ ржи 4 кор., а сѣна косятъ 70 коп., обжа“. Врем. XI, 182; XII, 13, 245: „Въ вопчей дер. въ Розмѣсовѣ... на Денисовѣ жеребьи: дв. самъ Дениско, сѣетъ ржы 1½ коробьи, а сѣно коситъ 10 коп., полъ-обжы“... XI, 249.

было собственной запашки. Въ этихъ условіяхъ они, естественно, вмѣсто земледѣлія занимались другими промыслами. Первый случай имѣлъ мѣсто тогда, когда между земецкими землями замѣшивались жеребьи тѣхъ владѣльцевъ, которые по отдаленности не могли посвящать имъ большаго вниманія: земцы воздѣлывали ихъ на себя, давая собственнику, вѣроятно, довольно незначительное вознагражденіе [1]. Что же касается до постороннихъ промысловъ, то между ними самую видную роль играло кузнечество. Лица, занимавшіяся этимъ занятіемъ, какъ и естественно было ожидать, соединялись въ общественныхъ тягостяхъ не съ сельскимъ населеніемъ, а съ горожанами [2].

Опредѣлить величину крестьянскихъ участковъ для настоящей эпохи нѣтъ возможности, да въ томъ и нѣтъ никакой надобности, такъ какъ земли вообще было много, и каждый по желанію могъ расширять свое хозяйство. Гораздо важнѣе для насъ знать, сколько у крестьянъ земли состояло обыкновенно въ обработкѣ; а въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь данныя изъ познѣйшаго времени—XV столѣтія. Эти данныя прежде всего показываютъ, что размѣръ крестьянской воздѣлываемой земли измѣнялся сообразно съ различными мѣстностями Новгородской земли. Меньше всего размѣръ воздѣлываемой крестьянской земли былъ въ упомянутой нами раньше неплодородной сѣверо-восточной части Новгородской области; больше всего— въ части юго-западной. Но и въ послѣдней были нѣкоторыя различія: въ болѣе плодородной юго-восточной полосѣ земли воздѣлывалось меньше, чѣмъ въ менѣе плодородной, западной. Такъ, въ Обонежьи или позднѣйшей Обонежской пятинѣ размѣръ крестьянской запашки въ нормальномъ хозяйствѣ обнималъ полторы десятины для ржи; слѣдовательно, въ двухъ поляхъ состояло, обыкновенно, три десятины. Напротивъ, во всѣхъ другихъ краяхъ Новгородской области, въ Деревской землѣ, Вотской и по Шелони размѣръ крестьянской запашки былъ гораздо больше. Самую большую величину онъ имѣлъ въ Вотской землѣ и по Шелони. Тамъ крестьянская запашка, по позднѣйшимъ даннымъ,

---

[1]) Врем. XII, 40: „Да за Давидкомъ же (Кутятинымъ) четверть земли Балакшинская жъ въ своеземцовыхъ 2-хъ обжахъ съ Микулкиныхъ Лукьянова съ братьею... въ Терешкинѣ извозѣ, а пашутъ ту часть тѣжъ своеземцы, а Давиду даютъ оброкомъ за все доходъ гривну“. Ср. XII, 64.

[2]) Писц. кн., III, 549. Вр., XII, 139: „Съ д. Ѵандолокшѣ... своеземцовъ... сохъ 8... А тянутъ съ городчаны во всѣ потуги въ городокъ Корѣлу“. XII, 141; XII, 141. Врем., XI, 183: „Д. Нуларва Олехнова; дв. самъ Макаръ съ братомъ не пашутъ;.... XII, 23.

простиралась до 4 десятинъ въ одномъ полѣ, слѣдовательно, въ двухъ поляхъ до 8 десятинъ. Нѣсколько меньшую величину представляла нормальная запашка въ Деревской землѣ: тамъ она занимала подъ всѣми хлѣбами не болѣе шести десятинъ. Подобное же разнообразіе замѣчается и въ размѣрѣ земли, состоявшей подъ пожнями и лугами, хотя тутъ нѣтъ такой строгой соотвѣтственности, какъ въ размѣрѣ пашни. И сѣнокосной земли меньше всего было въ Обонежьи, больше всего, въ Вотской землѣ, на Шелони и въ Деревской пятинѣ. Нормальной величиной сѣнокоснаго сбора въ этихъ краяхъ было на крестьянское хозяйство 15 копенъ, а это даетъ право предполагать, что размѣръ сѣнокосной земли въ нормальномъ крестьянскомъ хозяйствѣ простирался до одной десятины. Объясненіе этимъ различіямъ въ размѣрѣ крестьянской воздѣлываемой земли, нужно искать частію въ плодородіи почвы, частію же въ присутствіи постороннихъ промысловъ. Разница въ запашкѣ Деревской земли, сравнительно съ Шелонской и Вотской землями, объясняется удобно меньшимъ плодороліемъ почвы въ двухъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего запашка въ нихъ неизбѣжно должна была увеличиваться въ размѣрѣ. Что же касается Обонежья, то тамъ, очевидно, земледѣліе не имѣло значенія исключительнаго занятія, и на помощь ему являлись другіе промыслы. Тамъ охота, рыболовство вознаграждали населеніе края за то, въ чемъ отказывало имъ земледѣліе.

Кромѣ этого различія въ воздѣлываемой крестьянами землѣ по различнымъ мѣстностямъ, были еще различія въ однихъ и тѣхъ же краяхъ. Размѣръ крестьянской запашки иногда въ одномъ и томъ же краю далеко превосходилъ нормальной уровень, иногда же, напротивъ, далеко низпадалъ ниже его. Причины, вызывавшія расширеніе крестьянскаго хозяйства, были двоякаго рода. Прежде всего на увеличеніе размѣра хозяйства не оставалась безъ вліянія численность рабочихъ силъ въ семьѣ. Коль скоро именно способные къ работѣ дѣти оставались при родителяхъ или же въ семьѣ появлялись посторонніе работники, въ родѣ подворниковъ и захребетниковъ, какъ прежняя сфера дѣйствія остановилась тѣсною. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства хозяйство въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже достигало двойного размѣра, въ другихъ же, болѣе обыкновенныхъ, увеличивалось на половину [1]). А затѣмъ на увеличеніе крестьянскаго хозяйства имѣла вліяніе и административная роль крестьянъ; старосты и ключники, обыкновенно,

[1]) Писц. кн., I, 2, 5.

вели сравнительно гораздо бо́льшее хозяйство [1]). Иногда всѣ эти обстоятельства, многочисленность семьи, присутствіе посторонихъ работниковъ и сельская служба дѣйствовали вмѣстѣ, и вслѣдствіе этого крестьянское ховяйство получало необыкновенные размѣры; запашка возростала чуть не втрое [2]). Путей, которыми совершалось расширеніе крестьянскаго хозяйства, было три. Если въ селѣ имѣлся свободный участокъ, то крестьянинъ, нуждавшійся въ землѣ, бралъ его на себя, и дѣло было въ шляпѣ. Если же такого участка не было, то онъ прибѣгалъ къ припущенію. Припущеніе состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ присоединеніи къ пашнѣ жилого села, пашни села, лежавшаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ и въ данное время находившагося впустѣ [3]). Но легко могло статься, что такого запустѣлаго селища по близости на лицо не имѣлось; тогда ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ наѣзду. Наѣздомъ производилось воздѣлываніе пустующей земли, которая находилась далеко отъ постояннаго мѣстожительства крестьянъ. Наѣздъ производился иногда цѣлой деревней, иногда же отдѣльными лицами [4]). До сихъ поръ мы имѣли въ виду только расширеніе крестьянскаго хозяйства; но, какъ мы уже замѣтили, еще чаще имѣло мѣсто противоположное явленіе, низпаденіе хозяйства далеко ниже

---

[1]) Тамъ же, I, 1: „Д. Дилово: дв. староста Якушъ Бѣлко, сѣетъ рж пол— 5 коробьи, а сѣна коситъ пол—30 копенъ, 2 обжы“.

[2]) Писц. кн., I, 6. Тамъ же, I, 7: „Д. Высловое: дв. ключникъ Якушко Ивашковъ, сынъ его Гридка, захребетникъ его Дениско, сѣютъ ржы 7 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, 3 обжи“...

[3]) Врем., XII, 92: „Раймоева гора, на Кобылицахъ: дв. Сидорко Ильинъ, дв. Грихно Халдей, а къ той же деревнѣ припустили въ поле пустошь Малую Горку, а была деревня, сѣютъ ржы въ деревнѣ и на пустоши 10 коробей, а сѣна косятъ 50 копенъ, пол—3 обжы“. Врем., XI, 224: „Д. на Кобылицахъ въ Жаворовѣ концѣ: дв. Васко Карповъ, дв. братъ его Васко. Д. на Колицахъ же въ Жаворовѣ жъ концѣ: дв. Савка Исаковъ... Да къ сѣмъ же двѣма деревнямъ припустили пустошь въ поле, а была деревня въ Жаворовѣ жъ концѣ. Сѣютъ ржы въ деревняхъ и на пустоши... 4 обжы“. Писц. кн., II, 43.

[4]) Писц. кн., II, 634: „Д. Житово жъ: дв. Кондратикъ, дв. Ѳедко... дѣти его Васко да Сидко, да они же пашутъ пустошь Пахомово наѣздомъ, сѣютъ ржы въ деревнѣ и на пустоши 7 кор., а сѣна косятъ 50 коп., 3 обжы“... I, 228: „Д. Загорье: дв. Михаилъ Клишинъ, сѣетъ ржы 2 кор., а сѣна коситъ 20 коп., обжа. Деревня Креневo пуста, пашетъ ее Михаилъ наѣздомъ“. I, 536: „а другую половину тое деревни (Троеимова) пашетъ Якимко... (изъ дер. Ѳедосьино, I, 535) наѣздомъ; сѣетъ ржы пол—2 коробьи, а сѣна коситъ 8 коп., во всей деревни обжа“... Писц. кн., II, 733; III, 330, 331, 333.

обычнаго уровня. Въ особенности сильное сокращеніе крестьянской запашки замѣчается въ упомянутой раньше сѣверо-восточной части Новгородской области, въ Обонежьи. Тамъ нерѣдко воздѣлываемая крестьянами земля ограничивалась пространствомъ одной десятины, часто даже не превышала ея половины. Но и въ другихъ мѣстностяхъ В. Новгорода случаи недостаточности крестьянской пашни были нерѣдки, хотя колебанія тутъ были не такъ значительны. Здѣсь обыкновеннымъ явленіемъ было сокращеніе крестьянской пашни до двухъ третей или половины нормальнаго размѣра [1]). Въ худшихъ же случаяхъ, не особенно, впрочемъ, частыхъ, крестьянская запашка низпадала до одной трети нормальной величины [2]). Каковы бы ни были, однако эти, различія, во всякомъ случаѣ размѣръ воздѣлываемой земли у крестьянъ былъ часто таковъ, что объ обезпеченномъ существованіи семьи отъ земледѣлія не могло быть и рѣчи. Въ виду этого необходимо предположить, что и здѣсь, какъ въ Обонежьи, крестьяне, недостаточно занятые земледѣліемъ, имѣли поддержку въ какомъ либо постороннемъ занятіи. Источники не оставляютъ на этотъ счетъ безъ положительныхъ указаній. Лица, обладавшія крестьянской пашней въ въ недостаточномъ количествѣ, оказываются иногда какими либо ремесленниками, кузнецами и т. п. [3]).

Сообразно съ этимъ различіемъ въ величинѣ крестьянскихъ селъ или участковъ и самый строй ихъ былъ довольно разнообразенъ. Въ однихъ случаяхъ составныхъ частей было мало, въ другихъ же—участокъ отличается значительной сложностью. Но какъ ни разнообразно было строеніе крестьянскихъ участковъ, все же въ нихъ было много чертъ, которыя составляли общую принадлежность всѣхъ поселковъ. На первомъ планѣ должна быть поставлена крест-

---

[1]) Врем., XI, 47: „Д. Питчино: дв. Стешко Тереховъ, сѣетъ ржы 3 коробьи, а сѣна коситъ 20 копенъ, пол—обжы"., Врем., XII, 10: Д. на Верхней Сятѣ: дв. Игнатко Онтоновъ, сѣетъ ржы 2 коробьи, а сѣна коситъ 20 копенъ, пол—обжы". Ср. Писц. кн., I, 4, 5, 6.

[2]) Врем., XI, 32: „Д. Бѣлобородово: дв. Савелко Гридинъ, дв. Семена Ивашковъ, дв. Карпикъ Ивашковъ, дв. Сафронко Фалѣмьевъ, дв. Пантелейко Селифонтовъ, дв. Ивашко Даниловъ, сѣютъ 6 кор. ржы а сѣна косятъ 20 коп., 2 обжы. Писц. кн., I, 18.

[3]) Врем., XI, 181: „Д. Дудкино: дв. Ивашко Ескинъ Жорновникъ, сѣетъ ржы 3 кор., а сѣна коситъ 15 коп., полъ обжи". Писц. кн., III, 399—400: „Д. Островъ: дв. Василь Коробейникъ, дв. Василь Заецъ, сѣютъ ржы 4 кор., а а сѣна косятъ 20 коп., обжа"... I, 51, 617, 618.

янская усадьба въ собственномъ смыслѣ. Она состояла изъ дворища, а иногда и изъ связаннаго съ нимъ огорода. Дворище было мѣстомъ жилья и помѣщенія хозяйственнныхъ построекъ. На немъ находился дворъ, составлявшій мѣсто поселенія, и клѣть, заключавшая имущество. У такъ называемыхъ поземщиковъ вся осѣдлость и ограничивалась дворомъ и его принадлежностями; но у обыкновенныхъ крестьянъ дальнѣйшую часть ихъ участка составляла земля, составлявшая собственную арену ихъ дѣятельности. Въ ней различались два главные отдѣла: пашенная земля и пожня. Положеніе пахотной земли было довольно разнообразно. Коренной пластъ ея находился, обыкновенно, непосредственно за дворомъ, отчего она, временами, называлась задворной. Но кромѣ собственно задворной земли были еще паханнныя земли вдали отъ дворовъ, въ лѣсахъ; такія-то земли, по всей вѣроятности, назывались лѣшими. Наконецъ, не нужно опускать изъ виду, что кромѣ этихъ двухъ видовъ были еще притеребы, или земли, вновь расчищенныя подъ пашню. Пашенныя земли были раскиданы также въ разныхъ земляхъ, составлявшихъ принадлежность извѣстнаго села. Размѣры посѣва на крестьянскомъ участкѣ по большей части простирался до 3 коробей на обжу; временами сѣялось 2½ и 3½ коробьи и только изрѣдка, и то въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, больше 3½ и меньше 2½ коробей. Если положить коробью равною одной нынѣшней четверти, то окажется, что хлѣбомъ засѣвалось около 3 десятинъ. За пахатной землей слѣдовали, какъ неизбѣжная принадлежность каждаго крестьянскаго двора, пожни. По даннымъ писцовыхъ книгъ обыкновенная величина сбора сѣна простиралась до 15 копенъ съ обжы; но не рѣдко сумма сбора колебалась между 10 и 20 копнами на обжу. Если принять, что копна содержала въ себѣ пять пудовъ сѣна и что десять копенъ приходилось на одну десятину, то окажется, что пространство сѣнокоса занимало обыкновенно до 1½ десятины и что общая сумма сбора простиралась до 75 пудовъ сѣна.

За вычетомъ незначительной части, предназначенной на удовлетвореніе собственныхъ потребностей землевладѣльцевъ, остальная масса поземельныхъ владѣній раздавалась собственниками частію находившимся въ ихъ зависимости служебнымъ лицамъ, частію же (и при томъ главною) по рукамъ крестьянъ. Чѣмъ больше земля становилась предметомъ разработки и основаніемъ частнаго благосостоянія, тѣмъ больше стало входить въ обычай платить землею за всѣ услуги, которыми пользовался собственникъ земли со стороны постороннихъ для него лицъ. Такъ поступали не только частные владѣльцы, но и само правительство. Въ частной области, однако, подобная раздача поземель-

ныхъ участковъ, сравнительно, была довольно незначительною. Одною изъ общихъ формъ раздачи владѣльцами поземельныхъ участковъ въ частныя руки было вознограждение лицъ, принимавшихъ на себя обязанности по управленію владѣльческихъ имѣній. Всѣ ключники, къ какимъ бы землевладѣльцамъ они ни относились, были ли это владычни и монастырскіе поселскіе или же ключники боярскіе, всѣ они за свои услуги получали отъ своихъ владѣльцевъ поземельные участки, равнявшіеся двойному или тройному крестьянскому жеребью [1]). Подобно ключникамъ, и всѣ другія лица, занимавшія у землевладѣльцевъ какія либо должности, получали въ вознагражденіе участки земель. Такъ, извѣстно, что въ монастырскихъ имѣніяхъ земельные участки давались монастырскимъ слугамъ и подворникамъ, которыхъ, однако, ближайшее значеніе остается неяснымъ; подобнымъ образомъ въ боярскихъ владѣніяхъ землею вознаграждались боярскіе люди, разселенные въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ довольно обильно [2]). Какъ мы уже замѣтили выше, число такихъ участковъ, поступавшихъ въ руки владѣльческихъ слугъ, было весьма ограничено; большая же часть, главная масса владѣльческихъ имѣній переходила въ руки крестьянъ. На такой способъ пользованія указываетъ уже то обстоятельство, что всѣ большія поземельныя владѣнія въ Новгородѣ распредѣлялись для удобства передачи въ руки крестьянъ на отдѣльныя села или участки. Они даже очень часто получали названія отъ тѣхъ крестьянъ, которые ими первоначально владѣли [3]). Формъ, въ которыхъ совершалась передача

---

[1]) Писц. кн., I, 16—17: „Д. Соболево: а въ немъ дворъ монастырскій, а въ немъ ключникъ ихъ монастырской Костя... сѣютъ ржы". I, 23—24: „Д. Шубино... двѣ обжы; стараго дохода нѣтъ, жилъ въ ней Оксиньинъ (Есиповой) ключникъ". I, 120: „А съ двухъ обжъ дохода не было: пахалъ ихъ ключникъ". Ср. I, 118. II, 57. Врем. XI, 353, 394.

[2]) Писц. кн., II, 445: „Д. Загорици: дв. монастырьской слуга Гридя Моклакова... Гридя на себя сѣетъ ржы 3 кор., а сѣна коситъ 20 коп., обжа". I, 316: „Д. Гора, а въ ней дв. монастырской, дв. подворникъ ихъ Олекса..... сѣютъ"... II, 444: „Д. Прилукъ... да дворъ монастырской, а въ немъ подворникъ Данилковъ"..... II, 198: „На погостѣ... старого дохода не было: жили въ немъ Захарьинскіе люди"... 199: „Д. Костромино... стараго дохода съ нея не было: жилъ въ ней Захарьинскій человѣкъ". Писц. кн., I, 29: „а съ четырехъ обежъ дохода не было: пахали ихъ Өеимьины (Горошковой) люди на себя".

[3]) А. Ю., 274: „на Ловатѣ въ Ходыняхъ села и въ Сойнѣ островѣ за Волокомъ за рѣкою за Вагою. Климово село, Перевоское село, на Кругломъ борку селце, а въ Яропугѣ Михала Калоева село... сына его Степанцево селче, Ондрея рыболова село; на Литвиновѣ горѣ село, и верхняя едма Вахрушово... и на

земли крестьянамъ, было двѣ. Крестьянамъ сдавались или участки въ ихъ полномъ составѣ, или же только однѣ усадебныя осѣдлости. Въ первомъ случаѣ, который по распространенію отличался подавляющимъ преобладаніемъ, крестьяне занимались земледѣліемъ: были земледѣльцами въ собственномъ смыслѣ; во второмъ же—они назывались поземщиками и занимались какими либо промыслами: рыболовствомъ, торговлей и т. п. Подраздѣленіе это, однако, не было безусловнымъ. Съ теченіемъ времени и поземщичьи селенія, чрезъ прописку пашенной земли, легко превращались въ земледѣльческіе поселки, въ которыхъ промыселъ игралъ роль побочнаго занятія. Во Псковѣ, кромѣ этихъ двухъ, была еще третья форма сдачи земли, а именно та, когда въ руки крестьянъ сдавалась не простая осѣдлость, а вмѣстѣ съ огородомъ. Срокъ, на который сдавались крестьянскіе участки, первоначально былъ, кажется, совсѣмъ не опредѣленъ. Крестьяне жили на нихъ, пока жилось, пока отношенія ихъ къ поземельнымъ собственникамъ не становились для нихъ почему-либо обременительными. Въ противномъ случаѣ, исполнивъ свои обязательства, крестьянинъ шелъ, куда ему было угодно. Съ XIV столѣтія, однако, начинаются попытки регулированія этого перехода въ интересахъ землевладѣльцевъ. Въ Псковѣ, напримѣръ, въ эту эпоху срокомъ взаимнаго отказа было опредѣлено Филиппово заговѣнье.

Какъ и вообще русская земля, Новгородская область совсѣмъ не знала никакихъ посредниковъ между землевладѣльцами и земледѣльцами, никакихъ арендаторовъ, которые бы снимали у владѣльцевъ земли и затѣмъ уже отъ себя передавали ихъ крестьянамъ. Землевладѣльцы стояли тамъ съ крестьянами въ прямыхъ отношеніяхъ. Основаніе, которымъ опредѣлялись эти отношенія, вездѣ было одно и тоже, а именно не что иное, какъ половничество. Земля сдавалась крестьянамъ не подъ условіемъ платы опредѣленной ренты деньгами или хлѣбомъ, а подъ условіемъ внесенія извѣстной доли продукта. Но единство основанія не устраняло, однако, разнообразія (въ величинѣ доли продукта) формъ поземельныхъ отношеній, не только въ разныхъ краяхъ области, но даже въ одной и той же мѣстности. Первоначальной величиной, отъ которой получила свое названіе и вся система отношеній, было внесеніе въ казну землевладѣльца *половья* или половины

Тарнѣ Куликово село, Ескино Комълова село, Евсѣйково село, Телково селце." Все, очевидно, села, составлявшія владѣнія крестьянъ и называвшіяся ихъ именами. (Примѣч. автора.)

общаго ежегоднаго дохода земледѣльца. Но затѣмъ, въ обычаѣ стало утверждаться рядомъ съ половьемъ и плата трети, четверти и пятины годичнаго дохода. Плата землевладѣльцу извѣстной доли продукта составляла главный видъ обязанностей земледѣльца; но она, однако, не исчерпывала еще всѣхъ поборовъ съ послѣдняго. Кромѣ половья, трети или четверти изъ хлѣба, земледѣлецъ долженъ былъ еще давать хозяину мелкій доходъ—постоянья [1]). Подъ мелкимъ доходомъ разумѣлся поборъ въ пользу землевладѣльца разными другими произведеніями крестьянскаго хозяйства. Роды ихъ мѣнялись нѣсколько, смотря по мѣстности и характеру побочныхъ занятій крестьянъ, а величина зависѣла много отъ той доли хлѣбнаго продукта, которую платилъ крестьянинъ. При половинномъ и даже при третномъ хлѣбѣ мелкій доходъ иногда совсѣмъ не платился, тогда какъ при другихъ доляхъ продукта онъ взимался въ увеличенномъ размѣрѣ и при томъ въ соединеніи съ ключничьимъ поборомъ [2]). Въ отношеніи мелкаго дохода нужно еще замѣтить, что сравнительно съ другими видами поборовъ, онъ гораздо раньше сталъ выражаться въ денежной формѣ. Причину этого явленія нужно, очевидно, искать въ томъ обстоятельствѣ, что взиманіе дробными предметами было весьма неудобно для обѣихъ сторонъ, и замѣна ихъ деньгами представляла самый удовлетворительный выходъ изъ затрудненій [3]).

---

[1]) Писц. кн. Ш, 185: „А старого доходу шло съ 21½ обжы половье изъ хлѣба, а съ 2½ обжы четверть изъ хлѣба, а съ обжы хлѣба поспомъ 3 кор. ржы, 2 кор. овса, 2 кор. ячмени; а мелкого дохода и съ ключникомъ со всѣхъ обежъ 6 барановъ, 7 пятковъ льну и 2 горсти, 4 сыры, 2 лопатки бараньи". Писц. кн., Ш, 289: „А старого дохода шло со всѣхъ боярщинъ и съ ключничею пошлиною денегъ рубль и 7 гривенъ и 4 деньги, а мелкого дохода"... 290: „а изъ хлѣба съ 12 обежъ половье, а съ 53 обежъ изъ хлѣба треть, а съ 4 обежъ изъ хлѣба четверть, а 6 обежъ оброчныхъ, а 11 обежъ старые бояре пахали на себя, а съ 9 обежъ хлѣба поспомъ и съ тѣмъ хлѣбомъ, что за половьемъ и за третью и за четвертью, 33 кор. съ четверткою ржы"... II, 751: „...въ хмелю половье"...

[2]) Писц. кн., Ш, 183: „Д. Берсетяно... 6 обежъ; а старого доходу шло половье изъ хлѣба"... 184: „Д. Будковца... а старого доходу шло два борана, 2 пятка льну, а изъ хлѣба четверть; а ключнику 2 сыра, 2 лопатки бараньи, 2 горсти льну"... Ш, 283: „Д. Борятино... а старого дохода шло изъ хлѣба треть"...

[3]) Писц. кн., Ш, 285: „Д. Иванково... а старого доходу шло 11 денегъ, а изъ хлѣба треть; ключнику четвертка ржы, четв. овса"... 286: „Д. Молсово... а старого доходу шло денегъ 2 гривны, а хлѣба поспомъ... а ключнику"...

Что же касается до *постоянья*, то подъ этимъ разумѣлись расходы по пріему въ селахъ землевладѣльцевъ и монастырскихъ властей; послѣдніе, по примѣру владыки, какъ упомянуто было немного раньше, имѣли обычай совершать подъѣзды въ свои имѣнія. Крестьяне послѣднихъ обязаны были давать монастырскимъ властямъ, ихъ свитѣ и прислугѣ не только достаточное содержаніе во время пребыванія, но и разные дары, сообразно съ важностію лица, входившаго въ составъ поѣзда. Даръ архимандриту (настоятелю) подносился обыкновенно деньгами, а другимъ лицамъ—извѣстнымъ количествомъ хлѣба. Съ теченіемъ времени, кажется, всѣ эти расходы превращались въ одну пошлину постоянья [1]).

Третьимъ видомъ поборовъ съ крестьянъ былъ ключничій доходъ. По характеру своему, онъ представлялъ не что иное, какъ повтореніе дохода землевладѣльца, только въ значительно меньшемъ размѣрѣ. Подобно владѣльческому доходу, и основанія, по которымъ собирали доходъ ключники, были весьма разнообразны. Въ основаніи сбора лежала иногда извѣстная доля продукта, иногда же оброкъ, который опредѣлялся то хлѣбомъ, то мелкими хозяйственными статьями, то, наконецъ, къ концу періода, деньгами. Древнѣйшей формой ключничьяго дохода была, кажется, плата извѣстнаго количества хлѣба съ каждаго овина или дыма [2]). Размѣръ ключничьяго дохода также былъ довольно разнообразенъ. Обыкновенно бралось съ каждаго овина или дыма по четверткѣ ржи, четверткѣ овса; но очень часто цифра была въ половину меньше, иногда же къ ней присоединялся еще и мелкій доходъ. Послѣдній и здѣсь всего легче замѣнялся нѣкоторымъ побо-

[1]) Писц. кн., Ш, 693: „А Богоявленьскихъ; селцо Коприно... а дохода съ нихъ... да постоянья 8 коробей ячмени, 8 коробей овса"... Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др., 1858, II, Смѣсь 54: „А коли архимандритъ пріѣде на подъѣздъ, стояти ему на стану двѣ ночи. А пива положити христьяномъ довольно. А хлѣба.., и мясное довольно. А конемъ овса и сѣна довольно. А дару архимандриту на томъ стану 5 гривенъ. Стольнику полкоробьи ржы"... и т. д. Писц. кн., II, 805: „а опричь того давали игумену со все(я) волости дару полтину Новогородцкую, а слугамъ шло дару" и т. д.

[2]) Времен., XI, 27: „да за половьемъ и за третью ржы и овса полкоробьи, да ключнику съ двадцати и семи обежъ отъ всякого овина по четверткѣ хлѣба". Врем., XI, 83: „да ключнику съ двадцати и семи обежъ ото всякого овина по четкѣ хлѣба, а съ обжи по получеткѣ". XI, 83—4: „да ключничи пошлины съ съ 20 и съ 8 обежъ по четкѣ хлѣба ото всякого овина, а полторы обжы оброчныя, а съ полуобжы по получеткѣ хлѣба отъ всякаго овина".

ромъ деньгами [1]). Во владычнихъ имѣніяхъ крестьяне обязаны были еще платить нѣкоторый взносъ въ пользу городского или погребного ключника за то, что при пріемѣ оброка онъ записывалъ объ исполненіи крестьянами своихъ обязанностей въ книгу. Взносъ этотъ и назывался, по всей вѣроятности, записнымъ [2]).

Подобно организаціи поземельныхъ владѣній, отсутствіе направляющей мысли замѣтно и въ ходѣ самаго производства. Одною изъ главныхъ силъ, дающихъ особенное развитіе послѣднему, раздѣленія занятій въ Великомъ Новгородѣ почти совсѣмъ не видно. Почти всѣ значительные землевладѣльцы располагали въ Новгородѣ нѣкоторымъ числомъ людей несвободнаго состоянія, которые назывались рабами, одерноватыми или просто челядью. Число это было тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы отодвигаемся въ древность и, наоборотъ, меньше, чѣмъ подвигаемся къ историческимъ временамъ. Причины такого явленія понятны. Съ одной стороны, рабовладѣльцы нерѣдко слѣдовали внушеніямъ церкви, поставлявшимъ освобожденіе рабовъ душеспасительнымъ дѣломъ, и отпусками передъ смертью нѣкоторое число своей челяди на свободу [3]). Съ другой же, и при томъ главной стороны, они съ теченіемъ времени меньше стали нуждаться въ услугахъ лицъ несвободныхъ состояній, такъ какъ земля удобно воздѣлывалась и при помощи свободныхъ людей. Понятіе о количествѣ владѣльческихъ людей можно получить изъ того, что у Астафія, одного изъ довольно состоятельныхъ Новгородцевъ, дерноватой челяди было 18 семей, а у Варлаама Хутынскаго, принадлежавшаго, кажется, къ землевладѣльцамъ средней руки, число челяди ограничивалось всего нѣсколькими семьями или человѣками [4]). Назначеніе этой челяди лежало, кажется, въ значитель-

---

[1]) Писц. кн., II, 805—6: „а посельской имал у нихъ съ тое волости со всякаго дыма по четвертѣ ржы, да по четвертѣ овса, да по сыру, да по бѣлкѣ, да по горсти льну, а имал у нихъ за сыръ и за бѣлку и за горсть льну пол-2 денги"...

[2]) Писц. кн., III, 22: „городцкому ключнику, который у нихъ въ городѣ хлѣбъ отъимаетъ, $2^1/_2$ же денги".

[3]) А. Ю., 434: „А челядь свою пошлю на отхожую"... 432: „А Захара старого пустилъ есми на свободу, и съ женою и съ дѣтьми". 430: „а Мишу съ женою и съ дѣтми мать моя и азъ отпустили есми на свободь, и Оленицу съ матерью и съ сестрою".

[4]) Д. къ А. И., I, 8, ок. 1192: „въ ху же ту землю Хутынскую въ дале св. Спасу и съ челядію и съ скотиною, а се... 1) отрокъ съ женою... 3) дѣвка Февронія съ двѣма сы(новьци)"... А. Ю. 430: „А что моей челяди дерноватой,

ной долѣ внѣ сферы экономической жизни; она служила, главнымъ образомъ, для личныхъ потребностей хозяевъ. Во всякомъ случаѣ, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ раздѣленія занятій къ этомъ классѣ. Лица, избранныя изъ него, посвящаемы были, главнымъ образомъ, занятію земледѣліемъ. Источники представляютъ намъ указанія на существованіе чернецкихъ страдниковъ, т. е. лицъ, занимавшихся обработкой монастырской пашни, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда у монастыря была собственная запашка [1]). Точно также извѣстно, что и всѣ земли, входившія въ составъ собственной запашки землевладѣльцевъ, обработывались обыкновенно подчиненными имъ людьми [2]). Въ благопріятныхъ случаяхъ и земцы обработывали собственную пашню при помощи своихъ слугъ; но, въ большинствѣ случаевъ, кажется, обработка лежала на ихъ собственныхъ плечахъ [3]). Отсутствію раздѣленія занятій въ средѣ собственныхъ слугъ соотвѣтствовало слабое привлеченіе крестьянъ къ воздѣлыванью помѣщичьей земли. Землевладѣльцы, кажется, вообще не имѣли обыкновенія привлекать крестьянъ къ воздѣлыванью своей пашни или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ участковъ, которые оставались впустѣ. Желаніе пользоваться лишними крестьянскими силами распространялось у нихъ, кажется, на одни только пожни и луга. Но и здѣсь, кажется, участіе крестьянъ было не важно и не распространялось на всѣхъ землевладѣльцевъ. Прямыя указанія источниковъ свидѣтельствуютъ ясно, что, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время въ обработкѣ монастырскихъ луговъ и пожни принимали нѣкоторое участіе и крестьяне, получая взамѣнъ своей работы извѣстную сбавку въ повинностяхъ, которыми они были обязаны относительно своихъ владѣльцевъ [4]). Существованіе значитель-

---

что досталось отцу моему у дяди Бориса въ отдѣлъ".. (слѣдуетъ перечисленіе). Амвросія, И. Р. Іер., III, 125—6: „и се (гласитъ Антоній Римлянинъ въ грамотѣ) возвѣщаю... Волосъ съ женою и дѣтьми одеренъ, Василей съ женою и дѣтьми одеренъ".

[1]) А. Ю., 145: „А посаднику Василью Степановичу... не вступатися... ни въ черицовъ, ни въ страдники чернецки, ни въ села чернецки".

[2]) Писц. кн., I, 100: „пахалъ ихъ (4 обжы) Степанъ (Шалимовъ, купецъ) съ братомъ своими людьми на себя".

[3]) Врем., XII, 13. Тамъ же, XI, 245, 249.

[4]) Писц. кн., III, 277: „Покровскаго монастыря съ погоста зъ Городны: дв. Юдка Гаврилковъ, сынъ его Кирилко... полъ обжы, а дохода пол—4 кор. ржы, 3 кор. овса, кор. ячменя, 3 четвертки пшеницы, да на монастырь же косятъ сто копенъ сѣна. Врем., XII, 30: „да тѣжъ крестьяне косятъ на поповъ на Воскресенскихъ (Корельскаго монастыря) сто копенъ сѣна".

ныхъ поженъ несомнѣнно и у свѣтскихъ землевладѣльцевъ; но объ обработкѣ ихъ крестьянами не имѣется никакихъ данныхъ. Только въ отношеніи земцевъ есть извѣстіе, что и на нихъ луга косились временами крестьянами [1]).

Землевладѣльцы въ древности были не только собственниками земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталистами, располагавшими нѣкоторыми средствами, могущими быть обращенными на развитіе производства, между прочимъ, и въ крестьянскомъ быту. Зачатки такого употребленія владѣльческихъ капиталовъ замѣчаются уже въ Новгородское время. Уже тамъ владѣльцы не отказывали въ нѣкоторыхъ ссудахъ крестьянамъ, частію для того, чтобы дать имъ возможность расплатиться при переселеніи съ старыми владѣльцами, частію же для того, чтобы при новомъ поселеніи обзавестись всѣмъ необходимымъ. Въ особенности обычай дѣлать ссуды былъ распространенъ, кажется, въ монастырскихъ имѣніяхъ. Собственно, Новгородская исторія не представляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ данныхъ; но о присутствіи тамъ указаннаго обычая нужно заключать изъ свѣдѣній, имѣющихся въ отношеніи образа дѣйствія монастырскихъ властей другихъ русскихъ краевъ того времени. Извѣстно, напримѣръ, что даже самое названіе крестьянъ, получавшихъ ссуду [серебро] отъ владѣльцевъ, и именно: монастырскіе серебряники,—обязано своимъ началомъ монастырскимъ имѣніямъ [2]). Подобно монастырямъ, и міряне землевладѣльцы не отказывались временами давать денежныя ссуды крестьянамъ или, какъ въ древности выражались, давать имъ „подможныя деньги“ [3]). Въ обоихъ случаяхъ ссуды дѣлались крестьянамъ не безмездно, а подъ условіемъ извѣстнаго возмѣщенія трудомъ или даже просто подъ условіемъ платы извѣстныхъ процентовъ. Послѣдніе опредѣлялись землевладѣльцами довольно высоко. Въ извѣстныхъ намъ примѣрахъ размѣръ ихъ простирался не болѣе не менѣе, какъ до 6—7 процентовъ. Ссуды эти, какъ кажется, уплачивались крестьянами не всегда довольно исправно. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что ссуды, сдѣланныя крестьянамъ еще Новгородскими владѣльцами, являются неуплочен-

---

[1]) Врем. XI, 285: „Д. Тенгола: дв. самъ Васюкъ, а христіанъ. ... а на Иваша косятъ 50 копенъ“.

[2]) А. А. Э., I, 35, ок. 1450: „да кто деи выйдетъ половникъ серебряникъ въ твой путь, ино дай ему платитися въ истос на два года безъ росту“....

[3]) Писц. кн., II, 36: „Да опричь того за Сомонъ въ той же волости денягъ великаго князя за христьяны подможныхъ Дмитреевскихъ Козоньского 7 рублевъ безъ гривны да безъ шти денегъ“.

ными даже въ Московское время и проценты по нимъ еще тогда составляли одну изъ доходныхъ статей имѣній Московскихъ помѣщиковъ [1]). Кромѣ денегъ, землевладѣльцы имѣли обыкновеніе оказывать крестьянамъ и другія вспомоществованія. Такъ по крайней мѣрѣ нужно заключать изъ примѣра сосѣдняго съ Новгородомъ Пскова. Если справедливо, что подъ покрутою въ Псковѣ разумѣлась ссуда владѣльца земледѣльцу, то несомнѣнно, что понятіе послѣдней обнимало не только деньги, но одинаково хлѣбъ и, по всей вѣроятности, земледѣльческій. Въ особенности важна была ссуда для крестьянъ сѣменами на посѣвъ [2]). Что же касается до другихъ употребленій владѣльческаго капитала на пользу крестьянъ, въ родѣ предоставленія къ ихъ услугамъ владѣльческихъ заведеній, которыя бы содѣйствовали больше успѣшности крестьянскаго труда, то о нихъ, за недостаткомъ извѣстій, было бы излишне высказывать какія либо соображенія.

Какъ и естественно ожидать, хозяйство въ крестьянскомъ быту производилось исключительно силами самихъ крестьянскихъ семей. Однако и тутъ замѣчается стремленіе пользоваться посторонними работниками, оставшимися безъ дѣла. Не всѣ лица земледѣльческаго класса въ Новгородѣ располагали средствами для того, чтобы основать свое собственное хозяйство. Многіе, за недостаткомъ необходимаго капитала, скота и земледѣльческихъ орудій, принуждены были поступать въ услуженіе къ другимъ крестьянамъ. Благодаря этому обстоятельству, настоящіе крестьяне могли полнѣе развертывать свое хозяйство, снимать большее количество земли, а зависимые отъ нихъ люди—обезпечивать свое существованіе. Названія, которыми характеризовались крестьяне, жившіе за чужимъ тягломъ, были весьма разнообразны. Лица, жившія у другихъ назывались закладнями, складниками, сусѣдами, захребетниками, подворниками [3]). Изъ нихъ значи-

---

[1]) Писц. кн., III, 601: „Да въ той же волости Олѳерьевскыхъ Гагина подможныхъ денегъ за христіаны рубль и 9 гривенъ съ денгою, а росту идетъ пол—2 гривны". III, 803: „Да въ той же волости в. князя денегъ подможныхъ Олѳерьевскихъ Гагина 3 рубли и 6 гривенъ и 10 денегъ даны Васюку-жъ въ доходъ, а Васюкъ на нихъ росту емлетъ 4 гривны безъ 3 денегъ".

[2]) П. С. Гр., 2 изд., стр. 7.

[3]) А. З. Р., I, 88, 1479: „хотя на которомъ жеребьи одинъ человѣкъ сѣдитъ, а держитъ за собою закладни, а хотя такъ гдѣ 5 человѣковъ на одномъ жеребьи сѣдятъ тоежъ даютъ". Писц. кн., Ш, 700: „Починокъ Рокитино... дв. Гридка Ивашковъ, сусѣдъ его Демешка... пол-обжы... Тамъ же, Ш, 262, 401; Вр. XI, 429; Вр. XI, 56: „Д. Поткола: дв. Трофимко Ивашковъ, сынъ его Мартынко, складникъ его Офонаско Денисовъ... 2 обжы".

тельнымъ распространеніемъ, особенно къ концу независимаго существованія Новгорода, пользовались захребетники и подворники, находившіеся временами въ услуженіи не только у одного крестьянина, но и у нѣсколькихъ. Обыкновенно такіе люди и жили не иначе, какъ во дворахъ коренныхъ крестьянъ, которымъ они служили помощниками [1]).

Но однако часто замѣчается случай, что захребетники и подворники занимали отдѣльные дворы, особенно, когда они состояли не за однимъ, а за нѣсколькими крестьянами [2]). Въ большинствѣ случаевъ захребетники и подворники, явно, трудились вмѣстѣ съ своими хозяевами надъ воздѣлываніемъ полей; но иногда, даже занимая отдѣльные дворы, они, по прямымъ указаніямъ источниковъ, не пахали пашни; слѣдовательно, посвящали свои силы какимъ-либо другимъ занятіямъ, нужнымъ для ихъ хозяевъ [3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ захребетники и подворники получали даже какъ бы самостоятельное положеніе. Обыкновенно они не знали никакихъ отношеній къ землевладѣльцамъ; а въ этихъ исключительныхъ случаяхъ они обязывались такою же платою, какъ и сами крестьяне [4]). Что же касается до половниковъ, которые также временами встрѣчались въ крестьянскомъ быту, то подъ

---

[1]) Писц. кн., I, 6: „Д. Стрѣльниково... дв. Еска... сынъ его Емельянецъ, подворникъ его Ѳедко... 3 обжы". Ср., I, 13; тамъ же, I, 2: „Д. Волотцкое: дв. Ивашко Зубарь, захребетникъ его Аврамко"... Ср. I, 4, 5; II, 618.

[2]) Писц. кн., I, 52: „Селцо Маковѣево... а христіанъ: дв. Пронка, дв. Васюкъ Трофимовъ, дв. захребетникъ ихъ Осташко". Писц. кн. Обон. пят., л. 2 подл.: „Д. на Вытегрѣ... дв. Степанко, да сусѣдъ его Власко да Ивашко"... Писц. кн. Обон. пят., л. 13 подл.: „Д. на Бѣломъ ручью: дв. Малашко Уваровъ, да сусѣдъ его Сидорко, сѣютъ ржы 3 коробьи, сѣна косятъ 20 коп., 2 обжы". Писц. кн. Обон. пят., л. 12: „Д. Пустынка: дв. Климко Грединъ да сынъ его Максимко, дв. сусѣдъ ихъ Михалко, сѣютъ ржы 3 кор., сѣна косятъ 10 копенъ, 2 обжы"... Писц. кн. Обон. пят., л. 2 подл.: „Д. на Салмасъ же озерѣ: дв. Родивонко..., дв. сусѣдъ его Ѳоѳанко"... Писц. кн. Об. пят., л. 38 подл.: „Д. Никоновская: дв. Захарко да Фомка Алексины да сусѣдъ ихъ Яковинъ"...

[3]) Писц. кн., I, 9, 18, 42, 215, 391; II, 559. Писц. кн., II, 713: „Д. Толочница: дв. Васко... А нынѣчь даютъ оброку... А захребетниковъ: дв. Семешко... дв. Степанко, пашни не пашутъ". Тоже, II, 714, 715.

[4]) Писц. кн., II, 707—708: „Д. Семеновская... дв. Иванко Ивашковъ... дв. Онуфрейко Ѳедотовъ, дв. захребетникъ ихъ Микитка Осташовъ... А нынѣчь даютъ оброку пол-9 гривны съ денгою, да Иванко Ивашковъ даетъ оброку гривну... да Микитка Осташовъ даетъ оброку гривну".

ними, по всему вѣроятію, нужно разумѣть лицъ изъ класса земледѣльцевъ, которые снимали землю у другихъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ подъ условіемъ платы половины продукта. Выгоды тутъ для крестьянина были очевидны. Онъ получалъ съ половины вознагражденіе, которое принадлежало вообще къ разряду самыхъ высокихъ и давало ему возможность не только уплатить за землю помѣщику, если она не была получена взамѣнъ найма за службу, но и быть еще въ нѣкоторомъ барышѣ [1]).

Кромѣ пользованія свободными рабочими силами, у крестьянъ еще былъ другой видъ веденія хозяйства, это путь общаго дѣйствія. Артельное начало, присущее древне-русской жизни, имѣло мѣсто и въ земледѣльческомъ быту. Въ общемъ дѣйствіи принимали участіе одинаково жители какъ ряда деревень, такъ и цѣлыхъ волостокъ и даже волостей, а объектомъ его служили одинаково какъ пашенныя земли, такъ и сѣнокосныя, обыкновенно такія, которыя оставались у землевладѣльцевъ незанятыми или впустѣ. При этомъ, однако, были два случая. Иногда только пустующія земли снимались сообща, воздѣлывались же отдѣльными хозяевами. Это было тогда, когда незанятыя земли распредѣлялись на *разъемъ*, т. е., вѣроятно, кто сколько хотѣлъ взять на свою долю. Такіе случаи, впрочемъ, извѣстны только въ отношеніи рядовичей, жившихъ на погостѣ, и въ отношеніи крестьянъ, входившихъ въ составъ одной деревни [2]). Но обыкновенно, кажется, и самое воздѣлываніе производилось общими силами. Волость, волостка или рядъ деревень производили именно обработку пустующихъ земель наѣздомъ [3]).

Въ техникѣ производства замѣчается еще менѣе слѣдовъ историческаго развитія. Всѣ пріемы ея отличаются чуть ли не первобытной простотою. Земледѣльческія орудія, благодаря которымъ Новгородцы торжествовали надъ суровою природою и прокладывали пути къ культурѣ, не отличались особенною сложностью. Это были: топоръ,

---

[1]) Писц. кн., I, 788: „Д. Дѣдовичи: дв. Онтушко староста, дв. Костко... половники Онтушовы... 3 обжы“.

[2]) Писц. кн., I, 412: „Да тѣ же рядовичи пашутъ селище на разъемъ, а даютъ съ него оброку въ волость гривну и 5 денегъ“. I, 536. III, 291.

[3]) Писц. кн., I, 176: „А пустыхъ деревень въ Михайловской Смердѣ, а пашутъ ихъ тоже Смерды всею волостью“... II, 578: „Д. Ѳилипово: пуста, а пашутъ ее христьяне волостью наѣздомъ“. См. еще I, 210, 211. Писц. кн., II, 488: „Д. Шышыгино, пуста: пашутъ ее христіане (3 деревень) наѣздомъ“. Врем. XI, 121. Писц. кн. Об. пят., л. 64 подл.

коса и соха. Въ древности, впрочемъ, кажется, главнымъ земледѣльческимъ орудіемъ былъ плугъ, болѣе соотвѣтствовавшій по своимъ качествамъ первобытной, дѣвственной почвѣ, требовавшей для обработки болѣе сильныхъ орудій [1]). Соха замѣняетъ его уже только въ историческое время. По крайней мѣрѣ историческія свидѣтельства появляются о ней не ранѣе, какъ съ XIV столѣтія. Плугъ же остается при сохѣ только какъ вспомогательное, второстепенное орудіе [2]). По аналогіи съ другими краями древней Руси можно предполагать, что Новгородцамъ были извѣстны и нѣкоторыя другія земледѣльческія орудія, какъ то серпъ и борона, хотя на нихъ и нѣтъ прямыхъ указаній въ источникахъ [3]). Точно также первобытной простотой отличались способы обработки полей и уборки хлѣба въ Великомъ Новгородѣ. Изъ Русской Правды и другихъ источниковъ можно заключать, что земледѣльческія произведенія складывались въ копны и стоги [4]) и что стогъ содержалъ въ себѣ, примѣрно, до 100 копенъ. Сѣно, по высушеніи его, частію сметывалось въ стоги и такъ оставалось въ стогахъ на самыхъ поляхъ; частію же размѣщалось по нарочно устроеннымъ для него сѣнникамъ [5]). Что же касается ржи немолоченной, то она свозилась къ овинамъ. По просушкѣ въ послѣднихъ, ее обмолачивали на гумнахъ, которыя были или закрытыя и въ такомъ видѣ составляли, вѣроятно, часть овиновъ, или же открытыя, представлявшія просто на просто не что иное, какъ плотно утолоченную голую землю [6]). Въ менѣе зажиточныхъ хозяйствахъ овины, по всей вѣроятности, совсѣмъ не встрѣчались, хлѣба, вслѣдствіе этого, нерѣдко при неблагопріятной погодѣ совсѣмъ сгнивали [7]). Обмолоченный хлѣбъ

---

[1]) Рус. Правда по Троицк. сп., ст. 53: „но еже далъ ему господинъ плугъ и борону"... Лѣт. по Лавр. сп., 80: „и Вятичи побѣди, и возложи на ня дань отъ плуга"...

[2]) А. А. Э., I, 24, ок. 1437: „плугъ за двѣ сохи".

[3]) Уставъ Ярослава о земскихъ дѣлахъ.

[4]) Рус. Пр. по Карамз. сп., ст. 49: „А ржи немолоченные 15 копенъ"...

[5]) П. С. Гр., 2-е изд., стр. 1: „или сѣно сверху стога имать"... А. Ю., 435: „да сѣнникъ, да клѣть на подклѣтѣ"...

[6]) А. Ю., 116: „а на избѣ да на клѣти, да на овини десять бѣлъ"... А. Ю., 117: „дворъ и дворище, и гуменникъ"... 118: „два села земли... и гумнище"...

[7]) П. С. Р. Л., IV, 303, 1540: „Бысть осень дождлива велми, не дало солнцу просіяти и до заговѣйна Филипова за двѣ недѣли, и яровой хлѣбъ на полѣхъ и на гумнѣхъ изгнилъ; а зима была снѣжна, а весна была студена, и

въ зернѣ сохранялся различнымъ образомъ. У бояръ и вообще у знатнѣйшихъ людей для этой цѣли устраивались особенныя житницы. Обыкновенно же хлѣбъ сохранялся въ клѣтяхъ, которыя были на лицо въ каждомъ дворѣ, или просто въ ямахъ. Въ послѣднемъ случаѣ хлѣбъ и назывался яменнымъ [1]). Во Псковѣ клѣти, наполненныя хлѣбомъ, находились въ крому и пользовались чрезъ это особеннымъ покровительствомъ законовъ [2]). Обмолоченное зерно превращалось въ муку посредствомъ ручной работы. Какъ кажется, Новгородской землѣ, если не совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ, мало извѣстно было употребленіе физической силы воды или вѣтра. По крайней мѣрѣ употребленіе мельницъ, какъ вѣтряныхъ, такъ и водяныхъ, было совершенно чуждо. Отдѣльныя крайне рѣдкія указанія на это встрѣчаются очень поздно, въ концѣ XV столѣтія, да и то исключительно во владычнихъ и монастырскихъ имѣніяхъ [3]). Обыкновенно же перемолъ муки совершался при посредствѣ ручныхъ жернововъ, приготовляемыхъ самими мастерами изъ крестьянъ, жернововъ, которые извѣстны были уже древнѣйшему времени и сохранили свое господство вплоть до конца XV столѣтія [4]). Неудивительно поэтому, что разрядъ этихъ ремесленниковъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, былъ довольно многочисленъ между крестьянами, и что жерновничество доставляло послѣднимъ нѣкоторое подспорье къ ихъ главному промыслу.

Начать съ того, что система земледѣлія, если только она вообще существовала, у всѣхъ землевладѣльцевъ безъ различія была однообразна и носила самый первобытный характеръ. Весьма возможно, что во многихъ случаяхъ лица, обработывавшія землю, просто переносили, по истощеніи послѣдней, свою дѣятельность на новое мѣсто. По крайней мѣрѣ, даже въ позднѣйшее время, было совершенно обычнымъ

вода велика и черезъ лѣто, и рожь не родилася, вызябла съ весны, и пожни по рѣкамъ и по обозерью поотнялися".

[1]) Рус. Пр. по Троиц. сп., ст. 39: „Аже крадеть гумно іли жито въ ямѣ, то колико ихъ будеть крало, то всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунь; а оу него же погибло то оже будеть лице, лице ноіметь, а за лѣто возметь по полугривнѣ".

[2]) П. С. Р. Л., IV.

[3]) Писц. кн., III, 22—23: „Д. на мелницѣ на рѣчкѣ на Вѣт(кѣ)... Да въ той же деревнѣ: дв. владычень мелникъ Огаѳонко, безъ пашни, а коситъ сѣна 50 копенъ". Врем. XII, 140: „Д. на Порожкѣ... Да у нихъ же дворъ монастырской съ мельницею".

[4]) Яковлевъ. Пам. XII и XIII в.

явленіемъ бросать старое пепелище и основывать новое на другомъ мѣстѣ. Особенно часто такой переходъ случался тогда, когда имѣлась возможность поселиться на мѣстахъ, уже бывшихъ въ обработкѣ, но покинутыхъ почему либо раньше и носившихъ названіе селищъ или впослѣдствіи пустошей [1]). Гораздо труднѣе сказать, какъ поступали въ томъ случаѣ, когда дѣло не доходило до перехода на новое мѣсто, когда земледѣльцы оставались на прежнемъ своемъ жительствѣ. Сколько можно думать, пашенная земля состояла въ этомъ случаѣ изъ двухъ отдѣловъ: изъ нивъ или собственно пашенной земли, находившейся въ данное время въ обработкѣ, и лядинъ и переложковъ, или пашенной земли, запущенной подъ лѣсъ или траву [2]). Въ сѣверныхъ же Новгородскихъ владѣніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Двинской области, этимъ двумъ отдѣламъ соотвѣтствовали оралища, орамая земля, и селги, или нивы, запущенныя подъ траву и лѣсъ [3]). Порядокъ обработки состоялъ въ обоихъ случаяхъ въ томъ, что земля воздѣлывалась до тѣхъ поръ, пока не истощалась, а затѣмъ земледѣлецъ обращался къ лядинѣ, селгѣ, или же, за неимѣніемъ таковыхъ, къ обращенію подъ пашню совершенно необработанной земли (притеребъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ трудъ перехода былъ не легкій. Земледѣлецъ прежде всего чертилъ лѣсъ, т. е. приготовлялъ къ просушкѣ, затѣмъ ронялъ деревья, т. е. вырубалъ и складывалъ въ кучи, чтобы они лучше просохли и сгорѣли. Далѣе онъ убиралъ съ подсѣки камни, разсыпанные по ней въ значительномъ количествѣ, наконецъ вспахивалъ ее нѣсколько разъ и проборонивалъ своими нехитрыми орудіями. Подго-

---

[1]) Писц. кн. Обон. пят., л. 65 подл.: „Д. на Родогощѣ, поставлена послѣ писма на Селивановской пустоши“... Писц. кн. Обон. пят, л. 68: „Д. на Салмѣ жъ, поставлена послѣ писма на Ивашковской пустоши... треть обжы“. Писц. кн. Обон. пят., л. 70 подл: „Д. на Ретешѣ, поставлена послѣ писма на Ивашковскомъ селищѣ“...

[2]) З. Р. Г. Общ. VIII, прил. 74: „и всего пашни паханые и перелогу и лѣсомъ поросли 615 четьи“. Востоковъ. Оп. рук. Рум. М., 88, 1491, „а что въ томъ же обиду Псковичи спрашутъ лядины и пожни и нивы“...

[3]) Калачовъ, А. отн. къ Ю. Б., II, 148, 1391: „а отъ того озерка впрямь на трубу черезъ селгу межъ шельви на ламбу, а отъ той ламбы въ Куко озиро въ большое соломя впрямь на трубу, а съ Куко озира съ большаго соломяни на Тетеревиный мохъ... отъ того Тетеревинаго мха отъ зимного острова на Тарасъ селгу на вышное мѣсто впрямь на трубу, да съ Торасъ селги“. . Тоже въ А. Ю., I, 164, 1505. О словѣ „сельга“ см. Отеч. Зап. за 1874 г., Февр. 2й отд., стр. 226, ст. „Сельская община въ Олонецкой губерніи“, Кал., А. къ Ю. Б., II, 249—251, 1671.

товивши такимъ образомъ пашню, земледѣлецъ производилъ на ней посѣвъ нѣсколько разъ (отъ 3 до 4) и затѣмъ, по истощеніи почвы, вновь долженъ былъ искать удобнаго мѣста. Какъ ясно видно съ перваго взгляда, система земледѣлія была самая экстенсивная и основывалась исключительно на одномъ пользованіи силами природы. Что же касается до порядка земледѣльческихъ работъ, то онъ весьма близко подходилъ къ господствующему и понынѣ въ Новгородской губерніи. Пашня подъ яровой хлѣбъ подготовлялась въ срединѣ весны, а самый посѣвъ производился въ маѣ, иногда довольно поздно [1]). Время снятія хлѣба или, какъ тогда говорили, „жатвенный годъ", падало на начало осени, но иногда, вслѣдствіе дождей, затягивалось до половины сентября. Иногда хлѣбъ стоялъ на корню еще въ самый день Воздвиженія [2]). Подъ озимый же хлѣбъ или рожь пашня приготовлялась лѣтомъ, а посѣвъ производился послѣ Успеньева дня, а иногда даже послѣ Воздвиженія [3]). Петровъ постъ и время непосредственно слѣдовавшее за Петровымъ днемъ, было періодомъ цвѣтенія ржи [4]), а время жатвы падало на начало августа. Но иногда, вслѣдствіе дождей, дѣло затягивалось, и жатва начиналась поздно, въ Успенскій постъ [5]).

Продукты, которые производило сельское хозяйство въ Новгородѣ, были у всѣхъ хозяевъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, также крайне однообразны. Оно состояли главнымъ образомъ въ хлѣбахъ. Изъ нихъ пшеница, хотя и обработывалась въ нѣкоторомъ количествѣ, но вообще имѣла второстепенное значеніе; служила не столько предметомъ потребленія, сколько средствомъ для уплаты повинностей въ пользу

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 267, 1103: „яко негодно нынѣ, веснѣ ити хочемъ, погубити смерды и ролью ихъ". П. С. Р. Л., V, 44, 1485: „и потомъ не бысть дождя и до Петрова заговѣнья, а ярь сѣяна въ суху землю, не начатъ усходити"...

[2]) П. С. Р. Л., III, 112, 1436: „Тои осени... мразъ поби обиліе, въ жатвенный годъ, въ всей Новгородской области". III, 46, 1230: „Изби мразъ на Воздвиженіе... обилье по волости нашей"...

[3]) П. С. Р. Л. IV, 314, 1562: „... ни сѣяти хлѣба ржи, послѣ Успеньева дни... да до Воздвиженьева... дожди".

[4]) П. С. Р. Л., V, 42, 1484: „въ Петрово говѣніе и по Петровѣ дни идяще дождя много... а рожь тогда цвѣтяше"...

[5]) П. С. Р. Л., IV, 314, 1562 „а на лѣто было дождиво въ сѣнокосъ и въ жатву; а рожь жати начинали въ Богородицкой постъ поздо... а яровой хлѣбъ былъ добръ, да не было обряжати хлѣба и ржи и яри дожжами, ни сѣяти хлѣба ржи послѣ Успеньева дни... да до Воздвиженьева дни честнаго креста дожди".

землевладѣльцевъ [1]). Главное же мѣсто занимала въ Новгородѣ рожь. Въ большей части случаевъ это была озимая рожь; яровая же воздѣлывалась въ очень ограниченномъ количествѣ, да и то, преимущественно, въ сѣверныхъ краяхъ Новгородской земли [2]). Между другими хлѣбными растеніями повсемѣстнымъ распространеніемъ пользовались ячмень и овесъ.

Къ числу ихъ въ теченіе XV столѣтія присоединилась еще и греча. Кромѣ непосредственнаго употребленія хлѣба эти служили и другія службы въ сельскомъ быту: изъ ячменя приготовлялся солодъ, шедшій на приготовленіе пива, а изъ овса, гречи, а также и ячменя, получалась крупа [3]). Корнеплодныя и стручковыя растенія также временами встрѣчаются въ сельскомъ хозяйствѣ; тѣмъ не менѣе далеко не пользовались въ немъ значительнымъ развитіемъ. Для произращенія рѣпы, гороху, уже въ самой Новгородской области пользовались нѣкоторой долею пашни, особенно, если вблизи находились земли, стоявшія впустѣ. Въ Двинской же области такія земли, предназначенныя для воздѣлыванія корнеплодныхъ растеній, получали отъ ихъ имени особенныя названія. Такъ, поля, предназначенныя для посѣва рѣпы, носили въ Двинскомъ краю названіе рѣпищъ [4]). Гораздо большимъ распространеніемъ, чѣмъ стручковыя и корнеплодныя растенія, пользовались въ Новгородской землѣ, такъ называемыя, фабричныя и торговыя растенія, а именно: ленъ, конопля и хмель. Самой наибольшей славой уже въ древности эти растенія пользовались въ младшемъ братѣ, господинѣ Псковѣ; но и въ самомъ Новгородѣ они отличались

---

[1]) Писц. кн., Ш, 852: „4 коробьи пшеницы... Ш, 331: „а хлѣба посопъ 4 коробьи ржы, 4 коробьи овса, 4 кор. ячменя, четверка пшеницы, четверка ярицы“...

[2]) Писц. кн., II, 452: „Д; Дябихино: дв. Ивашко Павловъ, дв. Өедко Терентинъ, сѣютъ яри 10 коробей, а сѣна косятъ 40 коп., 2 обжы“. См. еще II, 498; I, 290, 398. Вр. XI, 354 и д. 361, 367—9.

[3]) Писц. кн., Ш, 228: „15 коробей гречихи“... Ш, 194: „четвертка крупъ гречновыхъ“... Ш. 608: „2 коробьи солоду ячного“... II, 344: „2 коробьи съ четкою солоду ржаного, пол-5 кор. солоду овсяного“...

[4]) Писц. кн., Ш, 32: „в. князя половину тое пустоши пашутъ и косятъ христьяне изъ Давыдовскіе жъ деревни... Ивашко Селивановъ съ товарищи, а сѣялъ на ней коробью ячмени да урѣзалъ коробью рѣпы, да сѣна укосилъ 10 копенъ“... А. Ю., 143: „и деревня Холмецъ зе погостомъ тое же земли и рѣпѣще“... Писц. кн., Ш, 250: „коробья съ четверткою гречки, четвертка гороху“...

хорошими качествами. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время на иноземномъ рынкѣ въ Архангельскѣ упоминается о присутствіи именно Новгородскаго льна и при томъ съ эпитетомъ добраго [1]). Конопля и ленъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ древности уже имѣли двоякое значеніе. Съ одной стороны волокна льна и поскона (лучшаго сорта конопли) служили матеріаломъ для приготовленія одежды; съ другой же— сѣмя этихъ растеній давало масло. О конопляномъ сѣмени упоминаютъ уже довольно древнія свидѣтельства [2]). Въ числѣ торговыхъ растеній и хмель игралъ не послѣднюю роль. Для разведенія его устраивались особенныя мѣста, носившія названія хмельниковъ [3]). Какъ ясно видно съ перваго взгляда, произведенія земледѣльческаго хозяйства были не особенно разнообразны. Недостатокъ разнообразія мало, однако, восполнялся продуктами огородовъ и садовъ. Огороды и сады составляли обыкновенную принадлежность городскихъ дворовъ; но и въ сельскомъ быту временами встрѣчается какой либо огородъ, садъ или садишко [4]). Въ большей части случаевъ, вѣроятно, сады принадлежали самимъ землевладѣльцамъ [5]).

Между огородными растеніями главную роль играла капуста, которая, весьма вѣроятно, воздѣлывалась и прямо въ поляхъ [6]). Что касается до садовъ, то обыкновенными овощными растеніями въ нихъ были только яблони да вишни [7]).

Подобно земледѣлію и развитіе скотоводства отличалось крайне экстенсивнымъ характеромъ, преслѣдовало тѣ отрасли, которыя всего менѣе требовали труда и расхода и всего болѣе зависѣли въ своемъ развитіи отъ простыхъ обновительныхъ силъ природы. Какъ и есте-

---

[1]) Мухановъ, „Сборникъ", 2-е изд., 370: „льну Ноугородского добраго 100 коробей 40 руб. Тамъ же, 371.

[2]) Писц. кн., III, 694: „коробья сѣмяни конопляного"...

[3]) А. Ю., 116: „и хмельника тѣхъ селъ"...

[4]) Новг. лѣт., II, 47, 1421: „За умноженіе воды, еще же и огороды садовные разбиени быша (и) иже въ нихъ древеса плодовити много искорениши"... А. Ю., 143: „палъ дворище и огородець весь у Воротномъ поли"... Писц. кн., III, 338. Мухан., Сбор., 2-е изд., 596.

[5]) Писц. кн., II, 452: „да Ивановской же садъ, а въ немъ 200 яблоней".

[6]) Мухановъ, Сбор., 2-е изд., 594: „пол-огородца, полкапустника"... Писц. кн., III, 851: „А нового доходу... 13 грядъ капусты"... Тамъ же, III, 892.

[7]) Писц. кн., II, 454: „да тутожъ (въ сельцѣ Сокольничѣ) садъ, а въ немъ 60 яблоней безъ 3, да 20 деревъ вишневыхъ". II, 458: „да въ томъ же селцѣ садишко, а въ немъ же яблони и вишни". II, 451. Врем., XI, 268.

ственно ожидать, при такомъ хозяйствѣ лошадь, самое важнѣйшее изъ сельско хозяйственныхъ животныхъ, не могла составлять предмета особеннаго попеченія. Неудивительно поэтому, что хлопоты о разведеніи лошадей замѣчаются только развѣ у самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занималъ Новгородскій владыка. Такъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ изъ его обширныхъ вотчинъ содержались особенные конскіе дворы. На существованіе въ такихъ дворахъ табуновъ лошадей указываетъ присутствіе въ нихъ конюховъ, а равно и то обстоятельство, что при дворахъ находились обширныя пожни, которыя обрабатывались на владыку крестьянами окрестныхъ владычныхъ деревень, очевидно, для удовлетворенія существовавшей большой потребности въ сѣнѣ [1]). Подобно владыкѣ, о разведеніи лошадей хлопотали монастыри и значительнѣйшіе изъ свѣтскихъ владѣльцевъ, какъ бояре, такъ и горожане. По крайней мѣрѣ, указаніе на существованіе конскихъ табуновъ въ имѣніяхъ монастырей и свѣтскихъ владѣльцевъ несомнѣнно. Хорошія породы лошадей пріобрѣтались ими обыкновенно изъ-за границы и составляли нерѣдко предметы обычныхъ въ то время пиршественныхъ даровъ [2]). Что же касается до крестьянъ, то и тамъ, благодаря необходимости обрабатывать землю, вездѣ имѣлись въ хозяйствѣ лошади; только онѣ отличались, обыкновенно, плохими качествами. Это были такъ называвшіяся въ древности шкабаты, клячи, или дурныя изнуренныя лошаденки [3]). Большимъ распространеніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ пользовались другія породы домашняго скота. Но изъ нихъ главнѣйшая отрасль, рогатый скотъ, возбуждала особое вниманіе только развѣ у крупныхъ землевладѣльцевъ. Такъ, есть указанія, что коровьи дворы существовали у нѣкоторыхъ монастырей уже въ Новгородское время; да и у мірскихъ владѣльцевъ также былъ рогатый скотъ, хотя количество

---

[1]) Писц. кн., III, 9—10: „Д. Марково надъ Волховомъ противу мон. Деревяницы: дв. въ болшомъ во владычнѣ владычень человѣкъ Михаилъ... дв. владычень—конюхъ Митя Градинъ... да на владыку же косятъ 700 копенъ сѣна всѣми деревнями"...

[2]) Д. къ А. И., I, 8, ок. 1200: „въ хоу же землю Хутинскую въдале св. Спасу и съ челядью и со скотиною... а конь шестеро и корова". Срезневскій. Неизв. памятн., I, 38, XIII в.: „даю за все за то два села съ обильемъ и съ лошадьми"...

[3]) П. С. Р. Л., IV, 240, 1471: „пріѣха князя великого бояринъ... и привезе съ собою шкабатовъ, клячь Новгородскихъ, съ 300 полону, и всѣ Псковичемъ распрода, а друзіи по волости". А. З. Р., I, 90, ок. 1479 г.

его, быть можетъ, было и незначительно [1]). На обыкновенное присутствіе коровъ въ сельскомъ быту у крестьянъ указываетъ то обстоятельство, что платежъ повинностей землевладѣльцамъ очень часто производился извѣстными долями мяса рогатаго скота, какъ напримѣръ, плечами, окороками, полтями, лопатками говядины [2]) и т. п. Но, какъ кажется, главнѣйшимъ распространеніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ пользовался мелкій домашній скотъ, въ особенности свиньи, овцы. Стада свиней и овецъ были самой многочисленной отраслью владѣльческихъ скотскихъ дворовъ. Свиньями владѣльцы, кажется, даже особенно дорожили, такъ какъ хорошіе боровы передавались иногда въ наслѣдство, какъ знакъ особеннаго вниманія завѣщателя [3]). Одинаково съ крупными землевладѣльцами и крестьяне обладали достаточнымъ количествомъ мелкаго скота. На это указываетъ плата землевладѣльцамъ повинностей этими вѣтвями скотоводства, какъ напримѣръ, баранами, лопатками бараньими, головами свиными, окороками [4]). Изъ другихъ домашнихъ животныхъ довольно обыкновенное явленіе представляютъ куры, гуси и утки [5]). Согласно съ общимъ характеромъ скотоводства, главная цѣль его заключалась въ добываніи мяса. Это видно не только изъ того обстоятельства, что на удовлетвореніе повинностей землевладѣльцевъ шли постоянно мясные продукты въ ихъ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но одинаково изъ того, что преимущественное вниманіе было обращено на разведеніе молодыхъ животныхъ. Источники не оставляютъ насъ безъ прямыхъ указаній на разную новь, какъ напримѣръ, на телицъ, поросятъ, яловицъ и мн. п. [6]). Другія назначенія скотоводства также имѣли мѣсто, но, сравнительно съ первымъ, пользовались второстепеннымъ значеніемъ. Такъ, извѣстно, что весьма

---

[1]) Писц. кн., Ш, 28: „Д. Коровники... дв. монастырской—коровникъ Паршукъ, не пашетъ"...

[2]) Писц. кн., I, 256: „7 плечъ говяжьихъ"... I, 282: „2 окорока мяса"... Ш, 383: „полоть мяса"... Ш, 384: „4 лопатки говяжьи"...

[3]) Срезн., Неизв. памятн., I, 38, XIII в.: „а въ скотѣ, въ овцяхъ и въ свиньяхъ раздѣлить съ женою моею на полы"... Непоср. раньше: „а и свиней изъ моихъ Самуилѣ даите боровъ лутьшии".

[4]) Писц. кн, Ш, 383: „а старого дохода... боранъ... а ключнику... лопатка боранья"... Ш, 843; Ш, 117: „8 головъ свиныхъ"... Ш, 845: „10 окараковъ свиныхъ"... Ш, 590: „полти мяса да боровъ"...

[5]) А. Ю., 113: „куря пополнъка"... Писц. кн., Ш, 124: „двое куровъ"...

[6]) А. Ю., 115: „а пополонка за телицю пол-30 бѣлъ"... Ш, 943: „двое поросятъ". Ш, 500: „яловица безъ трети"...

обыкновеннымъ явленіемъ было приготовленіе масла и сыра, а отъ овецъ—шерсти [1]).

Кромѣ скотоводства, въ числѣ другихъ побочныхъ занятій земледѣльцевъ по прежнему играютъ пчеловодство, звѣроловство [2]) и рыболовство. Мѣста, предназначенныя для перваго изъ этихъ промысловъ, назывались ухожаями и составляли нерѣдкую принадлежность владѣльческихъ имѣній, какъ церковныхъ, такъ и мірскихъ, но больше всего они состояли въ пользованіи крестьянъ [3]). Въ древнѣйшее время господствовало бортевое пчеловодство или бортничество, т. е. медъ получался отъ дикихъ пчелъ, жившихъ въ лѣсу въ особо приготовленныхъ для ихъ помѣщеній дуплахъ деревьевъ. Иногда, кажется, поступали при помѣщеніи пчелъ и другимъ способомъ. Для жительства ихъ приготовлялись именно особенные лубяные кузовы и развѣшивались въ подходящихъ мѣстахъ лѣса по деревьямъ [4]). Съ XV-же столѣтія замѣчается поворотъ въ пользу прирученія пчелъ и содержанія ихъ въ искусственныхъ ульяхъ, такъ что къ концу этого вѣка обѣ системы пользуются одинаковымъ распространеніемъ [5]). Бортничество принадлежало къ числу одного изъ самыхъ древнихъ промысловъ Русской земли, но въ самомъ Новгородѣ не пользовалось большимъ развитіемъ.

---

[1]) Писц. кн. Ш, 390: „6 ставцовъ масла". III, 126: „14 сыровъ". Писц. кн., II, 840: „а мелкого доходу: 8 барановъ... 16 рунъ шерсти"...

[2]) Лѣсоводство въ древности совсѣмъ не имѣло самостоятельнаго значенія. Въ хозяйственномъ быту роль главнаго лѣснаго промысла равнялась почти нулю. Только въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ заходила рѣчь о „полѣсованіи", т. е. объ извлеченіи хозяйственныхъ выгодъ изъ лѣса, какъ лѣса, или изъ лѣснаго матеріала. Но и эти исключительныя монастырскія имѣнія относятся, какъ Анзерскій островъ, къ далекому сѣверу. А. А. Э., I, 57, ок. 1359 г.: „въ тые островы (данные Соловецкому монастырю) не вступаться... ни лѣсовъ не полѣсовать"... Вообще же источники если и говорятъ гдѣ о лѣсѣ, то почти исключительно на столько, на сколько онъ являлся ареною пчеловодства и звѣроловства. Въ такихъ случаяхъ мѣста, удобныя для указанныхъ промысловъ, выдѣлялись изъ общаго состава лѣса и становились предметомъ частной собственности. (Прим. автора.)

[3]) Срезн., Неизв. Пам., I, 38, XIII в.: „даю за все за то два села... и съ бортью"... Писц. кн., III, 5: „Да у дер. у Осея великого князя борть со пчелами, что была Богоявленьская"...

[4]) Писц. кн., III, 6: „Да въ томъ ухожеѣ борти ему себѣ и иные дѣлати (т. е.: и новые) и кузовы ставити въ тотъ же оброкъ".

[5]) Писц. кн., II, 312: „а у пчелъ у улей и изъ бортей изъ меду половье".

Въ немъ только нѣкоторыя мѣстности отличались ревностнымъ занятіемъ пчеловодствомъ. Къ числу такихъ мѣстностей нужно относить, кажется, Ладогу, куда князья выговаривали себѣ право посылать медоваровъ, и несомнѣнно часть Псковской земли и Новгородскую волость. Такъ какъ, однако, продукты пчеловодства играли большую роль въ внѣшней Новгородской торговлѣ, то, за недостаткомъ собственныхъ, Новгородцамъ приходилось привозить ихъ изъ другихъ краевъ Русской земли, особенно съ Низа, славившагося пчелинымъ промысломъ [1]). Что же касается до мѣстъ, служившихъ въ лѣсахъ ареною звѣроловства, то они были двоякаго рода: путики и перевѣсища. Подъ путиками въ древности разумѣлись не что иное, какъ тѣ ловушки, которыя устраивались въ лѣсу для поимки звѣря. Путики раздѣлялись на два разряда: пасные и силовые [2]). Первые представляли собой западни въ собственномъ смыслѣ, въ родѣ ямъ [3]). Что же касается вторыхъ, то они обозначали не что иное, какъ обыкновенные силки. Въ дальнѣйшемъ развитіи слова, путики обозначали, кажется, и тѣ мѣста или угодья, въ которыхъ были размѣщаемы орудія ловли. Сколько можно думать, путики служили орудіями ловли преимущественно звѣрей, перевѣсища же, напротивъ, являются орудіями ловли птицъ, въ особенности, водныхъ—утокъ и гусей. Въ мѣстахъ именно, гдѣ водилась водная птица, надъ самою водою развѣшивались сѣти, для чего пользовались подходящими деревьями. Птицы, вѣроятно въ сумерки, путались въ этихъ сѣтяхъ и, такимъ образомъ, попадались въ руки охотниковъ. Перевѣсища устраивались, вѣроятно, временами и на нарочно устроенныхъ просѣкахъ [4]).

Намъ остается коснуться еще двухъ важныхъ промысловъ, которые въ жизни Великаго Новгорода играли большую роль, а именно

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 6, 1305: „А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьника и медовара“... П. С. Р. Л., IV, 205, 1427. Писц. кн., II, 702, 736, 743, 752, 779.

[2]) А. Ю., 383, 1590—8: „Ни угодья въ воскресеніе Христово не угодовати, ни *пасного*, ни *силового*, ни бѣлки не лѣсовати... ни путика вновѣ пасного, ни силового въ воскресеніе не ставити“...

[3]) А. Ю., 110: „и ловища тое земли“. А. Ю., 110: „и въ путикѣхъ и въ лѣсѣхъ участокъ по земли“. А. Ю., 115: „и полпутика“.

[4]) А. Ю., 110: „Се купи перевѣсища въ Ненокси, Исаковьское по новому мѣсту“. Писц. кн., II, 451: „А угодей въ тѣхъ деревняхъ 6 перевѣсей“.... II, 453; А. Ю., 94, 1604: „съсѣкли, господине, у насъ... сосну съ колцомъ перевѣтную, поводень на нее мы вѣшали на утки на Таврегѣ на рѣкѣ, въ перевѣсьѣ“...

горнозаводства и солеваренія. Въ самомъ первобытномъ состояніи находилось въ Новгородѣ добываніе минеральныхъ произведеній, промыселъ горнозаводства и солеваренія. Горнозаводствомъ сами землевладѣльцы, кажется, совсѣмъ не занимались, а уступали свои права крестьянамъ, подъ условіемъ извѣстнаго вознагражденія. Но и между послѣдними инициатива разработки рудниковъ принадлежала отнюдь не самимъ Новгородцамъ, а финскимъ племенамъ, подчиненнымъ ихъ власти. Въ доказательство могутъ быть приведены два обстоятельства. Во 1-хъ, если обратить вниманіе на географическое распредѣленіе этого промысла, то окажется, что единственными краями, въ которыхъ горнозаводство имѣло нѣкоторое развитіе, были берега Бѣлаго моря (Ненокса) [1]), уѣзды: Ямскій, Копорскій и отчасти Ладожскій, т. е. именно тѣ края, въ которыхъ особенно силенъ былъ финскій (чудской) элементъ. А затѣмъ, разбирая имена поселянъ, занимавшихся разработкой рудниковъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что значительная доля ихъ носитъ, несомнѣнно, финскій отпечатокъ. Но и между финскимъ населеніемъ горное дѣло находилось только въ зачаткахъ. Изъ всѣхъ металловъ разрабатывалось ими одно только желѣзо. Добываніе желѣзной руды совершалось иногда въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ происходила обработка, иногда же въ сосѣднихъ краяхъ. Главнѣйшими мѣстностями добыванія руды были Красныя горы, Ковошь, Морское, Варьевалда и нѣкоторыя другія [2]). Самая обработка совершалась въ домницахъ, особенныхъ заводахъ, имѣвшихъ по одной или по двѣ печи [3]). Выработанное желѣзо мѣрялось прутами и крицами. Подъ прутомъ разумѣлось 10 крицъ, а крица, если судить по настоящему времени, требовала для своей выработки 12 пудовъ чугуна и даже болѣе [4]). Что же касается до другихъ металловъ, то уже объ обработкѣ мѣди источники не представляютъ никакихъ указаній. О благородныхъ же металлахъ нечего уже и говорить: добываніе ихъ изъ земли Новгородцамъ было совершенно неизвѣстно. Финскія племена выручали Новгородцевъ и тутъ, но только совершенно инымъ путемъ. Населявшіе При-уральскія мѣстности и занимавшіеся, какъ видно, издавна уже гор-

---

[1]) А. Ю., 110: „а пополонка два сугреба желѣза, въ Ненокси“.

[2]) Писц. кн., III, 500, 507, 516, 520, 536, 542, 609, 613, 615, 912, 925.

[3]) Писц. кн., III, 609: „А домница у нихъ одна, а печи 2, а руду копаютъ на Красныхъ горахъ“. III, 613· „А домницы у нихъ 2, а печи 2, а руду копаютъ на своей землѣ“.

[4]) Писц. кн., III, 917: „сорокъ прутовъ и 7 крицъ желѣза, а въ прутѣ по 10 крицъ“... См. Сл. Даля.

нозаводскимъ дѣломъ, Финны ссужали Новгородцевъ серебромъ въ формѣ военной добычи или дани. По крайней мѣрѣ до насъ дошли свѣдѣнія, что великіе князья требовали отъ Новгородцевъ уступки нѣкоторой доли изъ получаемаго ими серебра Закамскаго; и что Югры съ своей стороны прельщали Новгородцевъ обѣщаніемъ дать имъ богатую добычу серебромъ [1]). Но, какъ видно, этотъ источникъ не былъ особенно богатъ или постояненъ; по крайней мѣрѣ такъ должно заключать изъ того, что Новгородцы не щадили усилій, чтобы привлечь въ свою страну серебро торговымъ путемъ. Деньги, которыми они откупались отъ восточныхъ князей, истекали, какъ должно полагать, главнымъ образомъ, изъ иноземной торговли.

Болѣе заботъ посвящали Новгородцы добыванію другаго минеральнаго продукта, а именно соли. Занятію солевареніемъ отдавали свои труды даже сами землевладѣльцы, особенно монастыри, располагавшіе значительными средствами [2]). Что же касается до міранъ, то, сколько можно судить по позднѣйшимъ даннымъ, они производили добываніе соли особыми товариществами, члены которыхъ, называясь *сябрами*, пользовались въ устроенныхъ сообща соляныхъ варницахъ извѣстною долею. Доли эти опредѣлялись иногда частями, сугребами, а иногда ночами. Устроители варницы располагали, на правахъ собственности, каждый своей долею, продавали ихъ и передавали во владѣніе другихъ [3]). Иногда собственники предоставляли пользоваться подлѣ себя своими варницами и постороннимъ лицамъ, но только подъ условіемъ платы извѣстнаго вознагражденія и извѣстнаго срока времени, какъ напримѣръ, пяти ночей[4]). Самое устройство солеваренія было весьма не хитрое. Въ мѣстахъ, извѣстныхъ содержаніемъ соли, прорывался колодезь, пробуравливалось отверстіе къ соляному источнику и вставлялась въ послѣднее труба; затѣмъ посредствомъ дуги разсолъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 76, 1332: „прося у нихъ (Новговодцевъ) серебра Закамьского"... III, 21, 1193: „яко копинъ (Югра) сребро и соболи и ина узорочьея"...

[2]) А. А. Э. I, 47, ок. 1459: „въ тыи островы (Соловецкаго мон.) не вступатися ни въ страдомую землю, ни въ пожнѣ, ни въ тонѣ, ни въ ловища, ни... череповъ не наряжати"... А. Ю., 435: „А взяти ми у Филимона у Дмитріева два рубля денегъ; а варилъ на Великомъ мѣстѣ мой цѣрень и дрова той жо Филимонъ пять ноцей"...

[3]) А. Ю., 130, 131, 132: „росолу три двѣнадцатыхъ сугреба", „тотъ росолъ... и съ иными сябры"... и т. д.

[4]) А. Ю., 435: „а варилъ на Великомъ мѣстѣ мой цѣренъ и дрова... пять ноцей"...

выкачивался и поступалъ въ варницу, гдѣ и вытапливался на особенныхъ кострищахъ. Орудіемъ при этомъ служилъ цренъ (чренъ, черенъ, церенъ), родъ большаго котла или сковороды [1]). Благодаря настойчивымъ стараніямъ, Новгородцамъ удалось до нѣкоторой степени развить у себя солевареніе. Болѣе всего оно принялось въ Двинскихъ владѣніяхъ Новгорода, изобиловавшихъ вообще соляными мѣстами [2]). Въ особенности же благопріятны были для разработки соли берега Бѣлаго моря и, сколько мы знаемъ, на берегахъ этого моря, въ Неноксѣ, въ Упской губѣ и на Соловецкихъ островахъ и были сосредоточены главнѣйшія приспособленія для добыванія соли [3]). Что же касается до собственно Новгородской земли, то и тамъ не недоставало попытокъ къ устройству солеваренія. Псковичи пытались въ 1364 году завести соляныя варницы на рѣкѣ Рухѣ; но успѣхъ не отвѣчалъ ожиданіямъ, и потому варницы были заброшены [4]). Въ Новгородской области слѣды солеваренія замѣчаются въ предѣлахъ Торжка; но объ успѣшности его, по недостатку извѣстій, судить довольно трудно [5]). Гораздо плодотворнѣйшими результатами сопровождались попытки завести солевареніе въ Русѣ. Какъ рано начались опыты солеваренія въ Русѣ, сказать нельзя, но уже отъ XIII вѣка, если не раньше, дошло до насъ указаніе на разныя орудія и мѣры при вываркѣ соли въ Русѣ, какъ напримѣръ, Русская порочица (черпало), конюхъ (ковшъ), а отъ начала XV столѣтія даже опредѣленіе цѣнъ на соль въ Русѣ, показывающее, что разработка этого минерала производилась тамъ уже довольно давно [6]). Въ XVI столѣтіи солевареніе въ Русѣ такъ расширилось, что оно стало спеціально называться „русскимъ промысломъ“, и что производство соли было обложено особеннымъ солянымъ налогомъ, шедшимъ въ великокняжескую казну съ каждыхъ ста пудовъ

---

[1]) А. Ю., 126, 127, 130, 131, 132.

[2]) А. Ю., 116: „и соляные мѣста“... Тамъ же, 270: „... и въ солоныхъ мѣстѣхъ“...

[3]) Рус. Дост., I, 84, 1137; А. Ю., 435: „а варилъ на Великомъ мѣстѣ (которое, по А. Ю., 130, было именно въ Неноксѣ) мой цѣренъ и дрова“... А. И., I, 26, ок. 1441: „а... владѣлъ Савелей Григорьевичъ и его братья землею, водою и лѣсы, и полѣшими мѣсты солоными въ Упской губѣ“... А. А. Э. I, 47, ок. 1459.

[4]) П. С. Р. Л., IV, 192, 1364 „Того же лѣта, на Рухѣ, поставиша двѣ варници, соль варити; и не бысть, и поверготша“.

[5]) А. А. Э., I, 24, ок. 1435 г.: „црѣнъ за двѣ сохи... бѣкарь соли“.

[6]) П. С. Р. Л., IV, 200, 1409: „Тогда же соли Русѣ на полтину полпяты

соли, вываренныхъ жителями старой Русы [1]). Но какъ ни разнообразны были опыты устроить собственное солевареніе въ Новгородѣ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Новгородцамъ собственной соли никогда не хватало, и что постоянно существовала необходимость восполнять недостатокъ подвозомъ извнѣ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду одну лишь первоначальную промышленность Великаго Новгорода; что же касается до обрабатывающей, то уже въ настоящую эпоху обнаруживается нѣкоторое развитіе сельской индустріи и, какъ слѣдствіе этого, слабое развитіе промышленности городской. Продолжительность зимы, въ теченіе которой нельзя было заниматься земледѣліемъ, оставляла крестьянамъ много свободнаго времени и, такимъ образомъ, необходимо обусловливала возникновеніе постороннихъ ремеслъ, которыя бы могли пополнить часы досуга. Какъ то бы ни было, только крестьянскіе дворы въ Новгородѣ не только заключали въ себѣ всѣ средства къ поддержанію своего существованія, но нерѣдко отличались еще и присутствіемъ спеціальныхъ промысловъ. Въ удовлетвореніи обычныхъ домашнихъ потребностей принимали участіе одинаково какъ женщины, такъ и мужчины. На долю женщинъ выпадало именно первоначальное облагороженіе фабричныхъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Прежде всего нужно считать за несомнѣнное, что пряжа и ткачество составляли исключительную принадлежность женскаго населенія. Это видно изъ того обстоятельства, что самыя подробныя описанія Новгородской земли (писцовыя книги XV столѣтія) ни однимъ намекомъ не указываютъ на существованіе въ ней ткачей и въ тоже время говорятъ о присутствіи ремесленниковъ, которые приготовляли разныя принадлежности ткацкихъ станковъ. Такъ, напримѣръ, въ писцовыхъ книгахъ этого времени упоминается бердникъ, подъ которымъ нужно разумѣть не кого иного, какъ человѣка, занимавшагося приготовленіемъ бердъ,—родъ гребней, употребляемыхъ въ ткацкихъ станкахъ [2]). Ясно слѣдовательно, что занятіе тканьемъ составляло удѣлъ женщинъ, о которыхъ въ писцовыхъ книгахъ прямо не упоминается, а потому и не заключается прямаго

зобницы". Макарія, И. Р. Ц., II, 381: „а сторожу Иванскому ,русской пороницы... да 10 конюховъ (ковшей) соли".

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 338, 1504 г.: „а руськимъ промысломъ имъ (великокняжескимъ топникамъ) промышляти, соль варити... Такъ же, I, 387, 1504: „а сотной соли писчей имъ не платити"...

[2]) Писц. кн., III, 278: „дв. Данилко бердникъ"... Врем., XII, 132: „дворъ Онашка бердникъ"...

указанія на ихъ главное занятіе. Продукты ткацкаго женскаго производства были довольно просты и не сложны. Крестьянки приготовляли изъ льна и конопли пряжу, разнаго рода холстъ (усчину, попонный холстъ), полотна, а изъ нихъ дѣлали всѣ принадлежности бѣлья, убрусы и утиральники [1]). Подобнаго рода соображеніе, а именно отсутствіе въ крестьянскомъ быту людей, занимавшихся обработкой шерсти, даетъ поводъ сдѣлать догадку, что, быть можетъ, женщины занимались приготовленіемъ войлоковъ и попонъ [2]). Остальныя, болѣе трудныя занятія, исполнялись мужчинами. Крестьянинъ самъ строилъ свое жилье и всѣ его принадлежности, заготовлялъ всѣ свои необходимыя земледѣльческія орудія, прибѣгая къ посторонней помощи только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда отдѣльныя малыя силы оказывались недостаточными.

Не смотря, однако, на это самоудовлетвореніе крестьянскаго хозяйства, въ сельскомъ быту, какъ мы уже замѣтили раньше, не недоставало и ремесленниковъ, которые занимались извѣстными промыслами въ подспорье къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ или даже возводили ихъ на степень совершенно самостоятельнаго занятія. Особеннымъ распространеніемъ пользовалось кузнечное ремесло. Отдѣльными единицами кузнецы встрѣчаются во всѣхъ краяхъ Новгородской земли, такъ какъ потребности земледѣлія вездѣ дѣлали ихъ помощь неизбѣжною. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, однако, они встрѣчались не только въ особенно большомъ количествѣ, но и возвышались на степень чистыхъ ремесленниковъ, совсѣмъ пренебрегавшихъ земледѣліемъ [3]). Мѣстности эти были, однако, не славянскія, а финскія, тѣ самыя, въ которыхъ существовалъ обильный матеріалъ для обработки [4]). Но между кузнецами встрѣчаются одинаково часто и на-

---

[1]) Врем., XI, 385: „20 пасмъ пряжи"... Писц. кн., III, 618: „10 локоть полотна"... 126: „полтораста пасмъ пряжи".... 713: „6 локоть усчины"... Врем., XI, 437: „10 локоть полотна, 3 локти попоноваго холста"... Писц. кн., III, 650: „утиралникъ, убрусъ, попона"... Ш, 671; I, 541. Писц. кн. Шелон. пят., XV в., л. 111: „300 и 10 пасмъ прядена, сканого, неводного".

[2]) Писц. кн., III, 604: „2 попоны"... Ш, 649.

[3]) Писц. кн., I, 816: „Д. Соминица... дв. Ивашко, дв. Ульянко, дв. Данилко, дв. Олѳерко, кузнецы, не пашутъ; дохода съ нихъ 6 денегъ".

[4]) Писц. кн., III, 907: „село Пилола... дв. Сидорикъ Ивановъ, дв. Тимоха да Олексѣйко Вихтѣевы дѣти кузнеци... дв. Игайло Вандуевъ... дв. Симеонко да Матюкъ... Нефедовы, кузнецы"... III, 911.

стоящіе русскіе или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ обрусѣвшіе финны [1]). Издѣлія, которыя приготовляли Новгородскіе кузнецы и ковачи, относились къ разряду домашнихъ или земледѣльческихъ орудій. Это были, знакомые уже намъ, топоръ, коса, сошникъ, да вдобавокъ къ тому еще какая либо сковорода рукоятная [2]). Подобно кузнечеству въ Новгородской землѣ пользовалось нѣкоторымъ распространеніемъ и плотничество и вообще разныя издѣлія изъ дерева. Между ремесленниками, относящимися къ этому разряду, мы встрѣчаемъ плотниковъ, учанниковъ, строившихъ учаны или суда, которыя служили Новгородцамъ при рыбной ловлѣ и въ торговомъ движеніи, бочечниковъ, ведерниковъ, ковшенниковъ, рѣшетниковъ и токарей, имена которыхъ ясно указываютъ и на самыя ихъ занятія [3]). Изъ другихъ ремесленниковъ встрѣчались нерѣдко гончары (горьнчаръ), приготовлявшіе съ незапамятныхъ временъ глиняную посуду, горнцы или горшки; жерновники, вытесывавшіе изъ камня жернова, которые замѣняли въ Новгородѣ мельницы, употребленія которыхъ Новгородцы, какъ видно, не знали;—и точильники, которые, какъ ясно само собою, занимались точеніемъ орудій крестьянскаго хозяйства [4]). Весьма многія лица изъ крестьянскаго званія посвящали себя занятію скорнячествомъ. Овчинники, о которыхъ такъ часто идетъ рѣчь въ писцовыхъ книгахъ, занимались изготовленіемъ овечьихъ шкуръ и снятіемъ съ нихъ руками шерсти. Первыя различались смотря по тому времени, когда она снималась съ овцы; если шкура снималась съ ярки, т. е. молодой овцы, то она въ цѣлой своей массѣ носила названіе поярка; а если она снималась съ обыкновенной овцы, то въ такомъ случаѣ она называлась просто овчиной [5]). Отдѣльными, весьма немногочисленными, единицами въ разныхъ мѣстностяхъ встрѣчались лучники, занимавшіеся приготовленіемъ луковъ, орудія, столь важнаго для народа, находив-

---

[1]) Писц. кн., III, 503: „А непашенныхъ въ той деревнѣ: дв. Іевко, кузнецъ, дв. Ивашко Онаньинъ, кузнецъ, сынъ его Васко, дв. Васко Костковъ, кузнецъ, дв. Ѳилипко, кузнецъ"...

[2]) Писц. кн., III. 502: „А новаго доходу... сковорода рукоятная да топоръ (въ деревнѣ были кузнецы)". III, 919: „а новаго доходу 28 сошьниковъ (тоже съ кузнецовъ)". Врем., XI, 461: „А старого доходу... 20 косъ"...

[3]) Писц. кн., III, 562; I, 746; III, 34, 559, 883, 536, 651, 778; I, 238; II, 279, 638.

[4]) Писц. кн., I, 246, 303, 679; III, 775; II, 568; III, 385; II, 885.

[5]) Писц. кн., I, 277, II, 866—867: „а дохода... 2 поярка... а ключнику... 2 овчины... III, 229: „6 рунъ шерсти". Ср. II, 840.

шаго въ охотѣ существенную поддержку для своего пропитанія; сѣдельниковъ, рожечниковъ, обработывавшихъ роговой и костяной матеріалъ; коробейниковъ, изготовлявшихъ коробьи и вообще вмѣстилища для сыпучихъ тѣлъ, дегтярей [1]). Встрѣчались временами и мастера, посвящавшіе себя изготовленію одежды и обуви, какъ-то: портные мастера, швецы, епанечники (послѣднее названіе отъ епанчи, родъ широкаго безрукаваго плаща) и сапожники [2]). Наконецъ нельзя не упомянуть, что въ средѣ сельскаго населенія были люди, посвящавшіе себя служенію человѣческому здравію, равно какъ и уходу за скотомъ. Въ писцовыхъ книгахъ есть указанія на кровопуска и коневого лѣкаря [3]).

Вслѣдствіе отсутствія у крестьянъ потребности въ продуктахъ городской жизни, послѣдняя въ Новгородѣ также не отличалась особеннымъ развитіемъ. Горожане, въ значительной долѣ, занимались также земледѣліемъ и только немногіе посвящали себя промысламъ. Но все же, благодаря скопленію въ одномъ и томъ же мѣстѣ значительнаго числа людей, промышленность получала въ нихъ болѣе широкую арену для своей дѣятельности и потому неизбѣжно становилась живѣе. Оживленіе сказывалось уже въ томъ обстоятельствѣ, что въ городахъ между ремесленниками замѣчается стремленіе къ образованію изъ себя нѣкоторыхъ цѣлыхъ. Конечно, при этомъ не было никакого помина о западно-европейскихъ цехахъ, которые бы обнимали всѣхъ мастеровъ, занимающихся извѣстнымъ ремесломъ. Въ Великомъ Новгородѣ связь между ремесленниками устанавливалась на томъ же основаніи, на какомъ она получала свое начало въ другихъ сферахъ жизни. Какъ около каждаго знатнаго человѣка собиралась дружина, такъ таже дружина была формой связи и въ промышленной жизни. Дружина состояла обыкновенно изъ главнаго мастера, хозяина, и его „друговъ", „дружинниковъ" или рядовыхъ рабочихъ [4]). Въ особенности значи-

---

[1]) Пис. кн., I, 620: „дв. Мишка лучникъ". I, 640, 618; I, 580: „дв. Якимко сѣдельникъ"; I, 658, 758; II, 253; I, 617: „дв. Омельянко рожечникъ... II, 566, III, 399: „дв. Якушъ коробейникъ"... I, 51: „дв. Ѳедко дехтярь"... I, 618: „дв. Макуша деготникъ"...

[2]) Писц. кн., III, 194: „дв. Микулка портной мастеръ"... III, 604: „дв, Еска швецъ"... III, 761, II, 686: „дв. Лучка епанечникъ"... I, 457: „дв. Якушъ сапожникъ"... Писц. кн. Шелон. пят., л. 97 и 107.

[3]) Писц. кн., II, 751: „Починокъ на Ветши; дв. Омоско Кровопускъ, безъ пашни".

[4]) П. С. Р. Л, III, 78, 1338: „Повелѣ владыка Василіи писати церковь

тельныя дружины находились въ распоряженіи Новгородскаго владыки. Какъ показываютъ позднѣйшія извѣстія, плотницкая дружина владыки состояла изъ шести плотниковъ, т. е. главныхъ мастеровъ и 10 дружинниковъ, и это въ то время, когда, благодаря подчиненію Новгорода Московскому государству и секуляризаціи церковныхъ владѣній, средства Новгородскаго владыки были довольно ничтожными. Но одинаково дружины составлялись и самими ремесленниками [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ самыя ремесла въ городахъ усложняются и разнообразятся. Такъ, подлѣ овчинниковъ, занимавшихся въ селахъ выработкой овчинныхъ шкуръ и шерсти, мы встрѣчаемъ въ городахъ скорняковъ, не ограничивавшихся уже одной какой нибудь статьей, а обработывавшихъ пушной товаръ и кожевниковъ, выдѣлывавшихъ кожи [2]). Вмѣсто домашней выдѣлки войлока, характеризующей сельскій бытъ, мы находимъ въ городахъ уже особыхъ мастеровъ, ткачей или дѣлателей опонъ, т. е. завѣсъ, покрововъ, а также епанчей, суконниковъ и колпачниковъ [3]). Подобнымъ образомъ селамъ совершенно неизвѣстенъ былъ разрядъ людей, занимавшихся изготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ и питей; между тѣмъ въ городахъ этотъ разрядъ представлялъ довольно частыхъ и разнообразныхъ представителей. Въ городахъ мы встрѣчаемъ мясниковъ, рыбниковъ, калачниковъ и корчмитовъ или лицъ, занимавшихся приготовленіемъ пива и меду [4]). Въ особенности

Входъ Іерусалима Господа нашего Іисуса Христа Исаію Гречину съ други". П. С. Р. Л., V, 23, 1420: „Псковичи наяша мастеровъ Өедора и дружину его побивати церковь святая Троица свинцомъ, новыми досками"... А. А. Э., I, 1, ок. 1340: „пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходить на Печеру, Жилу съ други, а се ихъ имена" (всего 19 чел.).

[1]) Купріяновъ. Отрывки изъ расходныхъ книгъ Соф. дома, 16: „Плотникомъ жалованья: Дороху, Гришѣ, Дмитру, Харкѣ, Демеху,—дано имъ по полтинѣ Московской; Олоху—4 гривны Московскія, а дружинникомъ жалованье... дано имъ по 10 алтынъ"...

[2]) Писц. кн., Ш, 958: „дв. Ореөа Ондрѣяновъ скорнякъ"... 957: „дв. Олексѣйко Исаковъ кожевникъ"... П. С. Р. Л., III, 53, 1240: „Дрочило Нездыловъ сынъ кожевника". Писц. кн., Ш, 881.

[3]) П. С. Р. Л., III, 35, 1216 г.: „Иванька Прибышиница опоньника"... Писц. кн., Ш, 494: „дв. Ивашко Левковъ колпачникъ"... П. С. Р. Л., IV, 225, 1463: „весь Псковъ послаша посла своего, Іюду суконника"...

[4]) Писц. кн., III, 21: „Юрки Савина мясника съ Лубянки малые".... Ш, 881. П. С. Р. Л., Ш, 107, 1417: „възъярившеся на того рыбника"... Писц. кн., Ш, 883: „въ дворѣ у Еустратка, у Ондрѣйкова Олекса Өедковъ, корчмитъ... дв. Зехно колачникъ"...

разнообразіе открывается въ обработкѣ металловъ. Подлѣ кузнецовъ, составлявшихъ единственное проявленіе металлическаго мастерства въ сельскомъ быту, въ городахъ являются шильники и щитники, занимавшіеся приготовленіемъ щитовъ и доспѣховъ, въ которыхъ Новгородцы выходили на войну [1]). Подлѣ ремеслинниковъ, занимавшихся желѣзными издѣліями, являются лица, обрабатывавшія другіе металлы, какъ, напримѣръ, котельники и мѣдники [2]). Но что самое важное, въ городахъ являются уже мастера, занимавшіеся издѣліями изъ благородныхъ металловъ. Къ числу послѣднихъ относились серебреники, занимавшіеся, по всей вѣроятности, издѣліями изъ серебра, и серебреники-вѣсцы, производившіе взвѣшиваніе серебра и опредѣлявшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и его качество. Они же впослѣдствіи занимались, по порученію Новгородскаго правительства, и монетнымъ дѣломъ, а именно литьемъ денегъ [3]). Мы сказали сейчасъ, что развитіе ремеслъ въ городахъ было нѣсколько шире, чѣмъ въ простомъ сельскомъ быту; но, во всякомъ случаѣ, расширеніе это было далеко не такъ значительно, какъ бы требовалось существовавшими надобностями. Всего лучше это видно изъ разсмотрѣнія того-же металлическаго производства. Коль скоро только дѣло заходило за предѣлы обыкновеннаго житейскаго уровня, такъ тотчасъ же являлась неотступная потребность въ чужомъ пособіи. Въ доказательство намъ нѣтъ надобности приводить на память то обстоятельство, что мѣдныя двери Софійскаго собора были сдѣланы не дома, а привезены въ Новгородъ далеко изъ-за моря и представляютъ работу нѣмецкихъ мастеровъ. Достаточно будетъ ограничиться нѣсколькими простѣйшими фактами. Для того, чтобы отлить колоколъ казавшійся Новгородцамъ большимъ, но вѣсившій на самомъ дѣлѣ не болѣе ста пудовъ, владыка Новгородскій Василій (въ XIV столѣтіи) долженъ былъ искать для того мастера въ Москвѣ и нашелъ его тамъ въ особѣ нѣкоего Бориса [4]). Подобнымъ образомъ, для того, чтобы

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 182, 1460: тогда же Ѳедора Басенка хотѣли убити шилники"... Тамъ же, III, 50, 1234: „убиша... Гаврила Щитника"...

[2]) П. С. Р. Л., III, 35, 1216: „Новгородьцы убиша... Онтона котелника". Тамъ же, III, 152, 1547: „Загорѣлось... отъ Ондрѣа отъ мѣдяника" (въ подл.: „отъ миденика").

[3]) П. С Р. Л., III, 50, 1234: „убиша... Нѣжилу серебреника"... Bunge, U. B., IV, 110, 1396: „Okente Serebrenick". П. С. Р. Л., III, 25, 1200; „убиша... Страшка серебрьника вѣсця"... Тамъ же, IV, 126, 1447: „выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче"...

[4]) П. С. Р. Л., III, 81, 81, 1342: „владыка Василія повелѣ съліяти ко-

покрыть храмъ св. Троицы свинчатыми досками, Псковичи не нашли ни у себя, ни въ Новгородѣ мастера, который бы умѣлъ отливать требуемыя доски, и принуждены были обратиться за нимъ въ Москву, къ митрополиту Фотію. Дѣло пошло впередъ только тогда, когда Московскій мастеръ, пріѣхавъ въ Псковъ, научилъ лить доски Псковича, служившаго у св. Троицы [1]).

Между мастерствами, которыя имѣли мѣсто въ Новгородской жизни, было, однако, одно, которое пользовалось извѣстною репутаціею въ цѣлой древней Руси. Мастерствомъ этимъ было зодчество. Говоря это, мы имѣемъ въ виду плотничество, занятіемъ которымъ еще Кіевляне укоряли Новгородцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, упрекъ Кіевлянъ показываетъ, что плотничество было весьма распространеннымъ въ Новгородѣ занятіемъ; это, впрочемъ, и безъ того слѣдовало бы предположить въ виду лѣсного характера страны, населяемой Новгородцами. Можно даже еще прибавить, что плотничество не только было довольно распространено въ Новгородѣ, но и отличалось тамъ и нѣкоторомъ совершенствомъ. На это указываетъ то обстоятельство, что Новгородскимъ мастерамъ-плотникамъ поручались деревянныя работы при постройкѣ церквей въ самой Москвѣ и вызывали въ Москвичахъ похвалу одобренія. Они строили тамъ крыши и покрывали ихъ нѣмецкимъ желѣзомъ [2]).

Переходя къ послѣдней отрасли Новгородской промышленности, къ торговлѣ, мы должны прежде всего замѣтить, что было бы несправедливо представлять себѣ Новгородское населеніе въ цѣломъ, какъ по преимуществу торговое. Напротивъ, подобно обрабатывающей промышленности, и торговля была въ массѣ населенія развита крайне слабо. Въ средѣ сельскаго населенія, пробавлявшагося, естественно, произведеніями собственнаго трудолюбія, торговля была вообще незначительна. Торговыхъ людей мы встрѣчаемъ въ сельскомъ

локолъ великъ къ святѣи Софіи, и приведе мастеры съ Москвы, человѣка добра именемъ Бориса". Ср. Новг. Лѣт. (2 и 3), 30, 219.

[1]) П. С. Р. Л., V, 23, 1420: „И не обрѣтоша Псковичи такова мастера въ Псковѣ, ни въ Новѣгородѣ, кому лити свинчатыя доски, а къ нѣмцомъ слаша въ Юрьевъ, и поганіи не даша мастера; и пріѣха мастеръ съ Москвы отъ Фотѣя митрополита и научи Ѳедора мастера святыа Троицы"...

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р., VI, прим. 103: „въ Ростов. лѣт.: „Верхи же церкви тоя крыти привелъ князь великій изъ Новаграда мастеры. Они же начаша крыти прежде древомъ хорошо велми, по древу же желѣзомъ нѣмецкимъ"...

быту въ двухъ формахъ, въ формѣ отдѣльныхъ единицъ, разсѣянныхъ по деревнямъ и селамъ, и въ формѣ особенныхъ поселеній, рядковъ. Подъ рядками разумѣлись такія селенія, зданія которыхъ сооружались одни съ другими по ряду. Происхожденіе ихъ нужно объяснять такъ. Какъ и вообще въ древней Руси, въ Великомъ Новгородѣ не было связныхъ селеній. Напротивъ, каждый селился на особенномъ участкѣ и сооружалъ на немъ особенный, совершенно отдѣльный дворъ. Совершенно иное явленіе замѣчаемъ мы у промышленныхъ и, особенно, у торговыхъ людей. Они связаны были не съ обрабатываемымъ участкомъ, а скорѣе другъ съ другомъ, потому селились вмѣстѣ и, такимъ образомъ, давали начало сплошнымъ поселкамъ. Какъ бы то, однако, ни было, число и отдѣльныхъ торговцевъ въ деревняхъ, и торговыхъ рядковъ, было крайне незначительно. Число отдѣльныхъ торговцевъ, становилось замѣтнымъ только въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстностяхъ. Одной изъ такихъ мѣстностей былъ, напримѣръ, Сердовольскій погостъ въ Вотской пятинѣ [1]). Что же касается до рядковъ, то даже въ 1500 году такихъ торговыхъ поселеній мы, по имѣющимся источникамъ, можемъ привести всего два, а именно: рядокъ у Клѣтей на Ижерѣ и Волочекъ Свонскій [2]). Больше оживленія замѣчается въ городахъ; но и тутъ торговая дѣятельность развивалась крайне неодинаково. Въ большинствѣ новгородскихъ городовъ она равнялась почти нулю. Для торговли недоставало въ нихъ достаточнаго населенія. Такъ какъ первоначальное назначеніе города заключалось въ оборонѣ, то неудивительно, что были города въ Новгородской землѣ, все населеніе которыхъ состояло изъ церковнаго дьяка и сторожа. Таковъ былъ городокъ Демонь. [3]). Подобнымъ образомъ, въ Копорьи посадское (т.

---

[1]) Врем., XI, 130: „А поземщиковъ въ той же деревни: дв. Власъ Петроковъ, торговецъ, дв... Софроновъ, не пашутъ, а тянутъ съ городчаны.... Врем., XI, 346: „погостъ Никольской Ижерской. А на погостѣ цер. Никола Велики"... Да на церковной же землѣ: дв. Филипко Логиновъ торговой человѣкъ безъ пашни"... Врем. XII, 165: „Въ Сердовольскомъ же погостѣ купцы, а живутъ на в. князя землѣ... въ деревнѣ Кемольской"... 166: „А по новому письму 20 и 4 дворы, а людей въ нихъ 30 и 9 человѣкъ".

[2]) Врем., XI, 344: „В. князя рядокъ у Клѣтей на рѣцѣ на Ижерѣ, отъ Невы семь верстъ, а живутъ въ немъ торговые люди, пашни у нихъ нѣтъ"... Врем., XII, 7: „Волочекъ Свонской... А на Волочку живутъ люди рядовые, торговые и рыбные ловцы"...

[3]) Писц. кн., II, 499: „дв. діакъ Ѳеонаско, дв. церковной сторожъ Огаѳонникъ, пашни у нихъ нѣтъ".

е. собственно городское) населеніе состояло всего изъ 18 человѣкъ, по преимуществу ремесленниковъ. Въ другихъ городахъ, какъ, напримѣръ, Корелѣ, Ладогѣ, Ямѣ, Русѣ, населеніе было, конечно, значительно, но далеко не такъ, чтобы оно могло свидѣтельствовать о широкой торговой дѣятельности. Такъ, напримѣръ, въ Ямѣ населеніе простиралось въ 1500 году до 332 человѣкъ мужскаго пола, въ Корелѣ—до 232, а въ Ладогѣ—до 137 [1]).

Собственно говоря, вся торговая дѣятельность Новгородской земли сосредоточивалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ — Русѣ, Торжкѣ и Великомъ Новгородѣ. Новый Торгъ былъ важнѣйшимъ пунктомъ на юго-восточномъ пути. Въ немъ скоплялось обыкновенно и Новгородское и собственно Торжковское купечество, а о количествѣ его можно заключать изъ того, что князь Ярославъ захватилъ въ немъ въ 1215 году больше 2000 Новгородцевъ, по преимуществу, безъ сомнѣнія, купцовъ. Такъ какъ, однако, живая дѣятельность Торжка много обусловливалась приливомъ туда Новгородскаго элемента, то безъ преувеличенія можно сказать, что преимущественнымъ, если не исключительнымъ, центромъ торговой дѣятельности въ Новгородской землѣ былъ главный городъ послѣдней, самъ Великій Новгородъ.

Чѣмъ исключительнѣе торговля сосредоточивалась въ самомъ главномъ городѣ, тѣмъ полнѣе развертывало свою дѣятельность купечество послѣдняго. Можно сказать даже, что онъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю всей страны и, такимъ образомъ, въ отношеніи ея занималъ такое же положеніе, какое свойственно было Новгородскимъ боярамъ въ отношеніи землевладѣнія. Отдѣльными единицами Новгородскіе купцы были разсѣяны по разнымъ краямъ Новгородской области и торговали тамъ въ лавкахъ или ладьяхъ. Это какъ нельзя лучше видно изъ договоровъ Новгорода съ своими князьями, воспрещавшихъ привлекать Новгородскихъ купцовъ къ несенію мѣстныхъ повинностей и даже къ мѣстному суду [2]). Было, однако, много краевъ, гдѣ Новгородское купечество являлось уже не отдѣльными единицами, а цѣлыми обществами и при томъ такими, которыя чувствовали между собою нѣкоторую общность интересовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія общества Новгородскихъ купцовъ только временно посѣщали Новгородскія области. Такой случай имѣлъ мѣсто именно въ сѣверныхъ

---

[1]) Писц. кн., III, 885, 960. Врем., XII, 4.

[2]) А. А. Э., I, 24, ок. 1450: „а гдѣ будетъ Ноугородець заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти".

Новгородскихъ областяхъ, въ Корелѣ, въ Обонежьѣ, Заволочьѣ и Югрѣ [1]). Тамъ купцы, обыкновенно, не селились на постоянное жительство, а только наѣзжали временами. Это всего лучше видно изъ того, что патрональные храмы, въ сооруженіи которыхъ выражалась связь между торгующими, строились не на мѣстѣ торговли, а на родинѣ. Такъ Югорцами или купцами, торговавшими съ Югрой, патрональный храмъ построенъ былъ въ самомъ Новгородѣ [2]). Путь, которымъ велась торговля съ Корелой, Обонежьемъ и Заволочьемъ, болѣе или менѣе извѣстенъ. Онъ шелъ Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ, Свирью, Онежскимъ озеромъ, р. Водлой, Черевью, а оттуда волокомъ въ озеро Кемо и р. Кему, впадающую въ Онегу. Изъ послѣдней путь чрезъ новый волокъ переходилъ въ Емцу, притокъ Сѣверной Двины [3]). Менѣе извѣстенъ путь въ Югру. Можно, однако, думать, что онъ шелъ по южной окраинѣ Двинской земли, а именно, открываясь рѣками Мстой, Мологой, Волгой и Шексной, направлялся далѣе Порозовицей, Кубенскимъ озеромъ, Сухоной, Вычегдой, Печорой и Обью. Но если въ отдаленныхъ Новгородскихъ областяхъ купечество мало склонно было къ постоянному пребыванію, то въ ближайшихъ къ Новгороду краяхъ, особенно въ пригородахъ, имѣвшихъ торговое значеніе, оно не пренебрегало никогда и постоянною осѣдлостью. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ торговыхъ пригородахъ Новгородское купечество, тотчасъ же по своемъ водвореніи, обзаводилось особенными патрональными храмами. Такъ, извѣстно, что Новгородскіе прасолы, т. е. купцы, занимавшіеся торговлей соленымъ мясомъ и ры-

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 78, 1337: „Корѣла, подведши Нѣмець, побиша Русь, Новгородцевъ много и Ладожанъ гостей“. Тамъ же, Ш, 64, 1283: „вниидоша Нѣмци, ратію, Невою, въ озеро Ладожьское, и избиша Новогородцевъ Обонѣжскыхъ купцевъ“... Тамъ же, III, 72, 1317: „приходиша Нѣмци въ озеро Ладожьское, и побиша много Обонижьскыхъ купець“.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 65, 1365: „Югорщиною заложиша церковь камену, Святую Троицю, на Рядятинѣ улици“.

[3]) А. М. И. Д., по Олонцу № 1, л. 412, 1566: „Погостъ Водлозерскій за Онегомъ. На Мышьихъ Червехъ волочекъ Кенской, а чрезъ тотъ волочекъ торговые люди Ноугородской земли ходятъ съ товаромъ въ Заволоцкую землю и изъ Заволоцкія земли въ Ноугородскія земли водянымъ путемъ въ судахъ; а в. князя крестьяне той же волости на Мышьихъ Червехъ черезъ тотъ волочекъ товаръ волочатъ изъ найму, а найму емлютъ 3 беремена по денгѣ (а на тотъ волочекъ писецъ Ю. К. Сабуровъ (1496 г.) положилъ оброку 4 гривны). И тотъ волочекъ нынче пустъ, а гости тою дорогою не ѣздятъ, ѣздятъ новою дорогой“. Ср. Пушкаревъ, Олонецкая губ., стр. 23—24.

бой, имѣли свой патрональный храмъ въ Русѣ [1]). Точно также, Новгородское купечество, торговавшее въ Новомъ Торгу воскомъ, построило патрональный храмъ Спаса Преображенія, который, вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ служить какъ бы отдѣленіемъ торговаго Новгородскаго учрежденія при св. Иванѣ на Петрятинѣ Дворищѣ [2]). Неизвѣстно, имѣли ли Новгородскіе купцы свой патрональный храмъ во Псковѣ; но, несомнѣнно, торговое движеніе туда было довольно сильное. Особенно важенъ былъ для Пскова подвозъ соли, которая разрабатывалось въ самомъ Новгородѣ, да и добывалось отъ иноземцевъ. Новгородцы даже пользовались отпускомъ соли, какъ средствомъ производить давленіе на ходъ политическимъ событій во Псковѣ и вынуждать въ свою пользу уступки со стороны послѣдняго [3]).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду торговлю Великаго Новгорода только въ предѣлахъ его собственной области. Но еще значительнѣе были его торговыя операціи съ другими краями Русской земли. Въ первоначальный періодъ торговая дѣятельность Новгорода была обращена на юго-западъ. Но въ XIII столѣтіи въ направленіи торговли совершается важная перемѣна. Мы хотимъ этимъ сказать не то, чтобы торговля съ юго-западомъ прекратилась вовсе. Юго-западная торговля, напротивъ, продолжалась по прежнему и даже получила нѣкоторое расширеніе. Благодаря образованію подлѣ Новгорода сильнаго Литовскаго государства, Новгородцы стали торговать свободно по всей Литовской землѣ и, наоборотъ, жители Литвы, Витбляне, Полочане, Смольняне, Кіевляне пользовались такою же свободою торговли въ отношеніи Новгорода [4]). Юго-западная торговля, конечно сохраняла свое существованіе и теперь; но, во всякомъ случаѣ, съ XIII вѣка преобладающее значеніе стало принадлежать торговлѣ юго-восточной.

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 102, 1403: „поставиша купцы Новгородскіе, прасолы, въ Русѣ церковь камену“. Ср. А. И., III, 193.

[2]) П. С. Р. Л., III, 88, 1364: „Поставиша въ Торжку церковь камену во имя св. Спаса Преображенія..., а замышленіемъ богобоязнивыхъ купець Новогородскыхъ, а потягнутіемъ всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ“...

[3]) П. С. Р. Л., III, 48, 1232: „и тако быша безъ мира лѣто все, и не пусти князь гости къ нимъ, и купляху соль по 7 гривенъ бьрковьскъ“...

[4]) А. З. Р., I, 52, ок. 1440: „А что моихъ людей, или Литвинъ, или Витблянинъ, или Полочанинъ, или Смолнянинъ, или съ иныхъ нашихъ Русскихъ земель... торговати имъ въ Новѣгородѣ безъ всякой пакости, по старинѣ... Такожъ и Новгородцамъ изо всее Новгородскои волости торговати безъ пакости по всей Литовской землѣ“. С. Г. Г. и Д., I, 25, 1431.

Съ этого времени Новгородцы становятся обычными посѣтителями Суздаля, Переяславля Залѣсскаго, Костромы, Твери [1]). Какъ и въ другихъ случаяхъ, и здѣсь развитію торговли благопріятствовало удобство путей сообщенія. Собственно природой былъ данъ одинъ торговый путь. Путь этотъ образовался р. Мстой и Тверцой, изъ которыхъ одна соединялась съ Ильменемъ, а другая съ Волгой. Переходъ изъ одной въ другую имѣлъ мѣсто въ Вышнемъ Волочкѣ [2]). Къ этому природному пути съ теченіемъ времени присоединились другіе, сухопутные. Главнѣйшею изъ сухопутныхъ дорогъ была Яжелбицкая, ведшая изъ Вышняго Волочка чрезъ Яжелбицы и Бронницы къ Великому Новгороду. А затѣмъ не лишне упомянуть о Серегерскомъ пути, который, какъ можно полагать, былъ тождественъ съ Демонскою дорогой, ведшей изъ Торжка черезъ Демонь въ В. Новгородъ [3]). Важнѣйшимъ пунктомъ на этомъ пути долженъ считаться Новый Торгъ. Онъ представлялъ средоточіе всѣхъ торговыхъ путей и потому образовалъ какъ бы ворота, которыми шло обилье въ В. Новгородъ и занявши который югъ могъ лишить послѣдній всякихъ средствъ къ существованію [4]). Кромѣ путей, ведшихъ изъ Новгородской области непосредственно, были еще пути, шедшіе въ восточную Русь изъ Заволоцкихъ владѣній В. Новгорода. Предметы мѣны, которые двигались по этому восточному пути, были почти тѣже, что и въ торговлѣ южной. Нѣтъ

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 474, 1216: „и ту (въ Переяславль) вбѣгъ, изыма Новогородцы и Смолняны, иже бяху зашли гостьбою въ землю его... души ихъ полтораста"... С. Г. Г. и Д., I, 4, 1270: „А про послы, княже, и про купче Новгородскые, что въ Костромѣ и по инымъ городамъ"... Тамъ же, I, 24, 1426.

[2]) П. С. Р. Л., III, 64, 1282: „а обиліе попровади все (изъ Торжка) въ Новъгородъ въ лодіахъ".

[3]) П. С. Р. Л., VI, 207, 1478: „а шелъ (великій князь) отъ Торжку на Волочекъ, а оттолѣ шелъ межи Яжелобицкіе дороги и Мсты... а межи Дѣмоньскіе дороги (раньше: изъ Торжку на Дѣмонь) и Яжелобицкіе велѣлъ итти князю Александру"... Тамъ же, VI, 208—9: „а по Яжелобицкой дорозѣ велѣлъ итти Ѳедору Давыдовичю... а велѣлъ поити къ Бронничю"... П. С. Р. Л., III, 52, 1238: „отъ Торжку Серегерьскымъ путемъ оли (дажь) и до Игнача креста... за 100 верстъ до Новагорода".

[4]) С. Г. Г. и Д., I, 18, 1318: „А гостю всякому гостити безъ рубежа, а ворота жъ отворити, а хлѣбы ти пустити"... П. С. Р. Л., III, 70, 1312: „не пусти обилья въ Новгородъ, а Торожекъ зая и Бѣжичи и всю волость и иде владыка Давыдъ во Тферь, веснѣ, въ роспутье, и докончa миръ; князь ворота отвори".

сомнѣнія, что и въ Новгородскомъ отпускѣ, и здѣсь важную роль играли мѣха, которыми онъ ссужалъ всѣ края тогдашней Россіи, но кромѣ того между статьями отпуска не маловажнымъ значеніемъ пользовались ленъ и хмель, съ удобствомъ воздѣлывавшіеся въ Новгородской области. Нѣтъ сомнѣнія также, что изъ Новгорода шли на востокъ и иноземные товары. Изъ Заволочья, въ которомъ, какъ уже замѣчено, не безъ успѣха разрабатывалась соль, шла на востокъ непосредственно, минуя Новгородъ, и послѣдняя, и, можетъ быть, оттуда же попадали въ Восточную Русь и нѣкоторые драгоцѣнные каменья, какъ, напримѣръ, жемчугъ, носившіе названіе Новгородскихъ [1]). Въ обмѣнъ за эти произведенія своей страны Новгородъ получалъ съ востока хлѣбъ, составлявшій главную внутреннюю потребность его гражданъ, и воскъ, игравшій большую роль въ его внѣшней торговлѣ [2]). Кромѣ того, восточная Русь играла въ отношеніи Новгорода и посредническую роль: она передавала въ руки Новгородцевъ многія торговыя статьи восточныхъ странъ. Нѣтъ данныхъ для того, чтобы признать торговое движеніе Новгородцевъ за предѣлы восточной Руси; но имѣется много указаній на то, что восточные товары, какъ, напримѣръ, болгарскій воскъ, персидскій шелкъ и восточныя пряности шли непосредственно въ Великій Новгородъ [3]). Сознавая всю важность торговаго движенія съ востока, Новгородцы всѣми силами заботились о томъ, чтобы обезопасить ее отъ всякихъ случайностей и отягощенія. Въ этихъ видахъ они не только старались обезпечить торговлю договорами съ восточными князьями, но и, пользуясь своими богатыми средствами, успѣли даже выхлопотать отъ хановъ ярлыкъ, представлявшій имъ право торговать въ Суздальской землѣ безъ рубежа, т. е. безъ насильственнаго захвата купеческихъ товаровъ [4]).

---

[1]) А. А. Э., I, 8, 1398: „А гостю Двинскому гостити въ ладьяхъ или на возѣхъ: съ лодіи на Устюзѣ (тоже и въ Вологдѣ) намѣстникомъ два пуза соли"... С. Г. Г. и Д., I, 406, 1509: „да ожерелейце сажоно жемчугомъ Гурмыскимъ и Новогородцкимъ". А. А. Э., I, 425, 1591: „Да которые люди на жемчюгъ ходятъ (изъ крестьянъ Соловец. мон.), и съ тѣхъ имати на монастырь десятое".

[2]) Bunge, U. B., VI, 95, 1332; Рус. Достопам., I, 79.

[3]) Hildebrand., 45, № 642, 1291. Рус. Достопам., I, 79: „А у гостя имъ имати: у Низовьскаго... гривенка перцю"...

[4]) С. Г. Г. и Д., I, 4, 1270: „А гостю нашему гостити по Суждалской земли безъ рубежа, по царевѣ грамотѣ". Тамъ же, I, 22, 1375: „А что товаръ пониманъ у Новгородскыхъ купець и у Новторжскыхъ изъ людей рубежомъ"... Тамъ же, I, 16, 1317.

Кромѣ того, въ договорахъ съ князьями они стремились къ прочному установленію таможенныхъ пошлинъ, которыя въ то время легко возростали и въ числѣ и въ размѣрѣ, и легко могли угрожать остановкою ихъ торговлѣ льномъ и хмелемъ. И они въ извѣстной степени достигли своей цѣли. Изъ договоровъ мы узнаемъ, что въ Низовской землѣ Новгородское купечество подвергалось на путяхъ только одной пошлинѣ, мыту, не превышавшему въ размѣрѣ двухъ векшъ съ ладьи и воза, съ короба льна и хмѣля, а въ городахъ сверхъ того гостинному, пошлинѣ, взимавшейся за право остановки. Сами же Новгородцы, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ центру волостяхъ, путевыхъ пошлинъ совсѣмъ не знали, а обязывали за это восточно-русскихъ купцовъ торговать въ Новгородѣ исключительно съ одними Новгородцами. Торговыя пошлины, какъ, напримѣръ, гостинное и вѣсчее встрѣчались, впрочемъ, и у нихъ [1]).

Переходя къ внутреннему торговому быту, мы прежде всего должны замѣтить, что въ Великомъ Новгородѣ не было собственно никакихъ ограниченій права торговли. Торговать могъ тамъ всякій, начиная съ князя и кончая послѣднимъ простолюдиномъ. И дѣйствительно, источники не лишены указаній на то, что всѣ они на самомъ дѣлѣ занимались торговлей. Изъ договоровъ съ князьями, какъ восточными, такъ и западными, Литовскими, ясно видно, что какъ тѣ, такъ и другіе вели въ Новгородѣ на свой страхъ торговлю, только въ сношеніяхъ съ иноземцами должны были прибѣгать къ посредству Новгородцевъ [2]). Точно также и духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, несмотря на неблаговоленіе церковныхъ властей, никогда не брезговало увеличивать свои средства путемъ торговли [3]). Что же касается до класса Новгородскихъ бояръ, то источники не представляютъ прямыхъ указаній на совершеніе ими торговыхъ операцій. Однако должно, кажется, допустить, что и они пользовались своими излишками и пускали ихъ въ оборотъ для пріобрѣтенія себѣ предметовъ роско-

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 2, 1265: „А что, княже, мытъ... по всей Суждальской земли, а то, княже, имати по 2 вѣкши отъ ладьи и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмѣлна короба“. Тамъ же, I, 24, 1426: „А въ Русѣ и въ Торжку имати у Тферичь гостинное по старинѣ; а въ Тфери у Новгородцевъ и Новоторжцевъ имати гостное и мытъ по старынѣ“.

[2]) А. З. Р., I, 52, ок. 1450: „а хто пріѣдетъ зъ великаго князя товаромъ, торговати имъ зъ Новгородци въ Нѣмецкомъ дворѣ“.

[3]) А. А. Э., I, 462, 1410 г.: „А которые игумены или попы или черицы, торговали прежъ сего“...

ши западной Европы. По крайней мѣрѣ такъ должно заключать изъ примѣра Полоцка, гдѣ бояре въ позднѣйшее время принимали живое участіе въ торговлѣ [1]). Какъ то бы, впрочемъ, ни было, въ Великомъ Новгородѣ существовалъ и особенный классъ купцовъ, ставившій торговлю своимъ главнымъ, если не исключительнымъ, занятіемъ. Сколько можно думать, Новгородское купечество раздѣлялось на два разряда, на купцовъ вящшихъ, старѣйшихъ, добрыхъ или, иначе, пошлыхъ, и купцовъ не пошлыхъ [2]). Внѣшнимъ отличіемъ вящшихъ или пошлыхъ купцовъ можетъ считаться ношеніе ими золотыхъ поясовъ, какъ то имѣло мѣсто и у знатнѣйшихъ купцовъ западно-европейскихъ. Оттого знатнѣйшіе русскіе купцы въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ являются подъ названіемъ „золотыхъ поясовъ" просто [3]). Что же касается до существеннаго отличія пошлыхъ купцовъ отъ непошлыхъ, то оно состояло въ томъ, что первые вносили въ общину при Св. І. Предтечѣ 50 гривенъ серебра и чрезъ это получали право быть старостами и завѣдывать купеческими дѣлами, тогда какъ не пошлые купцы вклада не вносили, а вмѣстѣ съ тѣмъ не пользовались никакимъ вліяніемъ на купеческія дѣла [4]). Человѣкъ, внесшій въ гильдію 50 гривенъ, дѣлался пошлымъ купцомъ не только лично, но и потомственно; вслѣдствіе этого разрядъ пошлыхъ купцовъ образовался изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ состоялъ изъ лицъ, обязанныхъ своимъ положеніемъ вкладу, а другой изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ по происхожденію. Весьма вѣроятно, что этотъ послѣдній разрядъ назывался „купеческими дѣтьми", „Kinder der koplude" [5]). Въ торговой дѣятельности своей Новгородскіе купцы рѣдко выступали одинокими. Напротивъ, подобно тому, какъ князья и бояре являлись окруженные дружинами, какъ мастера имѣли свои особенныя дружины, такъ точно дружина была формой дѣятельности и въ торговомъ быту. Купеческія дружины, имѣвшія мѣсто особенно часто въ иноземной торговлѣ, составлялись на основаніи родства или простаго товарищества, или на

---

[1]) А. З. Р., I, № 175.

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 71, 1315: „избиша много добрыхъ мужь... и *купець добрыхъ много*"... Тамъ же, Ш, 33, 1215: „послаша... и *купьць старѣйшихъ* 10 мужь".

[3]) Bunge, U. B., VI, 494, 1331.

[4]) Д. къ А. И., I, № 3.

[5]) Д. къ А. И., I, № 3. П. С. Р. Л., Ш, 98—99, 1398; „Биша челомъ... и житьи люди, и купеческіе дѣти"... Bunge, U. B., Ш, 699—700, 1392. Тамъ же, IV, 504, 1405.

основаніи того и другаго вмѣстѣ. Иногда при этомъ дружины группировались около одного лица [1]). Такъ, напримѣръ, въ 1388 году упоминается Игнатій и его дружина. Иногда же центръ общества составляло, повидимому, нѣсколько лицъ, къ которымъ уже присоединялись другіе. Такъ, въ томъ же 1388 году упоминаются Матвѣй, Кондратъ, Димитрій и Андрей и ихъ дружина [2]).

Какъ въ развитыхъ торговыхъ центрахъ, въ Новгородѣ и нѣкоторыхъ изъ его пригородовъ, какъ напримѣръ въ Торжкѣ, не недоставало и торговыхъ учрежденій. Изъ нихъ прежде всего должно упомянуть о мѣстѣ торговой дѣятельности или торгѣ. Въ Новгородѣ онъ находился на торговой сторонѣ, въ Славянскомъ концѣ [3]) и простирался отъ берега Волхова вплоть до нынѣшней Большой Михайловской улицы, а съ Юга и Сѣвера былъ ограниченъ древними улицами Михайловской и Лубяницей. Какъ обширная сфера дѣйствія, торгъ въ Новгородѣ подраздѣлялся на особыя отдѣленія или ряды. Въ основаніи распредѣленія по рядамъ лежали или одинаковость мѣста дѣятельности извѣстныхъ купцовъ, или же одинаковость мѣста и промысла. Къ числу рядовъ перваго рода можетъ быть отнесенъ Великій рядъ; къ числу же рядовъ втораго рода—Вощный, заключавшій въ себѣ торговцевъ воскомъ, и Хопыльскій въ которомъ, по всей вѣроятности, сосредоточивались торговцы восточными, азіатскими товарами [4]). Затѣмъ торговое обращеніе требовало введенія нормальныхъ орудій вѣса и мѣры и, какъ мы уже видѣли раньше, такія орудія, дѣйствительно, существовали при Ивановской общинѣ. Первоначально орудіемъ вѣса служилъ пудъ (въ Полоцкѣ пудный ремень), подъ которымъ нужно разумѣть не что иное, какъ безмѣнъ большаго размѣра; но въ половинѣ XIII столѣтія это орудіе было вытѣснено, благодаря нѣмецкому вліянію, скальвами или вѣсами о двухъ чашкахъ. Единицами вѣса служили: при безмѣнѣ берковецъ, равнявшійся десяти пудамъ, а при скалвахъ,

---

[1]) Hanser. II Abt., I, 512. 1416. Тамъ же, I Abt., IV, 49, 1392. Bunge, II, 311, 1338.

[2]) Bunge, III, 551, 1388.

[3]) По мнѣнію нѣкоторыхъ, крайняя оконечность его, *Славно*, была первымъ мѣстомъ поселенія въ Новгородѣ. (Мстиславскій, въ Чт. М. Ист. Об., 1861 г., III).

[4]) Русск. Правда по Карамз. сп., ст. 134: „.... тысяцкому до вощникъ, отъ вощникъ посадникоу до Великаго ряду“. А. Ю., 429, XIV в. Ср. П. С. Р. Л., VI, 284, 1510; 293, 1534.

по крайней мѣрѣ въ случаѣ взвѣшиванья воску,—капь [1]). Капь равнялась 8 Ливонскимъ талантамъ или фунтамъ, состоявшимъ въ свою очередь изъ 16 торговыхъ фунтовъ. Принявши теперь во вниманіе различіе между старыми нѣмецкими и настоящими фунтами съ одной стороны, а съ другой—между настоящимъ нѣмецкимъ и русскимъ вѣсомъ, мы получимъ для капи величину приблизительно въ 3 пуда. Для измѣренія длины служилъ локоть, названіе котораго даетъ понятіе уже о самомъ предметѣ; локоть по торговой книгѣ (памятникъ Московской Руси) состоялъ изъ 10 вершковъ. Неизвѣстно, имѣлось ли въ Ивановскомъ учрежденіи нормальное орудіе мѣры для сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ *). Имъ во всякомъ случаѣ должна была бы быть окова, кадь или бочка, раздѣлявшаяся на два половника, четыре четверти и двѣ осмины. Костомаровъ говоритъ, что Новгородская четверть для сыпучихъ тѣлъ вѣсила до 8½ пудовъ, слѣдовательно, цѣлая кадь — до 34 пудовъ; но изъ сопоставленія цѣнъ на хлѣбъ нужно заключать, что окова или кадь имѣла всего до 12 или скорѣе до 10 пудовъ. Въ XVI столѣтіи окова ржи цѣнилась въ 20 Московскихъ денегъ или въ 10 Новгородскихъ, а такъ какъ 10 Новгородскихъ денегъ стоила и коробья ржи, заключавшая въ себѣ до 12 пудовъ, то ясно, что и на долю оковы должно выпадать не болѣе того же числа, а по нѣкоторымъ соображеніямъ—даже меньше. Въ Двинскихъ владѣніяхъ Новгорода была своя особенная мѣра сыпучихъ тѣлъ, а именно—пузъ, заключавшій въ себѣ отъ 2 до 3 пудовъ хлѣба. Жидкія тѣла измѣрялись бочками, насадками, ведрами и корцами. Изъ писцовыхъ книгъ начала XVI столѣтія, гдѣ бочка и 20 ведеръ пива уравнены тремъ бочкамъ, видно, что бочка содержала въ себѣ въ Новгородѣ ровно 10 ведеръ [2]). Тѣ же писцовыя книги, въ которыхъ 20 бочекъ+8 ведеръ уравнены 19 бочкамъ+1 насадка+15½ ведеръ или 1 бочка, т. е. 10 ведеръ, приравнена къ 1 насадкѣ+7½ ведеръ, показываютъ, что насадка не только не была подраздѣленіемъ ведра, какъ думалъ Костомаровъ, но и сама заключала въ себѣ 2½ ведра [3]).

---

[1]) О капи и ея вмѣстимости, между прочимъ, упоминается въ актахъ договора Новгорода съ Нѣмецкими городами, помѣщенныхъ въ разсужденіи Андреевскаго объ этомъ предметѣ.

[2]) Врем., XI, 345—350.

[3]) Врем., XI, 394—8. Костомаровъ, Сѣв. Рус. Нар. Пр., II, 238.

*) Болѣе подробное и обстоятельное изслѣдованіе о древне-русскихъ мѣрахъ сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ находится въ черновыхъ бумагахъ покойнаго историка, которое со временемъ появится въ печати. (Прим. А. Харизоменова.)

Такимъ образомъ, бочка заключала въ себѣ 4 насадки, а тѣ въ свою очередь содержали въ себѣ по 2½ ведра. Сколько корцевъ полагалось въ ведрѣ, еще не удалось опредѣлить. Нормальныя единицы мѣры имѣли значеніе, кажется, только въ случаяхъ недоразумѣній; обыкновенно же торговля—происходила не на вѣсъ и мѣру, а на обычныя единицы.

Переходя къ орудію торговаго обращенія, мы находимъ, что въ предѣлахъ Великаго Новгорода существовали всѣ формы его, которыя свойственны эпохѣ натуральнаго хозяйства. Сущность натуральнаго хозяйства заключается въ томъ обстоятельствѣ, что при господствѣ его предметы производства мѣняются непосредственно одни на другіе: соль пріобрѣтается за хлѣбъ, мѣха за желѣзныя издѣлія. Слѣды такой формы мѣны мы замѣчаемъ въ сношеніяхъ Новгородцевъ съ ихъ сѣверо-восточными данниками и при томъ, какъ кажется, въ формѣ нѣмой торговли. Въ сношеніяхъ, съ Югрой, напримѣръ, Новгородцы просто показывали шедшіе на мѣну предметы: ножи, сѣкиры,—и въ обмѣнъ на нихъ встрѣчали со стороны Югры предложеніе извѣстнаго количества мѣховъ. Это была, какъ мы сейчасъ замѣтили, нѣмая торговля; но въ формѣ простой мѣны однихъ предметовъ на другіе, мѣновая торговля существовала, вѣроятно, и въ самомъ Новгородѣ, особенно въ его областяхъ [1]). Въ дальнѣйшемъ развитіи натуральнаго хозяйства нѣкоторыя статьи, обладающія большею степенью сохраняемости и подвижности, начинають выдѣляться изъ массы другихъ, какъ предметы общаго желанія и получаютъ значеніе денежныхъ суррогатовъ. Онѣ начинаютъ служить мѣриломъ мѣновой цѣнности остальныхъ произведеній, скопляться не просто для удовлетворенія прямыхъ потребностей, но какъ посредническіе товары, и для удовлетворенія другихъ, будущихъ нуждъ; короче: становятся деньгами періода натуральнаго хозяйства, такими, однако, въ которыхъ еще преобладаетъ потребительная цѣнность. На мѣстѣ денежныхъ суррогатовъ въ древнѣйшее время Русской, а въ частности и Новгородской исторіи, мы замѣчаемъ скотъ. Но по мѣрѣ утвержденія славянъ на русскомъ материкѣ, скотъ, какъ посредническій товаръ, уступаетъ свое мѣсто, подъ вліяніемъ природныхъ условій, мѣхамъ, сохраная, однако, за собой значеніе добавочнаго средства платы. Съ такимъ характеромъ посредническаго товара или денегъ въ Новгородскихъ Двинскихъ владѣ-

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 227, 1096: „и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть па желѣзо и помавають рукою просяще желѣза: и аще кто дасть имъ ножь ли, секиру, (и они) дають скорою противу". П. С. Р. Л., I, 107, 1096.

ніяхъ является изъ мѣховъ бѣлка и сохраняетъ это значеніе въ теченіе всего періода независимаго существованія Великаго Новгорода. Торговыя сдѣлки, которыя тамъ имѣли мѣсто, совершались обыкновенно на бѣлки, къ которымъ въ придачу давались продукты скотоводства и изрѣдка—земледѣлія. Такъ, земля покупалась обыкновенно за извѣстное количество сорочковъ или тысячъ бѣлки, къ которымъ прибавлялся конь или корова, а иногда пузъ жита[1]). Что же касается не колоній, а собственно Новгородской области, то въ древнѣйшій періодъ, простирающійся до конца XIII столѣтія, бѣлка, подъ именемъ векши, играла и тамъ роль посредническаго товара. На это указываютъ два обстоятельства. Во 1-хъ, извѣстно, что плата за сорокоустъ опредѣлялась въ предѣлахъ самаго Новгорода сорочкомъ, а подъ сорочкомъ, безъ точнаго указанія подлежащихъ выдачѣ мѣховъ, нужно разумѣть не что иное, какъ сорочки бѣлокъ. Затѣмъ извѣстно, что пошлины, которыя должны были платить Новгородцы при ихъ торговомъ движеніи въ восточно-русскія области, опредѣлялись, какъ уже замѣчено раньше, извѣстнымъ количествомъ векшъ. А подъ векшами нужно разумѣть не что иное, какъ другое названіе бѣлокъ. Въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ сѣверо-восточныхъ и сосѣднихъ съ Литовскими, бѣлка сохраняла значеніе посредническаго товара даже въ XV столѣтіи; но это значеніе было уже второстепенное, такъ какъ въ то время, мало по малу, начинали входить въ обращеніе металлическія деньги. Бѣлкой, напримѣръ, платились тамъ повинности въ пользу владѣльцевъ[2]). Въ заключеніе нужно добавить, что господство денежныхъ суррогатовъ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ отсутствія въ обществѣ драгоцѣнныхъ металловъ или отрицаніемъ всякаго значенія ихъ въ торговомъ обращеніи. Напротивъ, драгоцѣнные металлы, золото и серебро, играли также свою роль въ обращеніи товаровъ, но только въ формѣ не денежной, а слитковой системы. Въ эпоху натуральнаго хозяйства золото и серебро ходили не въ формѣ денегъ, а въ формѣ слитковъ, кусковъ, stucke, sulvers, которые принимались

---

[1]) Сборн. Муханова, II изд., 595: „и дали на всемъ на томъ... пять сороковъ бѣлки, а пополонка корову". 596: „и далъ... на тѣхъ земляхъ семь сороковъ бѣлки и 10 бѣлъ, овцю пополонка"... 597: „а далъ на той земли четыре сорокѣ бѣлъ безъ 10 бѣлъ, а пополонка овца.... А дали... на томъ пол-4 сорокà бѣлки, а пополонка пузъ жита"...

[2]) Ibid., 44: „владыцѣ Новгородскому идетъ не съ которыхъ дворовъ, але не со всихъ, съ жеребія по полтретинадцати бѣлки, а не будетъ бѣлокъ—шерстью, ино по двѣ денезе съ жеребя"...

каждый разъ не иначе, какъ на вѣсъ. По формѣ и величинѣ слитки были весьма различны: иногда они вѣсили полфунта или 48 золотниковъ и назывались тогда гривенниками; иногда же составляли четвертую или осьмую часть послѣднихъ.

Обыкновенное развитіе натуральнаго хозяйства собственно и исчерпывается этими тремя формами мѣны; но въ развитіи Русскаго замѣчается еще четвертая форма, а именно господство системы кунъ. Воззрѣнія на кунную систему въ наукѣ еще до сихъ поръ не установились. Многіе ученые держатся того мнѣнія, что куны были металлическими (серебряными) деньгами. Но при рѣшеніи вопроса, какія именно металлическія деньги нужно разумѣть подъ кунами, и они далеко расходятся другъ съ другомъ. Одни изъ нихъ видятъ въ кунахъ чисто русскую монету, другіе—западно-европейскіе денары, третьи—обломки упоминавшихся раньше восточныхъ диргемовъ. Сильная сторона мнѣнія, признающаго въ кунахъ металлическую и притомъ русскую монету, заключается въ томъ, что обращеніе ея, какъ предмета самого по себѣ цѣннаго, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Слабая же состоитъ въ томъ, что между тѣмъ какъ мы имѣемъ сотни и тысячи восточныхъ монетъ отъ древнѣйшаго періода, въ тоже время никто еще до сихъ поръ не видалъ ни одной куны. Правда, защитники металлическаго значенія кунъ указываютъ на открытый Волошинскимъ Нѣжинскій кладъ, какъ на свидѣтельство существованія серебряной монеты въ древнѣйшее время; но и тутъ, однако, никто не доказалъ, чтобы Нѣжинскія монеты были именно куны. Въ виду этихъ обстоятельствъ, древнѣйшее воззрѣніе на куны, видящее въ нихъ особый видъ денежныхъ суррогатовъ, и до сихъ поръ не потеряло своего значенія. Сильная сторона этого мнѣнія заключается какъ въ прямыхъ, такъ и косвенныхъ свидѣтельствахъ источниковъ. Г. де-Ляннуа, посѣщавшій Новгородъ въ началѣ XV вѣка, говоритъ, что тамъ монета состояла изъ серебряныхъ палочекъ, вѣсомъ въ 6 унцій, безъ штемпеля, а роль мелкой монеты играли бѣльи и куньи мордки. Подобнымъ образомъ и въ Новгородской лѣтописи, извѣстной Карамзину, сказано, что въ Новгородѣ въ 1410 году „куны отложиша, еже есть мордки куньи“ [1]). Наконецъ, и житіе Антонія Римлянина прямо сообщаетъ, что въ Новгородѣ не было денегъ и что Новгородцы лили рубли, полтины и гривны и при помощи ихъ производили куплю [2]).

---

[1]) И. Г. Р., V, прим. 245.

[2]) П. С. Р. Л., I, 267: „оу Новгородьцкихъ людей не бысть денегъ, но лияша сълитки серебряныя, ово гривну, ово полтину, ово рубль, и тѣмъ куплю

Какъ ни любопытны эти свидѣтельства, они, какъ общія заключенія, легко могутъ содержать въ себѣ нѣкоторый элементъ субъективности. Поэтому, мы придаемъ гораздо больше значенія косвеннымъ даннымъ. Прежде всего, насъ не можетъ не поражать явленіе, что когда куны перестали отвѣчать нуждамъ Новгородцевъ, то тѣ обратились за деньгами къ Нѣмцамъ и пользовались нѣкоторое время ходившими въ остзейскомъ краю литовскими грошами, любками и артичами. Въ самомъ дѣлѣ, если куны были мѣстною металлическою монетою, то къ чему было заимствовать чужую монету? Не проще ли было усовершенствовать свою? Заимствованіе является тѣмъ не понятнѣе, что нѣмецкая монета находилась въ XV столѣтіи въ состояніи крайняго упадка. Затѣмъ, нельзя не остановиться надъ тѣмъ, что новыя куны выдавались въ Новгородъ изъ Онеги. Фактъ этотъ останется совершенно непонятнымъ, доколѣ мы будемъ смотрѣть на куны какъ на металлическія деньги: откуда, въ самомъ дѣлѣ, бралось серебро на Онегѣ и почему тамъ производилась чеканка новой монеты? Но, при предположеніи, что куны были денежнымъ суррогатомъ, выдача ихъ съ Онеги становится совершенно ясною: Онега была центромъ движенія мѣховъ, а потому естественно, что оттуда выдавались и мѣховыя деньги. Что же касается слабой стороны мнѣнія, видящаго въ кунахъ денежные суррогаты, то противники его полагаютъ ее въ несоотвѣтствіи съ характеромъ времени. Слѣдуя примѣру Каченовскаго, эти ученые считаютъ куны денежными знаками или по просту кредитными билетами и потому не находятъ возможнымъ допустить ихъ существованіе въ то время, когда о государственномъ кредитѣ не могло быть и рѣчи. Возраженіе это не болѣе, какъ недоразумѣніе. Куны были не денежными знаками, а денежными суррогатами. Онѣ не были простыми лоскутками кожи, а настоящими мѣхами, имѣвшими свою рыночную цѣнность.

Но, если куны были мѣховыми суррогатами денегъ, то возникаетъ вопросъ: чѣмъ же онѣ отличались отъ другихъ тогдашнихъ суррогатовъ, отъ бѣльихъ и куньихъ мѣховъ? По обыкновенному мнѣнью, отличіе кунъ отъ другихъ суррогатовъ состояло въ томъ, что это были не цѣльные мѣха, а ихъ обрѣзки. Мнѣніе это не лишено справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы куны были дѣйствительно куньей

дѣяху". G. de Lannoy et ses voyages, par J. Lelevel, p. 30—32: „Et est leur monnoye de keucelles (палочки) d'argent, pesans environ... onces, sans empreinte, car point ne forgent de monnoye d'or, et est leur menue monnoye de testes de gris et de martres".

шкуркой, то врядъ-ли бы другіе мѣха оцѣнивались на куны такъ дорого, какъ показываютъ памятники. При такомъ предположеніи лисица врядъ-ли бы стоила 5 ногатъ, т. е. $12^1/_2$ куньихъ шкурокъ [1]). Кромѣ того, подкрѣпленіемъ мнѣнія, что куны были отрѣзки шкурокъ, служитъ и слѣдующее обстоятельство. Куна, какъ увидимъ впослѣдствіи, была равнозначительна съ рѣзаной, а рѣзана уже своимъ названіемъ возбуждаетъ мысль объ отрѣзкѣ. Но если это такъ, то какія же части мѣховъ разумѣлись подъ кунами? Опираясь на приведенное раньше мѣсто изъ Новгородской лѣтописи, извѣстной Карамзину, уже Ланге заключилъ, что подъ куной нужно разумѣть, скорѣе всего, кунью мордку. Что же касается до другой единицы кунной системы, ногаты, то встрѣтивъ въ источникахъ подразличеніе мордки обѣушной отъ просто мордки, тотъ же ученый выставилъ предположеніе, что ногата не только была отрѣзкомъ шкурки, но что именно обозначала собою обѣушную мордку. Подтвержденіе своей догадки Ланге видѣлъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ Нѣмецкомъ договорѣ 1269—70 г. мордка въ смыслѣ ногаты отличена отъ куны и при томъ такъ, что мордка договора явно превосходила обыкновенную куну [2]). Какъ ни любопытно мнѣніе Ланге, оно тѣмъ не менѣе не чуждо важныхъ недостатковъ. Собственно, оно основывается на одномъ названіи „мордка". Названіе это, правда, повторяется въ разныхъ языкахъ, въ Латинскомъ (capita martarorum) и нѣмецкомъ (hovede); но всетаки не перестаетъ черезъ это являться простымъ названіемъ. А затѣмъ, мнѣніе Ланге указываетъ на такую часть мѣха, которая въ обращеніи, повидимому, играла слабую роль и потому возбуждаетъ сомнѣніе, дѣйствительно-ли она могла ходить вмѣсто денегъ. Намъ извѣстны многоразличныя части мѣховъ, обращавшіяся въ торговлѣ. Источники упоминаютъ о лапкахъ, пупкахъ, облядяхъ, черевахъ, хребтахъ, дужкахъ; но, страннымъ образомъ, нигдѣ не упоминаютъ о мордкахъ, какъ цѣнныхъ мѣховыхъ частяхъ. Поэтому, мы готовы допустить возможность, что последующее изслѣдованіе укажетъ намъ въ кунахъ болѣе подходящую часть мѣха. Но, еслибы намъ пришлось окончательно остановиться на куньихъ мордкахъ, то для объясненія возможности этихъ частей мѣха ходить вмѣсто денегъ, укажемъ на слѣдующее обстоятельство. Нѣмцы нерѣдко жаловались Новгородцамъ, что ихъ купцы отправляютъ къ нимъ мѣха дорогихъ звѣрей, соболей и куницъ, безъ лапокъ и головъ.

---

[1]) Д. къ А. И., I, 8, 1150: „а пять ногатї за лисицу".

[2]) Bunge, U. B., I, 519—520, 1269: „dabuntur iis pro quolibet pane duae cunen, et pro butiro III capita martarorum".

Понятно для чего удерживались лапки: онѣ шли на лапчатые мѣха; но для чего отрѣзывались мордки, которыми такъ дорожили Нѣмецкія дамы? Не шли ли онѣ именно на приготовленіе кунъ?

Во внутренемъ отношеніи, система кунъ во времена Русской Правды представляла частію счетныя, частію же монетныя единицы. Къ числу первыхъ относилась гривна кунъ, къ числу же вторыхъ— ногата и куна или рѣзана. Отношеніе между ними было такое, что гривна кунъ содержала въ себѣ во времена Правды 20 ногатъ, а ногата—2½ куны или рѣзаны; гривна кунъ, слѣдовательно, содержала въ себѣ 50 кунъ или рѣзанъ. Какъ показываютъ древнѣйшіе памятники, кунная система господствовала въ этомъ видѣ первоначально и въ Великомъ Новгородѣ; но съ теченіемъ времени, а именно въ XIII столѣтіи, въ ней совершилась значительная перемѣна.[1]). Отношеніе между отдѣльными единицами стало именно совершенно иное. Гривна кунъ стала содержать въ себѣ уже только 10 ногатъ или 25 кунъ. Это всего лучше видно изъ слѣдующихъ соображеній. Въ 1230 году, вслѣдствіе мороза, вздорожалъ въ Новгородѣ хлѣбъ. Вначалѣ кадь ржи стоила 20 гривенъ, а отдѣльный хлѣбъ—8 кунъ[2]). Впослѣдствіи же, цѣна хлѣба еще увеличилась: кадь ржи возросла до 28 гривенъ и даже до 4 гривенъ серебра, т. е. 30 гривенъ кунъ. Имѣя въ виду это возростаніе цѣны кади ржи съ 20 на 30 гривенъ кунъ, мы должны бы были ожидать, что и цѣна хлѣба возрастетъ въ той же пропорціи 20: 30, т. е. увеличится до 12 кунъ. Но если мы при 30-гривенной цѣнѣ кади хлѣба замѣчаемъ, что цѣна отдѣльныхъ хлѣбовъ опредѣляется въ полгривну кунъ, отсюда неизбѣжно должны заключать, что полгривна кунъ въ Новгородѣ содержала въ себѣ 12 кунъ[3]). Но, какъ при всѣхъ подобныхъ соображеніяхъ, возможна нѣкоторая неточность, то, нѣтъ сомнѣнія, нѣкоторая неточность замѣчается и въ настоящемъ случаѣ. Полгривна кунъ заключала въ себѣ въ Новгородѣ не 12, а нѣсколько болѣе. Если мы знаемъ, что на гривну кунъ служилось пять сорокоустовъ, а на 6 кунъ одинъ, то предположивши, вслѣдъ за Карамзинымъ, что при заказѣ сорокоустовъ

---

[1]) Срезневск., Малоизв. пам., № 35, стр. 19, XIII в.

[2]) П. С. Р. Л., III, 46, 1230: „почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а въ дворѣхъ по полъ-30"...

[3]) П. С. Р. Л., IV, 29, 1230: „купяху по полугривнѣ хлѣбъ, а кадь ржи четвертую часть по 7 гривенъ и поболши"... Ср. П. С. Р. Л., III, 47, 1230: „купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ (по полугривнѣ?), а ржи 4 часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра"...

оптомъ, закащику дѣлалась уступка въ одну куну на каждый сорокоустъ, получаемъ, что гривна кунъ въ Новгородѣ содержала въ себѣ въ XIII столѣтіи 25 кунъ, т. е. именно по 12 $^1/_2$ на полгривну [1]). Г. Прозоровскій, впрочемъ, склоненъ думать, что Новгородская гривна заключала въ себѣ именно 30 кунъ, какъ это несомнѣнно слѣдуетъ изъ буквальнаго пониманія свидѣтельства памятника о сорокоустахъ [2]). Намъ кажется это толкованіе предпочитательнѣе Карамзинскаго и вотъ почему: въ Нѣмецкихъ договорахъ и грамотахъ неоднократно встрѣчается упоминаніе о 15 кунахъ и полугривнѣ кунъ рядомъ, обстоятельство, показывающее, что это были величины одинаковыя. Такъ, напримѣръ, плата за провозъ клади съ берега Волхова въ Нѣмецкій дворъ опредѣлена въ договорѣ 1269 года въ 15 кунъ, въ Готскій— въ 10, и въ то же время сказано, что плата за вывозъ составляла изъ Нѣмецкаго двора уже не 15 кунъ, а какъ слѣдуетъ ожидать при равенствѣ 15 кунъ съ полугривной кунъ,—полугривну кунъ [3]).

Въ заключеніе намъ остается опредѣлить отношеніе единицъ кунной системы къ серебру и къ нашимъ деньгамъ. Изъ серебряныхъ единицъ, ходившихъ въ Великомъ Новгородѣ, извѣстна гривна серебра. Величину ея можно опредѣлить изъ сопоставленія двухъ списковъ Всеволодова устава, первопачальнаго, относящагося къ XII столѣтію, и позднѣйшаго, представляющаго приспособленіе новой редакціи къ обстоятельствамъ XVI столѣтія. Въ этомъ послѣднемъ на мѣстѣ первоначальной гривны серебра вездѣ стоитъ 2 рубля, 5 алтынъ и 2 деньги. На Московскія деньги это выйдетъ ровно 432 деньги. Прозоровскій, впрочемъ, видитъ въ этихъ деньгахъ не Московскія, а Новгородскія деньги, значившія вдвое болѣе первыхъ. Но это не совсѣмъ основательно, такъ какъ Новгородскія деньги никогда не считались на алтыны. Но если гривна серебра равнялась въ Новгородѣ 432 Московскимъ деньгамъ, то на Новгородскія деньги это будетъ

[1]) Калайдовичъ, Пам. XII в., 173: „сорокоусты на гривну пятью служити, а на 6 кунъ одиною".

[2]) Прозоровскій, Зап. Археол. Общ., XII, II в., 513.

[3]) Bunge, U. B., I, 522, 1269: „to vorende van deme strande in den Dudesch hof XV cunen, unde in der Goten hof X cunen; van der utforinge to halver mark cunen van der lodien". Ibidem, 521, 1269: „Cum hospites veniunt in Nogardiam, debent vehicla esse parata ad deferendas res hospitum et cuilibet lodiae dabuntur XV cunen; praedictum pretium dabitur infra quindenam, Goteuses X cunas dabunt pro rebus suis deferendis. Hospites, cum exierint a curia Theutonicorum dabunt todies in decensu diamidiam marcam cunen".

составлять 216 денегъ или ровно рубль Новгородскій серебра. Определить величину последняго также не трудно. Если въ 1447 году при перечеканкѣ монетъ въ Новгородѣ деньги дѣлались на четыре почки и если извѣстно, что въ золотникѣ почекъ было, по свидѣтельству торговой книги, 25 въ, фунтѣ, слѣдовательно, 2400, то окажется, что изъ фунта серебра дѣлалось 600 Новгородскихъ денегъ или $2^{7}/_{9}$ рубля. Новгородскій рубль, такимъ образомъ, равнялся почти трети фунта серебра и содержалъ въ себѣ до $34^{14}/_{25}$ древнихъ золотниковъ. Таковую же величину должна была имѣть и Новгородская гривна серебра. Но если Новгородская гривна серебра равнялась позднѣйшему рублю, то отсюда легко уже опредѣлить и единицы кунной системы. Если въ одномъ спискѣ лѣтописи говорится, что въ 1230 году покупали четвертую часть кади ржи по гривнѣ серебра, а въ другомъ — по семи гривенъ кунъ и побольше, то очевидно, что гривна серебра заключала въ себѣ семь слишкомъ гривенъ кунъ. Изъ сопоставленія съ однимъ мѣстомъ Русской Правды, гдѣ гривна серебра уравнена $7^{1}/_{2}$ гривнамъ кунъ, нужно думать, что и въ Новгородѣ господствовало именно такое же отношеніе, т. е. что гривна серебра заключала въ себѣ $7^{1}/_{2}$ гривенъ кунъ. Такимъ образомъ $7^{1}/_{2}$ гривенъ кунъ будутъ равняться одному Новгородскому рублю. Отсюда нетрудно вычислить, что одна гривна кунъ будетъ составлять $28^{12}/_{15}$ Новгородскихъ денегъ, ногата—около $2^{1}/_{2}$, а куна около одной Новгородской деньги. Отсюда не трудно было бы перейти и къ настоящимъ деньгамъ и на нихъ вычислить цѣны предметовъ потребленія; но къ этому мы будемъ еще имѣть случай вернуться при обозрѣніи Новгородской рублевой системы.

2. Торговля съ западомъ.

Отсутствіе опредѣленныхъ отношеній между народами, господствовавшее въ Средніе вѣка, и возникавшая отсюда небезопасность опредѣляли всѣ отличительныя особенности, которыми характеризовалась Новгородско-Ганзейская торговля. Вліяніе ихъ оказывалось на самомъ выборѣ тѣхъ путей сообщенія, которыми шло торговое движеніе. Главный путь, которымъ велась Ганзейская торговля, тотъ знаменитый путь, который шелъ изъ Варягъ въ Греки, представлялъ несомнѣнныя удобства. Путь этотъ былъ исключительно водный, и Новгородская часть его начиналась съ восточнаго конца Солонаго моря (такъ назывался въ древности Финскій заливъ) и тянулась далѣе Невою, озеромъ Нево (Ладожскимъ) и рѣкою Волховомъ. Но не-

смотря на это большое удобство, великій водный путь не чуждъ былъ и существенныхъ затрудненій. Прежде всего въ своей западной части путь этотъ находился подъ вліяніемъ сосѣднихъ державъ, Швеціи, обладавшей Финляндіей, и Даніи, занимавшей Эстонію. При всякомъ столкновеніи торговыхъ сторонъ съ этими державами, торговля уже не могла идти своимъ обычнымъ порядкомъ. Но если даже международныя отношенія и не приводили къ рѣшительной остановкѣ въ торговлѣ, то и тогда давленіе сосѣдей не оставалось безъ вреднаго вліянія на свободу торговыхъ сношеній, выражаясь въ значительномъ ограниченіи круга предметовъ, подлежавшихъ смѣнѣ. Извѣстно, напримѣръ, что Шведы ставили условіемъ безпрепятственной торговли отреченіе со стороны Нѣмецкихъ купцовъ привозить въ Новгородъ желѣзо, сталь, оружейные товары, которые могли вести къ политическому усиленію Новгородцевъ. Но и независимо отъ сосѣднихъ державъ, западная часть Новгородскаго пути находилась подъ сильнымъ вліяніемъ морскихъ разбойниковъ, которые не упускали случая грабить торговыя суда, а экипажъ пускать за бортъ.

Неудобства, съ которыми было связано плаваніе по великому водному пути, уже рано стали вызывать въ купечествѣ потребность въ другихъ путяхъ, которые бы въ затруднительныхъ случаяхъ могли возмѣщать собою водяную дорогу. Такіе пути нашлись и въ самомъ началѣ XIV столѣтія были оффиціально гарантированы, въ числѣ трехъ, Нѣмецкому купечеству. Внимательное изученіе источниковъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, какіе именно пути разумѣлись въ Великомъ Новгородѣ подъ названіемъ горныхъ. Если въ 1411 (?) году Новгородцы утѣшали Нѣмецкихъ купцовъ во временной потерѣ права ѣздить съ товарами чрезъ Псковъ тѣмъ, что у нихъ и безъ того довольно дорогъ къ Великому Новгороду, что они могутъ свободно ѣздить туда и обратно и Невой и чрезъ Ватландъ (Вотскую землю) и по Лугѣ (2 п.), то ясно, что три горные пути, которые предоставлены были въ началѣ XIV столѣтія въ распоряженіе Нѣмцевъ, были Вотскій, Лужскій и Псковскій. [1]) Другія извѣстія, въ изобиліи встрѣчающіяся въ Русскихъ и Нѣмецкихъ памятникахъ, какъ

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 796, 1411 [3]: «Vordaen so geren se (Новгородцы) uns (Нѣмецкому двору) to kennende, dat de Dudesche kopman hadde doch wege genoch, to varende aff und to: in erste den weg to der Nuto, und vord den dor Waettande, und den dorden wech dor de Lu, und dat duchte en nutte wesen, dat de Dudesche kopman der wege brukede bet ter tid, dat se eens wurden den Plescowern».

разрѣшаютъ окончательно остающіяся еще недоразумѣнія, такъ и даютъ точныя указанія на исходные пункты путей и даже на самое ихъ направленіе. Первый путь, *Вотскій*, имѣетъ исходнымъ пунктомъ Ревель и тянулся чрезъ Вотскую землю. Точнѣйшее направленіе его неизвѣстно; но извѣстно, что это былъ путь по преимуществу горный и что движеніе по немъ совершалось зимой, на саняхъ, особенно когда предстояла надобность перевозить громоздкіе товары [1]). Чтоже касается второго, *Лужскаго*, пути, то можетъ казаться, что онъ опредѣленъ нами безъ достаточныхъ основаній, единственно въ силу простого созвучія рѣки Lu съ *Лугой*; однако въ вѣрности нашей догадки не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ рѣка Lu въ другихъ актахъ называется Luw, Lauke, Louke, откуда тождество съ Лугой совершенно ясно. Исходнымъ пунктомъ этого пути служилъ городъ Нарва; направленіе же его сообразовалось сначала съ рѣкой Лугой, а затѣмъ, быть можетъ, съ Мшагой, Шелонью, Ильменемъ и Волховомъ. Вслѣдствіе принадлежности Эстляндіи Датчанамъ, Лужскій путь до половины XIV вѣка находился въ зависимости отъ Даніи [2]). Самое, однако, важнѣйшее мѣсто изъ всѣхъ этихъ путей занималъ *Псковскій*, да и извѣстенъ онъ во всей его подробности. Исходнымъ пунктомъ этого пути служили Прусскіе города, главнымъ образомъ Данцигъ. Онъ тянулся чрезъ Мемель, Полангенъ, Ригу—на Псковъ. На эту дорогу изъ Риги чрезъ Унгоннію на Псковъ указываетъ еще Генрихъ Латышъ, сообщая, что священникъ Алобрандъ былъ посланъ въ Унгоннію вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами для возвращенія товаровъ, которые были захвачены у купцовъ еще по построеніи города Риги жителями Унгонніи, на пути отъ Двины ко Пскову, въ размѣрѣ, превышавшемъ тысячу марокъ. Что же касается до собственно Русской части эаого пути, то въ движеніи къ Новгороду купцы слѣдовали

---

[1]) Bunge, U. B. IV, 341, конца XIV в.: „und se (Русскіе) hadden dat solt wol holf gekoft, dat hir (въ Ревелѣ) was, eer ik her quam, und nu hevetet hir also sere gedoiiet, dat se der sware last nicht van hir en bringen konen, wente dar en is gen snee in Watlande“.

[2]) Bunge, U. B., V, 53, 1415 г. „der bidde wi fu (Нѣмецкая контора—Ревельскій совѣтъ) to wetende, dat wi senden dor de Luw in ener tunnen werkes, Satschalk wastchow to behorende, 1 sak“... Тамъ же, II, 385, 1345: „Volumus (Вольдемаръ III) etiam, quad nullus merc ator super aquam, quae Lauke (op dem watere, det Louke het) dicitur, mercimonia debent aliqualiter exercere, nisi in favore castri et oppidi nostri saepedicti (Нарвы) fuerit permansurus“.

первоначально рѣкой, Великой затѣмъ переходили въ Череху; далѣе переволакивались волокомъ, отдѣляющимъ систему водъ Пейпуса отъ притоковъ Ильменя, входили въ рѣку Узу и слѣдовали ею до мѣста сліянія ея, немного ниже Порхова, съ рѣкою Шелонью, а оттуда можно было уже безпрепятственно добраться до Великаго Новгорода: путь былъ открытый по Шелони и Ильменю. Въ доказательство того, что таковъ именно былъ главный сухопутный путь Ганзейской торговли въ его восточной части, могутъ быть приведены слѣдующія два обстоятельства. Во 1-хъ, этимъ, а не какимъ либо другимъ путемъ, производились и обыкновенныя сношенія Новгорода съ его младшимъ братомъ. Владыка Василій, возвращаясь въ 1352 году въ Новгородъ изъ Пскова со своего владычнаго подъѣзда, ѣхалъ, какъ извѣстно, по Великой и Черехѣ и скончался на р. Узѣ, при сліяніи ея съ Шелонью. Во 2-хъ, и Нѣмецкія извѣстія показываютъ, что иноземные торговцы подвергались со стороны русскихъ насиліямъ и грабежамъ именно въ мѣстностяхъ, лежавшихъ по этому пути, между прочимъ и на р. Узѣ, «in aquis, quae Use vocantur». [1])

Небезопасность торговаго пути и въ особенности постоянная гроза со стороны морскихъ разбойниковъ обусловливали даже и самый характеръ торговаго движенія. Для преодолѣнія опасностей, которыя встрѣчались на длинномъ пути на Востокъ со стороны враждебныхъ стихій и варварскихъ народцевъ, купцы необходимо должны были искать опоры во взаимной помощи, въ соединеніи недостаточныхъ личныхъ силъ въ общія цѣлыя, которыя бы могли представить достаточный противовѣсъ всѣмъ возможнымъ случайностямъ. Этимъ объясняется обычай Нѣмецкихъ купцовъ совершать торговыя движенія цѣлыми караванами или адмиралтействами, которыя какъ вмѣстѣ начинали, такъ вмѣстѣ и должны были оканчивать свое путешествіе. Караваны различались прежде всего между собою по характеру пути. Были именно караваны сухопутныхъ частей и караваны—водныхъ. Относительно сухопутныхъ частей существуетъ мнѣніе, якобы онѣ вначалѣ не пользовались равноправностію и только снискали ее впослѣдствіи, въ XIV столѣтіи, въ періодъ развитія значенія Лифляндскихъ горо-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 58, 1352: „и благослови дѣти своихъ всихъ Псковицъ, поѣха изъ города, доѣха до Прощеника... на рѣцѣ на Чересѣ сташа и разболѣся ту; приведоша его въ монастырь къ св. Михаилу, усть Узы рѣки, на Шелонѣ“... Bunge, U. B., II, 61, 1288—1311 г.: „haec facta sunt in aquis, quae Use vocantur“.

довъ, главнымъ образомъ ведшихъ сухопутную торговлю [1]). Въ дѣйствительности, однако, было какъ разъ чуть ли не наоборотъ. Въ древнѣйшее время не существовало никакихъ запрещеній относительно сухопутной торговли: ее могъ вести всякій, кто только желалъ этого. Напротивъ, съ половины XIV столѣтія начинаютъ появляться рѣшительныя запрещенія сухопутной торговли въ видахъ поддержки морской [2]). Но хотя сухопутная торговля и не подвергалась въ древности запрещенію, то, съ другой стороны, должно замѣтить, что она у купечества не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ морская. Невниманіе къ сухопутнымъ гостямъ высказывалось во многихъ отношеніяхъ. Сухопутныхъ купцовъ, конечно, охотно привлекали къ обязанностямъ, которыми облагались Нѣмецкіе гости въ Новгородѣ; но правами пользоваться имъ предоставляли только условно [3]). Такъ, сухопутнымъ гостямъ предоставлялось право избирать себѣ жилища на Новгородскомъ Нѣмецкомъ дворѣ, пользоваться общими учрежденіями , въ родѣ большой [столовой] палаты, но только въ отсутствіе морскихъ гостей. Коль скоро же являлись послѣдніе, то сухопутные гости должны были очищать мѣсто и искать себѣ другихъ помѣщеній и только развѣ за недостаткомъ послѣднихъ имѣли право размѣщаться въ жилищахъ, занятыхъ морскими гостями, и пользоваться принадлежащею имъ столовою, насколько она оставалась свободною [4]). Тоже самое повторялось и въ вопросѣ объ управленіи. Сухопутные гости имѣли право выбирать своихъ правителей; но коль скоро являлись морскіе купцы, то избранный ими правитель само собой замѣнялъ лицо предопредѣленое для этой цѣли гостями сухопутными [5]). Затѣмъ

[1]) Riesenkampf.

[2]) Bunge, U. B., VI, 141, 1346: „So ne scal neman riden umme land mit gude, dat si dor Prucen, eder dor Kurlant, eder dor Sweden; ok en scal neman mit gude varen to Osele eder to Kurlande, eder ienigen weg, dat wakevare heiten mogen, sunder allee ut to segelende van der righe, van Revele und der Pernowe“.

[3]) Ibidem, VI, 18, ok. 1250: „De lantrare is also plichtich hofwarde und kerkwarde to haldende, also de watervare“.

[4]) „Is es ok not, so sholen de watervare entwiken den landvaren in deme stove (graten stove), dar se mogen... Watervare na ereme olden sede, also se hebbet gelot et umbe de hus, und komet in den hof, vindet se laneare vor en, da solen en de hus rumen, dar se umbe gelotet hebbet und varen in andere hus; is es ok not, so scal de watervare den lantvaren enthalen self derden“. (Ibidem, VI, 16, ok. 1250).

[5]) Bunge, U. B, VI, 16 ok. 1258: „Vindet de olderman gere vantervare also he in den, hof kom,et ene olderman van lantvaren vor sik, de sal ime entwiken mit dere olderman schap“.

оба разряда гостей, и сухопутный и морской, въ свою очередь, представляли два подраздѣленія, основывавшіяся на времени составленія торговыхъ компаній. Два раза въ году именно образовывались торговыя общества: первое при началѣ весны, чтобы вести торговлю въ Новгородѣ во время лѣта, второе же—въ исходѣ осени, чтобы посвятить себя торговой дѣятельности въ теченіе зимы. Благодаря этому обычаю уже съ древнѣйшаго времени выработалось строгое подраздѣленіе гостей на лѣтнихъ и зимнихъ, которое было нѣсколько смягчено развѣ только въ позднѣйшее время. Согласно съ этимъ подраздѣленіемъ каждый гость, какъ показываетъ еще указъ 1338 года, могъ оставаться въ Новгородѣ только опредѣленное время. Лѣтніе гости именно могли пребывать тамъ только до послѣдней воды или до перваго санного пути; а зимніе—до послѣдняго саннаго пути или до открытія первой навигаціи [1]). Только въ исключительныхъ случаяхъ дозволялось болѣе продолжительное существованіе, но и то не болѣе года и одного дня, подъ страхомъ потери права посѣщать Нѣмецкій дворъ [2]).

Небезопасность преслѣдовала торгующихъ въ Средніе вѣка не только на пути, но одинаково и на мѣстѣ ихъ дѣятельности, и тѣмъ самымъ дѣлала тѣсную солидарность между ними неизбѣжною. Положимъ, что при случайно благопріятныхъ обстоятельствахъ можно было обойтись и безъ помощи такой солидарности; но что было бы дѣлать, когда бы дѣла на чужбинѣ приняли дурной оборотъ и сдѣлали бы неизбѣжнымъ содѣйствіе соплеменниковъ, которыхъ не было? Въ виду такого обезпеченія торговли и ради пользованія своимъ національнымъ правомъ и снисканія выгодныхъ привилегій, торгующіе неизбѣжно должны были соединяться въ союзы или конторы. И мы дѣйствительно видимъ, что конторы возникаютъ въ Средніе вѣка всюду, гдѣ только развивается торговая дѣятельность. Итальянскія общины основываютъ по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря многочисленныя факторіи съ цѣлію дать своимъ согражданамъ общебезопасное мѣсто для торговли на чужбинѣ. Подобнымъ образомъ и Нѣмецкіе купцы старались заводить вездѣ особенныя торговыя конторы. Нѣмецкихъ конторъ было довольно и на Руси; достаточно вспомнить о Полоцкѣ, Смоленскѣ, Псковѣ. Но главное мѣсто между ними занимала Новгородская Нѣмецкая контора.

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 501, ok. 1338: „dat is, van deme wintere to dem lesten wege oder to deme ersten watere hiker wis mach de gene liggen, de bi somere kumpt, to dem lesten watere oder to deme ersten vege“.

[2]) Ibidem, VI, 141, 1346: „Vormer so ne scal hir neman liggen boven iar und dach, bi des hoves rechte“.

Однимъ изъ первыхъ условій подчиненія порядкамъ конторы въ Новгородѣ было жительство въ опредѣленномъ мѣстѣ. Конечно, такое условіе налагалось на Нѣмецкихъ купцовъ не безусловно. Послѣдніе временами даже принуждались недостаткомъ помѣщенія выступать изъ опредѣленнаго района и разселяться по Новгородскимъ дворамъ[1]). Но коль скоро такое разселеніе между Новгородцами совершалось вслѣдствіе не общихъ, а личныхъ побужденій, то контора относилась къ нему неодобрительно и запрещала обратное принятіе лица, разъ рѣшившагося помѣститься у Новгородца [2]). Собственно нормальнымъ мѣстомъ поселенія для иноземцевь долженъ былъ служить особенный гостинный дворъ. Такихъ дворовъ въ разсматриваемое время у иноземцевъ было уже два: старый—Готскій и новый—Нѣмецкій. Не трудно опредѣлить топографическое положеніе и того и другаго. Опираясь на тотъ фактъ, что у Готскаго двора происходили постоянныя недоразумѣнія съ населеніемъ Михайловской улицы, мы имѣемъ полное право искать его мѣстоположенія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ послѣднею [3]). Даже болѣе. Мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что Готскій дворъ находился на самой Михайловской улицѣ (древней Михайловкѣ), и что ворота его выходили на эту именно улицу. Когда въ 1439 году прикащикъ Готскаго двора, возобновляя ограду, нашелъ нужнымъ подвинуть косяки воротъ на полфута впередъ, то тотчасъ же передъ дворомъ явились старосты Михайловской улицы, окруженные толпой народа, и стали требовать выдачи виновника, который такъ дерзко позволилъ себѣ захватить принадлежащую имъ землю: обстоятельство, показывающее ясно, что дѣло происходило именно на Михайловской улицѣ [4]). А такъ какъ изъ другихъ данныхъ извѣстно, что одинъ изъ иноземныхъ дворовъ назывался рѣчнымъ, и что это названіе скорѣе должно быть отнесено къ Готскому двору, плата за провозъ въ который товаровъ съ рѣки Волхова опредѣляется нѣсколько меньше платы за таковой же провозъ товаровъ въ собственно

---

[1]) Bunge, U. B., V, 490, 1419; „Item vetet, dat hiir de koepman ok wol andere woninge behoved (нуждается), und kan der nicht umberen“.

[2]) Hanserec., II Abt., I, 155, 1434 г.: „Weret dat jenich maen sich van dem Dutschen capmane geve unde up der Russen ho ve stunde, den en sal men nu der tiit nicht wedder up den Dutshen hoff entfangen“.

[3]) Bunge, U. B., III, 271. 1372 г.: „und welk ungemak gescheen is in der Goten hove, dat hebbe wi geendiget mit unsen nabure van Sante Michels strate in vruntscop.“

[4]) Baltische Monatshrift, XX, 119, 1439 г.

Нѣмецкій дворъ [1]), то очевидно, что Готскій дворъ лежалъ въ той части Михайловской улицы, которая была ближе къ рѣкѣ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Готской дворъ находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ княжескимъ дворомъ [2]), примыкалъ къ послѣднему именно съ южной его стороны. Отсюда становится совершенно понятнымъ и требованіе заморскихъ купцовъ, чтобъ дорога отъ Готскаго двора черезъ княжескій дворъ къ торгу не была застраиваема никакими зданіями: торгъ, какъ извѣстно, лежалъ къ сѣверу отъ княжескаго двора [3]), а потому прямое сообщеніе Готскаго двора съ торгомъ возможно было единствено чрезъ княжескій дворъ [4]). Но если несомпѣнно, что Готскій дворъ находился на древней Михайловкѣ, то споры Нѣмецкаго двора съ населеніемъ Ильинской улицы показываютъ не менѣе убѣдительно, что послѣдній непосредственно соприкасался съ упомяпутой улицей и потому могъ, дѣйствительно, лежать на нынѣшней Михайловской улицѣ, въ пунктѣ пересѣченія ея съ Ильиной или нынѣшней Знаменской [5]). Такимъ образомъ и Нѣмецкій дворъ занималъ положеніе прямо противъ княжескаго двора, только съ другой, восточной стороны. Этимъ положеніемъ Нѣмецкаго двора объясняются два обстоятельства, а именно то, что путь изъ Готскаго двора въ Нѣмецкій, какъ показываютъ памятники, шелъ несомнѣнно чрезъ княжескій дворъ, а во 2-хъ, и требованіе Нѣмцевъ, чтобъ пространство между храмомъ св. Николая и иноземнымъ дворомъ не было, вплоть до улицы, застраиваемо никакими зданіями. Пространство это необходимо было для Нѣмецкаго двора, какъ открытая дорога съ Готскому; по всей вѣроятности, оно у храма св. Николая непосредственно примыкало къ тому пути, который велъ изъ Готскаго двора къ торгу [6]).

---

[1]) Нѣмецкій дворъ называется иногда горнымъ.

[2]) О положеніи въ Новгородѣ княжаго двора подробности см. ниже.

[3]) Свѣдѣнія о торгѣ см. далѣе.

[4]) Bunge, U. B., I, 527—528, 1269 г.: „via a curia Gotensium trans curiam regis usque ad forum libera erit et aedificiis inocupata, libertate, quam rex edidit Constantinus“.

[5]) Bunge, U. B., V, 179, 1416 г.: „so hebbe ik es begunt to plankende, men de ute der Ylienhulitzen de doet dar wedderstal ane“. Дальше замѣчается, что и Готскій дворъ встрѣчаетъ тоже затрудненіе; ясно, слѣд., что здѣсь говорится о дворѣ Нѣмецкомъ.

[6]) Рус. Лив. Акты. 60, 1331 г.: St scach eynes avendes, dat de dudeechen uter Goten hove scolden ere knapen brenghen in sunte petershof.

Какъ мѣста, предназначенныя для того, чтобы служить безопаснымъ убѣжищемъ, оба двора, и Готскій, и Нѣмецкій, были огорожены высокимъ тыномъ (tuen, planken), поддержаніе котораго было одною изъ постояннѣйшихъ заботъ Нѣмецкаго купечества [1]). Крѣпкія ворота поддерживали общеніе этихъ иноземныхъ цитаделей съ остальнымъ народонаселеніемъ чуждаго и нерѣдко враждебнаго имъ города [2]). Пространства, ограниченныя этими оградами, заключали въ себѣ частію жилища, служившія для проживанія иноземнаго купечества, частію же постройки, предназначенныя для торговыхъ и религіозныхъ цѣлей. Жилища назывались *дорисами* и занимали каждое особенный домъ [3]). Между дорисами одинъ спеціально предназначался для жительства священника, а вмѣстѣ служилъ и для нѣкоторыхъ цѣлей, какъ, напримѣръ, только въ немъ могло происходить взвѣшиваніе серебра для серебряныхъ мастеровъ [4]). Каждый дорисъ заключалъ въ себѣ нѣсколько комнатъ, имѣвшихъ различное предназначеніе; главное мѣсто между ними занимала подклѣть, служившая столовою для купцовъ-хозяевъ. Подклѣти не должны были загромождаться ни кроватями, ни какими-либо иными принадлежностями. Ученики не могли ни имѣть въ нихъ стола, ни предаваться какимъ-либо другимъ занятіямъ, которыя бы могли служить помѣхою для хозяевъ [5]). Кромѣ домовъ, предназначенныхъ для обитанія вообще, были еще зданія, имѣвшія спеціальное назначеніе. Къ числу такихъ зданій относились

---

do se weder quemen uppe des konighes hof tuschen de holtenen kerken und de grydnissen"... Bunge, U. B., I, 523—4, 1269:„ Item ab ecclesia S. Nicholai usque ad curiam hospitum, curia non debet occupari aedificiis usque ad plateam".

[1]) Bunge, U. B., VI, 179, 1416 г.: „Item alse mi de boden bevolen, do se van hiir togen, dat ik de hove scholde umme planken laten, des vetet, dat mi Novgarde pristaven heft gedan to beiden hoven".

[2]) Ibid., 492, 1331 г.: „Darna quemen de Ruscen ut deme dinge... und howen planken und porten".

[3]) Ibid., VI, 16, ok. 1250 г.

[4]) Ibid., VI, 136, 1346 г. „V. nen werk scal men besein uppe des papen dornsen, men silver scal men dar uppe ut wegen den silver berners".

[5]) Ibid., VI, 504, 1338 г.: „Vortmer de potklete, dar de herren ere drenke und ere spise inne hebbet, de scolen vriwesen van kameren und van allerhande hindernisse. Dar ne scolen ok de knapen negenenerhande drenke, noch negerhande dinc inne hebben, dar de herren van gehindert werden und gemoiet".

15

большая палата (grote stove) и прикащицкая комната (kinder stove), По древнѣйшей скрѣ, первая является собственностью зимнихъ гостей и служила мѣстомъ общей столовой, въ которой мастера-хозяева обѣдали обществами, каждое за своимъ особеннымъ столомъ, проводили тутъ длинные зимніе вечера и разставались, когда наступало время итти спать [1]). Что же касается до прикащицкой комнаты, то она имѣла подобное же назначеніе, но только для младшихъ членовъ общества, для подмастерьевъ и учениковъ; но это только имѣло мѣсто въ то время, когда какія-либо потребности, не исключали пребыванія учениковъ въ отведенной имъ палатѣ [2]). Изъ служебныхъ зданій, имѣвшихъ мѣсто на гостинныхъ дворахъ, нужно упомянуть объ общей мельницѣ, пивоварнѣ и больницѣ. Главнѣйшее назначеніе ихъ совершенно ясно само собою. Но въ случаѣ надобности, они удовлетворяли и инымъ цѣлямъ: за недостаткомъ помѣщеній, Нѣмецкіе торговцы могли именно занимать, по крайней мѣрѣ на первое время, и эти служебныя зданія. Этимъ, а не чѣмъ либо инымъ, нужно объяснить постановленіе скры, что въ мельницѣ, равно какъ и въ больницѣ, никто не можетъ останавливаться долѣе, какъ на три дня [3]).

Какъ мы уже замѣтили, отъ дорисовъ или жилищъ нужно отличать собственно торговыя зданія. Изъ послѣднихъ для лавокъ предназначены были 4 зданія, носившія названія клѣтей. Изъ нихъ въ трехъ имѣлось помѣщеніе для 24 хозяевъ, въ четвертомъ же, въ такъназываемой клѣти толмача или переводчика,—шесть мѣстъ, и только съ разрѣшенія двороваго начальства число это могло быть увеличи-

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 16, ok. 1250 г.: „Alle de stoven, sunder den groten stoven, de den wintervaren to behoret, de dar sin in deme hove, de solen sin gemeine". Тамъ же, VI, 419, конца XIII в.: „oder in deme graten stoven, dar se inne pleget to etende". Тамъ же VI, 504, 1338: „V. na der dit, dat men in den stoven sitten beginnet, so vanne de selscap sik van der taflen delet, slapen to gande, so ne scal negen selscap na der tit sik to trinkende setten".

[2]) Ibid., VI, 17, ok. 1250: „Aver de stove, de dar is geheten der kindere stove, is it dat se ledich is to dere tit, alse de beschene kindere pleget to drinkende, so geneten se is to irre blitschap; mach se ok nicht ledich wesen van manichwoldicheit, so solen se is enberen to dere tit dor behof der gemenhet".

[3]) Ibid., VI, 135, 1346: „neman sal stan uppen malstoven leng wen drei dage, steit he leng, sal geven Sante Petere enen verdingh". 3. Den Seik stoven Scal neman bekummeren leng wen dre dage, bi 1 mark". Ibid., VI, 136, 1346: „in deme bruhus".

ваемо [1]). Такой размѣръ имѣли торговыя строенія въ самое древнѣйшее время; но весьма вѣроятно, что въ позднѣйшее они подверглись значительному расширенію, особенно, если имѣть въ виду не рѣдкіе пожары, которымъ подвергались постройки иноземныхъ дворовъ въ Новгородѣ. Кромѣ расширенія торговыхъ зданій, были еще и другія нужды къ доставленію помѣщенія купцовъ. По мѣрѣ развитія торговли, стали занимать подъ жилища и лавки дворы Новгородцевъ и даже обращать для торговой цѣли такія зданія, которыя имѣли другое назначеніе. Къ числу такихъ зданій относилась, напримѣръ, гридница (gremeten, gridenisse). Какое собственное значеніе гридницы было у Нѣмцевъ — неизвѣстно; быть-можетъ это была упомянутая раньше прикащичья комната; какъ то бы ни было, но съ теченіемъ времени она сдѣлалась у Нѣмцевъ центромъ торговли съ Русскими, особенно мѣховой. На это указываютъ и постановленія 1346 г., по которымъ нѣмецкимъ гостямъ съ одной стороны запрещалось выставлять въ гридницѣ, очевидно для обращика, больше одного свертка каждаго сорта полотна и оставлять его на ночь, а съ другой—оставлять тамъ на храненіе, очевидно какъ вновь пріобрѣтенные, мѣха болѣе, чѣмъ на одну ночь. Каждая клѣть, далѣе, раздѣлялась на два отдѣленія—верхнее и нижнее, заключавшія въ себѣ уже отдѣльныя лавки (loes). Сколько можно думать, верхнее отдѣленіе клѣтей предоставлялось въ распоряженіе купцовъ, торговавшихъ сукнами, нижнее же для лицъ, привозившихъ наличныя деньги для покупки сырыхъ продуктовъ [2]). По незначительной величинѣ лавокъ, въ нихъ самихъ могли помѣщаться не болѣе, какъ только однѣ пробы товаровъ. Такъ, сукна позволялось держать въ лавкахъ только кусками (piler), мѣховые товары сороками, которые могли служить обращиками для покупателей [3]) Вся же остальная масса товаровъ хранилась въ особенныхъ

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 134, 1346: „in deme hove scolen stan uppe den dren cleten XXIII mesterman, und VI uppe de tolkes clete, mer nicht, et en were sake, dat Sante Peters olderlude na gemake mochten er mere vlien“.

[2]) Ibid., VI, 137, 1346: „En iuwelich sal sin klet besluten, beide benedene und bovene, bi 1 m.; worde iemannes loes open gevunden und ut den klete gicht vorstolen, de gene scolde den scaden belegen“. Ibidem, VI, 134: „de vant hebbet uppen kleten, de scolen slapen uppe rapaten, de gelt hebben, dar benedene“.

[3]) Ibid., VI, 134, 1346: „V. nen man scal hebben mer den enen piler wandes uppen klete, och nicht mer den en timmer ruware to togende, bi 1 mark“.

складахъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ складочныхъ мѣстъ служила церковь Св. Петра на Нѣмецкомъ дворѣ. Подобно тому, какъ въ русскихъ церквахъ устраивались подцерковныя палаты, такъ точно и въ церкви Св. Петра устроены были внизу своды, вмѣщавшіе въ себѣ купеческое имущество. Здѣсь помѣщались бочки, тюки полотенъ и вообще всѣ громоздкія вещи, привезенныя съ запада; здѣсь помѣщались и вымѣниваемые у русскихъ продукты, въ особенности мѣха [1]). Но и. назависимо отъ сводовъ, самая внутренность святилища служила для удовлетворенія торговыхъ цѣлей: здѣсь сохранялись вѣсы и гири; здѣсь же вокругъ стѣнъ стояли бочки и ящики съ разнымъ товаромъ, и штрафъ грозилъ всякому, кто до воскресенья не позаботился перемѣтить своихъ товаровъ и размѣстить по стѣнамъ храма или подъ сводами, и тѣмъ могъ причинить какое-либо затрудненіе для воскреснаго богослуженія [2]). Вино пользовалось у купцовъ такимъ вниманіемъ, что для винныхъ бочекъ было отведено привиллегированное мѣсто при алтарѣ. Самый алтарь, однако, избавлялся отъ такой профанаціи: на него не позволялось ставить ничего, и даже опредѣленъ былъ штрафъ въ одну марку за случайное оскверненіе его. Кромѣ храма, складочными мѣстами служили: Морневегова камера, новое зданіе и на Готскомъ дворѣ соляные амбары. Морневегова камера, названная такъ, по всей вѣроятности, въ честь построившаго ее Нѣмецкаго купца, была предназначена служить виннымъ погребомъ, какъ это должно заключать изъ того, что винныя бочки, не находившія себѣ мѣсто при алтарѣ, должны были переноситься въ эту камеру [3]). Спеціальное назначеніе новаго зданія неизвѣстно; что же касается

[1]) Bunge, U. B., VI, 171, 1354: „V. berevene tunnen, linwant und unrum scalmen bringen under den swichbogen, bi 1 mark. Oc neman ene werpe secke mit werke van den tunnen, he en legge se weder up., bi 1 m“.

[2]) Ibid, VI, 161, 1354: „Copper und bly dat sal men merken und vlient (выставляетъ) bi de muren, bi 1 mark... V. veret, dat iemannes tunne mit gude des sunavendes bi der muren nicht enstunde, eder buten den swichbogen, de breke 1 m. V. en iuwelik merke sine kisten und sine tunnen des sunavendes, bi 1 mark“. Ibid., 171, 1354: „Neman late den pundere eder dat lode buten deg kerken, wanne de kerke to sloten is, ane orlof, bi 1 m., noch de gaffeln, bi eme verdinge“.

[3]) Ibid., VI, 171, 1354: „V. mach men dat altar genre eren und setten de kannen und sodan dink van den altare; wente gote ne gicht uppe dat altar, he breke 1 m. V. sal men den win vlien bi dat altar, wat mens dar vlien mach, den anderen in des Morneweges kameren, bi 1 m“.

до соляныхъ амбаровъ Готскаго двора, то независимо отъ своей прямой цѣли, они служили также и для храненія другихъ громоздскихъ товаровъ. Такъ извѣстно, что въ этихъ амбарахъ хранились бочки съ медомъ [1]).

Въ другихъ Нѣмецкихъ конторахъ, Бергенской и Лондонской, существовали факторы, которые жили въ нихъ изъ года въ годъ, и служили коммиссіонерами Нѣмецкихъ городовъ. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ мы въ Великомъ Новгородѣ. Благодаря тому обстоятельству, что купечество должно было совершать свои рейсы въ Новгородъ и обратно не иначе, какъ караванами, на Новгородскомъ Нѣмецкомъ дворѣ мы совсѣмъ не видимъ постояннаго населенія, не замѣчаемъ присутствія постоянныхъ факторовъ, которые бы значительное время завѣдывали торговыми оборотами. Напротивъ, сюда купцы являлись сами, или посылали своихъ уполномоченныхъ и тотчасъ же оставляли дворъ, коль скоро истекалъ законный срокъ ихъ пребыванія [2]). Постоянное колебаніе въ населеніи, въ свою очередь, не осталось безъ вліянія и на самый складъ жизни. Въ другихъ конторахъ, какъ, напримѣръ, Бергенской, факторы, вслѣдствіе долгаго сожительства, срослись въ строго замкнутыя корпораціи, отличавшіяся особеннымъ, суровымъ образомъ жизни. Напротивъ, въ Новгородѣ смѣна населенія значительно препятствовала водворенію тамъ отличительныхъ особенностей цеха. Составными элементами, изъ которыхъ слагалось Новгородское Нѣмецкое купечество, были, какъ и вездѣ, мастера или хозяева, прикащики и ученики. Подъ хозяевами разумѣлись лица, прибывавшія во дворъ на собственный счетъ; прикащиками же и учениками считались помощники, которыхъ хозяева привозили съ собой въ качествѣ помощниковъ [3]). Различіе между этими двумя пластами, нѣтъ

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 170, 1351: „Sloge ieman ene packen uppe de treppen, also men geit uppe de Morneweges kameren, eder uppe dat nie werk, dat were 1 m". Ibid., IV, 830, 1412: „So wart van der Goten hove gestalen ut deme solt bchure (schune) IX tunnen honges"... Cp. Bunge, U. B., V, 180, 1416.

[2]) Ibid., VI, 501—2, 1338: „Wil ok de mesterman dannen varen, pe mach laten sinen knapen bi sinem gude sunder broke. So wanne aver dat gut vorkoft is, so scal de knape mit deme gude von dennen". (Der Lübecker Text fügt hinzu: „Were ok ieman so dumkone de dat breke, de scal dat beteren mit vif marken silvers"). Bunge, U. B., IV, 706, 1410.

[3]) Ibid., VI, 501, 1338: „So welk man komet in den hof uppe sines

сомнѣнія, было значительно. Конечно, хозяинъ не могъ отказывать своему помощнику безъ уважительной причины, при чемъ не могла быть принимаема во вниманіе даже болѣзнь; напротивъ, всякій мастеръ долженъ былъ возвратить своихъ помощниковъ въ то мѣсто, гдѣ они были наняты. Но, въ свою очередь, и прикащики не могли произвольно оставлять своего господина, должны были вѣрно служить ему въ нуждѣ и опасности и всякое нарушеніе ими обязанностей и неповиновеніе были наказываемы тяжелыми денежными штрафами [1]). Разница даже высказывалась и въ самомъ продовольствованіи тѣхъ и другихъ: хозяева-мастера пользовались для своей трапезы или большимъ зданіемъ, составлявшимъ принадлежность зимнихъ купцовъ, или же отправляли свою трапезу въ подклѣтяхъ, находившихся въ каждомъ дорисѣ. Напротивъ, служебный персоналъ Нѣмецкаго двора не могъ принимать никакого участія въ мѣстахъ, служившихъ столовой для хозяевъ: они могли трапезовать только въ гридницѣ (kinderst oven). На основаніи землячества, или какихъ-либо другихъ личныхъ причинъ, какъ мастера-хозяева, такъ кнехты и ученики образовали совмѣстно общества [2]). Каждое такое общество имѣло свое отдѣльное помѣщеніе, дворъ или дорисъ, и подчинено было своему выборному начальству [3]). Дорисы распредѣлялись между такими отдѣльными обществами по жребію, но, какъ мы уже замѣтили, водные купцы пользовались при этомъ тѣмъ преимуществомъ, что имъ предоставлено было право побуждать прибывшихъ сухопутныхъ гостей къ переходу въ другіе дома. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія общества или, быть-

---

selves kost, de scal mesterman bliven, al wante he weder ut deme hove vare; so mach he don, woit eme gevellet".

[1]) Bunge, U. B., VI, 17, 1250: „Dar en masterman enen knapen entfel uppe watervart to Norgarden, he ne mach in nicht vorwisen, he ne brenge ene entfenk; it ne si alsodan sake, dat ge ene to rechte umbe vorwicen moge. Komet ok ene knapen ungelucke to, ane suke, umbe dat so mach ene sin here nicht vorwisen. So wane ok en knape komet in sines heren brot, so is he ime plichtich bi to stande to nuden und to nöden, und nicht to vortiende, it ne si Or beder wille". См и § 10, а также VI, 501, 1358.

[2]) Ibidem, VI, 15—16, ok. 1250: „In deme groten stoven... hevet over de olderman vrien wilkore, sin gesete to kesende mit siner geselschap, dar he wil." Ibid., VI, 129, 1343: „V. to weme de prester in de mascop kust (избираетъ) de scolen ene untfan und dat beste don"...

[3]) Ibidem, VI, 135, 1346.

можетъ, только входившіе въ ихъ составъ хозяева производили общую заготовку меда. Въ такомъ случаѣ члены ихъ обязывались платежемъ расходовъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы отбыли изъ Новгорода раньше срока, въ который поспѣвалъ медъ [1]). Что же касается до порядка, то обязанность поддерживать его лежала на ольдерманѣ дорисовъ или, какъ ихъ впослѣдствіи стали называть, на фогтахъ, которые должны были быть во всѣхъ дорисахъ; имѣли мѣсто послѣдніе во дворѣ или внѣ двора. Фогтъ избиралъ себѣ своихъ ратмановъ, одного изъ хозяевъ, а другаго изъ прикащиковъ, а съ ними вмѣстѣ назначалъ надсмотрщиковъ за огнемъ, свѣтомъ, подклѣтями и самымъ дорисомъ. Фогтамъ принадлежала даже нѣкоторая судебная власть. Судебныя засѣданія свои онъ держалъ каждую субботу и могъ штрафовать провинившихся XV кунами. Компетенціи его подлежали всѣ ссоры членовъ дориса, которыя кончались нанесеніемъ кому-либо бранныхъ словъ; коль скоро же дѣло доходило до побоевъ, то обиженный долженъ былъ обращаться уже къ общимъ властямъ [2]).

Вслѣдствіе постоянныхъ перемѣнъ въ своемъ населеніи, Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ не имѣлъ и постояннаго управленія. Какъ въ дорожныхъ компаніяхъ, управленіе мѣнялось въ немъ съ каждой навигаціей. Сообразно съ цеховымъ порядкомъ, главная власть принадлежала стевену или купеческому собранію. Мѣсто, гдѣ собирался стевенъ, точно неизвѣстно. Есть, однако, основаніе думать, что стевенъ имѣлъ мѣсто въ церкви Св. Петра. По крайней мѣрѣ, документальныя данныя показываютъ, что въ церкви Св. Петра собирались нѣмецкіе гости, когда у нихъ происходили столкновенія съ Великимъ Новгородомъ [3]). Точно также не довольно точно извѣстенъ и составъ

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 414—15, конецъ XIII в.: „Wan so ein recht gilde is, und man den mede bruwet, we so lange is in deme hove, dat water, honig und hoppen to samene kumet, de sal den mede helpen gelden, al en he van dannen scheide".

[2]) Ibid., VI, 17, ок. 1250: „Schut en twist, dewile de kindere drinket, mank in selven an kranken worden, de mogen se berichten under en selven vor ereme oldermanne". Ibid., VI, 135, 1346: „In ener iuweliken dornsen binnen hoves und buten hoves scal men holden enen voget. So we me dar to kuset, de scal willich wesen bi 1 mark; de voget scal keisen sine wisesten, enen van den mestermannes, den anderen van den knapen, mit den scol he keisen varvinders, lechtvinders, potklet vinders, dornsen vinders, und so dan ding. Sin richte scal he sitten al sunavende De voget mach beiden bi XV kunen"...

[3]) Bunge, U. B., VI, 492, 1331: „Do de Duschen dat horden, do le-

членовъ, образовавшихъ купеческое собраніе. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что право участія въ собраніи принадлежало всѣмъ хозяевамъ-мастерамъ и приказчикамъ безъ исключенія. Участіе въ стевенѣ было, впрочемъ, не однимъ правомъ полнымъ купцовъ: оно налагалось на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ обязанность. Коль скоро кто-либо изъ нихъ по какой-либо причинѣ не появлялся на стевенъ, когда о собраніи его было заблаговременно возвѣщено, то виновникъ подвергался взысканію въ размѣрѣ 1 марки [1]). Что же касается до дѣятельности стевена, то ему принадлежало право издавать въ дѣлахъ конторы обязательныя постановленія, конечно, въ большей или меньшей зависимости отъ общества купцовъ на Готландѣ и городскихъ магистратовъ. На такую роль стевена указываютъ всѣ постановленія Новгородской конторы, изданныя выразительно отъ имени начальствующихъ лицъ и купцовъ, соединенныхъ вмѣстѣ съ стевенѣ [2]). Собраніе не только издавало постановленія, но и заботилось объ ихъ распространеніи между купечествомъ. Два раза въ году: одинъ разъ для лѣтнихъ гостей, другой—для зимнихъ, были читаны въ немъ скры или правды, заключавшія въ себѣ постановленія, касавшіяся купечества и его обязанностей [3]). Что же касается до администраціи, то стевену принадлежало только право избирать всѣ торговые органы, на которыхъ лежалъ какъ общій надзоръ за ходомъ дѣлъ на дворѣ, такъ равно и разныя частныя отрасли послѣднихъ [4]). Собственно же самъ стевенъ управленіемъ не занимался. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ судъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, правда, что якобы стевенъ отнюдь не пользовался судебною властью;

---

pen se in ere kerke und stoten de to, und satten ere dinc also, dat se lif und gut in der kerken weren wolden".

[1]) Bunge, U. B., VI, 171, 1354: „Wan de prester kundeget en stan (остановку) nen mesterman ga ut, bi 1 m., nen knecht bi enen verdinge, ane koke und rekelude. Verslepe ok ieman de Stevene, wan se gekundeget is, de breke 1 mark".

[2]) Ibid., VI, 169, 1354: „des hoves olderman und sine wisesten, und de mene Dudesche kopman, de do to Nowgarden weren, des to rade worden in iener meinen stevene"...

[3]) Ibid., VI, 423, к. XIII в.: „Man sal ok al dit recht lesen aller jarlikes ver, eines der somervart und eines der wintervare, alco it is van anbeginne des bokes beschreven, went al ut".

[4]) Ibid., VI, 15, ок. 1250: „Somervare und wintervare, so wanne se komet in de Ny, so solen se oldermanne kesen des hoves und Sante Peters under sik selven, de dar rechtest to sin, van williker stat so se sin".

но источники показываютъ, однако, противное. Извѣстны именно два случая, когда дѣло поступило на разсмотрѣніе купеческаго собранія. Послѣднее разбирало именно столкновеніе подчиненныхъ съ выборнымъ начальствомъ, случаи неподчиненія членовъ, входившихъ въ составъ отдѣльныхъ обществъ, пенямъ, налагаемымъ ихъ непосредственными начальниками [1]). Во 2-хъ, на разборъ общаго собранія купцовъ поступали дѣла по воровству. Какъ и естественно въ такой торговой и замкнутой сферѣ, воровство наказывалось крайне строго. Какъ бы незначительна ни была кража, совершенная какимъ-либо лицомъ, послѣднее подвергалось за него такому же наказанію, какъ и за всякое другое, большее, а именно повѣшенію. Только, вѣроятно, для полнѣйшаго обеспеченія справедливости приговора, въ этомъ случаѣ требовалось, чтобы дѣло разсматривалось не иначе, какъ на глазахъ у всѣхъ, т.-е. въ общемъ собраніи [2]).

Какъ мы уже замѣтили, стевенъ самъ не завѣдывалъ управленіемъ, а возлагалъ его на особенныхъ, избранныхъ имъ, лицъ. Отказываться отъ этой обязанности никто не имѣлъ права. Штрафъ въ 10 лотовъ серебра уже грозилъ всякому, кто бы вздумалъ противиться принятію должности въ первый и второй разъ. Кто же упорствовалъ въ своемъ сопротивленіи и послѣ третьяго приглашенія, тотъ присуждался къ платежу 50 гривенъ серебромъ и къ лишенію права посѣщать дворъ. Каждый долженъ былъ оставаться въ должности до тѣхъ поръ, пока пребывалъ во дворѣ, и штрафъ въ 10 гривенъ серебра предстоялъ тому, кто бы для избѣжанія хлопотъ по должности захотѣлъ уѣхать домой. Главнымъ лицомъ конторы, стоявшимъ на челѣ всего учрежденія, былъ ольдерманъ или старшина двора. Первоначально избраніе его принадлежало самому купечеству, которое и совершало этотъ актъ, какъ только торговый караванъ вступалъ въ воды Невы *). Старосты двора избирались и сухопутнымъ обществомъ

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 135, 1346: „De voget mach beiden bi XV kunen; de dat vorsete, und queme it vor de stevene, ne hedde gebraken ene mark, des nicht to latene“.

[2]) Ibid., VI, 140, 1346: „V. worde ienich man begrepen mit dufte, de hedde vordeinet de galgen, de broke were so vele an V. wellen, alse, an eme tymmere, an eme tymmer so vele als an eme dusende; na sime vordemden scal men eme richten in ener meinen steven openbare vor ogen“...

*) Съ теченіемъ времени, однако, въ XIV столѣтіи, какъ увидимъ ниже, право избранія было отнято у купечества городскими коммунами и перенесено на двѣ изъ послѣднихъ: Висби и Любекъ.

гостей; но они должны были слагать свое званіе тотчасъ же, какъ скоро пребывали во дворъ гости морскіе. Тоже явленіе повторяется и въ отношеніи личности избираемыхъ. Первоначально правомъ быть избираемыми въ должность старшины двора пользовались всѣ гости, входившіе въ составъ торговыхъ обществъ *). Какъ глава Нѣмецкой конторы, старшина двора прежде всего созывалъ, по всей вѣроятности, стевенъ, руководилъ его занятіями и служилъ посредникомъ между дворомъ и Нѣмецкими городами. Имя его, поэтому, стоитъ на челѣ всѣхъ рѣшеній и сообщеній, исходившихъ изъ конторы. Какъ представитель Нѣмецкаго купечества, старшина двора распоряжался всѣми внѣшними сношеніями, велъ переговоры съ русскими, и тяжелое наказаніе грозило всякому, кто бы вздумалъ отказаться, когда со стороны ольдермана послѣдовало приглашеніе служить ему въ этихъ переговорахъ помощникомъ [1]). Какъ главный органъ внутренняго управленія, старшина двора сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити начальственной дѣятельности, и остальные чиновники двора были въ концѣ концовъ ничѣмъ инымъ, какъ простыми исполнителями его распоряженій и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ перѣдко были имъ и назначаемы [2]). Старшинѣ двора въ соединеніи съ ратманами или совѣтниками принадлежало право суда; онъ имѣлъ даже право осуждать на смерть, и аппелляція на него могла итти только въ магистраты городовъ Висби и Любека [3]). Старшинѣ двора принадлежала главная роль въ принятіи мѣръ безопасности: онъ оберегалъ дворъ отъ вторженія чуждыхъ элементовъ, и только съ его позволенія сухопутный гость изъ земли или изъ другихъ русскихъ областей могъ вступить въ Нѣмецкій дворъ [4]). На его обязанности и обязанности под-

---

[1]) Bunge, U. B, VI, 16, ок. 1250: „Schal ok de olderman to hove to degedingen gan, so weme he to seget, de sal ime volgen, ove betere 1 mark kunen“.

[2]) Ibidem, VI, 15, ок. 1250: „Dēse olderman des hoves, de hevet vort vrien wilkore, to kesende ver man eme to helpe de eme rechtest sin“...

[3]) Ibid., VI, 140, ок. 1346: „Des hoves olderman die hevet macht to richten an hals und an hant“...

[4]) Ibidem, VI, 18, ок. 1250: „Wert iegen man so dumkone, de bi sines selves rade iegenen lantvare ut deme lande in den nof late, sunder orlof des oldermannes und siner ratgeven, de hėvet vorboren X mark sil verės“...

*) Но въ XIV вѣкѣ и это право было ограничено одними гражданами городовъ Висби и Любека.

чиненныхъ ему ратмановъ лежалъ въ начальное время осмотръ всѣхъ ввозныхъ товаровъ, долженствовавшій служить предупрежденіемъ противъ возникновенія споровъ съ русскими, вслѣдствіе дурныхъ товаровъ; а впослѣдствіи, когда это дѣло перешло въ руки особенныхъ браковщиковъ, на него наложена была обязанность назначенія послѣднихъ [1]). За исправленіе его обязанностей старшинѣ двора не было опредѣлено особеннаго жалованья. Нѣкоторый доходъ онъ, однако, получалъ отъ судебныхъ штрафовъ, пошлинъ и добровольныхъ даровъ со стороны подсудимыхъ. Судебные штрафы поступали въ пользу ольдермана только въ незначительной долѣ: въ большей части они шли въ пользу невинныхъ и въ казну Св. Петра и только въ незначительной части поступали въ распоряженіе старшины, да и то пополамъ съ ратманами [2]). Что же касается до подарковъ съ разнаго рода дѣлъ, касавшихся двора, то скра опредѣляла, что ни ольдерманъ, ни ратманы не могли ихъ брать въ размѣрѣ, превышавшемъ полгривны кунъ [3]). Незначительность возмездія, получаемаго старшиной двора, возмѣщали отчасти то уваженіе и льготы, которыми была окружена его особа. Старшинѣ и окружавшему его обществу купцовъ было предоставлено право выбирать себѣ во дворѣ любой домъ и принимать въ свое сожительство всякаго, кого ему было угодно. Подобнымъ образомъ въ большомъ зданіи зимнихъ гостей онъ вмѣстѣ съ своей компаніей могъ занимать любое мѣсто, какое хотѣлъ [4]). Наконецъ его особа, равно какъ и особа подчиненныхъ ему ратмановъ,

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 404, ок. 1250: „De olderman und de ratmanne, mit den, de se dar to nemen willen, solen beseen alle dat gut, dat dar komet in den hof, er man it jenigen manne bede to vorkopende"...

[2]) Ibid., VI, 415, 1250 (?): „so wat dar of genomen wert, des sal hebben de helfte de klegere, und der andren helfte sal hebben de tveideil sante Peter, und dat dridden deil half de olderman und half de ratman".

[3]) Ibidem, VI, 420—1, 1250 (?): „nien olderman, noch ratman, sal gifte nemen umme de sake, de den hof angeit, hogere dan eine halve mark kunen".

[4]) Ibid., VI, 15—6, ок. 1250: „De olderman dere somervart of dere wintervart heven vrien wilkore, hus to kesende in deme hove, war so he wil, mit sinen kumpanen; is es ok not, so hevet he over vrien wilkore, to entfande in sine herberge also menigen, also eme gewellich is. Jn deme groten stoven... hevet over de olderman vrien wilkore sin gesete to kesende mit siner geselschap, dar he wil".

была гарантирована отъ оскорбленій, какъ дѣломъ, такъ и словомъ, высокими денежными штрафами [1]).

Въ числѣ должностныхъ лицъ двора подлѣ старшины историками помѣщаются еще два ольдермана Св. Петра и ратманы. Первое, однако, безъ достаточныхъ основаній. Ольдерманы Св. Петра представляли, какъ увидимъ впослѣдствіи, позднѣйшее явленіе. Въ XIII же вѣкѣ ихъ или совсѣмъ не было, или если, какъ можно заключить изъ одного неяснаго намека, они и были, то, во всякомъ случаѣ, дѣятельность ихъ не отличалась выдающимся характеромъ, а потому остается для этого періода совершенно неизвѣстною. Что же касается до ратмановъ, то они, въ числѣ четырехъ, называются въ источникахъ обыкновенно „мудрѣйшими". Это были засѣдатели на судѣ, который производился ольдерманомъ двора; а въ административной дѣятельности послѣдняго—исполнители или совѣтники. Какъ ближайшіе помощники ольдермана двора, они также имѣли право на судебные штрафы и пошлины, а именно на половину послѣднихъ.

Кромѣ свѣтскихъ органовъ, контора заключала въ себѣ и представителя власти духовной, священника, помимо котораго никто не могъ исполнять церковныхъ обязанностей, къ которому должны были обращаться всѣ гости, и лѣтніе и зимніе, бывшіе во дворѣ. Священникъ привозился каждый разъ обществомъ Нѣмецкихъ гостей и потому представлялъ во дворѣ такой же непостоянный элементъ, какъ и все остальное населеніе. Расходы по доставленію священника во дворъ казна Св. Петра не принимала на свой счетъ, покрывать ихъ должны были сами гости, привозившіе его, какъ лѣтніе, такъ и зимніе особенно [2]). Но въ отношеніи содержанія священника во дворѣ существовала между гостями значительная разница: лѣтніе гости и во дворѣ должны были содержать священника на свой собственный счетъ, не пользуясь со стороны казны Св. Петра никакой поддержкой; напро-

[1]) Bunge, U. B., VI. 420, 1250 (?): „So we den olderman ofte sine ratman oder jenigen man, de in des hoves denste were wan den Dydeschen, mit worden oder mit werken ovele handelde sunder sine scult, und man dat betugen moechte, he sold eme dat beteren na deme broke"...

[2]) Ibid., 16, ок. 1250: „Negein man ne sal iegeinen prester voren to Nogarden uppe sante Peters kost neken somervare und wintervare to watere. We ok anders iegeinen prester vore, de vore en uppe sines selves kost. Welik prester so komet somervart, oder wintervart, de prester, den he vor sik vindet, de sal eme entwiken, und an den. de mit somervart ove wintervart komet solen sik halden, de in deme hove sin".

тивъ, священникъ, привозимый зимними гостями, имѣлъ право на получение изъ общей казны 50 гривенъ кунъ, долженствовавшихъ покрывать расходы по его содержанію [1]). Какъ оно понятно само собою, отправленіе церковныхъ обязанностей было главнымъ дѣломъ пребывавшихъ во дворѣ священниковъ. Но, кромѣ того, они вели за умѣренное вознагражденіе корреспонденцію у купечества, незнакомаго съ грамотой; а временами, быть можетъ, служили секретарями у ольдермана въ его письменныхъ работахъ [2]).

Содержаніе конторы было необходимо связано съ значительными издержками. Поправка зданій, плата должностнымъ лицамъ, переговоры съ русскими и сношенія съ Ганзейскими городами дѣлали существованіе богатой кассы необходимымъ. Средствами для наполненія послѣдней служили: 1) наемная плата за жилища и клѣти, 2) пошлины съ товаровъ и, въ особенности, 3) судебныя пошлины, конфискація и высокіе штрафы, которыми наказывалось всякое преступленіе двороваго порядка. Наемная плата за пользованіе дворовымъ помѣщеніемъ была опредѣлена для зимнихъ гостей въ одинъ ферднигъ съ мастера-хозяина, а для лѣтнихъ гостей и сухопутныхъ—въ одну гривну кунъ. Подобнымъ образомъ было различіе и въ платежѣ пошлинъ съ товаровъ. Зимніе купцы, прибывавшіе въ Новгородъ, платили со 100 марокъ одинъ фердингъ или $^1/_4$ процента. Напротивъ, лѣтніе гости вносили въ казну Св. Петра со 100 марокъ $^1/_2$ фердинга, слѣдовательно $^1/_8$ процента. Пошлина эта взималась не иначе, какъ за опредѣленный сезонъ только. Коль скоро же зимній гость по какимъ-либо причинамъ долженъ былъ остаться во дворѣ на лѣто, то онъ подвергался вновь пошлинѣ, платимой лѣтними гостями, и, наоборотъ, лѣтніе, оставаясь на зиму, должны были вносить пошлину зимнихъ гостей. Въ платежѣ пошлинъ съ товаровъ съ лѣтними купцами были уравновѣшены сухопутные, съ тою, однако особенностью, что послѣдніе должны (были) платить еще въ каждую поѣздку одну бѣлку за свою лошадь. Далѣе, къ той же категоріи отнесены Нѣмецкіе купцы, прибывавшіе изъ дру-

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 16, ок. 1250: „De wintervart de solen eren prester selve bekostigen in den hof; vortmer so sal man eme van sante Peters gude geven L mark kunen, to sines selves kost to haldende. So Wanne de beschedenen wintervare wedder ute eme hove varet, so solen se ene weder bekostigen. Somervare solen eren prester selve bekostigen uppe deme wege und in deme hove“...

[2]) Ibid., VI, 502, 1338: „So weme de prester scrivet enen bref van kompanscape, de scal eme dre mark hovede geven“.

гихъ краевъ Русской земли, изъ Пскова, Смоленска и т. п., а также купцы заблудившіеся или такіе, которыхъ цѣлью было достиженіе не Новгорода, а какого-либо другаго Русскаго города. Не менѣе важнымъ источникомъ конторскихъ доходовъ служили, кажется, судебныя пени и штрафы. Съ каждой пени, которая не превышала трехъ марокъ серебра, касса Св. Петра получала въ свою пользу третью часть; если же пеня простиралась до десяти гривенъ серебра и выше, то въ пользу конторы шли цѣлыхъ двѣ марки. Въ случаѣ же, когда бы жалобщиковъ не было на лицо, то тогда вся пеня поступала въ распоряженіе конторы, обязанной только выдать изъ нея незначительную часть въ пользу дворовыхъ властей [1]). Но еще бо̀льшій доходъ должны были доставлять конторѣ конфискаціи и штрафныя деньги. Послѣднія были опредѣлены въ крайне высокомъ размѣрѣ. Штрафъ въ 50 гривенъ серебра не принадлежалъ во дворѣ къ числу необыкновенныхъ явленій. Ему подвергались не только лица, отказавшіяся отъ принятія на себя должности ольдермана, но и тѣ, которыя допускали въ контору купцовъ, не принадлежавшихъ къ Ганзейскому союзу, и даже тѣ, которые позволяли себѣ играть въ русскихъ домахъ. Былъ еще, кажется, налогъ на товары, носившій названіе королевскаго сбора. Однако, какъ происхожденіе его, такъ и обложеніе имъ купечества представляется нѣсколько темнымъ. Повидимому, онъ платился исключительно морскими гостями, на сухопутныхъ падалъ или въ нѣкоторой части, или совсѣмъ не падалъ [2]).

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 416, 1250(?): „II. so wat geveddet wert van tein mark silv. oder das en boven, dat sal hebben de clegere, und sal daraf heven sante Peters II m. silv... 12 Dat si witlik, so wat weddes genomen wirt van dren m. silv. und dar benedden, des sal de clegere de helfte up boven, van der anderen helfte sal sante Peter heblen de tvedeil“...

[2]) Ibid., VI, 18—19, ок. 1250: „15. We so wintervare komet in de Nu mit koggen, de sal scheten sante Petere van C mark 1 verdink, und enen verdink de mesterman van hushure“. 16. „We somervart komet in de Nu, de sal scheten santo Petere van C mark enenen halven verdink, van hushure de mesterman 1 mark kunen. Komet we somervart in de Nu und in den hof, und schut van somervart und blivet vort liggende uppe wintervart, he schete echt van wintervart, he hebbe vorkoft ove nicht; to liker wis sal scheten wintervart, liget he up somervart und ok des koniges schot. We so latvare is, de sal scheten half schot und 1 mark kunen van hushure, bede wintervart und somervart, und van sineme perde enen balch, also manige vart, also he veret. Koning schot darf he nicht scheten, mer enes des someres und enes des winteres. Willik Dutsche ute

Порядокъ, господствовавшій во дворѣ, поддерживался строго: приняты были всѣ мѣры, чтобы никто не нарушалъ законовъ, клонившихся къ этой цѣли. Особенное вниманіе было обращено на внѣшнюю безопасность двора. Денно и нощно охраняли дворъ сторожа и кто изъ кнехтовъ пренебрегалъ своей обязанностью, тотъ платилъ 15 кунъ или же подвергался отвѣтственности хозяинъ, если пренебреженіе послѣдовало по его винѣ. Кромѣ того, вечеромъ спускаемы были большія цѣпныя собаки, которыя грозили разорвать всякаго непрошеннаго пришельца [1]). Церковь, какъ складочное мѣсто, была предметомъ особеннаго попеченія. Каждую ночь спали въ ней два человѣка, которые отнюдь не могли быть ни братьями, ни компаньонами, но слугами одного и того же хозяина, и тотъ, кто вводилъ ихъ вечеромъ въ церковь, долженъ былъ запирать за ними дверь, и ключи вручать ольдерману. Церковная стража совершалась по очереди и распространялась одинаково на жилища, находившіяся какъ на дворѣ, такъ и внѣ послѣдняго. Тѣ, которые держали послѣднюю стражу, должны были во время трапезы напомнить о предстоящей обязанности тѣмъ, которые слѣдовали за ними непосредственно [2]). Кромѣ собственно внутреннихъ церковныхъ стражей, у воротъ храма стоялъ еще, въ продолженіе цѣлой ночи, третій и смотрѣлъ, чтобы никто изъ туземцевъ не пробрался въ сосѣдство церкви: боязнь по-

---

deme lande komet, de sin to Dutscheme rechte holt, he vare dore ove kere weder, he is schuldich half schot sante Petere; mit konninges schote hevet he nicht to donde". Ibid., VI, 502, 1338: „So wanne so komet de *bistervare* und de *varebonigé* in den hof, it si wintervare oder somervare, se scolen so gedanes rechtes geneten, alse de lantvare dot, beide an *husen* und an scote".

[1]) Bunge, U. B., VI, 18, ок. 1250: „So we so hofwarde is, de sal den hof bewaken bit to III merterman to bedde sin, und he beware de hunde to rechter tit .. Welik man vorsumet de hofmarde, nachtes ove dages, he betere 1 mark kunen".

[2]) Ibid., VI, 136, 1346: „So we de kerken slepere to bedde bringet, der en scal stan vor der kerken dore und dar nicht af to gande, de kerke en si to gesloten"... Ibid., VI, 169—170, 1354: „Nene twe brodere to samene scolen slapen in der kerken, ok nene twe kumpane van gelde, oc nen mesterman sal laten slapen in der kerken twe knechte".... Ibid., VI, 135, 1346: „V. dat kerken slapen scal beginnen in deme oversten klete van nedene up de rapaten, und also vort umme, beide binnen hoves und buten hoves; und en scal den anderen to seggen in der etentit".

слѣднихъ была такъ велика, что запрещалось, подъ страхомъ наказанія, носить ключъ такъ открыто, чтобы его можно было видѣть [1]). Для наблюденія за огнемъ назначались особые надсмотрщики, а самой топкой занимались двое кнехтовъ и должны были имѣть при себѣ бочку воды. Коль скоро они засыпали или просто удалялись во время топки отъ печей, или же послѣ удаленія ихъ или пекарей, находили въ печахъ огонь, то они подвергались штрафу. А если по ихъ невнимательности въ дорисѣ загоралось, и пламя прорывалось наружу, то штрафъ, которому они подвергались, достигалъ почтенной цифры, 10 марокъ серебра [2]). Подобнымъ образомъ никто не могъ ходить въ церковь съ огнемъ, и если кто-либо изъ кнехтовъ, державшихъ тамъ ночную стражу, засыпалъ, не загасивши огня, то также подвергался штрафу въ одну марку серебра [3]). Ночное спокойствіе двора не должно было нарушаться шумомъ: кто хотѣлъ колоть дрова, тотъ долженъ былъ дѣлать это днемъ, и всякій обязанъ былъ до закрытія воротъ уже находиться во дворѣ [4]). Далѣе приняты были мѣры, чтобы никто, по непредусмотрительности другаго, не потерпѣлъ какого-либо вреда. Если отрывалась чья-либо лошадь и причиняла несчастія, то отвѣчалъ хозяинъ, если только послѣдній заранѣе не отказывался отъ своей собственности въ пользу Св. Петра [4]). Бросаніе камнями, лазанье черезъ ограду были воспрещены, никто не могъ отвязывать, не имѣя на то права, цѣпныхъ собакъ, или дразнить ихъ [5]). Самое времяпрепровожденіе подвергалось строгому контролю. Такъ, игра въ зернь (dobelen) запрещена была безусловно. Если кто позволялъ себѣ играть въ эту игру днемъ или ночью на Нѣмецкомъ дворѣ, то подвергался

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 170, 1354.

[2]) Ibid., VI, 135—6, 1346: „V. twe knechte scolen inboten in den ovenen, und hebben bi sich vor den ovenen enen ketel waters; worden se entslapende eder gingen se van den ovenen, devile dat vur brende, eder vunde men vur na en eder, na den beckers, det were 1 mark. 5. Worde ienich vur los binnen hoves eder buten hoves, dat men de lochne sege, dat weren X mark“.

[3]) Ibidem, VI, 170, 1354: „V. worden de kerken slepers entslapende, und leten en lecht bernen, dat besein worde, de breken X m.“

[4]) Ibid., VI, 1346, 186: „V. wei becket eder bruwet, de hove sin holt bi dage, des gelich de in de ovene bot, also dat se nemanne ungemach en daen mit howene eder mit singene“...

[5]) Ibid., VI, 418, 1250 (?).

[6]) Ibid., VI, 126—7, 1346.

штрафу въ десять марокъ серебра; кто же отваживался заниматься ею въ русскихъ домахъ, въ которыхъ не было Нѣмцевъ, тотъ, какъ раньше упомянуто было, подвергался штрафу въ 50 марокъ и, кромѣ того, лишался права посѣщать дворъ. Запрещена была, далѣе, и высокая игра въ кости, и другія игры; играть въ кости дозволялось не болѣе, какъ на ползфердинга [1]). Но и для поддержанія внутренняго спокойствія купцы не жалѣли усилій.

Будучи заброшена въ отдаленную землю, Новгородская контора должна была необходимо находиться въ зависимости какъ отъ роднаго Запада, такъ и отъ страны, гостепріимствомъ которой она пользовалась. Не трудно отгадать отношенія, въ которыхъ контора стояла къ Западу. Нѣмецкая контора обязана была своимъ основаніемъ Готландскому купечеству; да и важныя привиллегіи со стороны Русскихъ были снисканы ею не иначе, какъ въ союзѣ съ Готландцами. Неудивительно поэтому, что и верховный надзоръ по дѣламъ конторы долженъ былъ перейти въ руки не магистратовъ Нѣмецкихъ городовъ, развитіе которыхъ въ разсматриваемое время было еще очень слабо, а Нѣмецкаго купечества на Готландѣ, заключавшаго въ своей средѣ представителей, если не всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ, то, во всякомъ случаѣ, очень многихъ, особенно изъ западныхъ. Зависимость конторы отъ Готландскаго купечества выражались наглядно въ томъ обстоятельствѣ, что печать, принадлежавшая обществу купцовъ и прилагавшаяся къ дѣламъ Ганзейскаго купечества, хранилась на островѣ Готландѣ. Въ сущности же, зависимость сказывалась въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, ежегодные избытки доходовъ Новгородской конторы должны были отправляться не въ какое-либо иное мѣсто, какъ въ Висби, и тамъ храниться въ церкви Св. Маріи, въ особенномъ ящикѣ Св. Петра. Ящикъ этотъ имѣлъ четыре ключа, которые находились въ рукахъ представителей четырехъ главныхъ отдѣловъ Готландскаго купечества, а именно одинъ у ольдермана Готланда, другой—у Любекскаго, третій—у Сосатскаго, четвертый же—у Дортмундскаго [2]).

[1]) Bunge, U. B., VI, 139, 1346: „neman scal dobelen, et si dach eder nacht, bi tein marken. Ok neman scal dobelen in Ruschen hoven, dar nene Dudeschen stat, bi viftich marken und bi des hoves rechte. V. neman scal spelen uppen worptafele boven enen halven verdinch, eder andere spil, dar men geld mach mede vorleisen, bi X m". A. A. Э, I, 335, 1532: „или костари учнуть воровати, *зернью* играти".

[2]) Ibid., VI, 19, ok. 1250: „Na deme olden sede his dat wilkoret wan gememen Dutschen van allen steden dat men sante Peteres

Во 2-хъ, въ древнѣйшее время по отношенію къ Новгородской конторѣ Готландъ имѣлъ значеніе верховной аппелляціонной инстанціи. Коль скоро именно въ узаконеніяхъ Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ не доставало какого-либо постановленія, и это обстоятельство возбуждало въ купечествѣ сомнѣніе, то за разрѣшеніемъ послѣдняго оно должно было обращаться не къ кому иному, какъ именно къ купечеству Готланда. Подобнымъ образомъ, если кто либо изъ Нѣмецкихъ купцевъ, пребывавшихъ въ Новгородѣ, былъ недоволенъ рѣшеніемъ конторскихъ властей по своимъ дѣламъ, то за возстановленіемъ своихъ правъ онъ могъ обращаться также не къ кому иному, какъ къ Готландскому купечеству [1]). Послѣднее преимущество Готландскаго купечества пользовалось, однако, несомнѣннымъ признаніемъ только въ древнѣйшее время. Къ концу же XIII столѣтія, съ перемѣной въ положеніи Нѣмецкихъ городовъ, оно возбудило противъ себя сильную оппозицію, къ которой присоединилось значительное число Нѣмецкихъ городовъ. Въ челѣ оппозиціи сталъ Любекъ и выставилъ два требованія, а именно: чтобы контора руководствовалась въ своихъ дѣлахъ Любекскимъ правомъ и чтобы аппелляція въ спорныхъ дѣлахъ имѣла мѣсто не на Готландѣ, а въ Любскомъ магистратѣ [2]). Перваго, кажется, ему удалось достигнуть безъ труда, такъ какъ справедливость Любекскаго права пользовалась общимъ признаніемъ и побуждала многіе города вводить его

gut, swat eme over blivet aller iarlik, it si van wintervart of van somervart, anderen neregen voren sal, dan to Gotlande, und leggen dat in Sante Marien kerken in Sante Peteres kisten; dar to horet IV slotele, de sal man bevaren van ver steden, den enen sal achterwaren de olderman van Gotlande, den anderen dere van Lubike, den derden dere van Sasat, den verden dere van Dortmunde".

[1]) Hanserec., I Abt., I, 37, 1295: „Nos vero (Riga) predictis non consencientes dicimus, eo tempore puo consules in Wisby nos nostrosque cives ac ceteros mercatores Godlandiam visitantes tali jure ac libertate uti permittunt, quemadmodum nostri predecessores ibidem freti sunt, scilicet in Godlandia, et ab ipsis ad nos dealibi querere nec transmutari cupimus". Ср. тамъ же, I, 33. Bunge, I, 53^, 1269: „Quoniam, ut percepimus, bona concivium nostrorum (Любека) retenta sunt, licet ipsi, ut speramus et sicut dicitur, non videantur in aliquo excessisse, audivimus etiam, quod dictu bona debeant super terram Gotlandiae duci".

[2]) Hanserek., I, Abt., I, 37. 1295: „dominorum consulum in Lubeke, firmum in hoc esse desiderium, ut sigillum ac commune jus mercatorum in civitatem Lubeke deducatur"...

у себя добровольно. Доказательствомъ этого предположенія можетъ служить грамота отъ 1298 г., въ которой Рижане слагаютъ съ себя отвѣтственность за уничтоженіе имени Любека въ Новгородскомъ конторскомъ уставѣ; а это имя и встрѣчается именно въ скрѣ конца XIII столѣтія, заключавшей въ себѣ именно Любское право [1]). Что же касается до втораго пункта, то здѣсь стремленія Любека были не такъ счастливы. Хотя за второе требованіе Любека въ теченіи 1293—1295 годовъ и высказалось значительное число городовъ, а именно 24; тѣмъ не менѣе и Висби не остался безъ приверженцевъ. Сторону послѣдняго приняли, какъ кажется, Прусскіе и Лифляндскіе города, за исключеніемъ Ревеля [2]). Вслѣдствіе относительнаго равенства силъ споръ въ XIII вѣкѣ остался нерѣшеннымъ: оппозиціи не удалось отнять въ XIII в. прерогативъ у Готландскаго купечества *) и потому право верховнаго рѣшенія въ спорныхъ судныхъ дѣлахъ стало удѣломъ обоихъ городовъ вмѣстѣ. На практикѣ это осуществилось такъ, что въ каждомъ частномъ случаѣ соперничествующіе города вступали въ письменное общеніе или одинъ городъ посылалъ своихъ уполномоченныхъ въ другой и тамъ они уже рѣшали дѣло вмѣстѣ [3]).

Что же касается до отношеній конторы въ Новгороду, то, какъ во всѣхъ другихъ Нѣмецкихъ факторіяхъ, мы и здѣсь встрѣчаемся съ стремленіемъ къ національному праву и автономіи внутренней жизни. Скажемъ больше: контора образовала въ Новгородѣ, какъ бы государство въ государствѣ, и мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи. Право издавать законы и постановленія принадлежало Нѣмецкому купечеству на Готландѣ и Новгородскому Нѣмецкому стевену. Разборъ тяжбъ между членами конторы производился ольдерманами по собственному праву, и Новгородскій судъ не имѣлъ въ этой области ни малѣйшей компетенціи. Даже

---

[1]) Hanserec., I Abt., I, 37, 1298: „Sed hoc presentibus ptotestamur, quod illo jare et vigore scripture semper uti volumus, sicut dictus liber, scra nuncupatus, continebat, antequam deletis predicta procederet ad affectum“. Bunge, U. B., VI, 423, ok. 1250: „Were dat also, dat de koplude an deme hove an jenigeme rechte tvivelden, dat nicht bescreven were, dat scolden se theen an den raat to Lubeke, dat willet se gerne senden dar dat men it scrive an dat book“.

[2]) Hanser., I Abt., I, 32—37, 1293—95.

[3]) Bunge, III, 273, 1372.

*) Но какъ мы увидимъ ниже, въ XIV столѣтіи споръ получилъ иное, болѣе сообразное съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, рѣшеніе.

и тогда, когда старшина двора собственными силами не могъ привести въ исполненіе своего приговора, даже и на этотъ случай въ скрѣ не встрѣчалось постановленія, дозволявшаго обращаться за помощью къ Новгородскимъ властямъ. Наконецъ, въ видахъ полнѣйшаго сохраненія своей внутренней самостоятельности, контора даже и внѣшнія свои отношенія къ Новгороду старалась поставить такъ, чтобы они не могли угрожать двору никакими затрудненіями. Для этой цѣли, въ сношеніяхъ съ Новгородцами контора старалась являться обыкновенно замкнутымъ цѣлымъ. Въ случаѣ какихъ либо переговоровъ съ Новгородомъ, контора отряжала отъ себя ольдермана съ помощниками, которые, явившись на дворъ св. Іоанна Предтечи, рѣшали дѣло вмѣстѣ съ Новгородскими властями. Отдѣльнымъ членамъ всѣ подобные переговоры были строго запрещены: привиллегіи и преимущества могли пріобрѣтаться только цѣлой общиной, и кто отваживался искать ихъ только для себя, тотъ подвергался высокой денежной пенѣ и лишенію права посѣщать дворъ [1]). Даже въ судебной сферѣ Нѣмцы старались выговорить себѣ нѣкоторыя преимущества. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда отвѣтчикомъ былъ Нѣмецъ, гости желали, чтобы никто не могъ налагать на него своей руки, кромѣ старшины двора: только тотъ могъ подвергнуть его суду [2]). Но вопреки этому желанію, судъ по взаимнымъ тяжбамъ остался въ исключительномъ вѣдѣніи Новгородцевъ, хотя и не безъ нѣкоторой разницы съ предшествующимъ временемъ.

Какъ мы уже видѣли, первоначально разборъ дѣлъ Нѣмцевъ съ Новгородцами составлялъ предметъ вѣдомства князя. Такъ какъ, однако, князь являлся въ Новгородѣ не только правителемъ, но и купцомъ, ведшимъ на свой страхъ торговые обороты, то Новгородцы всѣми силами старались ограничить его вліяніе на ходъ торговыхъ дѣлъ. Этимъ стремленіямъ обязано своимъ началомъ и устраненіе князя отъ разбора дѣлъ Новгородцевъ съ иностранцами, совершившееся во второй половинѣ XIII столѣтія. Не трудно догадаться, въ чьи руки долженъ былъ ввѣриться судъ, отнятый у князя. Уже сами

[1]) Bunge, U. B., VI, 189, 1346: „Weret sake, dat ieman, de in des kopmannes rechte to Novgarden wesen wolde, ienigerleie breve worve, des de kopman to Novgarden beswaret worde, de skolde gebroken hebben L m. und vorboret des hoves recht". Тамъ же, III, 288, 1373.

[2]) Ibid., I, 521, 1269: „Sie autem hospes deliquerit in Ruthenum, intimabitur oldermanno hospitum, et nullus alium accipiet per vestem sed oldermannus manum porriget pro reo, ut producat ad rationem".

Нѣмцы указывали, что разборъ дѣлъ, въ которыхъ Новгородцы сталкивались съ Нѣмцами, долженъ быть отнесенъ въ вѣдѣніе учрежденія, имѣвшаго мѣсто при храмѣ І. Предтечи, или иначе, въ вѣдѣніе тысяцкаго [1]). Судъ тысяцкаго былъ судомъ торговымъ, а потому естественно ему было вѣдать и дѣла Новгорода съ иноземцами. Дѣйствительно, по договору 1269 и 1270 года въ руки тысяцкаго были отданы всѣ тяжбы русскихъ съ Нѣмцами и при этомъ постановлено, что самый призывъ Нѣмцевъ къ суду долженъ производиться не иначе, какъ черезъ бирича со стороны тысяцкаго [2]). Сущность самаго процесса на судѣ тысяцкаго осталась почти тою же самою, что и на судѣ князя. Такъ, для рѣшенія извѣстнаго дѣла отъ истца по прежнему требовались послухи, только теперь уже, кажется, не болѣе какъ по два человѣка со стороны. Если обои послухи сходились въ показаніяхъ, то они рѣшали дѣло. Если же этого согласія не было, то послухи должны были бросать жребій и на чью долю выпадалъ послѣдній, свидѣтельство тѣхъ и было признаваемо окончательнымъ рѣшеніемъ [3]).

Если въ гражданской сферѣ стремленія купечества клонились къ снисканію возможно большей автономіи, то въ собственно торговой области цѣлью ихъ стремленій было пріобрѣтеніе для автономнаго товарищества, конторы возможно выгоднѣйшихъ льготъ. Нѣмецкое купечество стремилось прежде всего выговорить гарантіи безопасности торговли на сколько возможно большей части пути. Оно предлагало именно, чтобы Новгородцы блюли за торговымъ путемъ и вознаграждали купцовъ за возможныя потери, уже начиная съ Березовыхъ остро-

---

[1]) Bunge, U. B., I, 521, 1269: „Item placita hospitum inter hospites et Ruthenos habenda sunt in curia sancti Iohannis coram duce et oldermanno Nogardiensibus, et non coram aliquo alio".

[2]) Ibid., I, 524, 1269: „so wat so sake to wervende hebben van gerichteswehene wintervart un Somervart, dat scholen se endegen vor deme, hertogen, der aldermannen un den Nogarderen". Въ одномъ мѣстѣ рядомъ съ тысяцкимъ упоминается и посадникъ, но должно-быть по незнанію Нѣмцами устройства Иванскаго суда: Bunge, U. B., I, 522: „mer dat schal an iewedher siden vorderen des hertogen bode".

[3]) Ibid., I, 526, 1269: „Is dat sake, dat twe tugen solen Dydeschen un Nogardere, unde se beide dregen over en, sö sal men en truwen. Is ok dat se schelet, un se over en nich ene dreget, so solen se loten under en; so wes lot sic ut nemet, de is recht an sineme tuge". Ibidem, I, 525, 1259: „Item si hospes debet ducere testimonium in Ruthenum, habebit duos hospites et duos Ruthenos, similiter Ruthenus contra Theutonicum".

вовъ [1]). Но Новгородцы считали возможнымъ принять на себя отвѣтственность, только начиная съ Котлина, мѣстности, около которой они содержали въ Ижерской землѣ особенную морскую стражу, порученную мѣстнымъ жителямъ [2]). Но и съ Котлина Новгородъ принималъ на себя отвѣтственность за безопасность не безусловно, а только при томъ предположеніи, когда съ купеческимъ караваномъ шелъ вмѣстѣ съ тѣмъ Новгородскій посолъ или купцы, имѣвшіе возможность предупредить столкновеніе гостей съ туземцами. Въ исполненіе этого условія иноземные гости должны были пускаться въ дорогу не иначе, какъ взявши предварительно на Готскомъ берегѣ или въ Новгородѣ, смотря по тому, гдѣ составлялся караванъ; вмѣстѣ съ собой и Новгородскихъ гостей [3]). Подобнымъ образомъ, и въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, причинявшихъ вредъ купечеству, послѣднее старалось выговорить возможно выгодныя условія. Противъ похитителей купеческой собственности гости предлагали установленія весьма суровыхъ мѣръ: за кражу вещи, цѣною ниже полугривны кунъ, воръ еще могъ откупиться двумя гривнами; если же украденная вещь была дороже, но не болѣе полгривны серебра, то виновный долженъ былъ подвергаться наказанію розгами или же заплатить 10 гривенъ серебра; а за высшее воровство, превосходившее полгривны серебра, Нѣмцы предлагали смертную казнь и при томъ требовали, чтобы, въ случаѣ неявки Ижерскаго посадника, дѣло разбиралось по означеннымъ правиламъ старшиной гостей. Новгородцы, однако, нашли возможнымъ допустить только то, что воръ, схваченный выше Ладоги, судился по его винѣ Ладожскимъ посадникомъ, а если былъ пойманъ ниже Ладоги, то препровождался для суда въ Новгородъ [4]). Кромѣ прямыхъ нарушеній права

---

[1]) Bunge, U. B., I, 517, 1269: „Cum mercatores Theutonici vel Gotenses veniunt in Bercö, in regno regis Nogardensium, et quicquid eis in ditione Nogardensium injuriae irrogatum fuerit, super hoc Nogardienses respondebunt“.

[2]) П. С. Р. Л., I, 205, 1263: „бѣ нѣкто мужь старѣйшина въ земли Ижерской, именемъ Пелгуй, поручено же бысть ему стража морьская“.

[3]) Bunge, U. B., VI, 438, ok. 1252: „А Зимния гость оже не поиметь нашего посла, ни Новгородцьскихъ купець изъ Новагорода или съ Гъцкаго берега, а что ся учинить ис Котлингъ до Новагорода или изъ Новагорода до Котлингъ Немецкъму гости, оже бес посла поидуть, то Новугороду тяжи не надобе, въ старыи миръ“. Bunge, U. B., I, 518, 1269.

[4]) Ibidem, I, 517—519. Ibid., I, 518, 1269: „Vet men enen def tuscgen Ketlingen unn Aldagen, den sal men voren tote Aldagen, dhar sal

собственности со стороны мѣстнаго населенія, купечество старалось обезпечить себя и противъ всякаго рода эксплуатаціи. Береговое право, столь обременительное въ Германскихъ земляхъ, въ Новгородѣ не имѣло никакой силы: подвергшись крушенію, имущество оставалось за собственникомъ или его наслѣдниками, а все, необходимое для поправки лодокъ, купцы безпрепятственно могли брать по обоимъ берегамъ рѣкъ Невы и Волхова [1]). Въ самыхъ услугахъ, которыми ему приходилось пользоваться со стороны русскихъ, иноземные гости старались устранить вредныя для нихъ стачки и ввести опредѣленную таксу. Какъ увидимъ впослѣдствіи, опредѣленная такса была введена въ извѣстной мѣрѣ въ отношеніи всѣхъ лицъ Новгородскаго происхожденія, къ которымъ Нѣмцамъ, волей-неволей, приходилось прибѣгать за содѣйствіемъ; это были лодочники, лоцманы, извозщики или носильщики.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ пріобрѣтеній, добытыхъ Нѣмецкими гостями, была льгота въ таможенныхъ пошлинахъ. Иноземные купцы подвергались въ Новгородѣ немногимъ и притомъ весьма незначительнымъ поборамъ. Изъ проѣзжихъ пошлинъ на нихъ падалъ только одинъ мытъ, взимаемый въ Гостиннопольской пристани. Какъ ни неваженъ былъ этотъ поборъ, Нѣмцы и его старались приспособить къ своимъ потребностямъ. Съ одной стороны они хлопотали, чтобы въ Гостиннополѣ товары только осматривались мытниками, а самая пошлина взималась въ Новгородѣ. Цѣль такого стремленія заключалась, кажется, въ томъ, чтобы избавиться отъ платежа пошлинъ въ томъ случаѣ, когда бы на пути съ ладьей случилось какое-либо несчастіе [2]). Съ другой стороны, иноземцы старались ввести въ предметы провоза извѣстное подраздѣленіе, и сообразно съ послѣднимъ установить не однообразную, а постепенно уменьшающуюся пошлину. По ихъ желаніямъ, пошлинѣ должны были подлежать только товары, предназначенные для продажи, и притомъ громоздкіе въ меньшей степени, чѣмъ драгоцѣнные: съ ладьи, нагруженной послѣдними, они предлагали

---

man over en richten, al na sime broke. Wert en def gevangen tusgen Aldagen unde Nogarden, den sal men to Nogarden oves richten na sineme broke".

[1]) Bunge, U. B., I, 518, 1269: „So wanne de gast comet in de Nu, unde hovet he to dunde holtes oder mast, de mach he bowen an beident sit des wateres, war so he wil".

[2]) Ibid., I, 519, 1269: „Thelonearius ibidem scrutabitur bona, pro quibus dandum est theloneum, nec dabitur theloneum, antequam bona in Nogardiam veniant".

именно гривну кунъ, тогда какъ съ ладьи, наполненной громоздкимъ товаромъ, они полагали ограничить пошлину всего только полгривной. Тѣ же ладьи, которыя нагружались съѣстными припасами, по ихъ плану должны были оставаться свободными отъ всякой пошлины [1]). Кажется, однако, что ни одному изъ этихъ желаній не удалось осуществиться на практикѣ. Изъ договора 1269 года видно, что пошлина должна была взиматься, какъ прежде, въ Гостинопольской пристани, да и размѣръ ея опредѣленъ былъ не на основаніи плана частей, а просто ссылкою на старину [2]). Подобно проѣзжимъ пошлинамъ, и собственно торговыя падали на иноземныхъ гостей въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Къ числу ихъ съ полной достовѣрностью можно отнести одно вѣсчее, пошлину, взимавшуюся за провѣсъ товаровъ. Какъ при куплѣ, такъ и при продажѣ товаровъ иноземные гости должны были именно платить по двѣ куны съ капи, какой бы товаръ ни вѣсился на скалвахъ [3]). Кромѣ собственныхъ пошлинъ былъ еще, кажется, одинъ поборъ въ пользу Новгородцевъ съ купечества, а именно такъ называемый княжескій сборъ. Быть можетъ, это было вознагражденіе за ту охрану, которую давалъ князь при посредствѣ своей дружины, какъ показываютъ нѣкоторыя извѣстія, купеческимъ караванамъ во время ихъ слѣдованія по Новгородской области, въ тѣхъ случаяхъ, когда путь бывалъ, по тогдашнему выраженію, не чистъ [4]). Но этотъ сборъ существовалъ только въ древнѣйшее время, въ періодъ могущественнаго положенія въ Новгородѣ княжескаго званія. Коль скоро же значеніе княжеской власти въ Новгородѣ ослабѣло, то сборъ этотъ, какъ сборъ, вышелъ изъ употребленія и превратился въ простую обя-

[1]) Bunge, U. B., I, 519, 1269: „Cum autem hospites memorati devenerint ad locum, qui dicitur Gestevelt, quaelibet navis honerata bonis teloneabit unam marcam cynen. Nabis honerata gpavibus, utpote carnibus, farina, siligine vel brasio theloneabit dimidiam marcam kunen; navis vero honerata victualibus ad nichilum obligatur“.

[2]) Bunge, U. B., I, 520, 1269: „Unde swenne de gast upwart comet to Gestevelde, so sal he geven, also he van older tit hevet gegeven, unde nicht mer“.

[3]) Рус. Лив. Акт., 9. 1257—63: „А Нѣмцьмъ и Гътъмъ и всему Латиньскому языку платити по двѣ кунѣ отъ капи, и отъ всякого вѣснаго товара, что кладуть на скалви, и продавше и купивше“. Bunge, U. B., I, 526, 1269: „et recipiet ponderator IX schin de cap“ (?).

[4]) Bunge, U B., VI, 460, ок. 1301 г.: „оже будеть не чисть путь в рѣчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ пьдати“.

занность Нѣмецкаго купечества участвовать въ пріемѣ великаго князя, коль скоро тотъ по обычаю пріѣзжалъ на третій годъ въ Новгородъ. Нѣмецкое купечество должно было именно выѣзжать на встрѣчу великаго князя, принимать его въ свой дворъ и церковь, подносить дары и давать пошлины. Однако и въ этой, болѣе легкой формѣ, княжескій сборъ не всегда исполнялся. Иноземные гости изъявляли согласіе участвовать въ пріемѣ князя только въ томъ случаѣ, когда въ Новгородѣ было большое сборище купечества [1]). Нѣкоторые ученые (Ризенкампфъ, г. Бережковъ) полагаютъ, что сверхъ указаннаго побора, Новгородскіе Нѣмецкіе купцы должны были платить еще нѣкоторую сумму въ пользу Новгородской Пятницкой церкви въ томъ случаѣ, когда бы они пожелали ѣхать изъ Новгорода на Готландъ, и въ доказательство приводятъ одно мѣсто изъ латинскаго извода грамоты 1269 года [2]). Но латинскій изводъ есть не что иное, какъ только проэктъ договорныхъ условій, а потому постановленіямъ его нельзя придавать ровно никакого значенія [3]).

Сосредоточеніе торговаго управленія въ конторахъ обусловило собою и всѣ отличительныя черты собственно торговой дѣятельности. Этому сосредоточенію обязанъ своимъ началомъ тотъ духъ опеки, который проникаетъ всю средневѣковую торговлю. Коль скоро именно сосредоточеніе торговли въ конторахъ признано было необходимымъ, какъ тотчасъ же явилась необходимость вручить имъ право выдавать постановленія, обязательныя для отдѣльныхъ купцевъ, и нельзя не сознаться, что конторы воспользовались имъ чрезвычайно усердно. Этимъ путемъ выработалась мало-по-малу та средневѣковая система, которая своимъ строгимъ порядкомъ убивала всякую свободную конкурренцію и съ отеческой заботливостью наблюдала за выгодами своихъ сочленовъ, которыхъ всего лучше было бы предоставить ихъ собственному усмотрѣнію. Въ ряду другихъ конторъ и Новгородская не представляла никакого исключенія: и здѣсь ничего не было предоставлено свободной волѣ купечества; все исходило отъ неусыпно бодрствовавшей конторы и Заморскаго купечества. Контора старалась какъ обезпечить всѣмъ возможность производить торговлю и защитить бѣднаго противъ конкурренціи богатаго, такъ равно и поддерживать въ цѣнѣ Нѣмецкіе товары сравнительно съ русскими. Въ этихъ видахъ

---

[1]) Hanser., II Abt., 1, 510, 541, 1436.

[2]) Bunge, U. B., I, 525, 1269.

[3]) Подробныя свѣдѣнія по этому вопросу находятся въ рецензіи проф. Никитскаго на соч. Бережкова, стр. 36—38.

было постановлено, что никто не можетъ жить на Новгородскомъ дворѣ долѣе полугода; кто пріѣзжалъ туда зимнимъ путемъ или лѣтнимъ, тотъ долженъ былъ и обратно ѣхать непремѣнно тѣмъ же путемъ; кто продалъ свои товары и сдѣлалъ необходимыя закупки, тотъ непремѣнно долженъ былъ ѣхать со двора съ первою же оказіей, не ожидая къ себѣ подвоза новыхъ товаровъ съ Запада [1]). Для устраненія упадка цѣнъ Нѣмецкихъ товаровъ былъ установленъ даже maximum привоза, и кто преступалъ границу 1000 марокъ, тотъ лишался имущества въ пользу конторы, все равно, было ли то имущество его собственное, или компанейское, или же просто взято на коммиссію [2]). Такъ какъ, однако, несмотря на эти ограниченія, переполненіе рынка иноземными товарами всетаки временами случалось, то контора не отказывалась выступать и съ болѣе энергическими мѣрами. Когда, именно зимой 1410 года, церковь св. Петра была переполнена привозными товарами и когда по этому случаю Новгородцы похвалились, что они держатъ Нѣмцевъ въ мочальномъ мѣшкѣ и съ пріѣздомъ лѣтнихъ гостей разсчитываютъ скрутить его еще крѣпче ремнями, то контора прибѣгла къ рѣшительному средству, къ совершенной остановкѣ подвоза товаровъ лѣтними гостями, и этимъ путемъ достигла таки того, что проклятый мѣшокъ развязался [3]).

Но не довольствуясь гарантированіемъ для каждаго возможности совершать торговлю, контора старалась еще предохранить предусмотрительной опекой отдѣльныя лица и отъ возможныхъ потерь. Если торговый путь становился не чистъ, то торговое движеніе было или пріостановлено совсѣмъ, или же купцамъ вмѣнялось въ обязанность совершать его не иначе, какъ на вооруженныхъ судахъ. Недовѣріе къ туземцамъ, склоннымъ всякій частный споръ обращать въ общее дѣло конторы, служило особенно обильнымъ источникомъ всякаго рода постановленій. Для того, чтобы имѣть законнаго свидѣтеля въ случаѣ возможнаго судебнаго разбирательства, никто не могъ выходить на

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 501, 1338 „Neman scal ok liggen in deme hove dor dat, dat he vorcope und weder kope; mer so wanne he vorkoft hevet alsodan gut, alse he dar hebracht hevet, sö scal he van dennen varen. Hir ne is de wandelinge in deme hove nicht mede neder geleget“. Тамъ же, VI, 141.

[2]) Ibid., VI, 141, 1346 ‚neman des iares boven dusent mark sal hebben, dat si sines egenen gudes eder an kumpenie, ofte sendeve, eder an ienegerleie dinge“...

[3]) Ibidem, IV,103, 709, 714, 717—718, 1410.

куплю одинъ, или въ сопровожденіи брата, компаньона по торговлѣ, или приказчика, а долженъ былъ пользоваться для этой цѣли посторонпимъ лицемъ. Послѣднее, вѣроятно, чтобы не набивать цѣну, не имѣло права совершать купли облюбованныхъ уже товаровъ раньше трехъ дней, если на то не слѣдовало согласія со стороны купца, пригласившаго его въ товарищи [1]). Для предупрежденія возможныхъ потерь, никто не могъ давать своихъ товаровъ, сукна, серебра Новгородцамъ домой на осмотръ, ни отрѣзывать отъ нихъ обращики. Наоборотъ, при покупкѣ русскихъ товаровъ, особенно когда дѣло шло о значительномъ количествѣ, напримѣръ, о покупкѣ больше четверти (250 штукъ) мѣховъ, каждому вмѣнялось въ обязанность принимать товаръ не иначе, какъ по предварительномъ осмотрѣ, и этотъ осмотръ производить не иначе, какъ въ своемъ собственномъ жилищѣ [2]). Въ тѣхъ же видахъ далѣе, ни одинъ купецъ не долженъ былъ выдавать плату прежде, нежели весь купленный товаръ доставляемъ былъ во дворъ Новгородцемъ, при чемъ послѣдній отвѣчалъ за доброкачественность товара до перехода его порога конторы. Наоборотъ, Нѣмецкіе гости отвѣчали за проданный товаръ только до выхода его за порогъ конторы [3]). Въ особенности же энергически старалась контора противодѣйствовать торговлѣ въ кредитъ, такъ какъ тутъ замѣшивались ея собственные интересы, ея собственная безопасность. Брать товары въ кредитъ у русскихъ было безусловно запрещено, и кто поступалъ противъ этого запрещенія, долженъ былъ платить въ казну св. Петра

---

[1]) Bnnge, U. B., VI, 137, 1346: „Neman scal gan up enen kop allene mit sime brodere eder mit sime kumpane van gelde, eder mit sime knechte, bi X m. V. de man de mit den anderen up enen kop geit, de ene scal den kop nicht kopen binnen dren dagen, he ene hebbet mit vulbort des anderen“...

[2]) Ibidem, VI, 124, 1342: „neman scal den Russen want don to hus to bringende to besende op en behagetet, noch lappen af to snidende, noch nerleige gut also ut to donde, dar scade of komen mochte“... VI, 137—138, 1346: „V. welich man koft, boven en verdendel werkes, de scal dat werk besein in siner were (жилищъ) und anders nerne, bi 1 m; oken scal he nicht up nemen, he ene hebbet besein, bi 1 mark.

[3]) Ibid., VI, 137, 1346: „Welich man van den Russen gut en feit, de late sich sine tale vul tellen und betale den Russen nicht al, he en si van den Russen alrest al betalet; und dat gut sal gan uppe des Russen eventure bet in den hof V. wat de Russe van den Dudeschen untfeit, wanne it over den sullo des hoves kumt; so scal et gan uppe des Russen eventure“.

со ста марокъ занятаго товара цѣлыхъ десять [1]). Далѣе, запрещены были также всѣ сдѣлки, въ основаніи которыхъ скрывался кредитъ. Такъ, никто не могъ покупать въ Новгородѣ товаровъ съ такимъ условіемъ, чтобы уплату по нимъ производить въ Дерптѣ или въ какомъ либо иномъ мѣстѣ. За нарушеніе этого правила виновный подвергался взысканію въ казну св. Петра такого же количества товаровъ, какое было получено имъ въ кредитъ [2]).

Кромѣ стѣснительной опеки, централизація торговли въ конторахъ обусловливала собою еще другую отличительную особенность Нѣмецкой торговли. Имѣя въ конторѣ всѣ средства для зоркаго наблюденія за всякимъ нарушеніемъ отдѣльными купцами утвержденныхъ ею правилъ, Нѣмецкое купечество пользовалось тѣмъ для снисканія себѣ монополіи въ Балтійской торговлѣ и успѣло таки добиться себѣ въ этомъ направленіи нѣкоторыхъ не неважныхъ результатовъ. Такъ какъ торговое соперничество грозило главнымъ образомъ со стороны промышленныхъ Фламандцевъ, Англичанъ и Ломбардцевъ, то понятно, что ограничительныя стремленія Нѣмецкаго купечества направлены были, по премуществу, противъ купцевъ этихъ націй. Такъ штрафъ въ 50 марокъ грозилъ всякому, кто оказывалъ какое либо содѣйствіе представителямъ этихъ народовъ въ ихъ стремленіи достигнуть Великаго Новгорода [3]). Подобные же штрафы грозили и тѣмъ лицамъ, которыя вступали съ иноземцами въ торговыя компаніи, принимали отъ нихъ на коммиссію товары или же производили на ихъ счетъ закупки въ Новгородѣ [4]). Въ виду этого торговаго эгоизма

---

[1]) Bunge. U. B., VI, 414, кон. XIII в.: „Nien Dydesch kopman sal gut borgen van den Rucen; we aver also borget, de sal geven X mark silvers van hunderten sante Petere des gudes, des he geborget hevet“.

[2]) Ibid., VI, 73, 1318: „dat neman to Novgarden gut kopen, noch borgen ne sal, to Darbete noch arderswar to betalene“...

[3]) Ibid., VI, 139, 1346: „Neman, de in sante Peters rechte wesen wil, scal here bringen in das land vromede geste, it si Lumbarde, eder Vlaminge, eder wat lude it sin, noch he en scal ere gut in dit land voren“.

[4]) Ibid., VI, 502—3, 1328: „Neman scal ok Walen gut, noch Engelschen gut, noch borgen, noch to kumpanie, noch to sendeve in den hof to Nogarden voren. Ok ne scal neman Vleminge gut.... in den hof voren. Hir so ne is de borch mit den Vlemingen nicht mede neder geleget“. Bunge, U. B., VI, 414, кон. XIII вѣка.

нечего удивляться, что Нѣмцы не желали дѣлиться и съ Русскими тѣми выгодами, которыя представляла торговля Запада Европы съ востокомъ, что они всѣми силами старались устранить ихъ отъ всякой активной торговли и захватить въ свои руки весь ввозъ и вывозъ послѣднихъ. Средства и здѣсь были употребляемы тѣ же, что и противъ Англичанъ и Ломбардцевъ, а именно запрещеніе вступать съ Русскими въ компаніи, принимать ихъ товары на Нѣмецкія суда и ссужать ихъ капиталами [1]) Къ этому нужно присоединить еще и постоянныя притѣсненія, встрѣчаемыя русскими въ Нѣмецкихъ гаваняхъ и не допускавшія ихъ до пользованія тѣми привиллегіями, на которыя они имѣли полное право разсчитывать въ силу взаимности условій, составлявшихъ основное правило тогдашнихъ торговыхъ трактатовъ.

Не смотря, однако, на все противодѣйствіе со стороны Нѣмцевъ, самостоятельная торговая дѣятельность Новгородцевъ не прекращалась не только въ разсматриваемую эпоху, но и во все послѣдующее время. Скорѣе можно утверждать, что въ извѣстной степени она даже развивалась. Главный недостатокъ, свойственный Новгородской торговой дѣятельности, отсутствіе собственнаго морскаго торговаго флота, Новгородцы стали возмѣщать въ это время посредствомъ обращенія къ посторонней помощи. Дѣло въ томъ, что, несмотря на запрещенія принимать на Нѣмецкія суда Новгородскіе товары, между Нѣмецкими мореходами часто встрѣчались лица, готовыя за хорошій барышъ фрахтовать и возить моремъ Новгородскихъ гостей, особенно въ тѣ края, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Прусскихъ городахъ, давленіе торговыхъ ограниченій было гораздо слабѣе [2]). Временами Нѣмецкіе мореходы и купцы, принимавшіе къ себѣ Новгородцевъ въ компанію, усугубляли

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 414, кон. XIII в.: „Bi viftich (L) marken silvers si geboden jewelikeme Dudeschen kompanne, dat he nien gut in kumpanie hebbe mit den Rucen, und ok der Rucen gut nicht ne vore to sendeve“.

[2]) Hanserec., I Abt., IV, 469, 1398: „Wy (Лифлянд. города) vornemen wol, dat de Rusen beginnen mit erer kopenschop ter zee to varen, dat doch ny erer gewesen is; dar van wy vruchten dime kopmanne unvorwinliken schaden to nemen umme invalles willen, de den Rusen underweges unstan mochte. Wor umme, leven vrunde, wy mii vlite bidden, dat dy mit deme erwerdigen hern homeistere spreken unde werven by sin(er) (gn)aden, dat id also geschicket werde, dat de Rusen unde ere gud in nochute juwen (Данцига и другихъ Прусскихъ городовъ) havenen nemant en lade noch vare; des gelik wil wy id ok hir also bestellen unde vorwaren“.

свой барышъ тѣмъ, что, вмѣсто защиты Новгородцевъ отъ разбойниковъ, сами становились на мѣсто послѣднихъ. Такъ, въ 1338 году Новгородецъ Воллусъ съ товарищами былъ убитъ Нѣмецкими купцами, пріютившими его въ своемъ коггѣ, выброшенъ затѣмъ за бортъ, а товаръ захваченъ убійцами [1]). Но коль скоро въ средѣ Нѣмецкаго купечества не оказывалось подходящихъ моряковъ, то Новгородцы въ такихъ случаяхъ имѣли возможность пользоваться еще услугами Шведовъ, которые какъ издавна были знакомы имъ, такъ и менѣе всего церемонились съ купеческими постановленіями. Положимъ, что въ обоихъ случаяхъ мореходы рисковали потерять не только нафрахтованный товаръ, но и самое судно; но тѣмъ не менѣе перспектива хорошаго барыша дѣйствовала соблазнительно и закрывала глаза на опасности [2]). Какъ и естественно, больше всего Новгородское торговое движеніе направлялось въ ближайшіе Лифляндскіе города, въ Нарву, Ревель, Дерптъ и Ригу, съ которыми, кромѣ моря, они имѣли еще и сухопутныя сношенія. Но и болѣе отдаленныя земли не были опускаемы Новгородцами изъ ихъ торговаго кругозора. Въ особенности вниманіе ихъ привлекали къ себѣ прусскіе города, въ которыхъ они меньше встрѣчали торговыхъ стѣсненій. Изъ сообщенія Лифляндскихъ городовъ отъ 1398 года видно, что Новгородцы, дѣйствительно, очень часто направлялись съ своими товарами въ Данцигъ и другіе сосѣдніе города. Тоже самое подтверждаетъ и жалоба Новгородцевъ въ Выборгѣ, что въ Оливскомъ проливѣ ихъ братья были побиты и брошены за бортъ, а товаръ ихъ захваченъ похитителями [3]). Самыми

---

[1]) Bunge, U. B., II, 311, 1338: „umme dat Wollus dot geslagen nart, und umme sine kumpane, de geslagen worden in deme koggen, und umme Woleses gut... und Wolleses kindere und ere kumpane, de ne scolen mit deme gaste nein dont hebben, se scolen sik beweten mit eres selves sacwolden, mit Hinsen Veltberge... Also Herbert was mit Wolluse in deme coggen, dat scolen Wolluses kindere sulven beweten mit Herborde, dar ne scal de gast nicht mede to donde hebben"...

[2]) Ibid., V, 549—550, ok. 1420 г.: „Ali dunket nutte und rad wesen, dat, dat gi juwen boden hebbet an minen heren, den konink (Швеція), und scrivet em to, vor umme eller in welker mate he (c. Doek) den Rusen er gut und mins heren undersaten er schip henomen hadde".

[3]) Ibid., IV, 649, 1408: „Wetet (пишетъ начальникъ Выборга Ревелю)., dat hir vor uns sint gevest sende boden von Nowerden . und de hebbet uns hir geklaget umme dat gut. dat dar genomen wart vor deme Oleves sunde, und umme ere brodere, de dar geslahen und over bort geworpen worden".

крайними пунктами, куда достигала въ этомъ направленіи торговая дѣятельность Новгородцевъ, были, кажется, Готландъ и Любекъ. По крайней мѣрѣ на плаванія ихъ въ Балтійскіе города указываютъ нерѣдкія тяжебныя дѣла, которыя они вели по случаю понесенныхъ въ путешествіи потерь въ этихъ торговыхъ центрахъ [1]). До сихъ поръ мы имѣли въ виду только южный берегъ Балтійскаго моря. Но не менѣе важны были плаванія Новгородцевъ и къ сѣвернымъ берегамъ этого моря. И здѣсь особенно частыми, почти постоянными, были сношенія Новгородцевъ съ ближайшею, т. е. восточною частью этихъ береговъ, а именно съ Або и Выборгомъ. Но какъ показываютъ нѣкоторые случаи тяжебныхъ дѣлъ, которыя вели Новгородцы въ Стокгольмѣ, движенія ихъ не ограничивались одними восточными берегами, но распространялись одинаково и на западную часть ихъ [2]). Къ тому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе условій Орѣховскаго договора, заключеннаго въ началѣ XIV столѣтія. Въ этомъ договорѣ Швеція гарантировала свободу сношеній какъ для всѣхъ собственныхъ купцевъ, отправлявшихся въ Новгородъ горою и водою, такъ равно и для Новгородцевъ, даже еслибы они пожелали ѣхать не только въ предѣлы Финляндіи, но и за море. Эта Шведская торговля Новгорода составляла Нѣмцамъ какъ бы бѣльмо на глазу: она наносила не одинъ ударъ ихъ стараніямъ придать своей торговлѣ монопольный характеръ. Прежде всего она значительно ослабляла тѣ пріостановки въ торговлѣ, которыя въ разныхъ цѣляхъ были нерѣдко декретированы Нѣмцами. При существованіи Шведской торговли остановка непосредственной торговли съ Новгородомъ вела только къ тому, что торгъ начиналъ производиться посредственно, что Нѣмецкіе купцы начинали пріѣзжать съ своими товарами вмѣсто русскихъ городовъ въ Выборгъ. А затѣмъ, Шведская торговля значительно ослабила и тѣ запрещенія, которыя налагались Нѣмецкимъ купечествомъ на отдѣльныя торговыя статьи. Товары, которые не могли, вслѣдствіе запрета, достигать Новгорода прямымъ путемъ, шли туда чрезъ Шведскія владѣнія [3]).

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 141, 1346: „Dit vorbenomede werk scal neman kopen... noch to Righe, noch to Darbette, noch to Revele, noch to Velin, noch to Gotlande, noch nergen, dar Russen pleget to varende“... Тамъ же, III, 724.

[2]) Д. къ А. И., I, 8—9, 1370—87: „Тако и тыи товаръ, что у Стеколмѣ взялѣ, такоже есмя творшеѣ (искали судомъ) въ ихъ городѣхъ, въ Любкѣ да у Гочкого берега то есмя с ними доконцялѣ“.

[3]) Hanserec. II Abt., III, 54, 1444: Лифляндскіе города просятъ

Уступая Нѣмцамъ въ торговой дѣятельности на морѣ, Новгородцы, съ своей стороны не щадили усилій, чтобы сохранить за собой торговое преобладаніе, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своей родины. Средства, которыми Новгородъ пользовался при этомъ, были почти тѣ же, которыя свойственны и Нѣмецкимъ складочнымъ пунктамъ того времени. Подобно германскимъ торговымъ центрамъ того времени и, быть можетъ, и подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ Великій Новгородъ дѣлалъ всѣ вспомогательныя торговыя операціи исключительною принадлежностью своихъ гражданъ, разсчитывая, вѣроятно, доставить имъ этимъ путемъ извѣстный заработокъ. Къ числу такихъ операцій относился извозъ рѣчной и сухопутный, равно какъ и перевозка и переноска въ самомъ городѣ. Когги, суда, на которыхъ Нѣмцы привозили свои товары въ Новгородскую землю, могли, кромѣ моря, ходить только въ нѣкоторой части великаго воднаго пути, а именно въ Невѣ, Ладожскомъ озерѣ и нижней части Волхова, но никакъ не дальше. Перегрузка на русскія суда была, поэтому, неизбѣжна, а это не могло обойтись безъ содѣйствія русскихъ лодочниковъ, которые обыкновенно и выѣзжали навстрѣчу Нѣмцамъ или на Неву, или просто на Волховъ, но ниже Ладоги. Точно также и изъ Новгорода они отвозили или до Невы или же только до Ладоги. Для устраненія эксплуатаціи со стороны послѣднихъ Нѣмцамъ было желательно ввести за эту услугу опредѣленную таксу. Достигнуть этого удалось имъ, однако, далеко не вполнѣ. По договору 1269—1270 года, вознагражденіе лодочникамъ опредѣлено было только по отношенію къ однимъ харчамъ: на харчи лодочникъ, встрѣчавшій гостей въ р. Невѣ, получалъ 5 гривенъ кунъ или окорокъ, а выѣхавшій навстрѣчу въ Ладогѣ или выше—3 гривны или половину окорока. Чтоже касается до собственной платы за провозъ (pretium), то, если только она не подразумѣвалась подъ 5 гривнами кунъ, зависѣла отъ взаимнаго соглашенія [2]). Затѣмъ, даже на самыхъ русскихъ судахъ путешествіе было не

Любекъ: „dat gy bestellen, dat solke vart uth den Wendeschen steden, uth Prusen noch dorch Sweden nenerleye wiis geschee, und dat ok nene nederlage to Wyborgh, to Aboe noch in anderen steden gehalden werden, darna unspreklik vorderff den henseren an der kopenscop beschende wert". Тамъ же, II Abt., III, 50; II Abt., II, 588—9, 1443.

[1]) Bunge, U. B., I, 520, 1269; „Unn de lodieman, de gevuunen is to ter Nu un weder up, dhe schal hebben vor sine spise V marc cunen ofte enen baken (въ лат. изводѣ: quaelibet lodia accipiet pretium suum et pernam vel V marc cunen pro perna), is he gewunen van Nogarden wante tote Aldagen un veder up, III mark cunen ofte enen halven baken vor sine

совсѣмъ безопасно въ порожистой мѣстности Волхова. Поэтому, по прибытіи къ порогамъ они вдобавокъ должны были брать еще къ себѣ на суда искусныхъ лоцмановъ, которые бы могли безъ ущерба провезти товары чрезъ опасныя мѣста. Плату и этимъ лоцманамъ Нѣмцы хотѣли сдѣлать опредѣленною, предлагая въ проэктѣ договора 1269—1270 г., чтобы каждый лоцманъ за свой трудъ получалъ восемь кунъ или мордокъ или пару перчатокъ или, вмѣсто послѣднихъ, три мордки, всего, слѣдовательно, 11 мордокъ [1]). Но Новгородцы не приняли этого условія, а оставили вознагражденіе лоцманамъ по старинѣ имъ обычное. Какъ и на водномъ пути, Нѣмецкіе гости зависѣли отъ услугъ Новгородцевъ и на путяхъ горныхъ. Здѣсь имъ приходилось имѣть дѣло съ извозчиками, которые выѣзжали обыкновенно въ Нарву и Цельзе, особенно въ зимнее время. Взаимныя отношенія здѣсь совершенно неизвѣстны, но, по всей вѣроятности, и тутъ плата опредѣлялась обычаемъ, стариной. Болѣе успѣшны были хлопоты Нѣмцевъ относительно вознагражденія извозчикамъ и носильщикамъ (дрягилямъ), которые въ самомъ Новгородѣ перевозили или переносили выгруженные съ лодокъ товары въ гостинные дворы, находившіеся хотя и близко къ р. Волхову, однако не на самомъ берегу [2]). Плата этимъ извозчикамъ была строго опредѣлена и простиралась за провозъ клади съ берега въ Нѣмецкій дворъ до 15 кунъ, а въ Готскій—до 10; за вывозъ же съ Нѣмецкаго двора на суда равнялась полугривнѣ кунъ [3]).

---

spise (medietatem pretii et dimidiam pernam, vel III marc. cunen)". Ibid., I, 519, 1269: „Cum hospes lodias conducit in Nogardia, si lodiae occurrerint navibus in Nu, quaelibet lodia accipiet protium suum... Si venerit lodia in occursum mercatoribus in Aldagen vel in Wolcove minne, recipiet medietatem pretii et dimidiam pernam, vel III marc cunen. Quaecunque lodia cum allis tempore deputato".

[1]) Bunge, U. B., I, 519, 1269: „Hiidem vectores, cum ad tabernam pervenerint piscatorum, recipiant prutium suum, videlicet quilibet vectorum VIII capita martarorum et unum par maparum, III capita martarorum"..

[2]) Ibid., I, 520, 1269: „So venne de Dudeschen unn de Goten komet in der Volkov vore den Vorsch, so solen se de vorschkerle vorderen sunder letten, unde setten in ere Schepe vrome lude, und nemen von en, dat van oldere gewesen hevet"...

[3]) Ibid., I, 522, 1279: „De vorlude tote Nogarden scholen nemen van iewelker lodien up tote Nogarden to vorende van deme strande in den Dudesches hof XV cunen, unde in der Goten hof X kunen; van der utforinge to halver mark cunen van der lodien".

Говоря объ услугахъ, оказываемыхъ Новгородскими рабочими Нѣмецкому купечеству, мы до сихъ поръ имѣли въ виду только одну сторону дѣла. Но есть и другая, не менѣе любопытная. Дѣло въ томъ, что въ союзахъ этихъ рабочихъ мы впервые встрѣчаемся въ Русской исторіи съ настоящими артелями. Однѣ изъ нихъ относятся явно къ типу самостоятельныхъ артелей. Это тѣ, въ которыхъ для отправленія работы совсѣмъ не требовалось никакого капитала. Къ числу такихъ артелей относятся товарищества Волховскихъ лоцмановъ и, по всей вѣроятности, Новгородскихъ носильщиковъ (dregers, см. Hanser., II. Abt., II, 269, 1440). На присутствіе артельнаго начала въ первомъ товариществѣ указываютъ два обстоятельства: во 1-хъ, товарищество порожскихъ лоцмановъ представляется въ Нѣмецкихъ источникахъ имѣющимъ такую же организацію, какая господствуетъ въ самостоятельныхъ артеляхъ и нынѣ. На челѣ его является ольдерманъ или староста, который и служитъ посредникомъ между Нѣмецкимъ купечествомъ и лоцманами. Во 2-хъ, лоцманами, которымъ могло поручаться проведеніе судовъ съ товарами черезъ пороги, должны были быть люди добрые, обстоятельство, которое могло быть осуществимо только при взаимномъ контролѣ членовъ товарищества [1]). Что же касается до другихъ рабочихъ союзовъ, до товариществъ лодочниковъ и сухопутныхъ извощиковъ, то тутъ для отправленія промысла требовался капиталъ, необходимый для построенія лодокъ и пріобрѣтенія подводъ, а потому артельное начало тутъ подмѣтить нѣсколько труднѣе. Однако въ этихъ союзахъ оно должно быть предполагаемо почти несомнѣнно. Какъ показываютъ позднѣйшія извѣстія, въ составъ компаніи лодочниковъ производившей перевозъ Нѣмецкихъ товаровъ по Новгородскимъ водамъ, входили многія лица, жившія въ разныхъ городахъ земли, въ Орѣшкѣ (Нотебургѣ) и Новгородѣ. Въ началѣ XV вѣка къ числу лодочниковъ принадлежали братья Уске и Лука, жившіе въ Орѣшкѣ, Карпъ, жившій тамъ же, и Кузьма Царьковъ (Sarken), гражданинъ Новгорода [2]). Нѣтъ основанія предполагать, что этими

---

[1]) Bunge, U. B., I, 519, 1269; „Cum hospites hyemales venerint ad torrentem, qui dicitur Vorsch, intimabitur oldermanno vectorum, qui dicuntur vorschkerle, ut mane veniant ductores; et decoquetur eis ipso mane unum caldarium et non plus, quo decocto et expedito, dicti vectores sine dilatione expedient mercatores; nec aliqui assumentur in lodias, nisi viri robusti et idonei, per quos res hospitum conserventur“. Ibidem, I, 520: „unde setten in ere schepe vrome lude“...

[2]) Ibid., IV, 802, 1412: „dar hovet lude van sint Uske und

лицами и исчерпывалось все товарищество лодочниковъ. Напротивъ, запрещеніе грузить товары въ лодки этихъ лицъ, наложенное Нѣмцами на своихъ, показываетъ, что было еще множество другихъ, которые занимались тѣмъ же промысломъ и давали возможность обходиться безъ первыхъ [1]). Но артельный характеръ и здѣсь сказывался въ одномъ любопытномъ обстоятельствѣ: такъ какъ на встрѣчу иноземцевъ выѣзжало нерѣдко такое количество лодей, которое превышало запросъ на нихъ со стороны Нѣмцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ, ясно, должны были остаться въ рѣшительномъ убыткѣ. Но, благодаря артельному характеру промысла, этотъ убытокъ въ извѣстной степени устранялся. Лодочники обыкновенно запрашивали съ Нѣмцевъ такія цѣны, чтобы и самимъ не остаться въ накладѣ, да и получить возможность дать отступнаго товарищамъ, которымъ не удалось получить Нѣмецкой клади. Изъ дошедшихъ до насъ данныхъ можно видѣть, что размѣръ отступнаго равнялся полугривнѣ серебра съ каждой лодьи [2]).

А затѣмъ, самое право торговли Нѣмецкихъ гостей чуть-ли не было ограничено нѣкоторыми пунктами, главнымъ образомъ самимъ Великимъ Новгородомъ. Нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, гг. Ризенкампфъ и Бережковъ, полагаютъ, впрочемъ, что Нѣмцы не то чтобы не имѣли права торговать по всей Новгородской землѣ, а только не пользовались имъ, частію вслѣдствіе трудностей, которыя вытекали изъ незнакомства ихъ съ обширными равнинами сѣвера, частію же вслѣдствіе препятствій, которыя, безъ сомнѣнія, они должны были встрѣчать со стороны Нѣмецкаго купечества [3]). Однако, факты, приводимые въ

Luke, twe brodere, wonende tor Noteborgh, mit eren mede helpern Karpen, ok wonende tor Noteborgh, und Kuseman, Pauwel Tsarken broder, to Nouwerden wonnaftich".

[1]) Bunge, U. B., IV, 892, 1412: „Dar op de kopman ens geworden is in einer gemeinen, stevene dat... nummant... gud laden en sal in der Nu eder nergen"... Количество лодокъ, выставляемое каждымъ участникомъ артели, могло быть и различно: Кузьма Царьковъ обладалъ ими, напримѣръ, въ числѣ нѣсколькихъ (Bunge, IV, 821). Орудіемъ борьбы Нѣмцевъ противъ стачки Новгородскихъ лодочниковъ и купечества было занесеніе на лѣстницу или на вѣсы. Интересный въ этомъ отношеніи случай съ упомянутымъ Кузьмою Царьковымъ. (См. рецензію проф. Никитскаго па соч. Бережкова, стр. 47—48).

[2]) Bunge, U. B., IV, 815, 1412(?): „Vort so maken de Russen gesette in der Nu mid den lodegen, wo se willen, so mote wi en geven, und de lodege, de up varen, de moten illik $1/2$ stucke geven den, de dar leddich liggende bliven".

[3]) Riesenkampf, „Du deutsche Hof zu Nowgorod". Бережковъ, „О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка", стр. 156.

подтвержденіе этого мнѣнія, ни мало не свидѣтельствуютъ въ пользу его вѣроятности. Начать съ того, что оба изслѣдователя невѣрно толкуютъ свидѣтельство латинскаго извода грамоты 1269—1270 года, неправильно выводятъ изъ него, что якобы Нѣмцы предлагаютъ въ немъ поборъ въ пользу церкви св. Пятницы съ купцовъ, которые ѣздили для торговли въ глубь Новгородскихъ владѣній. Сличеніе латинской редакціи съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ Нѣмецкой показываютъ ясно, что вознагражденіе предлагалось не на тотъ случай, когда бы Нѣмецкіе купцы торговали въ Новгородской области, а на тотъ, когда бы Новгородцы позволили иноземнымъ гостямъ, прибывавшимъ къ нимъ горой (такъ, очевидно, слѣдуетъ понимать слова: „hospes, veniens de superioribus partibus terrae"), ѣхать назадъ не тѣмъ же путемъ, какъ обязывалъ раньше обычай, а моремъ, на Готландъ [1]. Ущербъ, который причинялся этой уступкой Новгородцамъ, падалъ исключительно на Новгородское Заморское купечество, возившее мѣстные товары на Готландъ, а потому со стороны Нѣмцевъ было совершенно естественно задобрить заморское товарищество св. Пятницы. Подобнымъ образомъ Ризенкампфъ неправильно толкуетъ и постановленіе Нѣмецкаго двора отъ 1338 года, по которому сухопутный гость, прибывавшій въ Новгородскую контору изъ Руси, долженъ былъ платить такой же налогъ, какой шелъ съ гостя, прибывавшаго изъ Нѣмецкой земли [2]. Какъ ясно съ перваго взгляда, дѣло идетъ тутъ не о Нѣмецкихъ купцахъ, торговавшихъ внутри Новгородской земли, а только о такихъ иноземцахъ, которые являлись въ Новгородъ не прямо изъ Нѣмецкихъ городовъ, а чрезъ какую-либо иную Русскую область, напримѣръ, чрезъ Псковъ или Полоцкъ. Что же касается до соображеній г. Бережкова, то они не всегда даже относятся къ дѣлу. Г. Бережковъ, напримѣръ, увѣряетъ, что якобы по Нѣмецкой редакціи договора 1269—1270 года, Нѣмецкіе гости могли безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ всюду, куда простирается господство Новгорода. А между тѣмъ для непредубѣжденнаго взгляда ясно, что договоръ говоритъ только о бе-

---

[1]) Bunge, U. B., I, 525, 1269: „Si hospes veniens de superioribus partibus terrae versus Gotlandiam ire voluerit, dabit ecclesiae sancti. Vridach marcam argenti, non plus". Тамъ же, I, 526, 1266: „So we bi der Nu comet, de sal bi der Nu weder varen, comet he bi lande, bi lande sol he weder comen sunder hindernisse".

[2]) Тамъ же, VI, 502, 1338: „De lantvare, de van Ruscen ut komet, de scolen sceten sodan schot, alse de dot, de van Dudischen lande ut komet, mer met des koninges scote ne hebbet se nicht to donde".

зопасномъ возвращеніи Нѣмцевъ домой, о томъ, именно, что, въ случаѣ войны Новгорода съ сосѣдями, гости безпрепятственно могутъ ѣхать горой и водой до самой границы Новгородскихъ владѣній [1]. Подобнымъ образомъ и статью о поручительствѣ, гласящую, что если поручитель находится внутри страны, т. е. „сколь далеко господство Новгорода сюда простирается", то онъ долженъ быть представленъ въ теченіи 14 дней, слѣдуетъ понимать не такъ, чтобы онъ могъ быть въ любомъ краю Новгорода, а только такъ, что онъ могъ находиться на прямомъ или обратномъ пути въ Новгородской землѣ [2].

Ограничивая торговую дѣятельность иноземцевъ однимъ главнымъ городомъ, Новгородцы и въ предѣлахъ послѣдняго далеко не давали имъ полной свободы. Новгородъ обладалъ слишкомъ многочисленнымъ купечествомъ и вдобавокъ еще привыкшимъ къ широкой дѣятельности по всей русской землѣ, чтобы онъ могъ отказаться отъ выгоднаго посредничества между Западомъ и Востокомъ. Вслѣдствіе этого торговля имѣла въ немъ характеръ оптовой торговли, въ которой съ одной стороны стояли Нѣмцы, какъ представители Запада, съ другой же —мѣстные купцы, какъ представители древней Руси. Оптовый характеръ Новгородской торговли сказывался въ томъ обстоятельствѣ, что Великій Новгородъ дозволялъ иноземнымъ купцамъ торговать съ гостями другихъ русскихъ земель не иначе, какъ при посредствѣ самихъ Новгородцевъ, или, по техническому выраженію, между Нѣмцами и пріѣзжими гостями разныхъ русскихъ земель долженъ былъ ходить свой братъ Новгородецъ [3]. Дѣло происходило по всей вѣроятности такъ, что изъ среды Новгородскаго купечества избиралось нѣсколько особыхъ посредниковъ, маклеровъ, которые и вели торговыя сдѣлки между иноземными и иногородными купцами по со-

---

[1]) Bunge, U. B., I, 524—6, 1269: „Schut en twist (orloge) tusgen den londen un den Nogarderen, de en gelegen sint, so schal de gast varen ungehinderet þi watere un be lande, al so wit al so de walt is dere Nogardere".

[2]) Ibid., II, 420, ok. 1250: „Binnen londes heitet also verre, alse der Nogarder herscop wendet hervart; buten londes heitet van der... wente to Rige und over al Eistlande; over see, dat sint de lande, de of des sit ligget".

[3]) Ibid., VI, 339, 1405: „А с Новьгородци Немецьвому купцю торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину: занеже насъ Новьгородци не пустятъ у Немечькии дворъ торговати безъ своего Новьгородца". А. З. Р. II 52, 1440.

глашенію съ мѣстнымъ купечествомъ. Цѣль такого порядка заключалась въ двухъ выгодахъ: будучи обязаны торговать не иначе, какъ чрезъ Новгородцевъ, иногородные гости, естественно, не могли никакъ сбивать цѣнъ въ ущербъ туземцамъ; а затѣмъ, временами Новгородцы скупали у иногородныхъ гостей тѣ товары, которыхъ перепродажа въ измѣненномъ видѣ могла быть для нихъ выгодна. Такъ поступали они, напримѣръ, съ мѣхами [1]). Какъ то-бы ни было, этого правила Новгородцы держались такъ строго, что исключенія не дѣлали даже для своихъ князей: и тѣ въ торговлѣ съ Нѣмцами должны были дѣйствовать чрезъ Новгородцевъ. Начиная съ договора 1270 г. запрещеніе непосредственныхъ сношеній съ Нѣмцами составляетъ одно изъ важнѣйшихъ положеній ихъ трактатовъ съ великими князьями вплоть до паденія независимости [2]). Ризенкампфъ, который впервые коснулся Нѣмецкой стороны Новгородской торговли, полагаетъ, что такое ограниченіе правъ Заморскихъ гостей не имѣло большого значенія, такъ какъ якобы жители отдаленныхъ Новгородскихъ провинцій не привозили въ Новгородъ своихъ товаровъ, а передавали ихъ Новгородскимъ купцамъ на мѣстѣ, число же княжескихъ бояръ, которые имѣли возможность вести торговлю въ Новгородѣ, было крайне незначительно. Намъ кажется, однако, замѣчаніе это совершенно несправедливо. Конечно, число княжескихъ бояръ было незначительно; однако и они, являясь изъ болѣе производительныхъ краевъ, всегда могли подрывать торговлю Новгородскую. Главное, однако, заключается въ томъ, что Новгородъ посѣщали не одни княжескіе бояре, не одни жители его областей, но и въ весьма значительномъ числѣ жители другихъ русскихъ земель, иногда очень отдаленныхъ; а тогда дѣло получаетъ совершенно иной видъ. Когда въ 1424 году два Нѣмца выдумали было купить у Литвина мѣха, то тотчасъ явились Новгородцы и повлекли ихъ на судъ къ св. Іоанну, гдѣ виновники и были присуждены къ заключенію въ оковы. Когда же затѣмъ, по взятіи арестованныхъ на поруки, Нѣмцы требовали отъ тысяцкаго разъясненія, то тотъ сославшись на недавно взаимное подтвержденіе руководствоваться во всемъ

---

[1]) Bunge, U. B, VII, 86, 1424: „so wetet dat de olden und jungen van den Russen ghan to den gesten, de hir komen, und kopen dat wert ut der summen van gude, dat graweste utgelesen by 1 eder by twen, und lesent ut by vellen und kerent ume“.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, 4, 1270: „А въ Немецькомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиею“. А. А. Э., I, 64, 1470—71: „а гостю твоему (Казимира IV) торговати съ Нѣмци нашею братьею“. Bunge, U. B., VII, 65, 1424.

стариною, отвѣчалъ, что изъ старины нельзя торговать съ Литовцами, и что Новгородцы не сдѣлаютъ отступленія отъ этого правила. Что же касается до другого явленія, которое свидѣтельствуетъ о существованіи оптовой торговли, до запрещенія розничнаго торга иноземныхъ гостей, то, кажется, такого запрещенія въ древнѣйшій періодъ не существовало, а оно возникло въ послѣдующіе вѣка. По крайней мѣрѣ изъ постановленій конторы извѣстно, что уже на самомъ дворѣ въ клѣтахъ ученики двора продавали по мелочамъ нѣкоторые товары. Такъ, они могли продавать: перчатки парами, крашеную пряжу на фунты, полотна и грубыя сукна, сѣру—на гривенки, иголки—на дюжины и сотни, четки — полудюжинами, сафьянъ — на фунты, пергаментъ—полусотнями [1]). Кромѣ того, изъ позднѣйшихъ жалобъ на Новгородцевъ видно, что Нѣмецкіе гости могли ходить по улицамъ города и заниматься тамъ въ первоначальное время мелочной торговлею, перебираясь изъ одного дома въ другой [2]).

Что касается характера собственно торговли Нѣмцевъ съ Русскими, то въ строгомъ смыслѣ торгъ долженъ быть по справедливости названъ мѣновымъ. На это указываютъ какъ имена торговыхъ сдѣлокъ, такъ и самый родъ ихъ. Торговыя сдѣлки характеризуются въ памятникахъ названіями butinge, umme stach, а эти выраженія обозначаютъ ни болѣе, ни менѣе какъ мѣну [3]). А затѣмъ къ тому же заключенію приводитъ и самый родъ сдѣлокъ. Древніе памятники показываютъ намъ несомнѣнно, что при торговыхъ операціяхъ всегда одни товары непосредственно мѣнялись на другіе: медъ—на воскъ, сукно—на мѣха и т. п. [4]). Причины такого явленія заключаются въ

[1]) Bunge, U. B., VI, 135, 1346: „V. de jungen in den kleten solen vorkopen, bi par hanschen, blave hann bi punden, und min nicht; spinsal, evant, watmel, al dat men met, bi halven repen und min nicht: zwevel bi griwenicken und also danich dinch; Dut natelen bi duseden, Lubesche natelen bi hunderden, pater nosteri bi kleinon dosinen; rotlasch bi kunen; perment halven hunderden".

[2]) Ibid., IV, 833, 1413 (?): „Item dat de Dutschen nicht mogen dan plucken, also se van oldinges gedan hebben. Item dat den Dutschen dat ere genomen werd uppe der word und uppe der vryen strate".

[3]) Ibid., IV, 341, кон. XIV вѣка: „so sint hir (Reval) vele Russen, und se liggen hir in eren drunken, und se wilt eer werk nicht min geven, wen XVII stucke an butinge". Тамъ же, V, 10.

[4]) Ibid., IV, 720, 1410: „alse umme de troinisse to vriende, de Berend van Wreden in dem selven jare to voren gekopslaget hadde nuit Russen umme solt, de kopman hir bekummerthadden"...

господствѣ натуральнаго хозяйства, при которомъ предметы неизбѣжно мѣняются непосредственно одинъ на другой. Хотя въ Западныхъ городахъ и замѣчаются уже нѣкоторыя проявленія денежнаго хозяйства, но и въ нихъ непосредственная мѣна играла весьма важную роль. Во Фландріи еще въ началѣ XV столѣтія торговля имѣла характеръ простой мѣны, мѣха обмѣнивались на сукно и если это явленіе и возбуждало противъ себя неодобреніе Ганзейскаго купечества, то не потому, чтобы это было необычнымъ дѣломъ, а только потому, что къ сдѣлкамъ примѣшивался кредитъ, а кредитъ Ганзейцами преслѣдовался строго [1]. Подобнымъ образомъ, въ Лифляндскихъ городахъ еще во 2-й половинѣ XV столѣтія мѣновая торговля была обыкновеннымъ явленіемъ. Отражая обвиненіе со стороны згодерзейскихъ городовъ, Рижане ссылаются на то, что послѣднимъ отнюдь не запрещено въ ихъ городѣ продавать и мѣнять, и пріобрѣтать въ замѣнъ своихъ товаровъ все, что угодно [2]. Но если уже въ самой Западной Европѣ мѣновая торговля имѣла еще обширное поприще, то еще болѣе основаній длить свое существованіе она имѣла на Руси. Съ одной стороны тамъ не было достаточнаго количества благородныхъ металловъ, чтобы они могли сдѣлаться общимъ средствомъ мѣны; они были слишкомъ рѣдки, чтобы на нихъ однихъ можно было основывать цѣну всѣхъ прочихъ товаровъ. Какъ недостаточно было количество золота и серебра въ древней Руси, всего яснѣе видно изъ Смоленскаго договора 1227 года съ Ригою и Готландомъ. Въ этомъ договорѣ постановляется именно, что Нѣмецкій гость при покупкѣ благородныхъ металловъ долженъ былъ давать вѣсовщику нѣкоторую пошлину, а въ случаѣ продажи ихъ совсѣмъ освобождался отъ послѣдней, и что при уплатѣ серебромъ въ пользу купца дѣлалась уступка съ каждой гривны по Смоленской мордкѣ [3]. Съ другой стороны благородные металлы были мало приспособлены на Руси къ потребностямъ мѣны. Въ первыя два столѣтія иноземной торговли золото и серебро скорѣе имѣли характеръ не столько мѣрила цѣнности, сколько товара и потому

---

[1]) Bunge, U. B., V, 534, ok. 1420: „etliken unsen vrunden hir (Rit ga) gescreven is ud Vlandern van eren vrunden, wo dar ene butinge upgestan si, also dat men vorbutet werk umme want, dat vort gehotden werto nut und profite der Vlaminge".

[2]) Hanserec., III Abt., I, 67, 1478: „mogen see hir vorkopen und vorbuten und mogen dar voer hir wedder koppen dat en geleveth uth dem lande to schepende"...

[3]) Русско-Ливонскія Акты, изд. Куника. Приложеніе 1.

сами продавались обыкновенно на вѣсъ. Что же касается до господствовавшей въ древней Руси кунной системы, то она представляла весьма недостаточный замѣнъ, такъ какъ шкурки, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ потребленія, должны были постоянно подвергаться значительнымъ колебаніямъ. Это неудобство, въ соединеніи съ другими недостатками, не позволяли имъ никогда стать вполнѣ на мѣсто настоящихъ денегъ.

Не смотря на выразительный мѣновой характеръ торговли, и другія формы обмѣна имѣли въ ней всегда нѣкоторое значеніе. Вопреки запрещенію, наложенному конторой, въ торговлѣ значительнымъ распространеніемъ пользовался кредитъ. Какъ и естественно, кредитъ въ древности имѣлъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ въ настоящее время. Появленіемъ своимъ онъ обязанъ былъ не признанію въ немъ лучшей, высшей формы обмѣна, а единственно неотступной нуждѣ. Къ нему прибѣгали только вслѣдствіе временнаго недостатка капитала. Обыкновенной формой, въ которой совершались сдѣлки въ кредитъ, была та, что за товаръ, купленный въ одномъ мѣстѣ, уплата слѣдовала обыкновенно въ другомъ и при томъ черезъ нѣкоторое время. Такъ, напримѣръ, случалось, что за товаръ, взятый въ Новгородѣ, уплата слѣдовала въ Дерптѣ или Нарвѣ. Но чаще всего обороты совершались исключительно въ предѣлахъ Лифляндскихъ городовъ, которые вообще были ареной кредитныхъ сдѣлокъ. Такъ, напримѣръ, товаръ покупался у Русскихъ въ Нарвѣ, а уплата по нему слѣдовала не въ Нарвѣ, а уже въ Ревелѣ [1]). Какъ кредитъ обыкновено оказывался въ товарахъ, такъ и уплата по нему слѣдовала также въ товарахъ. Такъ, напримѣръ, за воскъ или мѣха, полученные отъ Русскихъ въ опредѣленномъ количествѣ, Нѣмцы обыкновенно обязывались поставить въ извѣстное время медъ или соль, также въ опредѣленномъ размѣрѣ. Срокомъ, въ который обыкновенно производилась уплата по кредитнымъ обязательствамъ, была, кажется, преимущественно весна, какъ время, въ которое, съ начатіемъ навигаціи, оживлялось торговое движеніе и, такимъ образомъ, получалась возможность удовлетворить условіямъ кредита [2]). Рискъ, съ которымъ сопряжена была временами такая по-

---

[1]) Bunge, U. B, IV, 338, ok. 1440: „und Brakel beclaget sik, dat he oppe dat honnech alrede gekopslaget und was entfangen hevet dar op van den Russen, und de Russen sin to Narwe nnd willen dat honnech van em hebben"...

[2]) Ibidem, V, 325, 1418: „Item wetet... dat kopenschop binnen Kort gevallen is in den steden, sunderlinges to der Narwe, und dat

ставка товаровъ, принимали на себя или Русскіе, или же Нѣмцы, смотря по предварительному взаимному уговору [1]). Развитіе торговли въ кредитъ, не чуждое нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ слѣдствій для Нѣмецкаго купечества, было встрѣчаемо имъ всѣмъ неодобрительно и это неодобреніе выражалось все въ болѣе и болѣе строгихъ запретительныхъ мѣрахъ. Чтобы подорвать торговлю въ кредитъ, еще въ 1318 году было положено, чтобы въ Новгородѣ отнюдь не покупались или брались въ кредитъ товары съ условіемъ оплаты ихъ въ Дерптѣ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ [2]). Въ 1366 году высказано общее правило, чтобы Нѣмцы въ Новгородской конторѣ торговали не иначе, какъ немедленно же производя уплату за взятые товары [3]). Что же касается до отдѣльныхъ купцовъ, то тѣ, несмотря на возможность лишиться права торговли, по прежнему продолжали торговать въ кредитъ, брали товары съ обязанностью уплатить въ извѣстный срокъ и даже придумали себѣ новый способъ обходить постановленія Новгородской конторы. Они стали заключать именно въ Новгородѣ сдѣлки, по которымъ обѣ стороны обязывались въ извѣстный срокъ ставить въ извѣстномъ мѣстѣ, какъ напримѣръ, въ Нарвѣ, условленные товары и затѣмъ уже обмѣнивали ихъ, сообразно требованіямъ постановленій, наличное на наличное, rede umme rede [4]). Купечество, однако, смот-

---

dar de Duschen van den Russen hebben untfangen was, und de Russen solen van den Duschen to Revale to vorjaren dat solt weder vor untfan". Ср. V, 331.

[1]) Bunge, U. B., IV, 340, ok. 1400: „Weret over, dat de Russen wolden dat wi (Reval) en gud solden leveren in de Nue uppe er eventuer edder up dat unse, dat wi dat doen mochten. Wolden de sendeboden der stede hir nicht to, so duchtet mi beter wesen... dat men den borch mit allo los sloge und malk sin eventur stunde, do mede dat wi unses gudes bruken mochten, also wi best kunden".

[2]) Ibid., VI, 73, 1318: „neman to Novgarden gut kopen, noch borgen ne sal, to Darbete noch anderswar to betalene, wan dar, dar dat gut gekoft is"... Hanser., II Abt., I, 412, 1435.

[3]) Hanserec., I Abt., I, 336, 1356: „nullus mercator Teutonicus debet emere a Ruthenis aut eis vendere aliqua bona ud mutuum, nisi dans promptum pro promto"... Hanserec., II Abt., III, 451, 1435.

[4]) Hanserec., II Abt., II, 342. Bunge, U. B., IV, 550—1, 1400: „und des gelik hevet Bernt van Anklem ok gekopslaget und sint eres kopes eins geworden binnen Novgarden an beiden siden up eine bescheden summe der varwe (Farbe?) und der laken, dat werk to untfaende van den Russen to der Narve, und des gelik dar deme Russen dat wan wedder to leverende"..

рѣло неодобрительно и на такой образъ дѣйствія своихъ отдѣльныхъ членовъ и, въ качествѣ перекупки, барышничества, объявляло одинаково незаконнымъ, какъ и торговлю въ кредитъ, и подвергало попавшихся въ такой куплѣ суровымъ наказаніямъ [1]). Однако уже Лифляндцы эти постановленія признавали не иначе, какъ съ извѣстными ограниченіями. Такъ они не считали за торговлю въ кредитъ, когда подобныя сдѣлки совершались въ Лифляндскихъ городахъ на материкѣ. Да и на морскомъ пути всегда поставка товаровъ шла черезъ Зуль [2]).

Предметы, подлежащіе мѣнѣ, опредѣлялись частію природными условіями, частію же культурнымъ состояніемъ торговыхъ сторонъ. Со стороны Нѣмцевъ торговыми статьями только въ незначительнной долѣ были продукты первоначальной производительности. Они относились отчасти къ земледѣлію и еще болѣе къ горнозаводству съ солевареніемъ. Изъ продуктовъ земледѣлія на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ хлѣбъ. Какъ, однако, ни сильна была у Новгородцевъ потребность въ хлѣбѣ, подвозъ его Нѣмцами имѣлъ только временное значеніе: хлѣбъ шелъ отъ Нѣмцевъ только тогда, когда неурожай въ самой Новгородской землѣ соединялся съ подобнымъ же неурожаемъ въ другихъ краяхъ Руси или же когда раздоръ съ Великими князьями дѣлалъ невозможнымъ восполненіе домашняго недочета произведеніями сосѣднихъ земель и по неволѣ заставлялъ прибѣгать къ содѣйствію иноземцевъ. Руководясь коммерческими соображеніями, иноземные купцы всегда не прочь были помочь Новгородцамъ въ ихъ затрудненіяхъ и, какъ показываетъ примѣръ 1228 года, дѣйствительно,

---

[1]) Hanserec., III Abt., I, 52, 1477: „is vor uns (представителей Лифляндскихъ городовъ въ Валкѣ) gekomen Harman Rodenberg, de to Nougarden gekopslaget hadde mit eme Russen umme ene benomde zumme opene zeeker tit beide gudere tor Narwe vor ogen to stellen unde een gud tegen dat andere aldar rede over to leveren, deshalven hic to Nougarden van den hoven gewiist is. So hebben wii irkand, sulke copenschop vorkoip unde unwonlik to sin unde nicht to borge, unde vorvaren, dat mer koiplude dar mit besmittet zin, vormenen dar mit nicht enjegen to gaen den recessen etc“.

[2]) Hanserec., I Abt., V, 76, 1402: „neman, he zy gast edder borger, mit den Russen to borge coepslagen en zal anders dan rede umme rede, uth genomen wes malk hevet hir in dessen Liifflandeschen steden up dragen lande, des mach he bruken, wend wy des vor nynen borchkaep en holden. Ok en zal nemand den Russen gued leveren to waterwege anders dan over den Zul“.

временами оказывали имъ серіозную помощь [1]). Но сосѣдніе Нѣмецкіе владѣтели, гохмейстеры и орденмейстеры, не опускали случая чтобы изъ Новгородскихъ затрудненій добыть себѣ какія либо политическія выгоды. Когда именно въ 1446 году орденмейстерь узналъ, что Новгородцы терпятъ страшную нужду вслѣдствіе недостатка хлѣба, то, чтобы скорѣе смирить Новгородъ, не только запретилъ всякій подвозъ туда хлѣба, не только выставилъ на Невѣ нѣсколько судовъ, долженствовавшихъ задерживать купцовъ, осмѣливавшихся нарушать это запрещеніе, но и ходатайствовалъ чрезъ гохмейстера у Любека, чтобы запрещеніе было распространено на все купечество [2]). Не менѣе земледѣльческихъ Новгородцы нуждались и въ тѣсно связанныхъ съ ними продуктахъ скотоводства. Но затрудненія въ полученіи ихъ были врядъ-ли еще не большія. Конечно, нельзя не сознаться, что Нѣмцы допускали охотно продажу въ Новгородѣ рогатаго скота; но что касается до лошадей, въ которыхъ такъ нуждались Новгородцы, то Нѣмцы смотрѣли на торговлю ими крайне неодобрительно. Какъ видно Остзейскій край самъ былъ весьма бѣденъ этой статьей, такъ какъ Нѣмцы опасались, что съ дозволеніемъ свободной торговли вся земля останется совсѣмъ безъ лошадей [3]). Поэтому неудивительно, что они дозволяли продавать Русскимъ только такихъ лошадей, которыя стоили не больше двухъ марокъ и, по всей вѣроятности, были весьма плохаго качества. Вывозъ же лошадей, стоившихъ 3, 4 или 5 марокъ, положительно воспрещался [4]). Если же такія лошади были покупаемы въ Остзейскомъ краю самими Русскими, то онѣ отбирались, и собственники ихъ должны были возвращать покупщику заплаченныя ими деньги [5]). Въ своихъ городахъ Нѣмцы не позволяли даже иноземцамъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 48, 1231: „Прибѣгоша Нѣмьци изъ Заморія съ житомъ и съ мукою, и створиша много добра".

[2]) П. С. Р. Л., IV, 124, 1446. Hanserec., II Abt., III, 120, 1446.

[3]) Bunge, U. B., V, I, 1414: „Weret dat wi des nicht vorbeden und sturen wolden.. so wurden de lande van perden ganz vorblotet".

[4]) Ibid., IV, 778, 1411: „Wi (О. Мейстеръ) bidden juwer bescheidenheit to weten, dat uns de voged tor Narwe berichtet heft, wo dat de kompan vaste perde udfore, doch nicht na der olden wonheit, de is, dat men neine betere perde, den wan twen marken, und mit des kompthurs breve, udforen sall. Nu foren se perde van III, van IV effte, van V marken ud".

[5]) Ibid., IV, 864, 1413: „Und wi (о Мейстера) hebben deme vogede tor Narve bevolen, is dat dar imand van Russen perde brenget sunder des kompthurs teken, deme sal he de perde nemen, und de jene, de deme Russen dat pert vorkoft heft, de sal eme sin gelt weddir geven".

продавать Русскимъ лошадей. Когда въ 1420 году пріѣхали въ Нарву нѣсколько Шведовъ съ 8 лошадьми и 5 коровами, то Нѣмцы сообщили имъ, что лошадей можно продавать только самимъ Нѣмцамъ или Эстамъ, но отнюдь не Русскимъ; и когда тѣ, не обративъ на это вниманія, тайно продали ихъ Русскимъ, то подверглись за этотъ поступокъ заключенію [1].

Болѣе важное значеніе имѣли въ торговлѣ продукты горнозаводства. Но и здѣсь увеличиванію подвоза мѣшали посторонніе побужденія. Свободному подвозу въ Новгородъ драгоцѣнныхъ металловъ мѣшало стремленіе Нѣмцевъ удержать за торговлею мѣновой характеръ. Поэтому, со стороны отдѣльныхъ городовъ нерѣдко возбуждался вопросъ, не слѣдуетъ ли наложить запрещеніе на торговлю въ Новгородѣ золотомъ и серебромъ [2]). На ввозъ въ Новгородъ желѣза и мѣди сосѣди смотрѣли какъ на средство усиленія Русскихъ и потому, по мѣрѣ силъ, старались препятствовать такому ввозу. Уже Шведы дозволяли Нѣмцамъ производить торговлю только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они отнюдь не возили въ Россію оружія, желѣза и стали [3]). Но и сами Остзейскіе Нѣмцы относились неблагопріятно къ ввозу желѣза, такъ что купцы должны были прибѣгать къ разнаго рода ухищреніямъ, чтобы удовлетворить потребность Новгородцевъ. Такъ они нагружали желѣзомъ бочки изъ-подъ сельдей и подъ видомъ этого товара привозили въ Русь требуемый металлъ [4]). Но, не смотря на всѣ ограниченія, продукты горнозаводства всетаки достигали Россіи. Кромѣ желѣза, туда шли мѣдь, олово и свинецъ, а изъ минераловъ—краски

---

[1]) Bunge, U. B., V, 587, ok. 1420: „do seide to en (Шведамъ) unse dener... de perde moge gi vorkopen den Dutschen eft den Eesten.. und den Russen nicht... dat quick (коровъ) vorkopet wor gi willet“.

[2]) Hildebrand, U. B., VII, 261, 1425: „Unde off juwer ersamicheit (Ревелю) nutte dunekat, deme copmanne to Nougarden to seryvende, weret dat dar we das hastigen queme mit jenigen Kosteln duderen, dat were galt, zalvere edder Welkerhande dat were, dat se dat bekummerden to der stede zeggent“...

[3]) Bunge, U. B., I, 701, 1295: „quod nullus de memoratis civitatibus, ad Ruthenos navigans, arma, ferrum, calibem vel expensas quascunque, nisi pro usibus personae propriae, secum ferre praesumat“...

[4]) Ibid., IV, 112, 1396: „Wetet... dat gi (Reval) hebben itteswelke borgere und geste, de to Revele to holden und slaen isern und spilet dat in heringes tunnen und voret dat to Darpete to sterkinde unser vyende“.

Изъ нихъ олово получалось изъ Англіи, мѣдь—изъ Швеціи, желѣзо—изъ Богеміи и Нидерландовъ, а свинецъ, доставлявшійся на востокъ чрезъ Брюгге и Антверпенъ,—изъ Испаніи [1]. Мы имѣемъ мало данныхъ, чтобы судить о количествѣ ввоза этихъ металловъ; но должны предполагать, что ввозъ былъ значителенъ, такъ какъ Новгородцы сильно нуждались въ мѣди для колоколовъ, а въ оловѣ и свинцѣ—для устройства, между прочимъ, церковныхъ крышъ. Если при подвозѣ металловъ имѣли вліяніе опасенія усиленія Новгорода, то при ввозѣ соли дѣйствовали иныя соображенія. Хотя въ Великомъ Новгородѣ и не недоставало попытокъ къ туземной выработкѣ соли; тѣмъ не менѣе количество домашней соли, какъ мы видѣли раньше, было недостаточно и ее никогда не хватало для удовлетворенія всѣхъ собственныхъ нуждъ, и подвозъ ея изъ чужбины былъ поэтому неизбѣженъ. А такъ какъ тутъ дѣло шло объ удовлетвореніи одной изъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, то иноземное купечество могло пользоваться этой статьей, какъ средствомъ вліять на снисканіе для себя въ Новгородѣ благопріятныхъ условій. Подобную услугу оказывала имъ уже другая статья, именно хлѣбъ, но это было только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда Новгородъ не могъ достать хлѣба съ юговостока. Напротивъ, подвозъ соли давалъ возможность оказывать давленіе на Новгородцевъ въ любое время, такъ какъ соль подвозилась къ нимъ единственно изъ-за границы. Какъ то бы ни было, но въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій между торгующими сторонами Нѣмецкіе города тотчасъ же начинали списываться другъ съ другомъ, прося взаимно о рѣшительной пріостановкѣ соли, въ вѣрной надеждѣ, что такая остановка непремѣнно понудитъ Новгородцевъ къ желательной уступчивости [2]). Затрудненія въ подвозѣ соли были, однако, только въ исключительныя времена. Обыкновенно же ее навозилось много, и Нѣмцамъ приходилось съ этой статьей переживать много треволненій. Какъ и при ввозѣ другихъ статей, Нѣмцы хлопотали объ исключительномъ сосредоточеніи въ своихъ рукахъ и торговли солью. Въ особенности же они заботились о томъ, какъ бы привезенная ими соль не залежалась безплодно въ соляныхъ амбарахъ Готскаго двора. Напротивъ, Новгородцы не пренебрегали всякими средствами, чтобы освободиться отъ опеки Нѣмцевъ въ подвозѣ такой важной жизнен-

[1]) Bunge, U. B., VI, 105, 1333: „neman deme wegere scal geven copper noch tin edder bly, noch nerleige gut, dat de Russen entfaet van den Duschen, uppe des koninges schale“. Bunge, U. B., IV, 551.

[2]) Hanserec., II Abt., I, 507, 1436. Bunge, U. B., IV, 337, 1440.

ной статьи. Они не отказывались выставлять препятствія, когда дѣло заходило о поправленіи соляныхъ амбаровъ [1]). Въ особенности же они хлопотали о томъ, какъ бы избавить себя отъ лишнихъ посредниковъ. И это имъ, въ значительной долѣ, удавалось: они не безъ успѣха пріобрѣтали соль въ городахъ Остзейскаго края и этимъ путемъ достигали того, что Нѣмецкая соль въ амбарахъ Готскаго двора оставалась безъ всякаго движенія [2]). Не менѣе важенъ былъ и другой путь получать соль въ Новгородѣ болѣе прямымъ путемъ. Вслѣдствіе неблаговоленія купечества въ торговлѣ солью въ Остзейскомъ краѣ, тамошніе торговцы предпочитали продавать ее Новгородцамъ на Невѣ, куда они отвозили соль подъ предлогомъ необходимости солить ловимую тамъ рыбу [3]). Иногда же случалось, что наравнѣ съ другими товарами соль привозилась изъ Данцига въ Выборгъ, а оттуда въ Неву и такимъ образомъ доставалась въ руки Новгородцевъ [4]). Находившаяся въ торговомъ обращеніи соль получалась частію изъ Испаніи (Лиссабонская), частію же изъ Франціи (Байская) и Даніи (Ринерская) [5]).

Какъ мы уже замѣтили, произведенія первоначальной производительности играли второстепенную роль въ иноземномъ ввозѣ въ Новгородъ; главная же принадлежала произведеніямъ западной индустріи. Между продуктами послѣдней первое мѣсто въ ввозѣ выпадало на долю различнаго рода суконъ. Количество послѣднихъ временами было такъ велико, что рынокъ переполнялся ими и возникало опасеніе, какъ бы съ прибытіемъ слѣдующаго транспорта цѣны совсѣмъ не

---

[1]) Bunge, U. B., 180, 1416: „und ik duchte, dat se uns epper Goten hove ok wedderstalt doen scholen, achter den solt schnnen, und deisen wedderstalt doet uns dat mestendeel koplude".

[2]) Ibid., 430, 1403: „in welker utscrift nicht sunderlinges is, utgenomet van deme sotte, dat hir (въ Новгородской конторѣ) doch in groteme schaden licht, wente aldewile dat de Novgardere dat sott in juwen steden halen mogen, so achten se desses soltes nicht, dat herr gekomen is up de olden wonheit".

[3]) Ibidem., V, 96, ok 1415: „Vorder scrif gi uns (Ревель—Нарвѣ), dat gi vornomen hebben, dat hir vele soltes solde utgevoret wesen to der Nuw wort. Des wetet, dat hir ken solt anders utgevoret wart, den de stoervengers behoften to erer notraft to brukende". Тамъ же, V, 97, 1415.

[4]) Ibid., V, 97, ok 1415: „ok so segen etlike van unsen borgers, dat dar schepe quemen van Danzeke met heringe und met solte, und ok ander ware to Wyborch, dat lik wol up den Russen komen is".

[5]) Ibid., VI, 381—2; IV, 446, 1403.

упали. Такъ, въ 1410 году на Нѣмецкомъ дворѣ имѣлось въ запасѣ 200 полукипъ (терлинговъ) сукна, а это, если считать въ полукипѣ 17 поставовъ (лакеновъ) сукна, будетъ равняться 3,400 поставамъ или,—такъ какъ поставъ содержалъ въ себѣ 37 аршинъ,—125,800 аршинъ сукна[1]). Лучшія сукна поставлялись въ Великій Новгородъ Англіей и Фландріей. Какъ высоко цѣнились Англійскія сукна, показываетъ то обстоятельство, что ввозить ихъ позволялось даже рѣзанными кусками, преимущество, которымъ не пользовался ни одинъ другой родъ суконъ[2]). Такъ какъ, однако, Англичане вообще были устраняемы отъ участія въ Новгородской торговлѣ, а временами былъ запрещаемъ и производимый ими товаръ, то количество доставлявшихся изъ Англіи суконъ не могло быть особенно значительнымъ: по крайней мѣрѣ источники упоминаютъ о нихъ не особенно часто. Такимъ образомъ, главная масса хорошихъ суконъ шла, преимущественно, изъ Фландріи. Особенно высокою репутаціей между послѣдними пользовались сукна Ипскія, Дикемюйденскія и Лангемаркскія. Сукна эти отличались безукоризненностью выдѣлки, не подавали повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ и потому допускались къ ввозу безъ всякихъ затрудненій[3]). А какъ высоко цѣнились они на Руси, видно изъ того обстоятельства, что поставы (куски) ипскаго сукна подносились въ даръ самымъ почетнѣйшимъ лицамъ въ Новгородѣ, великимъ князьямъ и владыкамъ[4]). Затѣмъ изъ Фландрскихъ суконъ отличались добротою Валансьенскія, Верьвескія, Коминскія, продажа которыхъ

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 711, 1410; „Wi (Дерптъ) entfingen dallinch des kopmans bref to Novgarden... in welkeme se uns scriven, dat dar noch liggen wol II terling wandes unvorkofft, und begeren noch in erem breve, in dessen steden to bestellende, dat de somergast uppe den wintergast nichten en vare“...

[2]) Ibid., III, 286, 1373: „nemant meer... sal to Noharden to varende uppe de Russen.., nenerhande snedene lakene den Russen to verkopende, se sin wor se bemaket sin, ane Engelsche lakene, de mood ein juwelik gudman wol vören“...

[3]) Ibid., VI, 92, 1327: „Wetet... dat se (Нѣмецкая контора) des nicht ne willen, dat men ieniger hande lakene, de buten der kore gemaket sint, mere here to Novgarden bringe, wante dar grot ungemach dicke of geschein is; Dikcmudesche lakene, Vpersche lakene und lange Markesche lakene, de mach ein juwelik man here wol bringen“.

[4]) Доп. къ Акт. Истор., I, № 3. П. С. Р. Л., III, 142—143: Степенной посадникъ Василій Есиповичъ поднесъ великому князю „три постава ипскаго сукна *рудожелтыхъ*“.

въ Новгородской конторѣ также не подвергалась запрещенію. Кромѣ этихъ сортовъ, одобряемыхъ въ торговлѣ, Фландрія поставляла еще много другихъ, не пользовавшихся хорошею славою. Таковы сукна Бредспоперискія, Оберлейтскія, Девентерскія, Рославскія и др. Въ древнее время эти сукна были безусловно запрещаемы, такъ какъ, будучи сдѣланы на манеръ другихъ, высшихъ суконъ, какъ напримѣръ, Поперискія на манеръ Валансьенскихъ, Девентерскія на манеръ Коминскихъ и Верверскихъ, или даже просто смѣшаны съ высшими, они сбивали цѣну этихъ послѣднихъ [1]). Въ позднѣйшее время, однако, и эти сорты стали допускаться къ открытой продажѣ, когда, именно въ XV вѣкѣ, они усвоили себѣ свой особенный родъ выдѣлки и когда какъ Нѣмцы, такъ и Русскіе купцы успѣли настолько ознакомиться съ ними, что не грозила опасность смѣшенія ихъ съ высшими сортами, и когда, слѣдовательно, они могли быть пріобрѣтаемы по ихъ дѣйствительному достоинству [2]). Собственно на долю самой Германіи выпадала очень незначительная роль въ торговлѣ сукнами: она ограничивалась доставкою въ Новгородъ только болѣе грубыхъ сортовъ сукна, такъ называемыхъ каппелляковъ (cappales panni). Искуснымъ приготовленіемъ ихъ извѣстны были, впрочемъ, только два города, Кальнъ и Ахенъ; въ остальныхъ же и каппелляки изготовлялись неудачно [3]). Кромѣ Фландрскихъ и Нѣмецкихъ суконъ, въ торговлѣ всегда обращалось нѣкоторое количество, такъ называемыхъ, Польскихъ суконъ. Какъ видно, въ Польскихъ земляхъ, благодаря сосѣдству съ Западомъ, уже рано утвердилась суконная промышленность. Такъ какъ, однако, Польскія сукна представляли не столько самостоятельный продуктъ, сколько

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 168, 1354: „neman, de in des kopmannes rechte to Novgarden wil, leng den disse tidinge in Vlandern komet, scal kopen Overleysche lakene, eder Derbenterische mengede, de gemeket sint uppe de Camenschen und uppe de Werveschen"... Bunge, U. B., VI, 525, ok, 1375: „van den Poperschen lakenen, de gemaket op de Valensinsche"...

[2]) Ibid., IV, 811, 1412: „ju geleve (пишетъ Брюгге Лифл. городамъ) to wetene, dat men de brende Poppersche nu maket mit breden isten und up gen-r anderer lakene toch gemaket werden, so dat uns dunket nutte, dar id nutte were, dat men de kopen mochte und up de Russen vuren, want de kopman und ok de Russen dar mede also wol vorwaret sin, alse mid Camenxschen, Thomaschen, Darnschen ofte enegen anderen lakenen, elk na sinem prise". Bunge, U. B., 378, 1401 (?)

[3]) Ibid., VI, 92, 1327: „capellakene, de to Aken ofte to Kolne gemaket sin, de mach men wolhere bringen"...

подражаніе иноземнымъ, дѣлались, напримѣръ, на манеръ Фламандскихъ,—то со стороны Нѣмецкаго купечества, боявшагося упадка цѣнъ послѣднихъ, было наложено на нихъ безусловное запрещеніе [1]). И сколько Прусскіе города, занимавшіеся главнымъ образомъ торговлею Польскими сукнами, ни старались о пріобрѣтеніи права свободнаго торга ими, старанія ихъ не увѣнчались никакимъ положительнымъ результатомъ [2]).

Кромѣ суконъ, занимавшихъ въ обмѣнѣ первое мѣсто, было еще много статей, которыя пользовались большимъ или меньшимъ распространеніемъ. Нѣкоторое значеніе имѣлъ уже ввозъ заграничной пряжи и полотенъ. Въ Русь привозились полотна двоякаго рода, тонкія и дерюга (padenwant). Изъ первыхъ упоминаются въ источникахъ полотна Бременскія. Въ торговлѣ тѣ и другія обращались только цѣлыми кипами или кусками. При отсутствіи подробныхъ свѣдѣній по этому предмету можно только догадываться, что и здѣсь лучшіе сорты поставлялись Нидерландскими городами, тогда какъ главная масса шла изъ Вестфальскихъ и Вендскихъ городовъ [3]). Точно также мы имѣемъ мало свѣдѣній и насчетъ того, въ какомъ количествѣ и откуда получались въ Новгородѣ металлическія издѣлія. Быть-можетъ, они получались изъ Нидерландовъ и верхне-Нѣмецкихъ городовъ, а частію также изъ Ломбардіи. Обыкновенныя издѣлія изъ металловъ допускались къ обращенію въ торговлѣ безпрепятственно. Такъ, извѣстно, что

---

[1]) Hanserec., I Abt., IV, 54, 1392: „(V. so vra) geden ze, offt men de Polensschen laken upp de Russen voren (mocht)e edder nicht. Dar wart also to geantwordet, dat van oldinges ne wontlik is gewesen, dat men dar laken voren mochte, de gevoldet edder getoppet Weren up Vlamesche laken, dar Vlamesch Wand mede mochte vorargerd Werden"... Тамъ же, I Abt., II, 307, 1382. Тамъ же, I Abt., II, 362, 1384: „Item so hebben de van Prusen geopenbart vor den steden, wo dat de ere nene Polenische und overlendesche lakene mosten voren to Nogarden".

[2]) Ibid., I Abt., IV, 60, 1392.

[3]) Bunge, U. B , VI, 170, 1354: „Oc en sal men nen spinsal, noch linwant leggen eder schere maken"... Тамъ же, VI, 135, 1346. Hüllman, „Städte wesen des Mittelalters", 1827, I, 257 и д. Bunge, I, 770, кон. XIII в. Bunge, U. B., VI, 61, 1292: „et unum frustum (B) Remensis linei panni", Тамъ же, VI, 136, 1346: „Neman sol hebben uppe der gridenissen mer den ene rullen enerleie linwandes". Тамъ же, VI, 502, 1338: „neman scal *paclenwant* vorkopen, it ne si bi helen packen oder bi helen stucken".

Нѣмцы привозили въ Новгородъ большіе котлы [1]). Но главнѣйшій родъ металлическихъ издѣлій—оружіе, подвергнутъ былъ чуть ли не абсолютному запрещенію и ввозъ его возможенъ былъ, кажется, не иначе, какъ путемъ контрабанды, открытіе которой виновнику грозило не только потерей имущества, не только лишеніемъ жизни, но и вѣчною мукой на томъ свѣтѣ, исходившей отъ папскаго интердикта. Доставленіемъ оружія въ Русь, поэтому, занимались лица, не входившія въ составъ торговаго купечества. Такъ, въ 1402 году нѣкій Ломбардецъ Рафаель былъ лишенъ своего имущества за то, что провозилъ въ Русь оружіе [2]). Гораздо большими размѣрами отличался ввозъ продуктовъ винодѣлія и пивоваренія, изъ которыхъ первые доставлялись преимущественно Фландріей, а вторые Пруссіей и Вендскими городами. Поставляемое въ Новгородъ вино было обыкновенно двухъ родовъ—бѣлое и красное, и назначалось для удовлетворенія двухъ цѣлей: для покрытія церковныхъ потребностей и для пользованія въ домахъ богатѣйшихъ гражданъ. Но кромѣ того, въ ходу было сладкое вино, а быть-можетъ также и романея съ мальвазіей. Вино привозилось цѣлыми бочками, и въ такомъ видѣ преподносилось Новгородцами и даже Нѣмцами въ поминокъ своимъ дорогимъ гостямъ, особенно великимъ князьямъ [3]). Что же касается до меду и особенно до пива, то будучи болѣе родственны домашнимъ напиткамъ, они служили для удовлетворенія потребностей менѣе зажиточныхъ людей [4]). Изъ съѣстныхъ припасовъ привозились въ Новгородъ изъ Норвегіи сельди, а изъ Фландріи—фрукты и конфекты. Привозъ рыбы въ страну богатую рыбой и занятую въ значительной долѣ рыболовствомъ, пред-

---

[1]) Bunge, U. B., II, 385, 1345: II lagenas stanni (олово) it VIII frusta (кусковъ) cupri, it II magna coldaria (котлы).

[2]) Ibid., IV, 422, 1402: „Item so wolde he (de Lumbart) wapen gevort hebben uppe de Russen und heidenen, dat vorboden is bi live, bi gude und bi des pawes banne".

[3]) Hanserec., II Abt., I, 510, 1486: „unde myt 2 vaten wyns, alse eyn vaten roden wyns unde dat andere blanckes wyns".

[4]) Bunge, U. B., IV, 819, 1412; „neinerleie gud, also want, solt und win und allerleie frut, dat men up de Russen plecht to voren ut Vlandern". Тамъ же, IV, 820: „It. van honge, van solte, van allerleie gude, welkerleie dat et si, dat kome ut Prusen edder ut den Wendeschen steden hir to Nouwerden"... Hanser., I Abt., V, 435 (malmesey, romaney). Bunge, IV, 398 (сладкое вино). Ласть меду стоилъ 24 stucke silvers (Bunge, VII, 25).

ставляетъ на первый взглядъ странное явленіе. Но дѣло разъяснится, если мы обратимъ вниманіе, что вслѣдствіе слабаго развитія солеваренія и недостатка соли, Новгородцы не могли съ успѣхомъ заниматься соленіемъ и заготовленіемъ рыбы въ прокъ [1]). Что же касается до фруктовъ, то это былъ неизбѣжный даръ сѣверу юга. Весьма вѣроятно, что эти привозимые изъ южныхъ странъ плоды, какъ, напримѣръ, винныя ягоды (фиги), яблоки, подносились Новгородцами также въ качествѣ поминковъ своимъ гостямъ [2]). Изъ отдѣльныхъ статей слѣдуетъ еще упомянуть о сѣрѣ, пергаменѣ.

Въ обмѣнъ на издѣлія Западной индустріи Нѣмцы получали изъ Руси только развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ произведенія обрабатывающей промышленности; въ большей же части на Западъ изъ Руси шли продукты промышленности первоначальной. Между ними первое мѣсто принадлежало, безспорно, пушному товару или мѣхамъ. Мѣха обращались въ торговлѣ обыкновенно большими количествами, тысячами, полутысячами, четвертями (quartiv, verdendel, 250 штукъ), сороками (timmer), дюжинами (duzent), десятками (tendeling, deker, decher, dacora) и пятками; отдѣльными же единицами встрѣчались рѣдко [3]). Болѣе цѣнные мѣха шли въ продажу обыкновенно меньшими единицами, больше всего сороками; менѣе же цѣнные—тысячами и даже цѣлыми десятками тысячъ. Изъ числа первыхъ въ источникахъ спеціально упоминаются мѣха собольи и бобровые, куньи и лисьи, хорьковые (ducker, дъхорь, псхорь, хорь), горностаевые и ласковые, шкурки норокъ или рѣчныхъ выдръ (Menke) и рысей [4]). Изъ числа

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 508, 1342: „Item conforlant Ruthenos in armis, pannis, sale, ferro, allecibus et aliis victualibus ceterisque necessariis“...

[2]) Ibid., VI, III, ок. 1337: „Bringet uns cryde, wiin und mede“. Bunge, II, 386, 1345: „Isportam (коробъ) ficuum“.

[3]) Ibid., VI, 129, 1343: „neman kopen sal scevenissen, den bi dusenden, und bi halven dusenden und bi verdendelen, und troyenissen, duseat vor dusent, und anders nicht to nemende mer stucke, vor stucke, und des gelikes manch popelen (mer troyenissen mach men wol nemen manch werke, na eren werde)... Ibid., VI, 140, 1346.

[4]) Ibid., IV, 423, 1402: „van den marten und ok van Zabelen“. Тамъ же, IV, 732, 1410: „und ok bever und vosse“. Тамъ же, IV, 732, 1410: „und en timmer duckers“. Тамъ же, V, 415, 1418: „It Jacove hevet hiir meme XVII timmer lasten und 1 duzent, und Lukan heft, hiir mede I-m schons werkes, und noch I-m lusches werkes“... Hanser. I Abt., 349, 1407: „Item 15 pelles de ducker et de menken... 350, 1407: „item 10 pelles de her melen“... Тамъ же, II Abt., III, 395, 1449: „20½

вторыхъ, менѣе цѣнныхъ мѣховъ, въ торговлѣ встрѣчались медвѣжьи, волчьи, заячьи мѣха и въ особенности въ большихъ количествахъ бѣличьи шкурки. Послѣднія нужно подразумѣвать, кажется, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ источникахъ говорится просто о пушномъ товарѣ, вродѣ schon werk, Russen werk, Naugaresch werk [1]. Нѣтъ сомнѣнія, источники представляютъ намъ указанія далеко не на всѣ мѣха, которые играли извѣстную роль въ торговлѣ; ихъ обращалось въ послѣдней, вѣроятно, гораздо больше. По крайней мѣрѣ, въ нихъ мы встрѣчаемъ такія названія звѣрей, значеніе которыхъ до сихъ поръ не ясно. Такъ, кромѣ указанныхъ, въ торговлѣ попадаются bollard, onnigen, konynge и klezemetes. Не слѣдуетъ ли, впрочемъ, подъ послѣднимъ выраженіемъ разумѣть Клязѣмскую бѣлку [2]). Не нужно опускать изъ вниманія, что въ торговлѣ мѣха далеко не всегда шли цѣльными, необдѣланными шкурками. Напротивъ, это были именно мѣха, сдѣланные изъ одинаковыхъ частей разныхъ шкурокъ извѣстнаго звѣря. Такимъ образомъ мѣха различались не только по шкуркамъ звѣря, изъ котораго они дѣлались, но и по тѣмъ частямъ, которыя брались для каждаго отдѣльнаго мѣха. Такъ, мѣха были лапчатые, пупковые, черевьи, хребтовые и т. п [3]). Весьма вѣроятно также, что въ торговлѣ имѣли обращеніе и уже совершенно готовые предметы одежды, какъ напримѣръ, шубы, шапки.

Слѣдующее мѣсто за мѣхами въ торговлѣ занимали продукты лѣсоводства, въ особенности же воскъ. Такъ какъ культъ католической церкви истреблялъ громадныя количества воску, то торговля этою статьей вообще пользовалась въ тогдашнее время большимъ значеніемъ и потому неудивительно, что въ немногихъ указаніяхъ на русско-нѣмецкіе товары мы замѣчаемъ этотъ предметъ весьма преобладающимъ. Воскъ получался въ Новгородѣ частію изъ юго-запад-

---

tymmer lussen werk swart, item 1000 rodes lussen werkes"... Bunge, II, 886, 1345.

[1]) Bunge, U. B., III, 198: „Wassil et Zacharie tenentur (communi manu domino Harmanno Copman III timber lasten et I tendelinch et) III timber albarum pellium leporum"... Hanser., I Abt., III, 451.

[2]) Hanser., I Abt., V, 349, 1407: „item 5 tymmer wymetken; item 16 tymmer operis de bollard; item 19 tymmer trogenissen; item 6 tymmer operis de koninge, item 5 tymmer de popelen". Bunge, U. B., III, 463, 1385: „Mm. troyenissen und MD onnigen und M lasten".

[3]) Hanserec., II Abt., II, 582, 1448: „de dorch de Russen in otteren bever wammen (брюшки, черева) unde an dem werke scut"..

ной, частію же изъ сѣверо-восточной Руси и шелъ въ торговое обращеніе большими кусками или кругами. По своему достоинству онъ былъ довольно разнообразенъ. Въ торговлѣ различался воскъ сырецъ (cera non resoluta, ungesmolten was) и воскъ уже очищенный, перетопленный (cera resoluta, smoltwas). Послѣдній, въ свою очередь, могъ быть двоякаго рода. Смотря по тому, оставлялся ли послѣ перетопки осадокъ разныхъ нечистотъ, или же онъ отбрасывался какъ негодный, въ торговлѣ различали воскъ съ подсадой (cera cum pede, votet was) и воскъ безъ подсады (cera sine pede)[1]. Что же касается до другихъ лѣсныхъ товаровъ, то источники не представляютъ прямыхъ указаній на ихъ обращеніе въ торговлѣ. Но весьма вѣроятно, что въ числѣ предметовъ мѣны входили и такія статьи, какъ деготь, смола и зола.

Подлѣ мѣховъ и воску, составлявшихъ главныя статьи мѣны въ Новгородско-Нѣмецкой торговлѣ, важнымъ значеніемъ въ торговлѣ пользовались жирныя вещества и фабрично-торговыя растенія. Изъ жирныхъ веществъ источники упоминаютъ о ворвани (trān) или вытопленномъ жирѣ морскихъ звѣрей, которые ловились на сѣверномъ, морскомъ берегу Двинскихъ владѣній Великаго Новгорода. Такъ извѣстно, что двое Нѣмецкихъ купцовъ были около 1477 года лишены права пребывать въ Новгородѣ за то, что они покупали отъ русскихъ ворвань[2]. Кромѣ ворвани, въ торговомъ обращеніи встрѣчались еще свиное сало (swin) и stolpen, статья, до сихъ поръ еще не объясненная. Свиное сало могло обращаться въ торговлѣ только подъ своимъ настоящимъ именемъ, но, какъ предметъ второстепенный, оно, наравнѣ со stolpen, не требовало для доказательства приложенія конторской печати[3]. Что же касается до фабричныхъ и торговыхъ растеній, то изъ нихъ въ торговлѣ встрѣчались конопля и

---

[1]) Hildebrand, Rigische Schuldbuch, LI—LII. Bunge, U. B., VI, 95, ок. 1332 г.: „De Dudeschen scolen nemen reine was van den Novgarderen, also als it Got gevet, mit sines selves vote, also alse he selve geworden is".

[2]) Hanser., III Abt., I, 2, 1477: „Item gwemen vor dusse heren radessendeboden Hermen Rodenborgh unde Clawsz Rypen, siok beclagende, dat de coppmanne to Nouwgarden zee an desse Lyfflandessche stede vorwiset hefft, dat se van den Russen gekofft hebben trān".

[3]) Bunge, U. B., VII, 96, 1332: „*Swin*, de ungevelschet sin, de mach men kopen na eren werde". Тамъ же, 105, 1333: „*Stolpen* edder swin sal men nicht besegelen". Гильдебрандъ, Отчеты, 61, № 373. А. З. Р., I, 37.

ленъ. Несмотря на то, что прямыхъ указаній на эти статьи для древнѣйшаго времени почти совсѣмъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе, косвенныя— заставляютъ предполагать существованіе значительнаго отпуска изъ Новгорода конопли и льна. Новгородская земля была, какъ намъ уже извѣстно, богата этими продуктами и даже вела торговлю ими съ юго-востокомъ: трудно, въ виду этого, не предположить, что Новгородцы постарались ввести ленъ и коноплю въ свою иноземную торговлю. Что это было дѣйствительно такъ, можно заключать изъ слѣдующихъ данныхъ. Нѣмецкіе источники представляютъ несомнѣнныя указанія на существованіе въ Новгородѣ у Нѣмцевъ льнянаго погреба, служившаго, очевидно, мѣстомъ складки льна, отправляемаго за границу [1]). А затѣмъ, въ 1424 году Нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ увѣдомляли Ревель, что торговля охлопками, то-есть выческами изъ льна и пеньки, очень усилилась и что Русскіе намѣрены развозить охлопки даже въ города, и потому просили о воспрепятствованіи этому намѣренію [2]). Что же касается до позднѣйшаго времени, то въ ту эпоху о широкихъ размѣрахъ отпуска за границу льна и пеньки не можетъ быть и рѣчи. Въ 1511 году въ Любекѣ было запрещено всѣмъ гражданамъ и торговцамъ Риги, Дерпта и Ревеля принимать коноплю, связанную мочалой; конопля должна была связываться не иначе, какъ коноплей [3]). Въ послѣдующіе годы источники представляютъ намъ не рѣдкіе примѣры промѣны льна и конопли на разные металлы, а также свидѣтельствуютъ о томъ, что даже возникъ вопросъ о заведеніи браковки льна [4]). Кажется, однако, что уже въ древнѣйшее время особенною славой пользовался ленъ Псковскій. По крайней мѣрѣ, мы не только имѣемъ относительно Пскова древнѣйшія прямыя указанія на торговлю льномъ, но и изъ разнообразія формъ купли должны заключать, что торгъ имѣлъ значительные размѣры. Договоромъ 1509 года Нѣмцамъ предоставлено именно было покупать во Псковѣ ленъ, какъ на Нѣмецкомъ подворьѣ, такъ и на

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 588, 1407; „Item spreke wi ok mit den heren van Lubeke alse umme den kopman van Novgarden, und ok umme de kerke und umme de vlas kellere“.

[2]) Гильдебрандъ, Отч., 33, № 32.

[3]) Рус. Ливон. Акты, 274, 1551: „hen borger offte kopman to Rige, darpte offte hir sal hennep entfangen van den Russen, de myt baste gebunden ys, edder heden, sunder de schal eno ersten myt hennepe up syn ungelt bynden laten“.

[4]) Гильдебрандъ, Отч., 77, № 555 и сл.; 81, 593.

берегу, равно какъ и въ самыхъ учанахъ или ладьяхъ, въ которыхъ, какъ надо полагать, ленъ подвозился къ городу [1]).

Существуетъ мнѣніе, что русско-нѣмецкое торговое движеніе состояло не болѣе, какъ только въ мѣнѣ продуктовъ одной страны, Россіи, на мануфактурныя произведенія другой, Западной Европы, но что оно отнюдь не распространялось на болѣе обширный районъ, не захватывало никакихъ другихъ странъ міра. Правда, Ризенкампфъ, высказывающій это мнѣніе, дѣлаетъ нѣкоторую уступку, готовъ признать, что, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшее время вдоль Волги и Днѣпра тянулась къ Славянскому сѣверу восточная торговая дорога; но въ то же время онъ сомнѣвается, чтобы эта дорога распространялась далѣе, за Новгородъ, переносилась на Балтійское море, особенно во время процвѣтанія Ганзы, т. е. въ періодъ времени XIII, XIV и XV столѣтій [2]). Собранные въ послѣднее десятилѣтіе научные матеріалы, однако, далеко не подтверждаютъ положенія Ризенкампфа. Напротивъ, въ нихъ замѣчается присутствіе данныхъ, несомнѣнно доказывающихъ, что Новгородская Ганзейская торговля захватывала и восточныя страны, и это не только во время сѣдой древности, но даже въ теченіи второй половины XV столѣтія. Мы можемъ даже указать на нѣкоторыя торговыя статьи, которыя играли въ торговыхъ сношеніяхъ видную роль, которыя съ востока достигали Великаго Новгорода и затѣмъ уже передавались въ руки европейцевъ. Одною изъ такихъ статей былъ именно шелкъ. Скажемъ больше. Сдѣлки съ шелкомъ, сколько можно судить по дошедшему до насъ объ этомъ предметѣ свидѣтельству, были весьма значительны и служили источникомъ большихъ торговыхъ потрясеній. Ганзейскіе памятники сообщаютъ намъ именно, что незадолго до 1477 года одна Нѣмецкая купеческая жена заключила съ нѣкоторымъ Новгородцемъ договоръ, по которому она получала отъ послѣдняго шелкъ, а сама взамѣнъ должна была поставить въ извѣстный срокъ полъ-ласта ржи. Шелкъ, дѣйствительно, былъ полученъ женою, но условленная поставка хлѣба не послѣдовала. Мы не знаемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ купеческая жена оказалась нетвердою въ своемъ словѣ; но извѣстно, что нару-

---

[1]) Погодинъ и Дубенскій, Книга Посольской метрики вел. княжества Литовскаго, стр. 164, 1509 г.: „А конопли и ленъ любити (купити?) Немцомъ на подворье, или на учане, или на берегу, а толко к скалавницы привезуть, ино отъ скалавницы конопель или лну не ворочати и по весемъ (по вѣсѣ?) не вымєтывати".

[2]) Riesenkampf, Der deutsche Hof., 122—123.

шеніе договора повело къ секвестру товаровъ Нѣмецкихъ купцовъ, пребывавшихъ въ Новгородѣ, обстоятельство, показывающее, что сдѣлки съ восточными товарами были весьма значительны [1]. До нѣкоторой степени можно даже предугадать и ту страну, откуда шли восточные товары въ Новгородъ. Страною этой, по всей вѣроятности, былъ Кобулъ. Начать съ того, что въ Новгородѣ существовалъ особенный рядъ торговый, носившій названіе Хопыльскаго, вѣроятно, отъ тѣхъ товаровъ, которыми въ немъ торговали, и отъ тѣхъ купцовъ, которые ихъ доставляли въ Русь [2]. Такихъ купцовъ далѣе мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ подъ названіями Хопылей, Хопыльскаго гостя какъ въ Твери, такъ и въ Москвѣ, еще въ самомъ началѣ XIV столѣтія [3]. Наконецъ, и это самое любопытное, Хопыльскій гость находился въ тѣсной связи съ татарами. Когда именно въ Твери татары подверглись избіенію, то послѣднее одинаково было распространено и на Хопыльскаго гостя [4]. Всѣ эти обстоятельства показываютъ ясно, что Хопыльскихъ гостей, приходившихъ въ Русь съ Татарами, нужно искать не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, какъ на востокѣ. А тамъ самою подходящею страной къ Хопылямъ долженъ считаться Кобулъ, какъ со стороны лингвистической, такъ и со стороны торговой.

Развитіе торговыхъ оборотовъ въ Великомъ Новгородѣ, вмѣстѣ съ блестящею стороной, обнаружило и массу различныхъ злоупотребленій. Главнѣйшій источникъ этихъ злоупотребленій заключался въ монопольныхъ стремленіяхъ Нѣмецкаго купечества, въ уничтоженіи всякой конкурренціи и въ вытекавшемъ отсюда желаніи умножать торговые барыши посредствомъ обмана и фальши. Распространенію послѣднихъ благопріятствовало въ особенности то обстоятельство, что

---

[1]) Hanser., III Abt., I, 4, 1477: „umme ener halven last roggen willen, den de ergemette vrouwe vorkofft hefft vor gude syde unde den roggen nicht to levert; deszhalven vele pandinghe bynnen Nouwgarden gescheen sin up den Dutschen coppman".

[2]) А. Ю., 429, XIV в.: „А что лавка наша на Хопыльскомъ ряду и голбецъ въ св. Михаилѣ, а въ тоже мнѣ съ Григорьемъ половина, и Семену половина".

[3]) С. Г. Г и Д., I, 15, 1317: „а третьи 3 тысячи поиша Хопыли къ собѣ, дати имъ на Вербьницю безъ 2 сту и безъ полу-30 серебра, въ низовьскыи же вѣсъ".

[4]) П. С. Р. Л., III, 74, 1327: „и торговци гость Хопыльскыи изсѣче". Ср. П. С. Р. Л., IV, 51, 1327: „Тферичи (съ княземъ Александромъ) поидоша на нихъ (татаръ) и гость ихъ (татаръ) Хопыльскій весь изсѣкоша".

въ большей части русскихъ земель Нѣмцами была воспрещена мелочная торговля, и потому продажа совершалась большими количествами. Сукно, напримѣръ, шло въ продажу, обыкновенно, кипами (stucke) и полукипами (терлинками), изъ которыхъ послѣднія заключали въ себѣ временами до 17 лакеновъ, поставовъ или отдѣльныхъ кусковъ [1]). Всѣ лакены соединялись вмѣстѣ особенною оберткой (slachdok), дѣлавшейся изъ того же сукна, которое составляло и самый матеріалъ лакеновъ [2]). Обертка должна была служить образцомъ для покупателя суконъ; но каково же должно быть удивленіе купца, когда, положившись на свидѣтельство обертки, онъ принималъ сукно и затѣмъ дома, при ближайшемъ ознакомленіи, убѣждался въ совершенномъ разногласіи показанія обертки съ заключавшимся въ ней матеріаломъ, въ томъ, что обертка была сдѣлана совсѣмъ изъ другаго сукна [3]). Но и отдѣльные лакены, поставы, приносили русскимъ покупщикамъ не мало разочарованій. Обыкновенною величиной лакеновъ или поставовъ было въ цѣлыхъ лакенахъ—44 локтя, а въ половинныхъ—22. На русскія мѣры это будетъ $36^{20}/_{52}$ аршина, или, какъ считали иногда на Руси, поставъ равнялся 37 аршинамъ [4]). Но весьма часто поставы не имѣли этой нормальной величины. Въ 1433 году, напримѣръ, русскими было куплено до 40 лакеновъ; но когда эти поставы были принесены домой, разрѣзаны и примѣрены, то оказалось, что въ каждомъ изъ нихъ не достаетъ 3—4 локтей. Вслѣдствіе этого, всѣ поставы, вмѣстѣ съ ихъ обертками, были возвращены назадъ, въ Нѣмецкій дворъ, и тысяцкій, къ которому, вѣроятно, Нѣм-

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 394, 1402; „dat men van allerleie wande, dat van westwert kumpt, geven sal to bergen vor islik stucke wandes VI mark lodich; vor een *terlink* Wandes III mark lodich". Ср. IV, 383, 1401. Д. къ А. И., VI, 92, 1670: „58 половинокъ во 6 кипахъ суконъ четвертныхъ: „дано 1160 рублевъ, по 20 рублевъ половинка".

[2]) Ibid., IV, 808, 1412: „einen terling gewandes van XVII Thomaschen laken, beslagen mit eime dorden deil van einem Thomaschen laken"... Hanserec., II Abt., III, 481, 1450: „so sal de kopman in Vlanderen nicht mer dan eynen *slachdok* up elken terlink insetten".

[3]) Bunge, U B., VI, 105, 133: „Were och hir ienich man, in deme hove to Novgarden, de mit benedicheit van eme valschen lakene makede enen slachduch, worde dat utgegan, he scolde gebroken hebben dat laken und X marc."...

[4]) Hanser., I Abt., II, 335, 1384: „Dat hele laken schal holden 44 elen, dat halve 22 elen". Мухановъ, Сборникъ, 2-е изд., 359: „счетъ въ 52 локтехъ русскихъ вымѣрить 43 аршины". Карамзинъ.

цы обратились въ этомъ дѣлѣ, позволилъ себѣ даже сорвать сердце на послѣднихъ, сказавши, что привозя слишкомъ короткіе поставы, они обкрадываютъ его братью, какъ воры [1]. Кромѣ недостаточной длины, поставы суконъ представляли и много иныхъ пороковъ. Самымъ обыкновеннымъ былъ тотъ, что поставы шли въ обращеніи не цѣльными, а рѣзанными. Иногда поставъ былъ просто разрѣзанъ на-двое, затѣмъ сшитъ, снабженъ пломбами и шелъ въ продажу, какъ цѣльный [2]. Иногда же у поставовъ отрѣзывались концы, отрѣзки пришивались вновь, снабжались пломбами, и поставы шли въ продажу, какъ новые. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поставы разрывались, кажется, въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, будучи зашиты, вновь пускались въ оборотъ. Были еще и иные способы порчи поставовъ, которые не вполнѣ ясны [3]. Рѣзанье суконъ рѣдко являлось одно; по большей же части оно сопровождалось другими важными пороками въ шедшихъ на продажу сукнахъ. Весьма часто рѣзаныя сукна отличались необычайной коротростью, а иногда даже составныя части постава не только не представляли матеріала одного и того же качества, но и различались между собой, даже по цвѣту [4]. Не всегда, однако, обманъ являлся въ такихъ грубыхъ формахъ. Временами Нѣмцы прибѣгали къ болѣе тонкимъ средствамъ, старались сообщить низшимъ родамъ суконъ видъ сортовъ, пользовавшихся на Руси хорошею репутаціей [5]. Казалось

---

[1]) Hanser., II Abt., I, 148, 1433: „hir (въ Новгородѣ) is in kort mer dan 30 offte 40 laken wedder op den hoff ghebracht, welke laken de Rüssen van den Dütschen versch unde togesteken kofften. Unde wanner de Rüssen de laken opsneden, so holden se 3 off 4 ellen to kort, und aldus bringen se uns de laken wedder op den hoff loes lick slachdoken unde se en willen uns der laken nicht wedder thosteeken, unde dyt hevet uns de hertoge offghesecht vor en recht". Hanserec., III Abt., I, 308, 1482 г.

[2]) Hanserec., I Abt., II, 102, 1375: „unde etlike, de entwey sneden sin unde wedder to samende neget, unde allike wol gheloyet sin".

[3]) Hanserec., II Abt., II, 269, 1440: „van korte wegen der laken... de an den enden affghesneden weren und de egge dar wedder an ghestoppet und allike wol beloyget weren ock vele de dar bynnen ghereten weren andren offte an ver enden und weren vris weder togesteken und worden vor versche laken vorkoff(t). Also weren hir twe halveken Ipersche, de weren an eyner siden van den laken dat gantze laken ut und ut offgereten, wol eyne halve ele inte dem lakene, und weren vort toghesteken up eyne egge".

[4]) Bunge, U. B., VI, 174, 1355: „wente wi van dessen gesneden laken vele scaden und vorwites van den Kussen gehat gebben, alse van gruweliker korte wegene, und van twigerleige wande und varwe in eme lakene".

[5]) Ibidem, VI, 92, 1327: „Were dat sake, dat ienich man andere la-

бы, противъ этихъ злоупотребленій должно бы было служить противоядіемъ то обстоятельство, что каждая мѣстность, гдѣ была суконная фабрика, обязана была имѣть свой особенный способъ складки, упаковки и свой особенный штемпель. Но, въ дѣйствительности, все это помогало мало, такъ какъ Нѣмцы умѣли придавать всякому сорту всѣ признаки любимѣйшихъ на Руси суконъ. Въ особенности часто поддѣлывались высшіе сорта суконъ: Ипскія, Диксмюйденскія и Лангемарскія. Но и второстепенные сорта не оставались безъ поддѣлки. Такъ извѣстно, что Поперингенскія сукна поддѣлывались подъ Валансьенскія, Оберлейгскія и Девент(ь)ерскія—подъ Коминскія и Нервьескія, Польскія—подъ Фламандскія. Иногда обманъ происходилъ такъ, что поддѣльныя сукна примѣшивались къ настоящимъ, иногда же, вѣроятно, низшіе сорта шли просто за высшіе [1]).

Съ другими торговыми статьями дѣло также не обходилось безъ обмановъ. Обыкновенный способъ фальши заключался въ уменьшеніи величины мѣры. Какъ извѣстно, вина, медъ, пиво, сельди продавались бочками, а соль мѣшками, которые имѣли извѣстную, изстари установившуюся, величину. Но, вопреки ожиданію, Новгородцы временами замѣчали, что бочки и мѣшки не только не имѣли обычной величины, но даже и наполнены были не до краевъ [2]). Но также часто случалось, что фальшь распространялась и на самое качество товаровъ. Въ торговлѣ благородными металлами обманъ заключался въ томъ, что, напримѣръ, серебро сверху и снизу было хорошаго качества, а внутри—дурнаго [3]). При винѣ и медѣ фальшь обыкновенно выражалась въ разбавленіи ихъ водою; другіе же способы хотя и были

---

kene here brechte, de uppe desse vorbenomede lakene gekoppet edder gevolden weren, de buten der kore gemaket weren“...

[1]) Bunge, U. B., IV, 811, 1412: „men nene lakene dar int land bringen sal, den Russen tu vorkopende... de ere olden listen (края) und leien (пломбы) nicht enhebben, alse brede Poppersche und andere lakene... de up anderer lakene toch gemaket werden“... Hanserec., I Abt., II, 283, 1381: „Item so sint dar van wort gevallen, wo dat men de Vlomischen lakene sere vorsteke, alzo dat man de lakene van ener stad vormenghe mit lakenen van der andrer stad, dar de kopman sere mede bedrogen werde“.

[2]) Ibid., IV, 392, 1402: „se klageden, dat de honich tunnen to klene weren, und dat men de nicht vullen en wolde, und ok dat honich vervelschet worde“. Ср. Hanserec., II Abt., III, 450.

[3]) Hanserec., II Abt., I, 510, 1436: „item van vorvelscherie des zulvers, dat boven unde beneden quet schene, unde midden vorvelschet were.

но неизвѣстны [1]). Что же касается бочекъ съ сельдями, то купивши на Невѣ на-слово сельди за свѣжія и хорошія, Новгородецъ, по пріѣздѣ домой и по ознакомленіи съ содержаніемъ бочекъ, убѣждался, что сельди хороши только на верху послѣднихъ, а внизу представляютъ совершенно негодный матеріалъ [2]). Способы обмана были тутъ весьма разнообразны, хотя до сихъ поръ остаются еще не вполнѣ ясными. Прежде всего сама сельдь на верху, въ срединѣ и внизу бочекъ была не одинаковаго достоинства. Къ хорошей сельди обыкновенно подмѣшивалась безголовая сельдь, пифаринкъ и шаванкъ. Были ли послѣднія особыми видами сельди, или же представляли особые роды рыбъ другаго порядка, рѣшить пока трудно. А затѣмъ, можно думать, что въ бочки сельдь помѣщалась не всегда въ чистомъ видѣ, но что временами тамъ бывали и посторонія подмѣси [3]).

Подобнымъ образомъ не недоставало обмановъ и фальши и со стороны русскихъ купцовъ, особенно, когда Нѣмцы въ своихъ частныхъ интересахъ нерѣдко сами благопріятствовали обману, имѣя для фальшивыхъ, но дешевыхъ товаровъ, полувынужденный сбытъ въ Лондонѣ и Брюгге. Уже не мало хлопотъ купечеству доставляла фальшь въ обширной торговлѣ воскомъ. Будучи продаваема большими количествами, эта статья весьма легко допускала всевозможное надувательство. Самый обыкновенный способъ фальши заключался въ томъ, что Новгородцы, для увеличенія вѣса или объема, примѣшивали къ кругамъ (куски, которыми продавался воскъ) воска постороннія вещества. Какъ

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 479, 1475: „We den win vorvelschet mit water efte wat ander velscherie".

[2]) Hanserec., II Abt., I, 513, 1436: „Foder Borcanicke koepslagede myt eynem Dutzschen, genomet Lodewich, in der Nu als van heringhe den sede se he guet unde versch, do de Russe by den herinck qwam do was he boven guet unde under qwaet".

[3]) Hanserec., II Abt., II, 272, 1440: „dat deselven laken nicht up ere egene drapenerer *weren togesteken* und ok *andere bliensegele* dan en behorde angehangen weren"... II Abt., II, 286, 1440: „se hebben beseen unde bevinden, dat de lakene endeels *behüvet befrenget eendeel berozet* unde up ene andere draperyen gevaldet unde togesteken unde mit blyen anhangenden loyen"...

[4]) Hanserec., I Abt., II, 101, 1375: „Vortmer schal en jewelk voghed uppe Schone kundeghen den sinen, dat malk sinen harynk also in de tunnen solte, dat he vor beyden bodemen unde middene like gud si; unde dat me nenen *pypharynk*, noch *schawak*, nog hovettozen harink solte mank dem guden, unde dat malk den harink schal legghen unde nicht mid molden instorten". II Abt., I, 208.

мы уже указывали раньше, воскъ допускался въ продажу съ его естественнымъ, происходившимъ отъ перетопки, осадкомъ. Но нерѣдко случалось, что Новгородскіе торговцы придѣлывали искусственно подсаду, состоявшую изъ сала и смолы [1]). Нерѣдко также Новгородцы примѣшивали въ воскъ прямо песокъ, тертые жолуди и горохъ, сало, смолу и даже кирпичи и каменья [2]). Источники передаютъ намъ любопытный фактъ, что когда купленный однимъ Любскимъ купцомъ въ Новгородѣ кусокъ воску, пройдя различныя руки, былъ, наконецъ, въ 1416 году вскрытъ и разломанъ, то владѣлецъ его нашелъ внутри булыжникъ, съ привязанными къ нему мочалой двумя кирпичами, которые вмѣстѣ имѣли вѣсу $76^1/_2$ фунтовъ. Въ томъ же году имѣлъ мѣсто и другой подобный случай: въ купленномъ воскѣ также найденъ былъ камень, и убытокъ, причиненный имъ, оцѣненъ былъ въ 44 Любскихъ шиллинга [3]). Еще разнообразнѣе были обманъ и фальшь при другой главнѣйшей торговой статьѣ западной Новгородской торговли. Мы разумѣемъ именно пушной товаръ. Какъ уже было указано выше, основное правило пріема всякихъ, и въ особенности пушныхъ товаровъ, гласило, чтобы мѣха покупались только въ томъ видѣ, какъ ихъ создалъ Богъ, или какъ они сдирались съ мяса, т. е. по ихъ дѣйствительной стоимости. Такое правило станетъ совершенно понятно, если принять во вниманіе разнообразные пути, которыми пользовались русскіе для того, чтобы продать дурной товаръ за хорошій. На первомъ планѣ тутъ стоятъ поддѣльные мѣха. Иногда при подмѣнѣ дѣло происходило весьма просто: Новгородцы, не много мудрствуя, просто подсовывали Нѣмцамъ за хорошій товаръ другой, гораздо низшій, но подходившій близко къ хорошему. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Новгородскіе купцы продавали Нѣмцамъ плохіе литов-

---

[1]) Bunge, U. B. VI, 68, 1315: „willekare, de hir gemaketis umme dan branden valschen voet van deme wasse". Рус.-Ливон. Акты, 54, 1330: „А вѣсти чистый воскъ безъ подъсады, безъ смолы, безъ сала, какъ верхъ, тако исподъ".

[2]) Ibidem, VI, 96, 1332: „were dat sake, dat ieman na deme dage kofte valsch was, dat mit smere (смола) eder mit ekerne, eder mit harpoise (сало), eder mit buteren, eder mit erwiten, eder mit ieniger valsche govelschet were"...

[3]) Ibidem, VI, 172, 1416: „und alse se den (boden wasses) besegen, vunden se, dat dar ein grot stein inne bewracht was... also dat he (корабельщикъ) dar up XLIV schillinge Lubesch schaden van genomen heft in der vore". Bunge, V, 118, 1416: „und alse sodan des vorscr. stucke wasses geopent und te slagen was, so weren darinne gevonden ein Keselink, dar umme gebonden twe tegelsteine met baste, wegende LXXVI und $^1/_2$ pond"...

свіе мѣха за красные (schonewerk) [1]). Но иногда обманъ причинялъ болѣе хлопотъ. Мы видѣли уже, что Нѣмцы не брезговали продавать Русскимъ плохіе сорта суконъ подъ видомъ хорошихъ, и для этой цѣли не щадили усилій сообщить первымъ всѣ признаки послѣднихъ. Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и со стороны Русскихъ въ мѣховой торговлѣ. И тѣ старались сообщить плохимъ мѣхамъ всѣ внѣшнія качества хорошихъ и въ качествѣ таковыхъ сбыть на руки Нѣмецкихъ купцовъ. Это такъ называемые vortogen werk, мѣха, происхожденіе названія которыхъ не совсѣмъ ясно, но значеніе совершенно понятно [2]). Другой родъ нарушенія принятаго Нѣмцами правила покупать мѣха по ихъ дѣйствительному достоинству заключался въ томъ, что пушный товаръ хотя и представлялъ тѣ именно мѣха, за которыя покупался, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе различной поры, много терялъ въ своихъ качествахъ или же по природѣ принадлежалъ къ разряду дурныхъ, но подновленныхъ. Въ первомъ случаѣ, обыкновенно, Новгородцы прибѣгали къ подстриганію и выщипыванію мѣховъ, чтобы такимъ путемъ получить въ свое распоряженіе и выщипанный волосъ, шедшій на приготовленіе шапокъ. Это, такъ называемый, getogen harwerk или, по другимъ памятникамъ, opus scarpunse [3]). Не рѣдокъ былъ также случай, что продавцы отрѣзывали у отдѣльныхъ шкурокъ клочки, морды и лапы и такими сбывали ихъ Нѣмецкимъ покупателямъ. Сколько можно думать, такіе обманы совершались преимущественно съ хорошими мѣхами, какъ напримѣръ, съ соболями и куницами, которые въ цѣльномъ видѣ носились Нѣмецкими женщинами въ видѣ ожерелья на шеѣ. По крайней мѣрѣ Нѣмецкое купечество

---

[1]) Hanserec., II Abt., I, 515, 1436: „ore brodere vorkoften annighen ebbeseer, Lettauwesch werck vor schone (werck) unde ok so vorsteken se id"...

[2]) Bunge, U. B., IV, 610, 1408: „twierleie werk, dat vormaket was und up andern toch boven sin recht getogen"... Cp. Bunge, VI, 141, 1346. Hanserec., II Abt., III, 569, 1451: „noch vortoghen werck, dat uppe enen anderen slach ghemaket is"... *Примѣч.*: Обыкновеннымъ способомъ при этой подѣлкѣ было, кажется, подклеиваніе и крашеніе мѣховъ. Но рядомъ съ нимъ играло большую роль выдѣлываніе изъ одной и той же шкурки двухъ или даже цѣлыхъ трехъ (Bunge, U. B., III, 311, 376: „men sal al hardink in sinem wesene laten, nicht limen noch besceren, noch beplucken, nock blien, noch in binden, noch lappen, noch de hovede, noch de vote af sniden und sal wesen sunder allerleie falscheit".

[3]) Bunge, U. B., VI, 141, 1346: „eder *harwerk*, dan van den Russen to gemaket si, eder ut anderen werke getogen si"... Hanserec., II Abt., I, 153, 1434: „en sal nemant jenigerleye werk beteen umme bathe willen

въ Брюгге жаловалось въ 1402 году, что у большей части присылаемыхъ туда изъ Лифляндіи соболей были отрѣзаны лапки, а у куницъ даже лапки и мордки [1]). Во второмъ случаѣ Новгородцы, какъ уже упомянуто выше, старались поправить недостатки дурныхъ мѣховъ подклеиваніемъ и подкрашиваніемъ: чернили, напримѣръ, мѣха собольи. Къ тому же роду обмана нужно причислить обычай вмѣсто цѣльныхъ звѣриныхъ шкурокъ давать составныя изъ нѣсколькихъ частей. Сколько можно думать, части различныхъ шкурокъ прилаживались однѣ къ другимъ, сшивались, склеивались или связывались вмѣстѣ, и, будучи подсунуты въ кипы мѣховъ, шли за цѣльныя. Это, такъ называемые, шевки (scevenissen), тройники (тройничи, troyenissen, troynissen) и двойники (двойничи, doyenissen, doynissen) [2]). Наконецъ, къ тому же разряду товаровъ нужно отнести ношеные мѣха или, такъ называемыя, выметки (wynmeteken, wymetéken, wymecken или opus wimeuse) [3]). Третье и послѣднее главнѣйшее нарушеніе правила имѣть въ обращеніи пушной товаръ такимъ, какимъ его создалъ Богъ, представлялъ, такъ называемый, чистый мѣхъ. Онъ извлекался изъ пушнаго товара и могъ состоять въ волосѣ или кожѣ [4]). Къ сожалѣнію, однако,

---

wedder to vorkopende". Hanserec., II Abt., III, 453, 1450; „nemant schone trogenisse noch harwerk ut schonewerk noch ut anderen reyen ledderwerke getogen kopen sal bii vorboringe des gudes". Hanserec., II Abt., IV, 135, 1453: „dat meme nene schone trogenisse schole kopen, noch troyenisse van reynem werke ummesteken off vortogen werk; unde ok schal me up vortogen werk nene upgiffte nemen"... Ср. стр. 97, 1453.

[1]) Bunge, U. B., IV, 423, 1402: „overmids dat se den meesten hoep van den marten vinden, den de hovede und ok de poten ofgesneden sin, und van den zabelen de poten"...

[2]) Ibid., II, 394, 1346: „noch nene neigede, noch limede, eder in nebunden doinissen"... Hanserec., I Abt., IV, 579, 1394: „van dem dusent schevenissen 24 reise unde van deme tymmer poppelen... vel". Hanserec., II Abt., I, 207, 1434: „Item van den troyenissen schal men vorkundigen den Russen up Martini erst totokomende (Nov. 11), er dat hervestige werk gevangen werd"... Hanserec., II Abt., III, 395, 1441.

[3]) Hanserec., II Abt., I, 153, 1434: „Jtem en sal nemant gedregene wynmeteken unumgekert kopen van den Russen bii vorboringe des gudes". Тамъ же, I, 515. Hildebrand, Rigische Schuldbuch, 103.

[4]) Hanserec., II Abt., I, 153, 1434: „Jtem en sal neyn Dutsche van Russen, noch to Naugarden noch in den steden, jenigerleye reyne werk kopen, dat uth anderen werke getogen is, edder id sii in dem hare edder in dem leddere"...

подробности относящихся сюда матерій не довольно ясны. Сколько, однако, можно понять изъ источниковъ, пріобрѣтеніе чистаго товара запрещалось только въ соединеніи съ другими статьями, напримѣръ, съ тройниками; отдѣльно и та, и другая статья покупались безпрепятственно [1]). Этимъ обстоятельствомъ пользовались Нѣмецкіе торговцы и, купивши вмѣстѣ тройники и кожу, утверждали, что они купили каждую статью отдѣльно, по ихъ дѣйствительной стоимости [2]).

I-е Примѣчаніе. Взаимныя торговыя отношенія Нѣмцевъ и Новгородцевъ, ихъ интересы, требовали опредѣленнаго мѣстопребыванія, гдѣ бы могла сосредоточиваться торгово-административная жизнь. Кромѣ этого общаго побужденія, со стороны Нѣмцевъ могли быть для этого и другіе мотивы: ихъ замкнутость, строго-корпоративный духъ, желаніе лучше оградить торговыя выгоды Нѣмецкихъ купцовъ въ чуждой имъ странѣ,—все это побуждало Нѣмцевъ найти опредѣленное мѣсто. И дѣйствительно, въ числѣ главныхъ условій подчиненія порядкамъ Нѣмецкой конторы въ Новгородѣ было жительство въ опредѣленномъ мѣстѣ. Несомнѣнно, что такое требованіе конторы было не безусловно для Нѣмецкихъ купцовъ. Какъ уже упомянуто выше, „послѣдніе временами даже принуждались недостаткомъ мѣста выступать изъ опредѣленнаго района и разселяться по Новгородскимъ дворамъ". Но это допускалось только въ случаѣ крайней необходимости. Личныя побужденія не принимались въ разсчетъ, и въ этомъ случаѣ „контора" налагала тяжелую руку на Нѣмецкихъ купцовъ, разъ рѣшившихся, по личному интересу и желанію, помѣститься у Новгородца: контора не допускала обратнаго принятія такихъ лицъ въ свою корпорацію.— Для большаго удобства совершенія торговыхъ операцій, для огражденія себя отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей и нужно было, такимъ образомъ, найти опредѣленное мѣсто, гостинный дворъ. Такихъ дворовъ въ разсматриваемую эпоху въ Новгородѣ было два: Готскій и Нѣмецкій. Они-то и были центрами торговой-экономической жизни Нѣмцевъ. Первоначальныя попытки для рѣшенія важнаго вопроса о мѣстѣ нахожденія иноземныхъ дворовъ въ древнемъ Новгородѣ находятся у Митрополита Евгенія и г. Красова. Въ изслѣдованіи г. Бе-

---

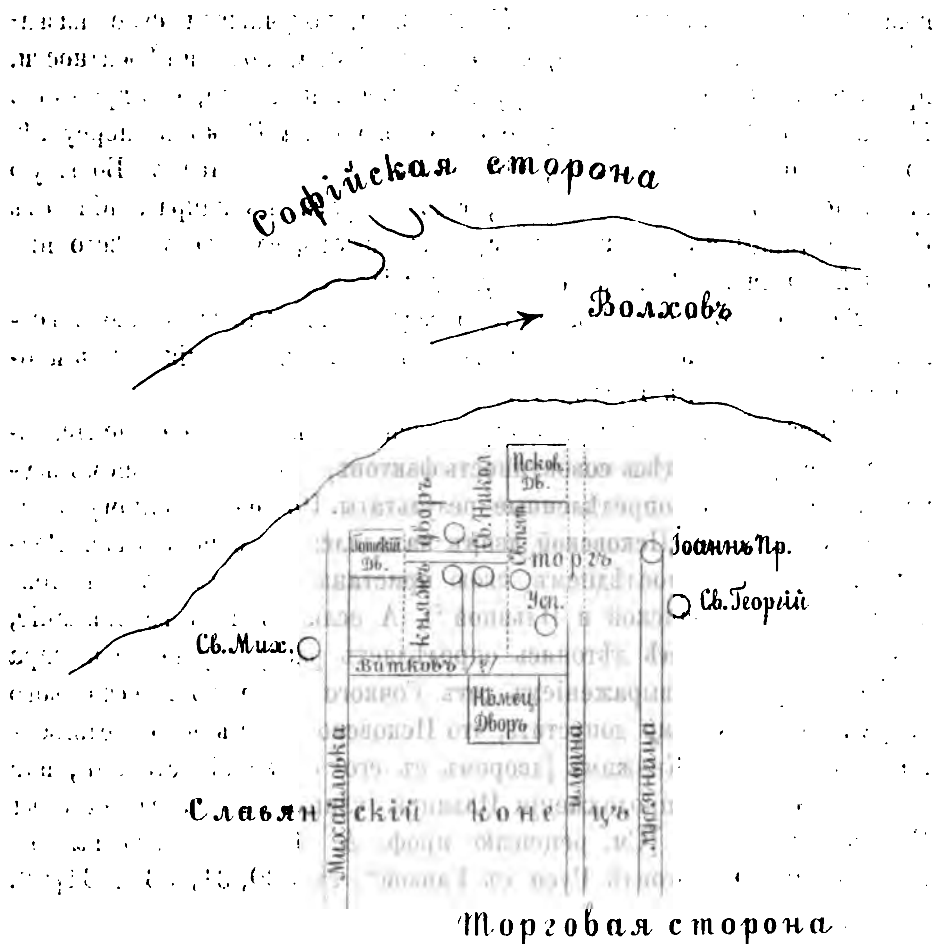
[1]) Hanserec., II Abt., I, 153, 1434: „Jtem so en sal men ok neyne troyenisse bii ledderwerke kopen in eynen sameden kope sunder elk bii sich selven"... Тамъ же, I. 207, 1434: „nymend en schal haerwerk efte packinge by dem reynen werke kopen".

[2]) Bunge, U. B., IV, 428, 1403.

режкова также нѣтъ надлежащаго рѣшенія этого вопроса. Въ настоящемъ „очеркѣ“ проф. Никитскаго есть строго-научныя данныя, опредѣляющія положеніе иноземныхъ дворовъ въ Новгородѣ. Но въ рукописи не находится свѣдѣній о мѣстонахожденіи, напримѣръ, Княжескаго, Псковскаго двора, торга, о положеніи улицъ Большой Михайловки и Ильиной, а также и Виткова переулка. А между тѣмъ съ послѣднимъ обстоятельствомъ связанъ вопросъ о мѣстѣ и самихъ иноземныхъ дворовъ: положеніе ихъ точнѣе опредѣлится, когда мы представимъ мѣстоположеніе Княжаго и Псковскаго дворовъ и направленіе означенныхъ улицъ. Въ виду этого я счелъ не лишнимъ привести данныя о положеніи означенныхъ дворовъ и торга, а также и планъ, на которомъ наглядно выражены эти, добытыя покойнымъ историкомъ, данныя и приведенныя имъ въ его рецензіи на сочиненіе Бережкова „О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в.“ Планъ этотъ, хотя и не претендуетъ, по словамъ самого историка Никитскаго, на безусловную точность въ частностяхъ, въ цѣломъ, однако, можетъ считаться довольно вѣрнымъ отраженіемъ настоящаго положенія дѣлъ.

„Знакомство съ топографическими данными изъ мѣстоположенія древняго Новгорода необходимо для полнаго уразумѣнія дѣла. Изъ этихъ данныхъ важны свѣдѣнія о положеніи въ Новгородѣ Княжаго двора и улицъ Ильиной и Большой Михайловки, равно какъ и Виткова переулка. Опредѣлить положеніе Ярославова дворища не трудно. Такъ какъ по лѣтописи на Ярославовѣ дворѣ находились существующія и нынѣ церкви св. Николая, Женъ Мироносицъ и св. Прокопія, то ясно, что Княжъ дворъ занималъ мѣсто между нынѣшней Большой Михайловской улицей и Волховомъ, при чемъ границу его съ сѣверной стороны образовала церковь св. Пятницы. Точно также не трудно опредѣлить и положеніи торга. Какъ это видно изъ положенія церквей, помѣщаемыхъ лѣтописью въ торгу, а именно св. Пятницы, Успенія Богородицы, св. Георгія, онъ лежалъ тотчасъ за Княжескимъ дворомъ, по направленію къ сѣверу [1]). Сѣверную границу его составляла, кажется, улица Лубяница. Нѣсколько труднѣе указать направленіе искомыхъ улицъ. Изслѣдователи, обыкновенно, полагаютъ, что Ильина улица тянулась по мѣсту нынѣшней Знаменской; но это, кажется, вѣрно только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ какъ по лѣтописи церковь Успенія Богородицы находилась въ концѣ Ильиной улицы, то ясно, послѣдняя не вполнѣ сообразовалась съ направленіемъ нынѣшней Знаменской, а нѣсколько отступала къ югу и при-

[1]) Красовъ, „О мѣстоположеніи древняго Новгорода“, 87 и 90 стр.

ходила къ торгу нѣсколько ближе по отношенію къ Княжескому двору [1]). Она имѣла продолженіе и черезъ торгъ, по направленію къ Большому Волховскому мосту, которымъ, обыкновенно, производилось сношеніе между обѣими сторонами городу; но это продолженіе Ильиною улицей не называлось. Такъ было на сѣверной сторонѣ, что же касается южной, то тамъ, параллельно съ Ильиною улицей, шла Боль-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 91—92, 1385 г.: „а у Успенья св. Богородицы, конецъ Ильинѣ улицѣ, внутри церкви, велми много погорѣло у купцевъ въ коробьяхъ всякого товара“...

шая Михайловская улица, или Михайловка, получившая свое названіе отъ церкви св. Михаила, мимо которой она, по всей вѣроятности, проходила. Но такъ какъ съ другой стороны извѣстно, что храмъ св. Михаила помѣщается лѣтописью одинаково и на Витковѣ переулкѣ, то необходимо предположить, что послѣдній перерѣзывалъ Большую Михайловку у указанной церкви, т.-е. тянулся въ направленіи отъ Ильиной улицы къ Михайловкѣ и, быть-можетъ, занималъ мѣсто нынѣшней Большой Михайловской улицы" [1]).

Только что приведенныя топографическія данныя и даютъ возможность яснѣе представить, точнѣе опредѣлить положенія всѣхъ иноземныхъ дворовъ въ Новгородѣ.

„Менѣе точны данныя, которыя уясняютъ намъ положеніе Псковскаго двора; но и здѣсь совокупность фактовъ, при внимательномъ изученіи, даетъ весьма опредѣленные результаты. По несомнѣнному позднѣйшему извѣстію, Псковской дворъ находился на берегу рѣки Волхова и имѣлъ на послѣднемъ свою пристань, въ сосѣдствѣ съ пристанями улицъ Иванской и Ильиной [2]). А если принять во вниманіе, что въ одномъ случаѣ лѣтопись опредѣляетъ распространеніе пожара по Княжему двору выраженіемъ „отъ Гочкого двора до Плесковского двора", то необходимо допустить, что Псковской дворъ непосредственно слѣдовалъ за Княжимъ дворомъ съ его сѣверной стороны, или иначе лежалъ на продолженіи Ильиной улицы, въ направленіи къ Волховскому мосту. [См. рецензію проф. А. И. Никитскаго на соч. Бережкова: „О торговлѣ Руси съ Ганзой", стр. 30, 31, 33 и 34]" [3]).

2-е Примѣчаніе. Съ теченіемъ времени, однако, съ водвореніемъ бо́льшей осѣдлости священниковъ, замѣчается стремленіе къ уравненію правъ и тѣхъ и другихъ гостей. Въ началѣ XIV вѣка было постановлено, что зимніе гости могутъ жаловать своего священника четырьмя марками серебра изъ княжескаго сбора; но въ то-же время это положеніе было распространено и на лѣтнихъ гостей. Кромѣ того, на тотъ случай, когда бы священникъ остался пребывать во дворѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 241, 1454 г.: „Поставиша церковь каменну изнова св. арх. Михаила на Михаиловѣ улицы, на Витковѣ переулкѣ".

[2]) А. А. Э., I, 401, 1586 г.: „А съ судовые пристани на посадѣ, по обѣ стороны рѣки Волхова, сбирати съ пристани у Ильины улицы, а у Иваньскіе улицы, подъ рыбнымъ рядомъ и подъ Псковскимъ дворомъ, и подъ иными улицами"...

[3]) П. С. Р. Л., III, 103, 1406 г.

въ промежутокъ времени между отъѣздомъ зимнихъ и прiѣздомъ лѣтнихъ гостей и когда, вслѣдствiе незначительнаго числа остававшагося во дворѣ купечества не могъ расчитывать на достаточную поддержку съ ихъ стороны, было постановлено, чтобы казна выдавала ему на содержанiе пол-фердинга на недѣлю (Bunge, U. B., VI, 502, 1338 г.).

3-е Примѣчанiе. Въ Лифляндiи иноземнымъ купцамъ, не пользовавшимся правомъ св. Петра, Фламандцамъ и Англичанамъ, было запрещено вступать въ какiя-либо торговыя связи не только съ Русскими, но даже и съ самими Нѣмцами, въ противномъ же случаѣ товары были секвестрованы въ пользу города [1]). Впослѣдствiи, сообразно съ дальнѣйшимъ движенiемъ исторической жизни, эти ограниченiя были распространены и на другiе поднимавшiеся города. Запрещенiе торговать съ Лифляндiей и особенно ѣздить чрезъ эту страну въ Россiю было наложено какъ на Шотландцевъ, такъ и на Испанцевъ съ Французами (Hanserec., II Abt., III, 450, 1450 г.).

---

[1]) Hanserec., II Abt., I, 151, 1434 г.: „Item so en sal neyn Vlamijnch noch Engelsche hir int lant [Лифляндiю] komen, dan scheppern unde schepmans wiis, noch nenerleye wiis hir copslagen mit Dutschen noch mit Russen, offte dat jemant dede, dat gut sal de stadt upholden, dar de handelinge inne geschut up der stede seggent“,

III. Торжество Московскаго порядка (XIV—XV в.).

1. Зачатки денежнаго хозяйства.

Въ начальное время экономическій бытъ Великаго Новгорода и Пскова находился еще на ступени натуральнаго хозяйства, такъ какъ распредѣленіе продуктовъ тамъ совершалось на основаніи непосредственной мѣны. Въ существенной части такой порядокъ продолжалъ поддерживаться и вплоть до прекращенія самобытнаго существованія Новгорода. Тѣмъ не менѣе, съ начала XV столѣтія въ Новгородской жизни обнаруживаются мѣры, свидѣтельствующія о стремленіи ея организоваться на новомъ денежномъ началѣ. Причины такого поворота совершенно понятны: умноженіе сношеній сѣверо-запада Россіи съ Нѣмецкими городами, расширеніе торговыхъ оборотовъ требовали введенія въ жизнь болѣе или менѣе совершеннаго орудія мѣны. А кунныя деньги, уже по самой сущности своей, весьма мало отвѣчали этому требованію. Къ тому же, благодаря накопленію въ рукахъ Новгородцевъ благородныхъ металловъ, онѣ все болѣе падали въ своей цѣнѣ относительно послѣднихъ. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ періодъ XIII столѣтія гривна серебра заключала въ себѣ не болѣе $7\frac{1}{2}$ кунъ. Напротивъ, въ началѣ XV вѣка рубль, соотвѣтствовавшій по значенію прежней гривнѣ серебра, содержалъ въ себѣ уже 30 гривенъ кунъ, заключавшихъ въ себѣ, въ свою очередь, 350 ногатъ или 875 рѣзанъ [1]). Куны, однако, упали въ цѣнѣ не только противъ серебра, но и противъ самыхъ бѣлокъ, которыя, какъ цѣлыя

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 199, 1407 г.: „а соли по осми мордокъ и по гривнѣ пудъ, а кунъ на полтину по 15 гривенъ“. Тамъ же, V, 24, 1422: „и въ Псковѣ тогда бяше Зобница ржи по 70 ногатъ, а жито зобница по 50 ногатъ, а овса по 30 ногатъ, а на полтину ржи полътретьи ($2\frac{1}{2}$) зобницы“.

шкурки, были товаромъ, годнымъ къ употребленію, и потому сохраняли, несмотря на всѣ перемѣны, свою естественную цѣнность. Изъ купчихъ XV вѣка видно, что въ это время бѣлокъ на рубль насчитывалось только сто; а между тѣмъ какъ показано выше, въ XV столѣтіи кунъ на рубль полагалось 350 ногатъ или 875 рѣзанъ: разница громадная [1]). Такимъ образомъ ясно, что кунная денежная система требовала рѣшительной замѣны, а такъ какъ важные интересы связывали Новгородъ и Псковъ съ Нѣмцами, то понятно, что и новую денежную систему они приняли отъ Нѣмцевъ. У Нѣмцевъ же въ началѣ XV столѣтія подлѣ Любской марки съ ея шиллингами и пфенигами, преимущественно распространенной по Лифляндіи, имѣла мѣсто и Рижская марка, подраздѣлявшаяся на шиллинги, артиги и пфенниги [3]). Марки и шиллинги были собственно простыми счетными единицами; марка по цѣнности своей составляла около полтора гильдгульдена, а шиллингъ являлся 36 долей марки. Собственно ходячей монетой служили артиги и пфенниги, изъ которыхъ послѣдніе служили обозначеніемъ вообще для всякаго рода чеканной монеты, преимущественно, впрочемъ, для Любскихъ пфенниговъ. Три подобныя пфеннига образовали одинъ артигъ. Что же касается до послѣдняго, то въ древнѣйшее время, въ періодъ епископа Альберта, артиги были равноцѣнны съ шиллингами, а затѣмъ къ началу XV столѣтія упали до $^1/_4$ шиллинга. Такимъ образомъ Рижская монетная система въ началѣ XV столѣтія представляла слѣдующій видъ.

1 марка = 36 шиллин. = 144 арт. = 432 пфен.
1 шиллин. = 4 арт. = 12 пфен.
1 арт. = 3 пфен. [4]).

Какъ показываютъ названія заимствованныхъ Русскимъ сѣверозападомъ монетныхъ единицъ, пѣнязей (пфениговъ) и артуговъ (артиговъ), въ основаніи новой Новгородской и Псковской системъ была принята система Рижская или какая-либо иная, близкая къ послѣдней. Псковичи при этомъ заимствованіи строго придерживались одной и той же системы. Но Новгородцы почти одновременно, а именно въ 1410 году, заимствовавши монету отъ Нѣмцевъ, допустили къ себѣ

[1]) А. Ю. № 71 (XXVII), XV в.: „се купи игуменъ Лука землю, а далъ семь рублей, по сту бѣлокъ за рубль“.
[2]) Bunge, U. B., VI, 336, 1404 г.
[3]) Bunge, U. B., V, 868.
[4]) Bunge, U. B, V, 415, 1418 г.: „und noch uppe 11½ stucke peninge“...

на мѣсто старой кунной системы, какъ собственно Нѣмецкія деньги, такъ и деньги иноземныя, имѣвшія значеніе въ Лифляндіи, а можетъ быть и въ самомъ Новгородѣ, а именно: артиги, лобки (любки, любскіе пфенниги?) и гроши Литовскіе [1]).

Вводя Нѣмецкую монету, Новгородцы и Псковичи надѣялись замѣнить упавшія куны какими-либо сносными деньгами; но къ сожалѣнію, введенные ими Нѣмецкіе пфенниги сами находились въ началѣ XV столѣтія въ совершенномъ упадкѣ и требовали радикальнаго измѣненія. Въ особенности плоха была, наиболѣе распространенная по Лифляндіи, Любская монета. Поэтому и между Нѣмцами обнаруживается въ XV столѣтіи рядъ попытокъ къ поднятію монетной системы. Прежде всего Рижскій архіепископъ Іоаганнъ Габунди положилъ въ 1422 году чеканить пфенниги, по четыре на шиллингъ, изъ восьми-лотной вѣсовой марки. Счетная марка должна была состоять по прежнему изъ 36 шиллинговъ, или 144 пфенниговъ и сама стоить 7 лотовъ чистаго серебра [2]). Слѣдующій архіепископъ Геннингъ Шарфенбергъ пошелъ еще дальше; принялъ участіе въ Вальскомъ договорѣ 1424 года, который постановилъ, что долги и пени изъ времени предшествовавшаго договору, можно еще было уплачивать старою монетою; долги же и пени, которые возникли уже послѣ договора, тѣ должны были быть уплачиваемы непремѣнно новою монетою, марка которой должна равняться четыремъ маркамъ старой, Любскаго чекана. Наконецъ, въ 1426 году второй Вальскій договоръ постановилъ, что старые шиллинги должны называться артигами, полушиллинги—шерфами, три Любскіе пфеннига должны составлять одинъ новый артигъ и что кромѣ артиговъ, шерфовъ и Любскихъ въ обращеніи не можетъ быть никакой монеты. Въ силу этого договора новая Лифляндская монетная система получила слѣдующій видъ:

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 100, 1410 г.: „начаша торговати промежи себе лобки и гроши Литовьскими и артугы Нѣмецскими, а куны отложиша".

[2]) Bunge, U. B., V, 868, 1422 г.: „Jnt erste dat men... slan mach und sal enen penning na artiger wise... welk penning sin sal half van gudem sulver und half van kuppere to gesattet, und sal wert sin drier artige und twelf Lubische des olden geldes... Dusser sulven penninge sal men up ene gewegene mark na Rigisch wicht gewegen scroden en und vertich schillinge und de sollen holden VIII loet lodiges sulvers en quentin sunder var. Und solet ses und dertich Schillinge maken ene nie mark Rigisch; welker nie mark ene islik holden sal seven loet lodiges sulvers und sal wert sien drier mark Rigisch an artigen des olden pagementes"...

1 марка=36 арт.=72 шерф.=108 люб. пф.
1 арт.=2 шерф.=3 люб. пф.
1 шерф.=$1\frac{1}{2}$ люб. пф. [1]).

Но если старая монетная система не могла удержаться въ самой Лифляндіи, то еще менѣе можно ожидать, чтобъ она сохранила свою силу на Руси. Дѣйствительно, Новгородцы уже въ 1420 году продали свои артуги Нѣмцамъ, а въ 1424 году ихъ примѣру послѣдовали и Псковичи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тѣ, такъ и другіе, завели особенныя деньги, собственнаго чекана [2]). Но, кажется, новая, собственная Новгородская и Псковская монета, замѣнившая пфенниги, не осталась безъ нѣкотораго воздѣйствія со стороны Нѣмецкой жизни. На это указываютъ два обстоятельства. Съ одной стороны, новая Псковская монета дѣлалась домашними мастерами изъ чистаго серебра; а это, какъ мы уже показали, замѣчается и при преобразованіяхъ Нѣмецкихъ денегъ [3]). Съ другой—новая сѣверо-западная Русская монета, Новгородская и Псковская, представляла въ XV столѣтіи нѣкоторыя отличія отъ юго-восточной, Московской,—обстоятельство, всего удобнѣе могущее быть объясненнымъ тѣмъ соображеніемъ, что при выдѣлкѣ Новгородской монеты не осталось безъ вліянія предшествующее знакомство съ Нѣмецкими деньгами.

На счетъ разницы, существовавшей между Новгородской и Московской денежными системами, мнѣнія ученыхъ весьма противорѣчивы. Заблоцкій, одинъ изъ компетентныхъ изслѣдователей вопроса, полагаетъ, что разница была просто только счетною, т. е., что Новгородскій рубль заключалъ въ себѣ такое же количество серебра, какъ и Московскій; но что денегъ въ немъ считалось только сто, т. е. вдвое менѣе Московскаго. Возникновеніе такой разницы Заблоцкій объясняетъ порчей Московскихъ денегъ, которая имѣла мѣсто при Василіи II и вслѣдствіе которой, подлѣ старыхъ 18-дольныхъ денегъ, явились деньги въ 9 съ дробью долей и меньше, и такимъ образомъ въ рубль стало входить уже не сто, а двѣсти Московокъ. Напротивъ Прозоровскій, другой свѣдущій изслѣдователь этого дѣла, увѣряетъ, что подобно Московскому и Новгородскій рубль заключалъ въ себѣ

---

[1]) Bunge, VII, 283, 1426.

[2]) П. С. Р. Л., III, 109, 1420.: „начаша Новгородци торговати денги серебряными, а артугы попродаша Нѣмцемъ; а торговали ими 9 лѣтъ“.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 203, 1420: „начаша Псковичи денгами торговати чистымъ серебромъ“.. Тамъ же, V, 24, 1424: „Псковичи отложиша пѣнязии артугы торговати, и приставиша мастеровъ денги ковати въ чистомъ серебрѣ“.

первоначально не сто, а двѣсти денегъ, и потому, когда Московскія деньги потеряли при Василіи Темномъ половину своего вѣса, тогда Новгородскій рубль сталъ отличаться отъ Московскаго не только счетно, но и вещественно, т. е. сдѣлался вдвое болѣе послѣдняго. Главнѣйшія доказательства вещественнаго тождества Новгородскаго и Московскаго рублей Заблоцкій видѣлъ въ томъ, что 1) не вѣсъ, а число сдѣлалось отличительнымъ признакомъ того и другаго рубля, что въ древности говорилось не иначе, какъ „столько-то рублей Московскимъ или Новгородскимъ числомъ, въ Московское или Новгородское число“ и 2) что, при предположеніи вещественнаго превосходства Новгородскаго рубля, необходимо долженъ былъ имѣть мѣсто постоянный переводъ Новгородскаго рубля въ цѣломъ и еще болѣе въ частяхъ на Московскій счетъ, а этого то именно и не замѣчается [1]). Въ опроверженіе послѣдняго Прозоровскій приводитъ два случая перевода, изъ которыхъ въ одномъ три Новгородскія деньги замѣнены алтыномъ (т. е. шестью Московскими деньгами), а въ другомъ Новгородскій рубль уравненъ двумъ рублямъ, пяти алтынамъ и двумъ деньгамъ Московскимъ, а Новгородская полтина безъ гривны—рублю, 2 алт. и 4 Московскимъ деньгамъ. Но, по мнѣнію Заблоцкаго, первый изъ этихъ случаевъ только подтверждаетъ извѣстное положеніе о двойномъ значеніи не рубля, а Новгородской деньги, сравнительно съ Московскою; второй же, по своей исключительности, можетъ быть считаемъ за слѣдствіе произвола, недоразумѣнія или скорѣе ухищреній сторонъ, заключавшихъ актъ. Намъ кажется, однако, такое разсужденіе совершенно искуственно, особенно въ виду того обстоятельства, что примѣръ перевода, приведенный Прозоровскимъ, далеко не исключительный. Напротивъ, памятники представляютъ много совершенно аналогичныхъ явленій. Въ одномъ документѣ, озаглавленномъ г. Купріяновымъ „отрывки изъ расходныхъ книгъ Софійскаго дома“ и относящемся къ 1548 году, замѣчается не мало случаевъ перевода, не оставляющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ отношенія Новгородскаго и Московскаго рублей. Такъ, напримѣръ, въ этомъ документѣ 37 рублей 8 гривенъ и $5\frac{1}{2}$ Новгородскихъ денегъ уравнены 81 рублю, 3 алтынамъ съ деньгою въ Московское число. Подобнымъ образомъ, въ томъ же документѣ, 18 руб., 7 грив. и 4 деньги Новгородскія уравнены 38 рубл., 28 алтынамъ и 2 деньгамъ въ Московское число [2]).

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. за 1857 г., № 95, стр. 23—24.

[2]) „Расход. кн. Соф. дома“, 19, 1548: „а денегъ дано за тотъ медъ 37 рублевъ и 8 гривенъ и полъшеста деньги въ Новгородцкое число, а въ Москов-

Уже одинъ бѣглый взглядъ на представленныя цифры показываетъ ясно, что Прозоровскій былъ правъ, утверждая, что Новгородскій рубль вдвое превосходилъ Московскій не только счетомъ, но и по веществу. Ближайшее ознакомленіе съ монетными системами Новгорода и Пскова, какъ нельзя больше, подтверждаетъ это заключеніе. Какъ должно, несомнѣнно думать, на основаніи того же, указаннаго нами, памятника, Московская рублевая система имѣла слѣдующій видъ:

1 рубль	=2 полт.	=10 гривн.	=33 алт.	+2 ден.	=200	денегъ.
	1 „	= 5 „	=16 „	+4 „	=100	„
		1 „	= 3 „	+2 „	= 20	„
			1 алтынъ		= 6	деньгамъ.

Что же касается до Новгородской рублевой системы, то понятіе о ней даютъ другіе памятники. Если лѣтописецъ подъ 1478 годомъ говоритъ, что Новгородцы просили великаго князя брать съ нихъ въ дань по 7 денегъ съ трехъ обежъ и великій князь согласился на просьбу, повелѣлъ брать съ сохи по полугривнѣ, то ясно, что Новгородская полугривна равнялась 7 деньгамъ, цѣлая же гривна, слѣдовательно, заключала въ себѣ 14 денегъ [1]). Если далѣе писцовая книга, памятникъ, по своей денежной системѣ относящійся, вопреки Заблоцкому, къ числу Новгородскихъ, уравниваетъ 16½ гривенъ+12 денегъ—рублю съ гривною и 13 деньгамъ, то ясно, что Новгородская рублевая система будетъ имѣть слѣдующій видъ:

1 рубль Новг.	=2 полт.	=15 гривн.	+ 6 ден.	=216	деньгамъ.
	1 „	= 7 „	+10 „	=108	„
		1 гривна		= 14	деньгамъ [2]).

ское число 81 рублей и три алтына съ денгою". Тамъ же, стр. 14; „а денегъ дано за тотъ медъ 18 рублевъ 7 гривенъ и 4 деньги въ Новгородское число, а въ Московское число 38 гривенъ (чит: рублевъ), 28 алтынъ и 2 деньги". Тамъ же, 34: а денегъ дано 8 рублевъ и 3 гривны и 3 деньги въ Новгородское число, а въ Московское число 8 (чит.: 18) рублевъ 2 деньги".

[1]) П. С. Р. Л., VI, 217, 1478: „и владыка со всѣми своими отъ всего города начаша бити челомъ, чтобы государь пожаловалъ смиловался, ималъ бы по тому дани, какъ бьетъ челомъ, по 7 денегъ съ трехъ обжей..... И князь великій тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати ему единова на годъ дань съ сохи по полугривнѣ со всѣхъ волостей Новугородскихъ".

[2]) Врем. XI, 10—11: „А нового оброку на тѣ деревни положено... денегъ полъ 5 гривны, а за третной хлѣбъ положено... деньгами 12 гривенъ и 12 денегъ. И всего оброку на тѣ деревни положено... рубль съ гривною и 13 денегъ".

Для того, чтобы опредѣлить теперь отношеніе Новгородскаго рубля къ Московскому, мы прежде всего должны вспомнить, что расходныя книги Софійскаго дома уравниваютъ Новгородскую гривну 28 Московскимъ деньгамъ [1]). А такъ какъ Новгородскихъ денегъ въ гривнѣ было всего только 14, то ясно далѣе, что Новгородская деньга равнялась двумъ Московскимъ. Вставляя эти данныя въ одинъ изъ образчиковъ перевода, а именно въ уравненіе: 37 рубл.+8 грив.+5½ денегъ Новгородскихъ=81 р.+3 алт.+1 ден. Московская, мы получимъ, что Новгородскій рубль равнялся 432 Московскимъ деньгамъ. Этотъ результатъ мы считаемъ совершенно вѣрнымъ, такъ какъ онъ подтверждается другимъ источникомъ, гдѣ Новгородскій рубль приравненъ къ 2 рубл., 5 алт. и 2 деньгамъ Московскимъ, т. е. также къ 432 Московскимъ деньгамъ [2]). А имѣя въ рукахъ этотъ выводъ, мы можемъ уже легко исправлять въ источникахъ неточности счетчиковъ и переписчиковъ. Несообразности ихъ иногда, какъ, напримѣръ, въ уравненіи: 8 рубл. Новг.+3 грив.+3 ден.=8 рубл.+2 ден. Москов., очевидны. Здѣсь не только подъ 8 Московскими рублями нужно подразумѣвать 18, но и подъ 3 Новгородскими гривнами—5. Подобная же явная несообразность замѣчается и въ другомъ примѣрѣ, уравнивающемъ Новгородскую полтину безъ гривны Московскому рублю+2 алт. и 4 деньгамъ, т. е. 216 деньгамъ, тогда какъ собственно вся полтина равнялась не болѣе, какъ 216 деньгамъ [3]). Выводъ этотъ далѣе даетъ возможность видѣть неправильность мнѣнія Прозоровскаго, полагавшаго, на основаніи одного мало достовѣрнаго источника, въ которомъ 14 Новгородскихъ гривенъ+4 деньги уравнены съ Новгородскимъ рублемъ, что по присоединеніи къ Москвѣ Новгородскій рубль сталъ якобы числиться въ 200 денегъ [4]).

---

[1]) Расх. кн., стр. 15: „дано (7) дружинникамъ на человѣка по 5 гривенъ по Ноугородцкую, а коровнику дано 4 гривны Ноугородцкую, да сыну его Иванку дано 10 алтынъ, да конюху Степану дано полтина Московская, да мельнику Игнату на топоръ дано 5 алтынъ безъ двухъ денегъ; и всѣхъ денегъ дано имъ 6 рублевъ 13 алтынъ и 2 денги Московское число“.

[2]) А. И., I, 404, 1587: „взяти заповѣди рубль Ноугородской, а въ Московское число два рубли пять алтынъ и двѣ деньги“.

[3]) А. И., I, 404, 1587: „на тѣхъ заповѣди полтина Ноугородская безъ гривны, а въ Московское число рубль два алтына и четыре денги“.

[4]) Пам. Ст. Р. Л., I, 21: „Иманіе же лихвы на 14 гривенъ и на 4 деньги точію по единой деньгѣ на годъ“... Тамъ же, I, 22: „взимаше на годъ по денгѣ, на Новогородскій рубль Новогородскую денгу“. Прозоровскій, 499—500.

Представленная нами Новгородская денежная система утвердилась не сразу, какъ оно, впрочемъ, и совершенно естественно при полной новизнѣ монетнаго дѣла въ Великомъ Новгородѣ. Прежде всего, врядъ ли можно предполагать, что правительство съ самаго начала взяло выдѣлку монеты въ свое непосредственное завѣдываніе. Гораздо скорѣе должно думать, что выдѣлка монеты была поручена простымъ серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, которые въ этомъ качествѣ получали уже названіе денежниковъ. Трудно также предполагать, чтобы въ началѣ былъ точно опредѣленъ и самый вѣсъ монетъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ для денежниковъ открывался большой просторъ къ выдѣлкѣ недоброкачественной монеты, особенно когда и самая выдѣлка была крайне несовершенною [1]). Неудивительно поэтому, что первыя собственно Новгородскія деньги, сдѣланныя въ 1420 году, вскорѣ, а именно въ 1447 году, подверглись осужденію и были обречены на передѣлку. Для послѣдней цѣли Новгородское правительство назначило пять особыхъ денежниковъ, которые за плату, простиравшуюся до деньги съ двумя гривнами, и перечеканили старую монету, конечно, не безъ убытковъ для владѣльцевъ старыхъ денегъ. При передѣлкѣ значеніе монеты осталось то же, но содержаніе серебра было опредѣлено въ 4 почки, а такъ какъ, по свидѣтельству торговой книги, почекъ въ золотникѣ было 25, въ фунтѣ, слѣдовательно, 2400, то изъ фунта серебра дѣлалось 600 Новгородскихъ денегъ или $2^{7}/_{9}$ Новгородскихъ рубля [1]). По совершеніи этой перечеканки, Новгородскія деньги установились прочно, и если денежное дѣло подавало еще иногда поводъ къ смятеніямъ, то они имѣли своимъ источникомъ остатки старины. Какъ мы уже видѣли, и до введенія серебряной монеты серебро не было чуждо Новгородскому рынку, но оно имѣло ходъ только на вѣсъ. Такими вѣсовыми серебряными единицами были рубли и полтины. Вѣсовыя серебряныя единицы не исчезли и по вве-

---

П. С. Р. Л., VI, 296, 1535: „начаша безумніи человѣцы... тѣ прежніе денги рѣзати и злый примѣсъ въ сребро класти, того много лѣтъ творяху".

[1]) П. С. Р. Л., IV, 125, 1447: „начаша людіе денги хулити сребряныя: даже и вся Новгородци другъ на друга смотря, и бьютъ межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадникъ, и тысяцкій, и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя денги, а новыя ковати въ ту же мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденгѣ; и бысть крестьянамъ скорбь велика и убытокъ въ городи и по волостемъ". Сборникъ Муханова, 2 изд., 355: „а малыхъ въ фунтѣ 2 гривенки, а золотниковъ 96 золотниковъ... а въ золотникѣ почекъ 25".

денія настоящихъ денегъ, а остались нѣкоторое время въ обращеніи и сдѣлались источникомъ большой сумятицы въ Новгородѣ. По всей вѣроятности, при отливаніи рублей, какъ въ прежнія времена, такъ и въ XV столѣтіи, вкралась какая либо фальшь или обманъ, или, по крайней мѣрѣ, такая фальшь была просто сочинена злонамѣренными людьми, ожидавшими отъ передѣлки ихъ себѣ выгоды. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, только въ томъ же 1447 году недоброкачественность ихъ, дѣйствительная или мнимая, возбудила между Новгородцами всеобщія жалобы и вызвала судебное разслѣдованіе. Денежникъ Өедоръ Жеребецъ, выведенный посадникомъ Сокирой на вѣче, подъ хмѣлемъ оговорилъ 18 человѣкъ, въ пользу которыхъ онъ якобы лилъ рубли. По этому оговору многіе изъ обвиненныхъ поплатились жизнію, будучи сброшены съ мосту. Но, протрезвившись, Жеребецъ отвергнулъ свое первое показаніе и сказалъ, что онъ лилъ рубли на всю землю, на всѣхъ одинаково, и что въ этомъ могутъ быть свидѣтелями его товарищи лівцы, вѣсившіе рубли съ нимъ вмѣстѣ. Но это новое показаніе не спасло, однако, его самого, и Жеребецъ былъ преданъ смерти [1]. Такимъ образомъ, дѣло это не вполнѣ ясно; но какъ бы то ни было, оно послужило, кажется, поводомъ къ окончательному устраненію литыхъ рублей изъ обращенія и къ замѣнѣ ихъ чеканными деньгами. Рубли и полтины съ этихъ поръ, если и сохраняются еще въ Новгородскомъ быту, то только въ качествѣ счетныхъ единицъ [2].

Кромѣ собственно мѣстныхъ, въ Новгородской жизни встрѣчаются и иноземныя монетныя единицы. Послѣднія, впрочемъ, врядъ-ли служили орудіемъ обращенія, особенно въ денежныхъ оборотахъ. Онѣ скорѣе были орудіемъ сбереженія: ихъ Новгородцы откладывали на черный день и въ важныхъ случаяхъ приносили ихъ въ даръ знатнымъ лицамъ. Иноземныя монетныя единицы относились къ разряду золотой монеты. Изъ нихъ источники упоминаютъ о двухъ монетныхъ знакахъ: о корабленикѣ или золотомъ корабленикѣ и о просто золотомъ, но весьма вѣроятно, что встрѣчались и другія единицы золотой монеты [3]) Подъ кораблениками нужно разумѣть не что иное, какъ англійскія нобели, которые, по иностраннымъ извѣстіямъ, попадали пу-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 126, 1447.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 126, 1447: „Новгородци охулиша сребро, рубли старыи и новыи; бѣ денежникамъ прибатокъ, а серебро передѣлаша на денги, а у денежниковъ поимаша посулы". *Примѣч.* Посулы есть не что иное какъ подарки, взятки за судопроизводство (Рус. Достопамятн., I, 150 примѣчан.)

[3]) П. С. Р. Л., VI, 204, 1476: „Декабря 23 пиръ у Луки у Өедорова;

темъ торговли въ руки Новгородцевъ и между которыми одинъ видъ имѣлъ на себѣ изображеніе корабля [1]. Что же касается до золотыхъ просто, то позднѣйшія извѣстія показываютъ, что подъ ними нужно разумѣть золотые угорскіе, т. е. Венгерскіе дукаты. Цѣнность и тѣхъ и другихъ опредѣлить весьма не трудно. Расходныя книги Софійскаго дома указываютъ прямо, что корабленикъ покупался за 36 алтынъ, а такъ какъ въ алтынѣ было 6 денегъ, то за 216 Московскихъ денегъ, а это, въ переводѣ на Новгородскую цѣнность будетъ составлять 108 Новгородскихъ денегъ или ровно Новгородскую полтину. Въ сравненіи съ корабленикомъ золотой угорской является почти вдвое меньшимъ, такъ какъ угорскій почти равнялся тоже полтинѣ, но только Московской. Тѣ же расходныя книги опредѣляютъ покупную цѣну его въ 20 алтынъ, т. е. въ 120 Московскихъ денегъ или Московской полтинѣ съ гривной [2]. Вслѣдствіе приближенія къ полтинѣ и золотого угорскаго, въ случаѣ поднесенія въ даръ этой монетной единицы, иногда, вѣроятно по неимѣнію на лицо самой монеты, давалась даримому лицу просто Московская полтина [3].

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному уже въ самыхъ своихъ зачаткахъ не остался безъ нѣкотораго вліянія на характеръ экономическаго быта Великаго Новгорода. Повидимому ему должно быть приписано прежде всего окончательное сосредоточіе въ рукахъ не многихъ Новгородской поземельной собственности. Ударъ разразился прежде всего надъ мелкою поземельной собственностью. Располагая богатѣйшими средствами, крупные землевладѣльцы естественно могли больше льготить крестьянъ, чѣмъ мелькіе и этимъ путемъ подрывать послѣднихъ. Упадокъ мелкихъ землевладѣльцевъ или, такъ называемыхъ, своеземцевъ всего лучше виденъ изъ того факта, что въ ближайшихъ къ Новгороду погостахъ къ концу XV столѣтія этотъ классъ поземельныхъ собственниковъ имѣлъ уже весьма ничтожное число представителей. Въ значительномъ же количествѣ онъ

даровъ 20 корабленикъ, 20 золотыхъ". Bunge, IV, 664. П. С. Р. Л., VI, 202, 1476: „а даровъ владычнихъ... 100 корабленикъ"...

[1]) Hanserec., II Abt., I, 510, 1436: „Jnt erste clageden se [Новгородца] als van dem wande... item wo dat de nobelen valsch weren"...

[2]) Купріяновъ, Расх. кн., 25: „куплено у Грибана у Артющина 48 золотыхъ угорскихъ да 16 золотыхъ корабленивовъ, а денегъ дано за угорскій по 20 алтынъ, а за корабленикъ дано по 36 алтынъ"....

[3]) Ibid., 26: „А дѣтей его дарилъ кн. Ивана да кн. Василья за золотые по полтинѣ въ Московское число".

сохранялся только въ краяхъ, куда не проникало еще въ сильной степени крупное землевладѣніе. Такими краями были сѣверныя части Новгородскихъ пятинъ, какъ напримѣръ погосты: Городенскій, Куйвошскій, Корбосельскій, Келтушскій и другіе погосты, занимавшіе сѣверъ Вотской пятины [1]). Но еще болѣе печальныя слѣдствія имѣло сосредоточеніе земли въ рукахъ не многихъ въ отношеніи крестьянъ. Нѣкоторые писатели съ удивленіемъ останавливаются надъ тѣмъ фактомъ, что въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ совсѣмъ не встрѣчается указаній на существованіе черныхъ волостей. Писцовыя книги богаты данными на счетъ владычнихъ, монастырскихъ и боярскихъ владѣній; въ нихъ есть указанія на земли мелкихъ поземельныхъ собственниковъ; но они не представляютъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы къ концу XV столѣтія въ Новгородѣ существовали свободныя крестьянскія общины [1]). Это странное явленіе Бѣляевъ старается предположительно объяснить тѣмъ соображеніемъ, что якобы при подчиненіи Новгорода Московскому государству свободная крестьянская земля превращена была не въ государственную землю, какъ это было съ черной землей въ древней Руси вообще, а въ частную княжескую [2]). Намъ кажется, однако, такое объясненіе совершенно неосновательнымъ. Предположеніе Бѣляева было бы справедливо только въ томъ случаѣ, когда бы можно было думать, что частныя владѣнія великаго князя образовались именно изъ черныхъ волостей. Но дѣйствительность не только не даетъ намъ права такъ думать, но и представляетъ много данныхъ, заставляющихъ думать прямо противное. Только въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, источники не представляютъ намъ прямыхъ указаній на Новгородскихъ владѣльцевъ, отъ которыхъ получили свое начало частныя владѣнія великаго князя, и вслѣдствіе чего, можно думать, что они возникли изъ черныхъ волостей [3]). Вообще же, всѣ села, деревни и волости, вошедшія въ составъ Новгородскихъ великокняжескихъ владѣній, образовались не изъ крестьянскихъ воло-

---

[1]) Врем., XI, 137, 171, 223, 251 и д.

[1]) Keussler, 63.

[2]) Врем., XI, 78—79.

[3]) Писц. кн., I, 160: „Въ Михаиловскомъ же погостѣ волость в. князя смерда, а доходъ съ нее емлютъ попы Архангельскіе съ Городища". Тамъ же, I. 497: „волость в. князя Березайская смерда на рѣцѣ на Березаѣ, а доходъ даютъ на Городище Архангельскимъ попомъ". II, 703: „волость великаго князя Морева". Тамъ же, II, 736: „волость в. князя Велиля за дѣтми боярскими за помѣстьщики".

стей, а именно изъ земель, отнятыхъ у частныхъ владѣльцевъ, въ особенности же у владыки, монастырей и бояръ. Обыкновенное обозначеніе частныхъ княжескихъ владѣній такое: „великаго князя волостка оброчная, что была (такого-то) монастыря" или же „великаго князя волостка такого-то владѣльца" [1]). Эти обстоятельства приводятъ насъ къ совершенно иному рѣшенію вопроса объ исчезновеніи крестьянскихъ земель въ Новгородъ. Отсутствіе послѣднихъ въ Новгородѣ, замѣчаемое къ концу XV-то столѣтія, обязано своихъ началомъ отнюдь не политикѣ великихъ князей Московскихъ. Напротивъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, великіе князья въ извѣстномъ смыслѣ даже содѣйствовали возрожденію такихъ земель въ Великомъ Новгородѣ. Собственно же говоря, переворотъ въ землевладѣніи, приведшій къ полному исчезновенію свободныхъ крестьянскихъ земель, совершился еще при господствѣ самого Великаго Новгорода. Распоряжавшіеся его судьбами духовенство и знатные люди мало-по-малу успѣли захватить въ свои руки всѣ земли, лежавшія въ окружавшихъ Новгородъ областяхъ. Свободныя земли если и осталися гдѣ либо, то въ крайне ограниченномъ количествѣ, недостаточномъ даже для того, чтобы составить себѣ понятіе о предшествовавшемъ времени.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному сказался, хотя и довольно слабо, на отношеніяхъ владѣльцевъ земли къ населявшимъ ее крестьянамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчаются даже явленіе противоположнаго характера. Такъ, по мѣрѣ движенія исторической жизни впередъ, въ Новгородѣ, противъ ожиданія, замѣчаются слѣды нѣкотораго, хотя, нужно признаться, весьма слабого, закрѣпленія участи крестьянъ. Какъ мы уже видили, въ предшествующее время Новгородское правительство старалось удерживать населеніе въ предѣлахъ Новгородской области дарованіемъ разныхъ льготъ сбѣжавшимъ на чужія владѣнія крестьянамъ и пониженіемъ платы оставшимся дома на лицо. Теперь правительство начинаетъ слѣдовать, повидимому, иной политикѣ: оно начинаетъ прибѣгать къ мѣрамъ насильственнаго возврата бѣглецовъ. Въ договорахъ съ сосѣдними князьями съ начала XIV столѣтія Новгородъ вводитъ условіе, чтобы бѣглые холопы и половники были выдаваемы обратно, а въ случаѣ отрицанія ими своего прежняго состоянія назначался судъ въ главномъ городѣ [2]). Въ этомъ

[1]) Писц. кн., I, 3, 6.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, 14, 1307: „А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тверскую волость, а тѣхъ, княже, выдавати; который ли всторитъ судъ собѣ, судити его въ Новѣгородѣ".

ограниченіи, конечно, главную роль играло стремленіе обезпечить интересы Новгорода, какъ извѣстной самостоятельной земли, но тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ нѣкотораго вліянія и на усиленіе власти землевладѣльцевъ. Оно обезпечивало ихъ именно на случай бѣгства крестьянъ въ другіе края русской земли. Что же касается собственно до предѣловъ Новгорода, то тамъ землевладѣльцы пытались достигнуть той-же цѣли другимъ путемъ. Внутри предѣловъ Новгорода и теперь, какъ и прежде, никакое законоположеніе не препятствовало крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, и крестьяне, дѣйствительно, пользовались своей льготой. Чтобы ограничить, однако, сферу дѣйствій послѣднихъ, землевладѣльцы начинаютъ теперь заключать другъ съ другомъ частныя сдѣлки не принимать однимъ у другихъ крестьянъ. Конечно, трудно предполагать, чтобы такія сдѣлки были многочисленны, но во всякомъ случаѣ онѣ далеко и не безпримѣрное явленіе [1]). Вмѣстѣ съ стѣсненіемъ свободы передвиженія возросла и власть землевладѣльцевъ надъ крестьянами. Такъ, въ договорахъ съ князьями въ XVI столѣтіи поставляется за правило, чтобы въ отсутствіе господаря или землевладѣльца ни холопы, ни половники не могли быть судимы княжескими судьями на мѣстѣ въ волости, а должны быть препровождаемы для суда въ Новгородъ, гдѣ землевладѣлецъ, очевидно, предполагался присутствующимъ. Цѣль такого постановленія заключалось, очевидно, въ томъ, чтобы оградить отъ произвола мелкихъ княжескихъ судей интересы землевладѣльцевъ, которые, при ихъ отсутствіи на судѣ, легко могли быть какъ либо затронуты [2]). Еще болѣе существенное значеніе имѣло ограниченіе, явившееся къ концу независимаго бытія Великаго Новгорода, въ эпоху изданія Новгородской судной грамоты. Послѣднимъ актомъ внутренней Новгородской жизни на всѣхъ землевладѣльцевъ, были-ли это владыки, монастыри, бояре или же простые граждане, была возложена обязанность доставлять на судъ подчиненныхъ имъ людей, въ случаѣ совершенія ими какихъ-либо важныхъ преступленій, вродѣ убійства наѣзда и грабежа [3]).

---

[1]) А. Ю., 145, 1452: „а игумену половниковъ посадничихъ Васильевыхъ ни отхожихъ людей не принимати“.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, 14, 1307: „а холопа и паловника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити князю въ Новѣгородѣ“.

[3]) А. А. Э., I, 71—2 ок. 1471: „А кому будетъ дѣло до владычня человѣка, или до боярьского, или до житейского, или до купетцкого, или до манастырьского, или до кончанского, или до улицкого... боярину и житьему и купцю

Собственной областью отношеній землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, въ которой сказывалось вліяніе перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, была сферра крестьянскихъ повинностей. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ первоначальное время Новгородской жизни обязанности земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ состояли главнымъ образомъ въ платѣ первыми въ пользу послѣднихъ извѣстной доли продукта. Къ концу независимаго существованія Великаго Новгорода сцена начинаетъ мѣняться. На мѣсто внесенія извѣстной доли продукта входитъ мало-по-малу въ обычай оброчная система. Оброкъ, впрочемъ, являлся первоначально почти исключительно въ видѣ хлѣбнаго оброка и носилъ названіе успы или поспа. Переходъ отъ одной, издольной, къ другой, оброчной системѣ, начавшій въ Новгородѣ совершаться во второй половинѣ XV столѣтія, зависѣлъ отъ соглашенія между заинтересованными сторонами и, какъ дѣло добровольнаго согласія, представлялъ весьма разнообразныя формы. Въ соглашеніе съ землевладѣльцами на счетъ уплаты вмѣсто извѣстной доли продукта опредѣленнаго оброка входили иногда цѣлыя волости. Такъ, до насъ дошла отъ второй половины XV вѣка рядная крестьянъ Робичинской волости съ Юрьевымъ монастыремъ, по которой первые обязались доставлять въ житницы послѣдняго отсыпного хлѣба ежегодно по 30 коробей ржи и 30 коробей овса полной Новгородской мѣры [1]). Но еще чаще, естественно, такія соглашенія устраивались между землевладѣльцами и крестьянами отдѣльныхъ деревень. Писцовыя книги не лишены прямыхъ указаній, что нѣкоторыя деревни, въ несомнѣнно уже Новгородское время, отправляли свои повинности въ отношеніи землевладѣльцевъ посредствомъ хлѣбнаго оброка. Въ обоихъ случаяхъ хлѣбный оброкъ опредѣлялся для цѣлой группы крестьянъ; ясно, слѣдователено, что распредѣленіе его между отдѣльными лицами составляло дѣло ихъ взаимнаго усмотрѣнія [2]). Какъ мы

и монастырьскому заказщику и посельнику, и кончанскому и улацьскому, также своихъ людей ставить у суда".

[1]) Чт. въ М. О. И. и Д. за 1858 г., II, смѣсь, 54: „се урядишася Робичичяне съ архим. Григоріемъ и съ попы и съ черници Юрьева монастыря... давати имъ успы въ житницю л҃ (30) коробей ржи, л҃ (30) овса въ правую мѣру, в Новгородскую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ в манастырь Св. Георгія".

[2]) Писц. кн., III, 287: „Д. Горици вопчѣ съ Олександровскими обжами Сансонова... а старого (Новгородскаго) доходу шло—хлѣба оспомъ 6 коробей ржы, 6 коробей овса, коробья ячмени, коробья пщеници, 2 борана, 2 пятка лну" и

уже замѣтили, въ Новгородской оброчной системѣ преобладающей формой былъ хлѣбный оброкъ. Но это еще не значитъ, чтобы Новгородская жизнь совсѣмъ не знала другой формы, оброка денежнаго, Напротивъ, со второй половины XV вѣка, рядомъ съ платою оброка хлѣбомъ, начинаетъ утверждаться обычай платить послѣднiй и деньгами. Такъ какъ, однако, денегъ въ Великомъ Новгородѣ было еще слишкомъ мало и онѣ сосредоточивались преимущественно въ рукахъ горожанъ, то понятно, что случаи платы оброка деньгами были еще сравнительно болѣе рѣдкими. По большей части оброкъ деньгами платили только крестьяне не цѣлыхъ волостей, а отдѣльныхъ деревень [1]). Но если главный поборъ въ пользу землевладѣльца переводился на деньги сравнительно довольно рѣдко, то совершенно обратное явленіе мы замѣчаемъ на мелкомъ доходѣ: со введеніемъ денежной системы тотъ обыкновенно сталъ очень часто переводиться на деньги. Причину этого явленія нужно, очевидно, искать въ томъ обстоятельствѣ, что взиманіе дробными предметами было весьма неудобно для обѣихъ сторонъ, и замѣна ихъ деньгами представляла для нихъ самый удовлетворительный выходъ изъ затрудненій [2]). Менѣе всего затронутымъ совершавшеюся перемѣной остался доходъ ключника.

Подобно добывающей, условія перехода къ денежному хозяйству отразились и на обрабатывающей промышленности. Мы имѣли уже случай указывать на славу, которой пользовалось Новгородское плотничество; но чуть ли еще не большимъ развитіемъ стало отличаться тамъ, къ концу независимаго существованія, каменностроительство. На развитіе послѣдняго не осталось безъ сильнаго вліянія присутствіе въ Новгородѣ нѣмцевъ и ближайшее сосѣдство съ Новгородомъ Нѣмецкихъ земель. Пребывавшіе въ Новгородѣ нѣмцы обращались за удовлетвореніемъ своихъ потребностей по жилью и по постройкѣ храмовъ не къ мѣстнымъ силамъ, а къ своимъ соплеменникамъ на ро-

---

т. д. Тамъ же, III, 285—6: „Д. Карпово-Радголье надъ озеромъ надъ Хвайномъ, вопчѣ съ съ Олександровскою обжею Кешелкова... а старого дохода шло коробья ржы, коробья овса... ячмени, боранъ"...

[1]) Писц. кн., III, 279: „Д. Боръ... а старого доходу шло оброкомъ за все полторы гривны"... III, 282: „Семеновская жъ деревня Заблежье... а старого доходу шло оброкомъ за весь доходъ и за хлѣбъ 4 гривны...

[2]) Писц. кн., III, 285: „Д. Иванково... а старого доходу шло 11 денегъ, а изъ хлѣба треть; ключнику четвертка ржы, четвертка овса"... III, 286: „Д. Молсово... а старого доходу шло денегъ 2 гривны, а хлѣба поспомъ 6 кор. ржы, а ключнику пол-коробьи ржы... двѣ лопатки бораньи"...

дину. Они вызывали оттуда плотниковъ, кирпичниковъ и каменьщиковъ, которые осматривали состоянiе построекъ Нѣмецкаго двора, покрывали крышу церкви, исправляли ея фундаментъ и т. п. [1]) По примѣру Новгородскихъ нѣмцевъ, къ помощи иноземцевъ стали прибѣгать въ затруднительныхъ случаяхъ и сами Новгородцы. По крайней мѣрѣ извѣстно, что обязанный заботиться о благолѣпiи Св. Софiи и своего двора Новгородскiй владыка временами присоединялъ къ имѣвшимся у него дружинамъ рабочихъ иноземныхъ мастеровъ, нарочно вызванныхъ изъ-за границы [2]). Иноземное каменностроительство особенно сильно привилось, однако, не столько въ самомъ Великомъ Новгородѣ, сколько въ его младшемъ братѣ, Псковѣ, такъ какъ тамъ сама природа благопрiятствовала развитiю каменосѣчной хитрости. Псковская область, какъ извѣстно, изобиловала камнемъ, годнымъ для строительства. Благодаря этому обстоятельству, Псковскiе каменьщики становятся вскорѣ извѣстными въ цѣлой Россiи [3]). Такъ, уже въ XV вѣкѣ значительное число храмовъ въ самой Москвѣ и ея окрестностяхъ, а именно: Троицкая церковь въ Сергiевѣ монастырѣ, I. Златоуста—на Москвѣ, Срѣтенiя—на полѣ, Ризположенiя—на митропольчьемъ дворѣ, Благовѣщенiя—на дворѣ Великаго князя,—всѣ онѣ были построены Псковскими мастерами. Даже, кажется, постройку самаго Московскаго Успенскаго собора, столь неудачно начатую мѣстными мастерами, первоначально предполагалось поручить Псковичамъ. По крайней мѣрѣ Псковскiе мастера были призваны въ Москву, опредѣлили тамъ, что причиною паденiя новостроившагося собора было неумѣнье Московскихъ мастеровъ приготовлять надлежащимъ образомъ известь; но дальше не были удержаны, по всей вѣ-

[1]) Die Rec., V, 520, 1410; „Vort so doet wol unde sendet uns de tymmer lude hiir tho... [De] rghdike hebben wii gesereven eynen breff deme raede to Darpte, uns de tegelmeesters unde de muezmeesters to sendene"... Hanserec., I, 23, 1431: „uns duncket nutte, dat men nu eynen vorstendigen muremester to Nougarden sende, de kerke ta deckende unde te beseende, wes an deme fundamente und grundwerne gebrek, nocht unde behoff zii to doende"...

[2]) П. С. Р. Л., III, 111, 1433: „постави преподобныи нареченыи владыка Еуфимеи полату въ дворѣ у себе, а дверей у неи 30; а мастеры дѣлали нѣмецкiи, изъ заморiа, съ Новогородскыми мастеры".

[3]) П. С. Р. Л., VIII, 180, 1474: „а иныхъ (мастеровъ) повелѣ привести къ себѣ изъ своея отчины, изо Пскова, понеже бо и ти отъ нѣмецъ пришли, навыкше тамо дѣлу каменосѣчной хитрости".

роятности, потому, что вскорѣ открылась возможность поручить это дѣло итальянцу Аристотелю [1]. Еще болѣе дѣятельность Псковскихъ мастеровъ расширилась въ XVI столѣтіи. Въ это время она не ограничивалась уже постройкою однихъ церквей, но распространилась одинаково и на сооруженіе городовъ (крѣпостей) въ Московскомъ государствѣ. Псковичами, какъ извѣстно, была построена Казань, по присоединеніи къ Москвѣ Казанскаго царства [2]. Всеобщая извѣстность, которою пользовались Псковичи за свое искусство, отразилась и на ихъ характеръ: у Псковскихъ мастеровъ является излишняя самоувѣренность и склонность къ рискованнымъ предпріатіямъ. Въ 1528 году прибылъ въ Новгородъ нѣкій хитрецъ Невѣжа Псковитинъ и предложилъ владыкѣ Макарію построить мельницу на рѣкѣ Волховѣ. Получивши согласіе, Невѣжа ревностно принялся за дѣло: выбралъ мѣсто на Софійской сторонѣ, „идѣже баня стоитъ на рѣлькѣ; а ту рѣльку преже изъначала звали Крюкъ", устроилъ прудъ, выстлалъ его каменемъ и возвелъ жерновъ. Казалось бы дѣло шло на ладъ; но весенній разливъ Ильменя уничтожилъ всѣ труды Псковскаго предпринимателя и навлекъ на него только насмѣшки со стороны Новгородскихъ приверженцевъ старины: „Волховъ наша съ молоду не молола", говорили тѣ, „ачи (неужели) на старость учнетъ молоть" [3]?

Отличительную особенность обрабатывающей Новгородской промышленности представляло особенно сильное развитіе въ ней—серебряныхъ издѣлій. Можно даже сказать, что издѣлія изъ благородныхъ металловъ, столь совершенныя въ настоящее время, первыми своими корнями опираются на Новгородскую жизнь. На развитіе издѣлій изъ благородныхъ металловъ въ Новгородѣ, естественно, вліяло то скопленіе этихъ продуктовъ, которымъ отличалась Новгородская жизнь, а равно и знакомство съ Нѣмецкими образцами. Мы имѣли уже случай замѣтить, что наравнѣ съ необработанными металлами въ Новгородъ шли съ Запада и издѣлія изъ этихъ послѣднихъ. Весьма вѣроятно, что утварь изъ благородныхъ металловъ играла при этомъ главную роль. На развитіе серебрянаго производства въ Новгородѣ указываетъ уже то обстоятельство, что значительная доля драгоцѣнной утвари, которая составляла богатство Московскихъ великихъ князей,

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 198, 1474. Тамъ же VI, 206, 1477: „....заложиша церковь камену въ Сергѣевѣ монастырѣ Троицу Псковскіе мастеры".

[2]) Д. къ А. И., I, 136, 1555.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 297, 1524. Тамъ же, VI, 286, 1528.

Василія Темнаго, Ивана III, была, несомнѣнно Новгородскаго происхожденія. По всей вѣроятности возникла она изъ тѣхъ даровъ, поминковъ, которые въ древности было въ обычаѣ давать какъ при встрѣчѣ у себя Великихъ князей, такъ и при посѣщеніи ихъ дома знатными Новгородцами, владыками и посадниками. Какъ то бы ни было, только имена, вырѣзанныя на драгоцѣнныхъ ковшахъ, мисахъ и блюдахъ, указываютъ очень часто на Новгородскихъ владыкъ Евѳимія II, Ѳеофила и Геннадія, или же на Новгородскихъ посадниковъ, на Василья Александровича, Луку Ѳеодоровича или Ивана Аѳанасьева [1]). Было бы, однако, недостаточно сказать, что значительная доля драгоцѣнной утвари была Новгородскаго происхожденія. Нужно еще прибавить, что въ составѣ великокняжеской утвари Новгородскія издѣлія едва ли не занимали самое видное мѣсто. Между ковшами, напримѣръ, имѣвшими значительное количество представителей въ великокняжеской казнѣ, самое видное мѣсто занималъ ковшъ, принадлежавшій по надписи нѣкогда Новгородскому владыкѣ Евѳимію. Ковшъ этотъ былъ большой, вѣсилъ 16 гривенокъ безъ 3 золотниковъ. Вѣнецъ его былъ золоченый и состоялъ изъ четырехъ круговъ, въ которыхъ были писаны царства. На полкѣ его находилась золоченая образина, окруженная также вѣнцомъ, золоченымъ насквозь. Наконецъ, внутри ковша находился золоченный кружокъ, а въ немъ изображены три рыбки [2]). Какъ то бы ни было, только Новгородцы въ концѣ своего существованія снискали себѣ славу хорошихъ серебряныхъ мастеровъ, безъ пособія которыхъ обойтись было трудно. Ихъ призвали въ Москву еще въ половинѣ XVI столѣтія. Такъ, напримѣръ, въ 1556 году были затребованы въ Москву Новгородскіе серебряные мастера Ортемка и Родивонко Петровы съ братьею и дѣтьми,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 409, 1509: „да ковшъ, вѣнецъ писанъ, имя владыки Еуѳимья... да 2 ковша гладкихъ, а въ нихъ писано внутри имя Ѳеофилово, да ковшъ гладокъ, внутри писано имя Генадьево"... Тамъ же, I, 410: „да миса, на днѣ у нея писано имя Василья Олександровича... да миса, а у нее по краемъ въ трехъ мѣстехъ имя Ивана Оѳонасова... а у другаво (блюда) писано имя посадника Луки Ѳедорова".

[2]) С. Г. Г. и Д., I, 408, 1509: „да ковшъ болшой, што мнѣ далъ его князь великій Василей, а вѣнецъ писанъ золочонъ, имя Еуѳимья владыки Новогородцкого, а въ вѣнцѣ четыре круги, а въ нихъ писаны царства, а на полкѣ образина золочона, а вкругъ ее вѣнецъ по краемъ золоченъ, а внутри кружокъ золочонъ, а въ немъ 3 рыбки, а вѣсу въ немъ 16 гривенокъ безъ 3 золотниковъ"...

какъ люди, умѣвшіе искусно окладывать образа серебромъ [1]). Подобнымъ образомъ, въ томъ же 1556 году былъ затребованъ въ Москву Васюкъ Никифоровъ, какъ лицо, умѣвшее „рѣзать рѣзь всякую", очевидно, также, на благородныхъ металлахъ [2]).

Гораздо полнѣе переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному сказывается въ Московское время. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, необходимо указать на другія слѣдствія, которыми въ экономической области сопровождалось водвореніе въ Новгородѣ Московскаго владычества. Начать съ того, что расширеніе культурной области стало слѣдовать порядку, далеко отличному отъ того, который господствовалъ въ Великомъ Новгородѣ. Прежде для образованія новыхъ селеній выбирались мѣста, которымъ благопріятствовала для этого сама природа. Это были мѣста открытыя, сосѣднія съ долинами рѣкъ и потому самому значительно облегчавшія трудъ первоначальнаго водворенія. Напротивъ, съ наступленіемъ Московскаго владычества такой порядокъ уже не могъ имѣть мѣста. Открытыя мѣста, удобныя для поселенія, въ большей части случаевъ уже были заняты. Необходимо было, поэтому, двигаться въ лѣсъ, торжествовать надъ природой съ большимъ напряженіемъ силъ и расходовъ. Это новое направленіе дѣятельности засвидѣтельствовано прямыми указаніями источниковъ на заложеніе селеній именно въ лѣсу, на дичи, на сыромъ корню; но видно также ясно и изъ характера поселеній Московскаго времени [3]). Типомъ крестьянскаго поселенія предшествующаго, Новгородскаго времени было село. Село сохраняется и теперь въ жизни, но уже не представляетъ не только исключительной, но даже и преобладающей формы поселенія. Оно является только главнымъ поселкомъ, который временами давалъ начало массѣ другихъ, менѣе значительныхъ. Оно состоитъ обыкновенно изъ весьма достаточнаго числа дворовъ и людей и, какъ главное селеніе, очень часто служитъ мѣстомъ пребыванія помѣщиковъ, правительственныхъ

---

[1]) Д. къ А. И., I, 144, 1456: „а велѣно вамъ, по нашей грамотѣ, прислати къ намъ на Москву Ноугородцовъ серебряныхъ мастеровъ, Ортемка да Родивонка Петровыхъ дѣтей съ братьею и съ дѣтми, которые ихъ братья и дѣти горазди серебромъ образи окладывати"..

[2]) Д. къ А. И., I, 148. 1556: „есть въ Новѣгородѣ Васюкомъ зовутъ Никифоровъ, умѣетъ рѣзати рѣзь всякую: и вы бъ того Васюка прислали къ намъ на Москву"..

[3]) Писц. кн., II, 743: „А се посажалъ Торхъ починки на новѣ послѣ писма на лѣсу на дичи"...

лицъ и заключаетъ въ себѣ церковь и дворы церковнослужителей. Сохраняются также въ жизни и такъ называемыя сельца, т. е. села меньшаго размѣра, равно какъ и селища, т. е. мѣста, на которыхъ нѣкогда было село [1]). Но надъ всѣмъ этимъ владычествуетъ въ настоящее время деревня, являющаяся настоящимъ типомъ крестьянскихъ селеній Московскаго времени. Какъ и село въ его первоначальномъ значеніи, деревня представляла самое незначительное поселеніе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ деревня заключала въ своемъ составѣ до 8 дворовъ и даже нѣсколько больше—до 10, 11 или 12. Обыкновенно же деревня обнимала отъ одного до четырехъ дворовъ. Такимъ образомъ, отличія деревень отъ первоначальныхъ селъ нужно искать не въ количествѣ населенія, а только въ положеніи: села занимали открытыя мѣста; деревни же строились обыкновенно въ лѣсной дичи. На это указываетъ самое происхожденіе слова „деревня". Будемъ ли мы производить его отъ корня „дьрати, драти", какъ предлагаетъ г. Потебня, или же отъ слова „дерево", какъ представляется гораздо естественнѣе, во всякомъ случаѣ оно указываетъ на обращеніе подъ пашню и заселеніе лѣсныхъ, не воздѣланныхъ пространствъ. Отъ деревни, въ собственномъ смыслѣ, какъ типа новаго поселенія Московскаго времени, различались пустыя деревни, пустоши и починки. Подъ пустыми деревнями разумѣлись такія деревни, которыя, хотя и были покинуты своими обитателями, но, тѣмъ не менѣе, сохраняли нетронутыми признаки жилья, т. е. крестьянскія хоромы [2]). Коль скоро же деревня теряла не только своихъ поселенцевъ, но и крестьянскіе дворы, тогда она просто на просто называлась пустошью. Вслѣдствіе продолжительнаго пустованья пустоши иногда покрывались даже лѣсомъ [3]). Что же касается до починковъ, то это были не что иное, какъ зачатки деревень. Какъ новообразовавшіяся селенія, починки отличались тѣмъ, что пашенной земли у нихъ еще не было вовсе или, по крайней мѣрѣ, не было въ достаточномъ количествѣ. На этомъ

---

[1]) Писц. кн.. Ш, 718: „Селцо Губаницы: дв. въ болшомъ селѣ Гридя"... Тамъ же, II, 248: селъцо на озерѣ на Перетнѣ, а въ немъ церковъ Троица, да въ селцѣ же дворъ Родивоновъ, а въ немъ самъ живетъ... Да въ томъ же селцѣ: дв. попъ Микифоръ, дв. сторожъ церковной"..." II, 255. Врем., XI, 193.

[2]) Писц. кн., II, 421, 823.

[3]) Писц. кн., Ш, 29: „и при старомъ убыла деревня Каменка: запустѣло и хоромъ нѣтъ". Ср. Ш, 30: „Да монастырская жъ пустошь Каменка". Ш, 645: „пустошь Перерва, Евимьевская, Медвѣдкова... и Ѳедотку собѣ на той пустоши поставити дворъ".

основывалось подраздѣленіе ихъ на непашенные и пашенные [1]). Такъ, въ починкѣ Заразяхъ, состоявшемъ изъ 5 дворовъ, пашни и сѣнокоса было всего на одну обжу; въ двухъ починкахъ, подъ Чернымъ и на усть Селены, состоявшихъ изъ 4 дворовъ, пашни и сѣнокоса также было всего на одну обжу. Коль скоро же пашня въ починкахъ достигала обыкновенной крестьянской нормы, то они, естественно, переходили въ разрядъ деревень. Кажется, однако, что на такой переходъ не оставались безъ вліянія тѣ льготные годы, которые давались крестьянамъ при заложеніи починковъ [2]).

Кромѣ измѣненія въ способахъ расширенія культурной области, съ наступленіемъ Московскаго владычества въ Новгородѣ совершалась и громадная перемѣна въ землевладѣніи. Большая часть земель, принадлежавшихъ сколько нибудь зажиточнымъ Новгородцамъ, была изъята изъ ихъ владѣнія. За Новгородскими собственниками остались только незначительныя крупицы земли. Больше всего послѣдней успѣли сохранить за собой владыка и монастыри: ихъ поземельныя владѣнія и въ Московское время все еще продолжали образовать замѣтныя величины. Что же касается частныхъ лицъ, то кое какіе, впрочемъ весьма незначительные, клочки остались еще въ рукахъ купцовъ и мелкихъ собственниковъ, своеземцевъ. Вся же остальная масса земель обращена въ собственность великаго князя. Часть ихъ, и при томъ, вѣроятно, не незначительная, была предназначена на удовлетвореніе собственныхъ потребностей великокняжескаго дома. Это, такъ называемыя, дворцовыя волости. Какія именно земли и въ какомъ количествѣ поступили въ составъ дворцовыхъ волостей, мы сказать опредѣленно не можемъ, такъ какъ дворцовыя книги, въ которыхъ заключалось описаніе Новгородскихъ волостей, поступившихъ во дворецъ, до насъ совершенно не дошли [3]). Однако, на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ, можетъ быть сдѣлана одна не не-

---

[1]) Писц. кн., II, 744: „и съ починки съ пашенными и съ непашенными"... II, 761: „А се починки, посажалъ ихъ Кривой на—новѣ... пашни у нихъ нѣтъ". Писц. кн., II, 743: „Поч. Заразн: дв. Тимоша Иватковъ, дв. сынъ его Оврамко... сѣютъ ржы 3 коробьи, а сѣна косятъ 5 копенъ, обжа"... III, 349.

[2]) Писц. кн., I, 40: „Въ починкѣ въ Замошьѣ, на в. князя половинѣ: дв. Ѳедко, сѣлъ ново... полъ обжы, и на тотъ починокъ дана ему грамота на лготу на 3 годы". Тамъ же, I, 26: „Поч. Еремѣевъ: дв. Ульянко Назаровъ, сѣетъ ржи пол—3 кор., а сѣна косить 15 коп., обжа; доходъ четка ржы, четка овса"... Нормальный доходъ (I, 25) былъ гораздо больше.

[3]) Врем., XI, 91: „А дворцовые волости писаны въ дворцовыхъ кни гахъ".

справедливая догадка. Въ своей статьѣ о поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ Бѣляевъ высказываетъ мнѣніе, что якобы писцовая книга Вотской пятины наглядно показываетъ, что имѣнія Мароы Борецкой и ея сторонниковъ, Овиновыхъ (?), Селезневыхъ, Губиныхъ и другихъ были самыя богатыя и многочисленныя и въ сравненіи съ ними имѣнія другихъ вотчинниковъ Новгородскихъ, приверженныхъ къ Москвѣ, были очень бѣдны и незначительны [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что владѣнія приверженцевъ Литовской партіи принадлежали къ числу самыхъ многочисленныхъ и богатѣйшихъ въ Новгородѣ; но ссылаться въ доказательство этого факта на писцовую книгу Вотской пятины всетаки неосновательно. Если бы мы даже въ подтвержденіе привели не одну только писцовую книгу, а всѣ, дошедшія до насъ, то и тогда результатъ былъ бы крайне скуденъ: писцовыя книги, дошедшія до насъ, представляютъ, противъ ожиданія, весьма немного указаній на земли приверженцевъ Литовской партіи. Противорѣчіе, такимъ образомъ, очевидно; но оно удобно разрѣшается тѣмъ предположеніемъ, что земли приверженцевъ Литовской партіи, какъ подвергшіяся раньше другихъ, а именно въ 1478 году, секвестру, вошли въ составъ дворцовыхъ волостей, а прямого описанія этихъ волостей, какъ уже извѣстно, до насъ не дошло. Въ истинности этого соображенія убѣждаютъ насъ слѣдующія данныя. Коль скоро въ дошедшихъ до насъ писцовыхъ книгахъ является надобность упомянуть о дворцовыхъ волостяхъ и деревняхъ и о Новгородскихъ владѣльцахъ, собственность которыхъ онѣ раньше составляли, то всѣ эти упоминанія указываютъ прямо на владыку, шесть богатѣйшихъ монастырей (Юрьевъ, Никольскій, Аркажъ и др.) или же на Мароу и другихъ сторонниковъ Литовской партіи, Есиповыхъ, Казиміра, Губиныхъ [2]).

---

[1]) Врем., XI, 79.

[2]) Писц. кн., Ш, 80: „Въ в. князя деревнѣ въ Бережку въ дворцовой въ вопчей, что была за владыкою"... Тамъ же, Ш, 81; Ш, 144: А церковь того погоста писана въ в. князя волости въ дворцовой, что была Аркажского монастыря"... Ш, 155: „въ в. князя деревнѣ Горкѣ въ дворцовой, что была Юрьева монастыря"... Ш, 267: „Въ в. князя деревнѣ въ дворцовой въ Черной, что была Николская изъ Неревскаго конца"... П, 430: „Въ Холовскомъ жъ погостѣ въ в. князя деревняхъ дворцовыхъ въ вопчихъ въ Мароинскихъ Исаковы"... Ш 548: „Да его жъ полоса въ в. князя деревнѣ въ Изориньскомъ въ дворцовой, въ Богдановской Есипова да въ Өедоровской Назарьина"... Ш, 905—6: „А церковь того погоста писана въ в. князя волости въ дворцовой въ Казимировской въ котлѣ. Въ Толдожскомъ же погостѣ в. князя волости Яковльскія Губина, была

Тѣ же самыя указанія могутъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что время, въ которое положено было основаніе великокняжескимъ оброчнымъ волостямъ, былъ именно 1478 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ числѣ дворцовыхъ волостей упоминаются земли шести богатѣйшихъ монастырей, то ясно, что онѣ образовались въ то время, когда имѣла мѣсто секуляризація земель этихъ монастырей; а это случилось, какъ извѣстно, въ 1478 году [1]). Въ дальнѣйшее же время имѣло мѣсто только нѣкоторое восполненіе дворцовыхъ волостей, округленіе ихъ и присоединеніе къ нимъ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ, угодій. Въ числѣ такихъ угодій, которыя вводились въ составъ дворцовыхъ имѣній и при позднѣйшихъ секвестрахъ Новгородскихъ земель, особенно часто встрѣчаются пожни и луга, поставлявшіе сѣно [2]).

Второй, самый многочисленный разрядъ волостей, взятыхъ великимъ княземъ у Новгородцевъ, предназначенъ былъ для удовлетворенія потребностей государственныхъ, въ особенности для снабженія служилыхъ людей помѣстьями. Онѣ подраздѣлялись на два отдѣла. Первый изъ нихъ, оброчныя волости, обнималъ такія земли, которыя въ данное время не состояли ни за какимъ частнымъ лицемъ и потому находились въ непосредственномъ управленіи великаго князя [3]). По характеру своему оброчныя волости Новгорода въ Московское время представляли ни что иное, какъ противенъ черныхъ волостей остальной Руси. Подобно послѣднимъ и обычныя волости въ Новгородѣ были обязаны податями и доходами въ пользу великаго князя. Разница заключалась собственно въ томъ, что, сверхъ прежнихъ оброковъ и повинностей, оброчныя волости, сообразно съ развитіемъ государственныхъ понятій, обязаны были платить въ это время государственную (обежную) дань, наравнѣ съ землями частныхъ владѣльцевъ, чего прежде совсѣмъ не было. Мы имѣли уже случай указывать, что въ собственно Новгородскомъ строѣ понятія черныхъ волостей не было, такимъ образомъ введеніе его въ Новгородскую жизнь должно быть признано за заслугу великихъ князей Московскихъ. По происхожденію

дворцовая, а придалъ ту волость князь великій намѣстнику Ямьскому и съ оброкомъ".

[1]) П. С. Р. Л., VI, 210, 1478. Тамъ же, VI, 217, 1478.

[2]) Писц. кн., II, 634: „А пожни тѣхъ деревень (оброчныхъ) вѣдаетъ Ермола, діакъ дворцовой". III, 17; тамъ же, III, 363: „Да Воскресенская жъ пожня на усть Тигоды на Волховѣ, а ставится на ней сѣна пол-третьяста копенъ, а приказана вѣдати на великаго князя дьяку Ивану Сумороку".

[3]) Врем., XI, 1.

своему оброчныя волости подраздѣлялись на два разряда, на земли старыхъ бояръ и земли новосведенныхъ бояръ. Подъ землями старыхъ бояръ разумѣлись, кажется, такія оброчныя волости, которыя поступили во владѣніе великаго князя при первомъ выселеніи изъ Новгородской области массы мѣстныхъ жителей. А это явленіе, какъ извѣстно, имѣло мѣсто въ 1488 и 1489 годахъ, когда Новгородцы изъ разряда знатнѣйшихъ людей были выселены въ предѣлы Московскаго княженья цѣлыми тысячами [1]). Что же касается до земель новосведенныхъ бояръ, то подъ ними нужно, кажется, разумѣть тѣ Новгородскія волости, которыя поступили въ распоряженіе великаго князя въ 90-хъ годахъ XV столѣтія, особенно въ періодъ второй секуляризаціи церковныхъ имѣній. На это указываютъ слѣдующія обстоятельства: о нѣкоторыхъ изъ великокняжескихъ оброчныхъ деревняхъ прямо говорится, что онѣ прежде были писаны за монастырями, а что къ числу оброчныхъ онѣ отнесены только во время составленія писцовыхъ книгъ, т. е. въ 1500 году [2]). Но главное, въ числѣ новыхъ оброчныхъ волостей приводятся, обыкновенно, земли, принадлежавшія или второстепеннымъ частнымъ собственникамъ, или же бѣднѣйшимъ монастырямъ [3]). Это обстоятельство уже само по себѣ показываетъ, что секвестръ такихъ земель могъ послѣдовать только послѣ, когда уже зажиточнѣйшіе Новгородскіе землевладѣльцы были подвергнуты отчужденію. Но и упрямыя историческія данныя говорятъ въ пользу того же мнѣнія. Намъ извѣстно, что первая секуляризація церковныхъ владѣній распространялась только на 6 богатѣйшихъ монастырей. Напротивъ, между новыми оброчными волостями упоминаются, по большей части, земли бѣдныхъ монастырей, какъ напримѣръ, Константино-Оленскаго, Благовѣщенскаго и Якимо-аньскаго, Духовскаго, Охтанскаго [4]) и даже нѣкоторыхъ церквей [5]). А изъ прямыхъ

---

[1]) Писц. кн., III, 445: „Въ Грузинскомъ же погостѣ в. князя деревни оброчные старыхъ бояръ. Волостка Оѳимьинская Горошковы да Ивановская Захарьина сына Овинова“.

[2]) Писц. кн., III, 409: „А деревня Островъ Варсуноѳьевская писана была манастырю, а нынѣ писана въ оброчные“.

[3]) Писц. кн., III, 183, 186, 190, 474, 569, 571, 574, 578.

[4]) Писц. кн., III, 192: „Оброчные жъ новые, что были монастырскіе... Волостка, что была *Благовѣщенскаго* монастыря изъ Горньчярскаго конца да *Якимоаньская* изъ Горньчярского конца“... 196: „Оброчные (деревни) жъ, что были *Духовскаго* монастыря изъ Неревъского конца“..· 197: „Оброчная (деревня) жъ, что была *Воскресенского* монастыря изъ Горньчярскаго конца“... 198: „Оброчные жъ, что были Варваринскаго монастыря съ Черницыны улицы“...

[5]) Писц. кн., III, 201, 204, 205, 206, 207, 362, 364, 575, 578.

указаній источниковъ видно, что секуляризація земель у этихъ монастырей имѣла мѣсто не раньше 90-хъ годовъ XV столѣтія. Можно даже сказать, что въ концѣ XV столѣтія новыя оброчныя деревни составляли главный контингентъ земель, находившихся въ распоряженіи великаго князя; оброчныхъ же старыхъ имѣлось весьма малое количество, такъ какъ большая часть ихъ уже давно была роздана въ помѣстное владѣніе.

Въ разрядѣ земель, предназначенныхъ для удовлетворенія потребностей государственныхъ, оброчныя волости имѣли вообще не особенно значительные размѣры, главную массу составляли земли, состоявшія въ завѣдываніи частныхъ лицъ. Основаній, на которыхъ великокняжескія земли раздавались частнымъ лицамъ, было два, а именно кормленіе и помѣстье. Въ формѣ кормленія княжескія земли раздавались областнымъ Московскимъ правителямъ, намѣстникамъ и волостелямъ. Иногда, впрочемъ, при назначеніи кормленія земли отнюдь не поступали въ распоряженіе кормленщика, а оставались въ непосредственномъ завѣдываніи великаго князя. Въ такомъ случаѣ кормленіе было равнозначительно съ обязанностью извѣстныхъ волостей вносить въ пользу кормленщика извѣстный кормъ, который опредѣлялся, обыкновенно, въ 25 обежъ [1]). Но одинаково случалось, что земли обязывались платить кормленщику не только извѣстный кормъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оброкъ и чрезъ это самое выходили совсѣмъ изъ великокняжескаго завѣдыванія [2]). Быть можетъ, такія волости, сданныя въ кормленье и съ оброкомъ, нужно видѣть въ тѣхъ примѣрахъ великокняжескихъ волостей, гдѣ совсѣмъ не указывается никакихъ обязанностей волостного населенія относительно владѣльца. Какъ то бы, впрочемъ, ни было, земли, находившіяся въ кормленьи, далеко уступали въ своихъ размѣрахъ землямъ, находившимся въ помѣстномъ владѣніи. Помѣщики Московскаго времени являются истинными преемниками Новгородскихъ землевладѣльцевъ, только съ одной существенной разницей. Новгородскіе землевладѣльцы были собственниками земель; напротивъ, Московскіе помѣщики были временными владѣ-

---

[1]) Врем., XI, 1: „а въ Ладозѣ помѣстей не давать, опричь Михайловского погоста на Волховѣ, да Никольского погоста, что за Волховомъ, того дѣля, что на оброчные обжи положенъ намѣстнику кормъ". 13 рем., XI, 2: „А намѣснича корму... и съ тивуномъ и зъ доводчикомъ кормъ съ полу-30 обежъ".

[2]) Писц. кн. III, 914: „и съ тоѣ волости оброкъ денежной и съ дворцовыми пошлинами и съ ключничею новою пошлиною имати намѣстнику Ямьскому".

телями помѣстій, получаемыхъ въ видѣ жалованья за свою службу. Въ рукахъ Московскихъ помѣщиковъ сосредоточилась главная масса Новгородскихъ поземельныхъ владѣній. Прежде всего, подчиненіе Новгорода Московскому государству не обошлось безъ большой перетасовки населенія. Масса Новгородскихъ семей была разослана по Низовымъ городамъ и въ свою очередь масса Москвичей была призвана для замѣщенія удаленныхъ. Уходя съ родины, Москвичи оставляли тамъ свои пожитки и земли; нужно было, поэтому, позаботиться объ обезпеченіи ихъ существованія. Необходимо полагать, что на этотъ предметъ пошла значительная часть земель, секвестрованныхъ у Новгородцевъ въ пользу великаго князя. По крайней мѣрѣ намъ извѣстно нѣсколько примѣровъ, что прибывшіе въ Новгородъ Москвичи получили помѣстья, противъ ихъ Московскихъ земель [1]). Но и независимо отъ этой перетасовки народонаселенія, интересы службы требовали значительнаго количества поземельной собственности. Коль скоро именно заходила рѣчь объ испомѣщеніи служилаго человѣка, такъ тотчасъ же, сама собой, подвертывалась Новгородская область, заключавшая въ себѣ большой запасъ секвестрованныхъ имѣній. И сколько можно думать, раздача тамъ земли производилась столь щедрою рукою, что скоро богатые рессурсы изсякли, и явилась потребность въ новомъ секвестрѣ. Таковъ, кажется, былъ источникъ вторичной секуляризаціи церковныхъ имѣній. Помѣстныя земли оставались въ рукахъ своихъ настоящихъ владѣльцевъ до тѣхъ поръ, пока они были живы и дѣйствіями своими не навлекали на себя гнѣва великаго князя. Коль скоро же наступалъ тотъ или другой случай, земли, если только онѣ немедленно же не были передаваемы въ другія руки, возвращались въ разрядъ оброчныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подъ непосредственное завѣдываніе великаго князя [2]). Бывали также случаи, когда

---

[1]) Писц. кн., I. 703: „въ Листовскомъ погостѣ в. князя деревни Аврамовскіе Глазова за Микитою за Тоpакановымъ, что ему далъ князь велики противъ его земель Московскихъ". См. еще I, 704—5. Писцов. кн., II, 486: „въ Сытинскомъ же погостѣ деревни Ѳомы Саларева... что ему далъ князь велики противу его земль Московскихъ". См. еще II, 488—9.

[2]) Писц. кн., II, 53: „Въ Локотцкомъ жъ погостѣ в. князя деревни... что были за Гавриломъ, Михайловымъ сыномъ Мусина. Лѣта 7007 Гавриловскимъ помѣстьемъ князь велики пожаловалъ Михаиловыхъ дѣтей Пушкина, Ивашка да Гридю да Тишицю"... Ср. III, 766, 812. Писц. кн., III, 105—6: „Въ Сабѣлскомъ жъ погостѣ в. князя деревни оброчные новосведеныхъ бояръ, что были за Іевикомъ... и Іевика не стало". Ср. еще II, 515—516, III, 291.

помѣщики сами по какимъ либо причинамъ отказывались отъ своихъ помѣстій [1]).

Не менѣе важнымъ является и переворотъ, происшедшій съ водвореніемъ Московскаго владычества въ Новгородѣ и въ самомъ экономическомъ строѣ послѣдняго. Какъ ни обширно было скопленіе въ рукахъ знатныхъ Новгородцевъ массы поземельныхъ владѣній, оно преслѣдовало тѣмъ не менѣе совершенно постороннія для экономіи цѣли, клонилось не болѣе, какъ къ простому увеличенію могущества частныхъ лицъ, къ полученію возможности играть выдающуюся роль въ правительствующемъ городѣ и его вѣчѣ. На характеръ производства это скопленіе поземельныхъ владѣній, за рѣдкими и не важными исключеніями, не оказывало совершенно никакого вліянія. Напротивъ, съ наступленіемъ Московскаго времени замѣчается стремленіе къ возможно большему увеличенію доходности, поземельныхъ владѣній и къ сообщенію для этой цѣли нѣкоторой организаціи, какъ имъ самимъ, такъ и ихъ производству. Стремленіе къ организаціи поземельныхъ владѣній замѣчается, прежде всего, въ стараніи доставить имъ извѣстное округленіе, которое бы ручалось для землевладѣльцевъ за его исключительное преобладаніе въ извѣстномъ округѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняло бы вредъ, происходившій отъ смѣшанности владѣній. Попытки округленія замѣчаются одинаково какъ во владѣніяхъ великаго князя, такъ и въ земляхъ помѣстныхъ владѣльцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ соображеніяхъ великаго князя при этомъ имѣлъ мѣсто несомнѣнный политическій элементъ. Такъ, хлопоты великаго князя объ отписаніи на себя Новгородскихъ земель въ Торжкѣ и о выдачѣ владѣльцамъ ихъ вознагражденія въ другихъ Новгородскихъ краяхъ имѣли несомнѣнный источникъ въ желаніи связать Торжокъ тѣсными узами съ Московскимъ государствомъ [2]). Но вообще и великій князь руководился въ своихъ попыткахъ къ округленію, главнымъ образомъ, желаніемъ достигнуть въ извѣстныхъ округахъ хозяйственнаго преобладанія. Для достиженія послѣдней цѣли, кь великокняже-

---

[1]) Писц. кн., III, 780: „В. князя село Городня Ивановское Кузмина за Степанцомъ за Кошкинымъ сыномъ Калятина въ помѣстьѣ. (Се помѣстье Степанъ оставилъ, вѣдати его на в. князя)“.

[2]) Писц. кн., I, 128: „Въ Богословскомъ же погостѣ великого князя деревни Кипреановскіе Арзубьева на Святѣ озерѣ за Новоторжьцы, что имъ далъ князь велики, противъ ихъ земель Новоторжскихъ“. Тамъ же I, 374: „въ Ужинскомъ же погостѣ в. князя деревни Аннинькіе... а бывали Онтиѳовскіе Толстого, что ей (Аннѣ) князь велики противъ Новоторжскихъ земель далъ“.

скимъ владѣніямъ присоединялись какъ цѣлыя волости и ряды деревень, такъ и отдѣльныя деревни и участки, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, и тѣмъ выдавалось вознагражденіе въ другихъ мѣстахъ. Въ особенности часто такая мѣна имѣла мѣсто съ монастырскими имѣніями. Источники то и дѣло представляютъ указанія, что такому-то или такому монастырю отданы земли въ размѣрѣ, соотвѣтствовавшемъ его деревнямъ, землямъ или обжамъ. Ясно, что дѣло идетъ тутъ не о секуляризаціи церковныхъ имѣній, а о мѣнѣ, вызванной у великаго князя желаніемъ округлить свои владѣнія, а для другой стороны, быть можетъ, и невольной [1]). Въ другихъ случаяхъ источники, указывая на присвоеніе великимъ княземъ монастырскихъ земель, прямо свидѣтельствуютъ о мѣнѣ, говоря, что земель, долженствовавшихъ служить вознагражденіемъ извѣстному монастырю, послѣднему еще не дано [2]). Наконецъ въ третьемъ случаѣ, деревни, опредѣленныя монастырямъ, вѣроятно, взамѣнъ ихъ владѣній, были по какимъ либо причинамъ вновь возвращаемы въ число великокняжескихъ волостей [3]). Кромѣ монастырскихъ и церковныхъ земель, великій князь пользовался при округленіи своихъ волостей и землями отдѣльныхъ частныхъ собственниковъ. Смотря по надобности, онъ присвоивалъ себѣ временами участки, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, а тѣмъ отводилъ земли, находившіяся въ другихъ краяхъ [4]). Подобно великому князю, и другіе Московскіе поземельные владѣльцы хлопотали не мало объ округленіи своихъ владѣній. Главная цѣль ихъ была избѣжаніе смѣшанности владѣній, вслѣдствіе которой часто одна и таже деревня сразу принадлежала нѣсколькимъ владѣльцамъ. И здѣсь главнымъ средствомъ достиженія цѣли служила мѣна участковъ. Такая мѣна случалась очень часто, но она распространялась не на цѣлыя волости, какъ это было

---

[1]) Писц. кн., I, 36: „Въ Заборовьѣ жъ волостка монастырская Ондрѣя св. съ Ситны Богдановъская Есиппя, что имъ далъ князь великій противу ихъ обежъ". См. еще I, 98, 127, 526, 743; II, 86 92, 234, 325.

[2]) Врем., XII, 87: „Въ Ровдужскомъ же погостѣ в. князя дер. Палкигоры, что была церковная Воскресенская изъ городка изъ Корельского... А противу того церкви попомъ деревни еще не дано".

[3]) Писц. кн., II, 284: „Въ Оксочскомъ погостѣ великого князя деревни Васюковскіе Родивонова, что былъ ихъ далъ въ Кириловъ монастырь".

[4]) Врем., XI, 202: „Великого князя дер. Кургала подъ горою... на в. князя половинѣ.. обжа, треть соха... И въ той обжѣ Парфену Тимоѳееву была половина, и та половина взята на в. князя, а Порфену противу того дано въ другой деревнѣ въ Кургалѣ четверть деревни"... Врем., XI, 229.

у великаго князя, а только на отдѣльные участки, или, самое большое, на отдѣльныя деревни, или ряды такихъ деревень [1]).

Стремленіе къ организаціи поземельныхъ владѣній выражалось, далѣе, въ расширеніи размѣровъ собственной боярской запашки. Какъ намъ уже извѣстно, собственная боярская запашка въ Новгородѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ достигала 5 обежъ на одну семью; обыкновенно же она не превышала 3 обежъ. Напротивъ, съ водвореніемъ Московскаго владычества, боярская запашка значительно увеличивается. Большія семьи, состоявшія изъ нѣсколькихъ помѣщичьихъ дворовъ, запахивали нерѣдко на себя по 16 и 17 обежъ. Такъ, князь Димитрій съ дѣтьми имѣлъ запашку въ 17 обежъ, князь Борисъ Горбатый съ матерью—16 [2]). Но и у отдѣльныхъ помѣщичьихъ семей собственная запашка была нерѣдко довольно значительная. Тотъ же князь Горбатый запахивалъ исключительно на себя 12 обежъ; Гордѣй Сарыхазинъ располагалъ запашкой точно въ такомъ же размѣрѣ [3]). Обыкновенный, средній размѣръ запашки и въ Московское время былъ, впрочемъ, нѣсколько меньше. Помѣщики средней зажиточности запахивали на себя иногда девять, восемь, семь или шесть обежъ, а иногда и того меньше [4]). Увеличеніе собственной помѣщичьей запашки производилось, обыкновенно, на счетъ крестьянской земли, такой, однако, которая, по какимъ либо причинамъ, оставалась впустѣ. Такимъ образомъ на обращеніе ея въ составъ помѣщичьей пашни должно смотрѣть какъ на чистое приращеніе въ размѣрахъ производства страны, а не какъ на простой ущербъ крестьянской землѣ. Что же касается

---

[1]) Писц. кн., I, 836: „Селцо Ижыци: половина его Яковльская Губина, а четверть того селца Яковльская Θеодорова, что ее вымѣнила (Ульяна Мусина) у Ивана да у Михаила у Бедринскихъ, а четверть того селца Власовская Косныннна, что ее вымѣнила у князя у Михаила у Оболенского“... I, 583; II, 31: „Д. Ондроново, Микитинская Ондронова владычня слуги, что ее самъ вымѣнилъ у Θедка, у Володимерова сына Дмитреева“... II, 35; Ш, 604: „Деревни Степановскія Шалимова, что ихъ Гурьевы вымѣнили у Олешки, у Ананьина сына Петрова“.

[2]) Писц. кн., I, 266: „И изъ тѣхъ обежъ пашетъ на себя кн. Дмитрей съ своими дѣтми и съ людми 17 обежъ“... II, 222: „и изъ тѣхъ обежъ князь и съ матерью и съ своими людми пашутъ на себя 16 обежъ“...

[3]) Писц. кн., II, 206: „и изъ тѣхъ обежъ Гордѣй пашетъ на себя съ своими людьми 12 обежъ“. II, 232; I, 737.

[4]) Писц. кн. I, 334: „и изъ тѣхъ обежъ Михайло (Колычевъ) пашетъ на себя съ своими людми 9 обежъ“. I, 357: „И изъ тѣхъ обежъ Михайло (Кучецкой) и съ своими людми пашетъ на себя 8 обежъ“.

до путей, какими пустая крестьянская земля обращалась въ составъ помѣщичьяго хозяйства, то они были довольно разнообразны. Коль скоро именно запустѣлыя крестьянскія деревни, участки, пустоши или селища находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ помѣщичьей землей, то они просто припускались къ ея полю, пашнѣ, т. е. теряли свое отдѣльное существованіе и становились навсегда одною изъ составныхъ частей земли того селенія, къ которому они присоединялись. Случаи такого припущенія запустѣлыхъ деревень къ помѣщичьей усадьбѣ представляютъ въ Московское время самое обыкновенное явленіе. Иногда даже такія деревни, необходимыя для расширенія и округленія собственной помѣщичьей усадьбы, вымѣнивались у другихъ владѣльцевъ, что при разбросанности боярскихъ имѣній въ Великомъ Новгородѣ было весьма выгоднымъ предпріятіемъ для обоихъ участниковъ въ мѣнѣ [1]). Не всегда, однако, пустая земля находилась въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, что ее можно было легко припустить въ пашню къ помѣщику. Гораздо чаще запустѣлыя деревни или участки лежали въ отдаленіи отъ помѣщичьей усадьбы. Въ этомъ случаѣ помѣщики дѣйствовали двояко. Коль скоро обработка усадьбы не занимала рукъ всѣхъ людей, состоявшихъ въ распоряженіи помѣщика, то онъ разселялъ свободныхъ по пустымъ крестьянскимъ деревнямъ или дворамъ. Это не значило, впрочемъ, что помѣщикъ обращалъ своихъ дворовыхъ въ крестьянъ: дворовые по прежнему оставались дворовыми, такъ какъ они обработывали землю не на себя, а на помѣщика. Это видно изъ прямыхъ указаній источниковъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщичьи люди, занимавшіе деревни, работали именно на помѣщика, а не на себя [2]). Какъ мы только сейчасъ замѣтили, разселеніе дворовыхъ людей по крестьянскимъ дворамъ возможно было только въ томъ случаѣ, когда обработка усадьбы оставляла нѣсколько рабочихъ рукъ свободными. Но пустыхъ земель, обыкновенно, было больше, чѣмъ свободныхъ рабочихъ рукъ. Вслѣдствіе этого помѣщи-

---

[1]) Писц. кн. II, 22: „Да племянникъ же припустилъ къ себѣ въ поле дер. Радомацю"... II, 211: „Да князь же припустилъ себѣ въ поле дер. Плужниково да деревню Ключино, пашетъ на себя князь съ своими людми"... См. еще I, 190. Писц. кн., II, 25: „Сельцо Островна: а въ немъ дв. Өедковъ, въ немъ самъ живетъ: да Өедко жъ впустилъ къ себѣ въ *поль* (вм. *е* вездѣ) деревню Боротно Дмитровскую Козонскою, что ее Өедко вымѣнилъ у Сома у Ленева".

[2]) Писц. кн., II, 212: „Д. Овсѣева Гора: дв. княжой человѣкъ Өоөанидкъ Костинъ, пашетъ ее на князя"... II, 382.

камъ нерѣдко приходилось при воздѣлываніи пустыхъ земель пользоваться тѣмъ свободнымъ временемъ, которое оставалось у людей, занятыхъ на усадьбѣ или на крестьянскихъ дворахъ. Примѣненіе этого свободнаго труда производилось двояко. Не особенно отдаленныя запустѣлыя деревни обрабатывались помѣщичьими людьми, кажется, заурядъ съ усадебной осѣдлостью [1]). Что же касается до отдаленыхъ земель, то обработка ихъ производилась не иначе, какъ наѣздомъ [2]). Наконецъ, если помѣщичьи люди не располагали ни свободными руками, ни свободнымъ временемъ, то тогда помѣщики при обработкѣ пустыхъ земель обращались за помощью къ крестьянамъ.

Какъ ни важно было увеличеніе размѣра помѣщичьей запашки, во всякомъ случаѣ, въ общей массѣ владѣній она представляла едва замѣтную величину. Подавляющая часть помѣстья по прежнему находилась въ рукахъ постороннихъ лицъ, частью помѣщичьихъ слугъ, частію же, и при томъ самою большею, въ рукахъ крестьянскаго населенія. Мы имѣли случай замѣтить, что уже въ Новгородское время былъ обычай давать земли подчиненнымъ владѣльцу лицамъ. Въ Московское время этотъ обычай значительно распространяется. Коль скоро въ общей жизни укоренилось правило давать служилымъ людямъ вознагражденіе за отбываемую ими службу землями, то и служилые люди должны были скоро прійти къ убѣжденію, что земля представляетъ отличное средство расплаты и за услуги, которыя оказывались имъ лично. Неудивительно, поэтому, что земли раздавались служилыми людьми всѣмъ лицамъ, въ которыхъ они нуждались. Помѣстными землями пользовался и священникъ, состоявшій при помѣстьѣ, и всѣ лица, которыя принадлежали къ разряду помѣщичьихъ слугъ [3]). Источники не только представляютъ указанія на то, что эти служнія земли отличались отъ земель, воздѣлываемыхъ помѣщичьими людьми на помѣщика, но и что доходъ съ нихъ не шелъ въ пользу земле-

---

[1]) Писц. кн., I, 776: „Д. Игнатово: дв. самъ Микитка съ своими люди.... да Микитка же пашетъ на себя въ деревнѣ въ Кузеплѣ обжю да деревню Нестерово“... II, 172, 558—9.

[2]) Писц. кн., II, 23: „Д. Чеботова Гора пуста, а пашетъ ее племенникъ на собя наѣздомъ. II, 172, 231, 659. Писц. кн., I, 546: „Д. Окладенъ: дв. Ивашко Колобъ, не пашетъ, а пашетъ ту деревню Гр. Константиновъ на собя наѣздомъ“...

[3]) Писц. кн., II, 707: „Д. Заборовье... А дохода съ нее при князѣ не было: жилъ въ ней его попъ“.

владѣльца [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ служни земли располагались непосредственно въ районѣ, окружавшемъ помѣщичью усадьбу; но одинаково часто онѣ давались слугамъ разбросанными, подобно оазисамъ въ морѣ крестьянскихъ деревень [2]). Въ большей части случаевъ слуги воздѣлывали данныя имъ земли собственными силами; но иногда, подобно помѣщикамъ, они окружали себя своими людьми или, по крайней мѣрѣ, подворниками [3]). Что же касается до крестьянскаго населенія, то оно по прежнему продолжало образовать главную, преобладающую массу помѣстной рабочей силы; только отношенія его къ землевладѣльцамъ существенно измѣнились. Мы имѣли случай замѣтить, что уже въ Новгородское время въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ боярамъ начала утверждаться оброчная система. Въ настоящее время эта система получила новый, гораздо рѣшительнѣйшій толчокъ. Движеніе пошло двумя путями. Съ одной стороны, число обежъ, которыя были обязаны платежемъ половья и третного хлѣба, значительно сокращалось и замѣнялось такими, которыя сдавались на условіи платы трети, четверти или пятины изъ хлѣба, а иногда и просто посопа, т. е. хлѣбнаго оброка. Взамѣнъ получаемой этимъ путемъ льготы крестьяне, естественно, должны были дѣлать землевладѣльцамъ приплаты деньгами [4]). Съ другой стороны, обежи, которыя прежде платили малыя доли хлѣба или же просто хлѣбный оброкъ, стали также выходить изъ употребленія и замѣняться такими, которыя были обязаны платой одного денежнаго оброка. Правда, и хлѣбный оброкъ, посопъ, продолжалъ еще наряду съ денежнымъ свое существ-

[1]) Писц. кн., II, 712—3 „Д. Климовская.... Дохода съ нихъ при князѣ не было: жилъ въ ней слуга его“. Ср. II, 714: „Д. Нешарино... Дохода съ нее не было: пахали ее на князя“.

[2]) Писц. кн., I, 107: „Сельцо Бологое... да въ томъ же сельцѣ дв. князь Семеновъ, а въ немъ самъ живетъ, а людей его... А деревень за слугами“. Ср. I, 856; II, 706—714.

[3]) Писц. кн., I, 749: „Д. Игнатово: дв. Иванко Коротной, князь Ивановъ слуга, а подворники у него: дв. Өалка Кузнецовъ, дв. Савка, дв. Моисейко, дв. Онешко, сѣютъ ржы“...

[4]) Писц. кн., III, 290: „а за тотъ за старый доходъ давали съ ключничею и пошлиною со всѣхъ боярщинъ и съ льготныхъ съ полу-3 обежи, денегъ пол-10 рублей и 3 гривны и полъ-2 денги; а мелкого доходу 3 бараны... а изъ хлѣба съ обжы (вмѣсто прежнихъ 12) половья, а съ 22 (вм. 53) обежъ треть изъ хлѣба, а 25 (вмѣсто 6) обежъ оброчныхъ, а съ 47 обежъ (вмѣсто 9) хлѣба посопомъ“... III, 185: „а денегъ давали со всѣхъ обежъ пол-9 гривны и 2 денги“.

вованіе; но заинтересованнымъ сторонамъ предоставлена была возможность взимать и отдавать такой оброкъ деньгами. Опредѣлена была даже самая такса, по которой слѣдовало платить землевладѣльцу за разные роды зернового хлѣба. Коробья пшеницы опредѣлена была въ гривну или 14 Новгородскихъ денегъ, коробья ржи—въ 10, ячменя—въ 7, а овса—въ 6 денегъ [1]). Въ такой формѣ оброчная система утвердилась въ Новгородѣ въ самомъ началѣ собственно только въ однихъ великокняжескихъ оброчныхъ волостяхъ. Другіе же землевладѣльцы по традиціи держались тѣхъ порядковъ, которые господствовали до нихъ въ Новгородѣ. Гдѣ въ послѣднемъ имѣла мѣсто плата извѣстной данью продукта, тамъ осталась она не тронутой; гдѣ же господствовалъ поспопъ, тамъ сохранилъ свою силу послѣдній. Измѣненія, если гдѣ и происходили, имѣли совершенно случайный характеръ [2]). Подобный же процессъ замѣчается и въ другой статьѣ доходовъ помѣщичьихъ имѣній, а именно въ ключничьемъ доходѣ, хотя тутъ перемѣна является еще менѣе исчерпывающаго характера, чѣмъ въ собственно поземельномъ доходѣ. Но за этимъ ограниченіемъ, подобно общему доходу, и ключничьи поборы превращаются въ опредѣленный оброчный сборъ, взимаемый въ денежной формѣ. Нормальною величиной ключничьей пошлины въ великокняжескихъ оброчныхъ волостяхъ приняты были, кажется, двѣ Новгородскія деньги съ обжи [3]). Но эта новая ключничья пошлина была введена не повсемѣстно; тамъ же, гдѣ дѣйствіе ея еще не было распространено, тамъ ключничъ доходъ, хотя и выражался въ денежной формѣ, тѣмъ не менѣе взимался не самостоятельно, а присоединялся къ оброку [4]). Какъ мы уже сказали, превращеніе ключничей пошлины

---

[1]) Писц. кн., III, 186: „А в. князя оброку положено на ту волость 12 гр. и 2 денги; а хлѣба поспомъ... а въ которомъ году не взяти оброку хлѣбного хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено деньгами; за коробью ржи 10 ден., за коробью овса 5 ден., за кор. ячмени 7 ден., за коробью пшеницы гривна... III, 290.

[2]) Писц. кн., I, 29, 32, 36, 55, 60, 62, 87, 92, 117, 133, 145; II, 13, 18, 25, 36, 47, 60, 80, 129, 168, 206.

[3]) Врем., XI, 87: „А новые пошлины ключничи на ту обжу положено въ годъ, на три празники, 2 денги Новогороцкіе“. Врем., XI, 93: „А новые пошлины ключничи положено на тѣ обжи: на Р. Хр. ключнику съ обжи денга Новогородская, а на Великъ день съ обжы денга Московская, а на Петровъ день съ обжы денга Московская. Врем., XI, 96. Ср. Писц. кн., III, 467; 5.

[4]) Врем., XI, 9: „А в. князя оброку на ту волость положено, и за ключничю пошлину 4 рубля и 4 гр. и 1½ денги“. VI, 10—11: „А новаго оброку на тѣ деревни положено и за ключничь доходъ: денегъ полпяты гривны, а за третной хлѣбъ положено хлѣба, поспомъ: 9 коробей ржы, 18 коро-

въ денежную замѣчается въ великокняжескихъ оброчныхъ имѣніяхъ; что же касается до простыхъ владѣльческихъ волостей, то тутъ вездѣ по традиціи поддерживался старый, наслѣдованный отъ Новгородцевъ, порядокъ.

Заботясь о лучшей организаціи помѣстныхъ владѣній въ ихъ цѣломъ составѣ, владѣльцы не отказывали въ нѣкоторомъ вниманіи и къ лучшему устройству крестьянскихъ поселеній. Со времени утвержденія въ Новгородѣ Московскаго владычества у землевладѣльцевъ замѣчается благопріятствованіе къ образованію и поддержанію крупныхъ крестьянскихъ поселковъ, а именно селъ и рядовъ. Это благопріятствованіе выражалось въ списываніи деревень въ одно мѣсто. Благодаря такому списыванію, исчезали изъ счета и замѣнялись селами не только отдѣльныя деревни, но и цѣлые десятки послѣднихъ. Польза при этомъ была главнымъ образомъ владѣльческая и правительственная, но и крестьяне не оставались въ накладѣ, такъ какъ соединеніе въ большія цѣлыя способствовало развитію общей дѣятельности [1]). Главное, однако, вниманіе помѣщиковъ къ лучшему устройству крестьянскихъ поселеній высказывается не въ этомъ, а въ стремленіи къ возможно большему извлеченію изъ земли экономическихъ выгодъ, при посредствѣ полнаго занятія крестьянскихъ силъ и развитія производительныхъ средствъ каждой данной мѣстности. Коль скоро именно извѣстная мѣстность допускала не болѣе, какъ только занятіе земледѣліемъ, то стремленіе помѣщиковъ клонилось къ тому, чтобы этой отраслью промышленности крестьянскія рабочія силы были заняты вполнѣ. Для достиженія этой цѣли помѣщики въ тѣхъ случаяхъ, когда у крестьянъ было земли меньше нормальнаго количества или менѣе тѣхъ силъ, которыя могли развить крестьянскія хозяйства, прибѣгали обыкновенно къ припущенію, т. е. къ соединенію съ пашней крестьянскихъ селеній запустѣлыхъ деревень, стоявшихъ безъ воздѣлыванія [2]). Тамъ же, гдѣ, по расположенію пустовавшихъ де-

бей овса... и всего оброку... положено деньгами и за ключничь доходъ и за хлѣбъ рубль съ гривною и 13 денегъ"...

[1]) Писц. кн., III, 515: „И при старомъ писмѣ убыли 2 деревни, потому что списаны въ одно мѣсто въ село (Нѣжново изъ 17 дворовъ)". III, 670: „И при старомъ писмѣ убыло деревень 15, потому что Рѣчици всѣ списаны въ въ одно мѣсто (въ сельцо Рѣчицу?)". III, 698. Врем., XI, 202: „И при старомъ писмѣ убыло деревень 13, потому что Лисичье село списано въ одно мѣсто".

[2]) Писц. кн., III, 483: „Деревня Теремецъ, вопчѣ съ Аркажскими обжами, что за Левою, за хлѣбникомъ, на Суморковѣ половинѣ... (2 двора) 3 обжи...

ревень, припущеніе было невозможно, владѣльцы предоставляли крестьянамъ пользоваться свободными землями другими способами, какъ, напримѣръ, наѣздомъ [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ, кромѣ земледѣлія, имѣлась возможность заниматься и другими промыслами, тамъ со стороны помѣщиковъ замѣчается стремленіе къ заведенію такихъ крестьянскихъ участковъ, въ которыхъ бы земледѣліе играло второстепенную роль. Въ особенности это явленіе замѣчается при обращеніи въ культуру новыхъ, лѣсныхъ земель. Обращеніе въ культуру новыхъ пространствъ имѣло мѣсто и прежде; но въ настоящее время оно получаетъ болѣе широкіе размѣры и даже нѣкоторую систематичность. Въ великокняжескихъ земляхъ основаніемъ новыхъ поселковъ завѣдывали старосты; они выбирали мѣста для деревень и призывали лицъ, желавшихъ принять на себя ихъ воздѣлываніе [2]). Въ простыхъ же владѣльческихъ имѣніяхъ заложеніемъ новыхъ починковъ занимались сами помѣщики. Такъ, Ивашко Кривой заложилъ, по писцовой книгѣ, въ подвѣдомственной ему волости 5 починковъ [3]). Но въ особенности любопытенъ образъ дѣйствія помѣщика Торка Плещеева, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы замѣчаемъ нѣкоторую систематичность въ устройствѣ крестьянскихъ поселеній. Одни изъ заложенныхъ имъ починковъ имѣли, несомнѣнно, земледѣльческое предназначеніе, такъ какъ называются пашенными, и при каждомъ изъ нихъ упоминается извѣстное количество земли, опредѣленной на пашню. Другіе, напротивъ, предназначались, очевидно, не столько для земледѣлія, сколько для другихъ промысловъ, а именно для пчеловодства. Это видно изъ того обстоятельства, что хотя у этихъ починковъ и не было пашни, съ которой бы они могли давать оброкъ помѣщику, тѣмъ не менѣе они далеко не были свободны отъ поборовъ въ пользу землевладѣльца, очевидно, за право занятія пчеловодствомъ, на

[illegible]

Да къ Теремцу жъ Иванъ Сумороκъ припустилъ въ поле дер. Заполье въ пашню". Ср. стр. 484. Писц. кн., III, 525—6: „И при старомъ писмѣ убыла дер. Имора, а припустилъ ее въ поле къ селу къ Иванкову (изъ 20 дворовъ, III, 524)". Писц. кн., I, 509: „А на Березаевскомъ же ряду дворы (10) Өеклинскіе же... да къ тѣмъ же дворамъ Өомасъ (помѣщикъ), припустилъ въ поле дер. Заборье, да дер. Липникъ, да дер. Наумово... 5 обежъ".

[1]) Писц. кн., II, 783.

[2]) Писц. кн., I, 226: „А се тѣ (4) деревни, которые сажалъ в. князя староста Ивашко (Голова) на Трубицынскихъ же земляхъ послѣ первыхъ писцовъ".

[3]) Писц. кн., II, 761: „А се починки, посажалъ ихъ Кривой на новѣ"...

которое намекают источники, говоря о подлащиках и отмѣрщиках [1]).

Наравнѣ со строемъ поземельныхъ владѣній, съ водворенія Московскаго владычества въ Новгородѣ, послѣдовали измѣненія и въ самомъ производствѣ. Въ организаціи послѣдняго замѣчается стремленіе къ усиленію раздѣленія занятій. Окружающіе помѣщиковъ люди перестаютъ уже образовать одну сплошную массу и начинаютъ распадаться на разряды. Первое мѣсто между ними образуетъ разрядъ помѣщичьихъ слугъ. Подъ этимъ разрядомъ разумѣлись люди, обязанные въ отношеніи помѣщиковъ исполненіемъ какихъ либо высшихъ должностей и получавшіе за это въ вознагражденіе помѣстныя деревни. Они не только пользовались доходами отъ этихъ деревень, но и въ свою очередь для полученія доходовъ имѣли своихъ особенныхъ людей или подворниковъ [2]). Второй разрядъ образовали, такъ называемые, помѣщичьи люди. Онъ въ свою очередь распадался на людей въ собственномъ смыслѣ и страдниковъ. Подъ людьми, въ собственномъ смыслѣ, разумѣлись лица, находившіяся частію въ личномъ услуженіи помѣщика, частію же обрабатывавшія его усадьбу. Они жили или непосредственно въ помѣщичьемъ домѣ, или же въ прилегавшихъ къ нему дворахъ и даже, если того требовали обстоятельства, въ крестьянскихъ дворахъ по деревнямъ [3]). Кромѣ общаго названія, они имѣли еще наименованія, смотря по ихъ особенному положенію. Такъ, мы встрѣчаемъ въ помѣстьяхъ дворянина домашняго человѣка, дворника, казака, ключника [4]). Въ особенности разрядъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ немъ впервые начинаетъ выдѣляться разрядъ ремесленныхъ людей. Вначалѣ, впрочемъ, ремесла не отдѣлялись еще

---

[1]) Писц. кн., II, 743: „А се посажалъ Торхъ починки на новѣ послѣ писма на лѣсу на дичи. Поч. Заравн (5 дворовъ)... обжа... А безпашенныхъ починковъ: поч. на Лесѣ... поч. на Гоголевѣ... а дохода 4 денги, полкоробьи ржы, а подлазщику пол-3 денги; въ обѣихъ обжа... поч. на Лугу: дв. Илейка Харинъ, обжа ново".

[2]) Писц. кн., I, 107: „Селцо... Бологое... да въ томъ же сельцѣ дв. князь Семеновъ... а людей его... А деревенъ за слугами... Д. Глубочиха: дв. Ивашко Хрулъ; а люди его: дв. Ивашко, дв. Ивашко жъ"... См. еще I, 817.

[3]) Писц. кн., II, 758: „Селцо Лукина Гора: а въ немъ дв. самъ Ивашко съ своими людьми"... II, 748: „Селцо Дуброва: а въ ней дв. Угримовъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его: дв. Проня, дв. Кривой, дв. Малецъ, сѣютъ ржи на Угрина 9 коробей, а сѣна косятъ 80 копенъ, 2 обжы".

[4]) Писц. кн., II, 19, 73, 376, 531. Тамъ же I, 27.

отъ земледѣлія, и лица, занимавшіяся ими, не освобождались, наравнѣ съ другими, отъ остальныхъ сельскихъ занятій. Но важно уже то, что въ числѣ дворовыхъ людей помѣщиковъ мы встрѣчаемъ лицъ, занимавшихся, напримѣръ, поваренныкъ искусствомъ, садовничествомъ, чеботничествомъ; встрѣчаемъ конюховъ и т. п. [1]). Что же касается до страдниковъ, то это были простые чернорабочіе люди помѣстій. Они жили, обыкновенно, вмѣстѣ, въ особенномъ, нарочно для нихъ устроенномъ, челядинномъ дворѣ; отдѣльно же, въ барскихъ дворахъ или на особенныхъ деревенскихъ участкахъ, мы встрѣчаемъ ихъ довольно рѣдко. На обязанности ихъ лежали, по всей вѣроятности, всѣ работы по помѣщичьему двору, равно какъ и большая часть сельскихъ занятій. На нихъ возлагалась временами обработка запустѣлыхъ участковъ [2]). Какъ, однако, ни умножалось число помѣщичьихъ людей, ихъ всетаки не хватало для всѣхъ потребностей помѣстій. Необходимо было, поэтому, прибѣгать къ помощи крестьянъ и такимъ образомъ пролагать дорогу къ барщинѣ. Въ начальной своей формѣ барщина представляла явленіе, выгодное для обѣихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что крестьянскіе участки только развѣ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могли занимать всѣ рабочія силы крестьянъ. Въ большинствѣ же случаевъ обработка ихъ оставляла крестьянамъ еще много досуга, который легко могъ быть обращаемъ съ пользою на другія занятія. А въ такомъ случаѣ польза отъ барщины для обѣихъ сторонъ очевидна. Благодаря содѣйствію крестьянъ помѣщики извлекали изъ своего имѣнія больше выгодъ. Но и крестьяне не оставались въ накладѣ: они получали нѣкоторую сбавку въ оброкѣ, а иногда и совершенное уничтоженіе

---

[1]) Писц, кн. II, 30—31: „Селцо Болокшово: а въ немъ дв. Сомовъ, а въ немъ самъ живетъ... а людей его въ томъ селцѣ: дв. чернецъ садовникъ, дв. Онтоникъ, дв. Олешко дьякъ, дв. Дядя поваръ, сѣютъ ржы на Сома 14 коробей, а сѣна косятъ 200 копенъ, 4 обжы“. 32: „Д. Ягодливое: дв. Сомовъ человѣкъ Игнатко чеботникъ, сѣетъ ржы пол-3 коробьи... обжа“... Тамъ же, III, 166.

[2]) Писц. кн., II, 47: „Д. Воронець: а въ ней дв. Григорьевъ, а въ немъ самъ живетъ, да дв. челяденной, а въ немъ его страдники, сѣютъ ржы на Григорья“... См. еще II, 62. Писц. кн., I, 83: Д. Сѣченикове; а въ ней дв. Трубицинъ съ братьею, а въ ней живутъ ихъ страдники, на Трубицу съ братьею сѣютъ ржы“... Писц. кн., I, 281: „Д. Нурово: дв. Васильевъ человѣкъ Игнатко, дв. Васильевъ страдникъ Васко, сѣютъ ржы“. I, 836: „Сельцо Ижыцы... дв. сама Ульяна съ своими дѣтми, дв. человѣкъ ее Шулга, на Ульяну сѣютъ ржы 7 коробей, а сѣна на нее косятъ христьяне откосъ 100 копенъ, а страдники ее косятъ“... См. еще II, 256, 647, 737.

всякихъ поборовъ въ пользу помѣщика [1]). Послѣднее имѣло мѣсто, обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда услуги крестьянъ помѣщику заключаясь не въ земледѣльческой работѣ, а въ какомъ либо промыслѣ, Извѣстно, напримѣръ, что освобожденіе отъ оброка получали крестьяне рыболовы, занимавшіеся ловлей рыбы на помѣщика, или же бортники, оказывавшіе помѣщику помощь при устройствѣ въ его волости бортей [2]). Какъ то бы ни было, только въ стремленіи своемъ извлекать изъ имѣній возможно большую пользу, землевладѣльцы обратили вниманіе и на этотъ источникъ рабочей силы. Формъ при этомъ было двѣ. Съ одной стороны помѣщики, вѣроятно, когда у нихъ не было собственныхъ рабочихъ силъ вовсе, возлагали на крестьянъ обрабатываніе даже своей собственной усадьбы. Трудъ этотъ совершали для нихъ или крестьяне, которые снимали участки въ селеніи, заключавшемъ въ себѣ усадебную осѣдлость, или же вся помѣщичья волость, въ ея цѣломъ составѣ [3]). Въ особенности часто содѣйствіе крестьянъ при обработкѣ помѣщичей усадьбы замѣчается въ кошеніи луговъ и поженъ [4]). Съ другой стороны, помѣщики поручали своимъ крестьянамъ обрабатывать на нихъ тѣ части своихъ владѣній, которыя лежали впустѣ. При этомъ было два случая. Когда запустѣвшая помѣщичья земля лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ деревни, располагавшей излишкомъ рабочей силы, то обработка возлагалась исключительно на одну эту деревню. Иногда даже запустѣлая земля просто припускалась въ поле къ извѣстному селу, не смотря на то, что обрабатывалась крестьянами на помѣщика [5]). Когда же подобныхъ бла-

---

[1]) Писц. кн., I, 52.

[2]) Писц. кн, II, 31: „Д. Яловцово: дв. Ивашко Харитоновъ, сѣетъ ржы... и старого дохода... а новаго дохода съ него нѣтъ: ловитъ на Сома рыбу". Тамъ же, I, 642.

[3]) Писц. кн., I, 18: „Селцо Тарусово: а въ немъ дв. Андрѣевъ, а въ немъ самъ живетъ: а христьянъ дв. Омельяникъ, дв. Михалъ, дв. Родивоникъ, сѣютъ ржы на Ондрѣя съ сыномъ 8 кор., а сѣна косятъ 130 копенъ, 3 обжы; а христьяне сѣютъ ржы 3 кор., а сѣна косятъ 15 коп., обжа"... См. еще I, 52, 138—9; II, 850. Писц. кн., I, 78: „Селцо Великой Дворъ на озерѣ па Коломнѣ: дв. самъ Ивашко Трубица съ братьею, дв. ихъ же человѣкъ Никонецъ... 5 обежъ, а пашутъ на нихъ то село волостью". Тамъ же III, 714.

[4]) Писц. кн., III, 668—669; „Въ в. князя селцѣ Рѣчицѣ... дв. въ болшомъ самъ Некрасъ съ дѣтми; а христьянъ... А нового доходу... да сѣна косятъ боярскаго 300 копенъ". I, 52 (тамъ же).

[5]) Писц. кн. III, 511: „Селцо Шейкино... 9 обежъ и съ тѣми, что при-

гопріятныхъ условій не существовало, то обработка запустѣлыхъ деревень возлагалась помѣщикомъ на всѣхъ крестьянъ своей волости, которые производили это дѣло наѣздомъ или сгономъ [1]).

Наравнѣ съ усиленіемъ раздѣленія занятій въ организаціи Московскаго землевладѣнія обращаетъ на себя вниманіе и болѣе правильное употребленіе имущества, особенно движимаго. Доходы, собираемые владѣльцами со своихъ имѣній, не оставались безъ пользы и для крестьянъ. Нѣкоторые виды обращенія помѣщичьихъ средствъ на пользу крестьянъ Московское время наслѣдовало еще отъ Новгородскаго. Къ числу такихъ видовъ относятся уже упомянутыя нами раньше подможныя деньги [2]). Но у Московскихъ землевладѣльцевъ были и другіе, самостоятельные. Съ наступленіемъ именно Московскаго времени утверждается обычай ссужать крестьянъ изъ владѣльческихъ средствъ сѣменами на посѣвъ. Быть можетъ, этотъ обычай былъ также и въ Новгородское время, но, во всякомъ случаѣ, въ Московскій періодъ онъ получаетъ значительное расширеніе, особенно въ бѣдныхъ земледѣліемъ сѣверныхъ краяхъ. Примѣры такой выдачи хлѣба на обсѣмененіе полей мы встрѣчаемъ, однако, только въ великокняжескихъ оброчныхъ волостяхъ; въ имѣніяхъ же другихъ собственниковъ источники о нихъ не упоминаютъ. Противоположно подможнымъ деньгамъ, хлѣбъ на посѣвъ выдавался крестьянамъ, кажется, безъ процентовъ. По крайней мѣрѣ, источники нигдѣ не говорятъ о ростѣ съ даннаго въ ссуду хлѣба [3]). Говоря о ссудахъ на посѣвъ, мы не можемъ не упомянуть, что и хозяйственныя учрежденія землевладѣльцевъ не оставались безъ пользы для крестьянъ. Располагая большими средствами, землевладѣльцы могли, напримѣръ, устраивать мельницы, пользованіе которыми значительно облегчало трудъ крестьянъ, избавляя ихъ отъ работы на тяжелыхъ ручныхъ жерновахъ. Примѣры такого пользованія земледѣльческими учрежденіями, впрочемъ, вообще рѣдки; на

пустилъ въ сему селцу въ поле дер. Мучицино, а была обжа, а пашутъ ее на Саула (помѣщика)".

[1]) Писц. кн., I, 544: „Д. Иванова пуста, а пашутъ ее на Овуня христьяне наѣздомъ"... Тамъ же I, 536: Д. Кузмино пуста, а пашутъ ее христьяне на князя сгономъ"...

[2]) Писц. кн., II, 666: „А *подможныхъ* денегъ въ тѣхъ деревняхъ велико князя рубль Ноугородцкой и пол-3 гривны съ денгою".

[3]) Врем., XI, 148—149: „А семянъ в. князя въ той волости за христіаны 80 и пол-4 коробьи ржы, 200 и 60 и 2 коробьи овса, пол-6 коробьи и половина получетвертки ячьмени". Ср. еще XI, 288; XII, 78, 79, 82, 84.

нихъ встрѣчаемъ мы указанія въ источникахъ только развѣ въ однихъ монастырскихъ имѣніяхъ [1]).

Въ области техники производства съ водвореніемъ Московскаго владычества послѣдовали также важныя перемѣны. Къ сожалѣнію, однако, свѣдѣнія наши о ходѣ этихъ перемѣнъ крайне скудны. Въ отношеніи полевой земли и ея распорядка намъ извѣстно только, что земля, находившаяся въ обладаніи извѣстныхъ селеній, образовала цѣлое, которое дѣлилось на большія и меньшія части, на поля и на ихъ подраздѣленія, на отдѣльныя полосы и полоски [2]). По всей вѣроятности, въ такомъ распредѣленіи пашни на поля и полосы нужно видѣть признакъ крайней раздробленности поземельныхъ владѣній въ Новгородѣ, а отнюдь не признакъ, указывающій на существованіе трехпольной системы. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя съ водвореніемъ Московскаго владычества стала также мало-по-малу утверждаться въ Новгородскихъ предѣлахъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности прослѣдить первоначальную исторію этой системы, даже рѣшить вопросъ, возникла ли она уже въ Новгородскій періодъ, или только въ Московскій, и при какихъ условіяхъ. Доказаннымъ можно считать только то, что въ самомъ концѣ XV столѣтія она была въ Новгородской землѣ уже господствующею системою. Древнѣйшія писцовыя книги не знаютъ уже никакой другой системы. Прямыхъ доказательствъ господства трехпольной системы, конечно, не много; но эти не многія носятъ на себѣ печать полной достовѣрности. Выраженія, встрѣчающіяся въ писцовыхъ книгахъ въ родѣ: „пашенной земли въ полѣ на 4 коробьи" или „пашни во всѣхъ трехъ поляхъ на 8 коробей", не позволяютъ сомнѣваться, что мы теперь имѣемъ уже дѣло съ трепольной системой [3]). Въ писцовыхъ книгахъ даже встрѣчается типическое выраженіе, которымъ въ послѣдствіи обозначалось обыкновенно господство трехпольной системы, а именно: „пашни столько-то въ полѣ, а

---

[1]) Врем., XII, 140: „Д. на Порежкѣ: дв. Ѳедко Харитоновъ да сынъ его... 7 луковъ; да у нихъ же дворъ монастырской и съ мельницею".

[2]) Писц. кн., III, 358: „Въ Будьковскомъ поли съ погоста съ Будькова: въ в. князя деревнѣ въ оброчной въ Пантелѣевичахъ (288) въ двух полѣхъ полосы, а сѣется на нихъ полтретьи коробьи ржи". III, 569: „Да ихъ же (своеземцевъ) полоса въ в. князи селцѣ въ Тютицахъ"... III, 548, Врем. XII, 133.

[3]) Писц. кн. Шелон. Пят. XV в. (по неизд. сп. А. К.), л. 137: „Д. Пусто-перша пуста. Пашни во всѣхъ трехъ полехъ на 8 коробей"... Тамъ же, л. 99: „Д. Горка, въ писмѣ была обжа; пашенной земли въ поле на 4 коробьи, сѣна 20 копенъ". Писц. кн., III, 583.

въ дву полѣхъ по томужъ“ [1]). Къ тому же результату приводитъ и одно косвенное соображеніе. Количество высѣваемаго хлѣба въ писцовыхъ книгахъ, обыкновенно, обозначается извѣстнымъ числомъ коробей озимой ржи. Но, съ другой стороны, извѣстно изъ доходности селеній, что въ нихъ обработывались и всѣ обычные сорта яроваго хлѣба. Необходимо, поэтому, заключать, что они занимали второе поле, и что отдѣльное упоминаніе о нихъ было совершенно излишне, такъ какъ количество ржи уже давало о нихъ соотвѣтственное понятіе [2]). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, посѣвъ опредѣлялся и совершенно наоборотъ, количествомъ высѣваемой яри или даже просто овса. Результатъ, конечно, и тутъ совершенно тотъ же: извѣстное количество яри заставляетъ ожидать въ первомъ полѣ извѣстнаго количества ржи *).

---

[1]) Зап. Рус. Геогр. Общ., VIII, прил. стр. 36: „А на погостѣ нетяглыхъ дв. попъ Никита, дв. дьякъ церковной Карпикъ, дв. сторожъ церковной Смешко, пашутъ земли церковные на 8 коробей ржы въ полѣ, а въ дву полѣхъ по томужъ“... Врем., XI, 55: „пашни у нихъ (4 лицъ причта) церковные на 3 коробьи ржы въ полѣ“... Ср. Писц. кн., III, 55. Врем., XI, 142: „пашутъ (попъ съ дьякомъ) земли церковные на 5 коробей на ржаную“...

[2]) Врем., XI, 336. Ср. тамъ же, 834.

*) *Примѣчаніе издателя.* Существованіе трехпольной системы въ указанный періодъ времени проф. Никитскій допускаетъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Прежде всего прямыхъ указаній на водвореніе этой системы мало; кромѣ того, они относятсб скорѣе къ церковной землѣ. Только въ отношеніи земель, находившихся въ рукахъ сельскаго церковнаго причта, существуютъ категорическія указанія на трехпольнуЮ систему, вродѣ, напримѣръ, выраженія: „пашни столько-то въ полѣ, а въ дву полѣхъ по томужъ“. Что же касается до остальной земли, составлявшей главнѣйшую, подавляющую по своимъ размѣрамъ массу владѣній, то присутствіе въ ней трехпольной системы, по мнѣнію покойнаго автора-историка, можетъ быгь предполагаемо на слѣдующихъ основаніяхъ. Прежде всего, предположивъ, что тамъ, гдѣ источники не упоминаютъ о трехпольной системѣ, ея въ дѣйствинельности не было, мы наткнемся на большое затрудненіе. Окажется, что запашка была крайне несоразмѣрною не только у лицъ причта, сравнительно съ другими классами, но даже и между собою. Въ примѣрѣ, свидѣтельствующемъ о трехпольной системѣ, священникъ, дьякомъ и церковный сторожъ вмѣстѣ сѣяли въ одномъ полѣ 8 коробей ржи, въ двухъ же, слѣдовательно, 16. Между тѣмъ тѣ-же лица нерѣдво засѣвали въ другихъ случаяхъ 3 коробьи ржи и даже меньше, и если разумѣть тутъ не одно поле, а всю запашку, то выйдетъ они съ чѣмъ несообразная пропорція. (Писц. кн., III, 278: „На погостѣ жъ дв. попъ Иванъ, дв. дьякъ церковной Исай, дв. сторожъ

Особенное вниманіе было посвящено Московскими землевладѣльцами развитію луговодства. Двѣ причины оказали свое вліяніе на это развитіе. При господствѣ лядинной системы земля, обращаемая въ лядину, не терялась безплодно для сельскаго хозяйства. Она доставляла подспорье для зимняго корма скота, который лѣтомъ питался на пастбищахъ. Напротивъ, съ водвореніемъ трехпольной системы, часть земли стала поступать подъ паръ, не представлявшій для земледѣльцевъ никакого увеличенія ихъ запаса корма для скота. Въ запасахъ сѣна, поэтому, неизбѣжно происходилъ недочетъ. Но между тѣмъ какъ запасы сѣна уменьшались, въ то время потребность въ нихъ увеличилась. Водвореніе трехпольной системы неизбѣжно должно было влечь за собой увеличеніе числа какъ рабочаго скота, лошадей, такъ и скота рогатаго, перваго—для обработки пашни, втораго—для ея унавоженія. Въ виду такого двойного увеличенія потребности въ кормѣ для домашняго скота, ни мало не удивительно, что съ водвореніемъ Московскаго владычества начинаетъ особенно сильно развиваться луговодство. Въ особенности широкіе размѣры луговодство получало въ собственно великокняжескихъ владѣніяхъ. Важность значенія, которое придавалось великими князьями обладанію обширными лугами, видно съ особенной ясностью изъ того факта, что между тѣмъ какъ оброчныя деревни со всѣми ихъ принадлежностями то и дѣло раздавались въ помѣстное владѣніе, въ то время всѣ, сколько-нибудь значительные, луга и пожни, лежавшіе при нихъ, не только постоянно оставлялись

Гридка, а пашни у нихъ церковные на три коробьи ржи, а въ обжи не положено. Тамъ же, III, 358, 414, 553: „да на погостѣ жъ дв. попъ Іаковъ, а пашни у него церковные на 4 коробьи на ржаную)"... А затѣмъ не слѣдуетъ опускать изъ виду и такое обстоятельство. Въ нѣкоторыхъ краяхъ озимой ржи совсѣмъ не сѣялось, а засѣвалась только одна ярица, трехпольной системы, слѣдовательно, не существовало. Въ виду этого, необходимо предположить, что въ такихъ краяхъ ярицы будетъ высѣваться значительно больше, чѣмъ тамъ, гдѣ предположительно, существовала трехпольная система. Что же, источники оправдываютъ-ли дѣйствительно такое предпороженіе? Какъ нельзя больше. Обыкновенной нормой посѣва ярицы на отдѣльное хозяйство считалось 8 коробей и только временами встрѣчалось нѣсколько больше или меньше, 10 коробей и 6. Въ тѣхъ же самыхъ краяхъ ржи высѣвалось на хозяйство только 4 коробьи. Чтобы сохранить хотя нѣкоторое соотвѣтствіе, необходимо предположить, что въ послѣднемъ случаѣ имѣла мѣсто трехпольная система. Тогда, при посѣвѣ ржи въ размѣрѣ 4 коробей въ полѣ, въ двухъ получится 8 коробей, т. е. ровно столько же, сколько и при посѣвѣ ярицы) Врем., XI, 334, 386.

за великимъ княземъ, но и состояли въ его непосредственномъ дворцовомъ управленіи. Исключенія, если и были, то они, во всякомъ случаѣ, имѣли второстепенное значеніе [1]). Подобно великому князю и простые помѣщики начинаютъ удѣлять луговодству большое вниманіе. Они уже не довольствуются воздѣлываніемъ луговъ собственными средствами, а стараются привлечь къ этому дѣлу своихъ крестьянъ въ широкихъ размѣрахъ [2]). Можно даже сказать, что барщина обязана своимъ водвореніемъ въ жизни, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, потребности помѣщиковъ въ рабочей силѣ для воздѣлыванія своихъ луговъ. Въ воздѣлываніи послѣднихъ крестьяне участвовали двоякимъ образомъ. Мѣстомъ ихъ дѣятельности служили или луга, составлявшіе принадлежность усадебной осѣдлости помѣщиковъ, или же луга, находившіеся вообще въ предѣлахъ ихъ волостей. Въ первомъ случаѣ крестьяне работали, вѣроятно, по большей части вмѣстѣ съ помѣщичьими людьми и подъ ближайшимъ руководствомъ самого помѣщика. Но нельзя утверждать, однако, чтобы они не обработывали усадебныхъ луговъ и одними собственными силами. По крайней мѣрѣ, о присутствіи въ помѣстномъ имѣніи дворовыхъ людей помѣщика временами совсѣмъ не упоминается [3]). Гораздо чаще встрѣчался въ жизни второй случай, когда крестьяне привлекались къ воздѣлыванію отдаленныхъ поженъ и луговъ. Иногда эти пожни обработывались крестьянами отдѣльныхъ, сосѣднихъ съ ними, деревень, временами даже совершенно независимо отъ помѣщичьихъ людей; иногда же рядами такихъ деревень или даже цѣлыми волостями [4]). Наконецъ, съ наступ-

---

[1]) Писц. кн., Ш, 450: „А поженъ в. князя въ Грузинскомъ погостѣ старыхъ бояръ и новосведеныхъ"... 451: „И всѣхъ поженъ розныхъ бояръ 27, а ставится на нихъ сѣна 3700 копенъ, а коли вода не велика, ино ставится на нихъ сѣна болши того и не искашиваютъ. А впередъ тѣ всѣ пожни вѣдати на в. князя діаку Ивану Сумороку". Ш, 454: „а вѣдати тѣ пожни и колъ и тони (Деревяницкаго монастыря) ... на в. князя діаку Ивану Сумороку". П, 634.

[2]) Писц. кн., I, 780: „Да въ сельцѣ жъ: дв. Ивановъ, а въ немъ самъ живетъ; а людей его: дв. Сниръ, дв. Васко, дв. Еремѣйко, дв. Терешка, дв. Федка, на Ивана сѣютъ ржи 10 коробей, а сѣна косятъ 600 копенъ"... Ш, 225.

[3]) Писц. кн., Ш, 262: „Селцо Косово. . дв. въ болшомъ самъ Иванъ, а людей его... а крестьянъ... а сѣна косятъ на Ивана двѣстѣ и восьмьдесятъ копенъ и въ слугами, а христьяне косятъ на себя".. Ш, 664.

[4]) Писц. кн., Ш, 208: „Д. Чадовища: дв. Ивановъ человѣкъ Сивка, а хрестьянъ... да подъ тою же деревнею на Ивана косятъ 80 копенъ". Ш, 208—9; 212, 219; П, 208. Писц. кн., I, 357: „Да на Михаила христіане косятъ откосъ

леніемъ Московскаго времени расширяется луговодство и у самихъ крестьянъ. Увеличеніемъ своихъ луговъ крестьяне обязаны были прежде всего великому князю. При переходѣ въ руки великаго князя Новгородскихъ земель во владѣніи его скопилось много луговъ и пожень, которые по незначительности своей не могли имѣть для него никакого интереса. Такія пожни передавались часто крестьянамъ, какъ одно изъ подспорій къ успѣшному платежу ими наложеннаго на нихъ оброка, тогда какъ прежде они обработывались на поземельныхъ собственниковъ [1]). Но затѣмъ, бывали случаи, когда крестьяне пользовались и помѣщичьими лугами. Они снимали, именно за извѣстный оброкъ, пожни у помѣщиковъ, очевидно, такія, которыя оставались у послѣднихъ излишними, за удовлетвореніемъ ихъ собственныхъ потребностей [2]).

Мы имѣли уже случай замѣтить, что значительное развитіе луговодства въ Московское время было обусловлено необходимостью пріобрѣсти запасы сѣна, соотвѣтственные увеличивающемуся количеству скота. Увеличеніе это имѣло мѣсто въ отношеніи рабочаго скота, какъ лошадей, такъ и крупнаго рогатаго скота. Размноженіе лошадей составляло предметъ попеченія особенно свѣтскихъ землевладѣльцевъ, для которыхъ лошади имѣли значеніе не только рабочей силы, но и чуть ли еще не болѣе, какъ средство удовлетворять ихъ обязанностямъ служебнымъ, необходимости являться на войну „конными, людными и оружными". Побуждаемые этими обстоятельствами, помѣщики въ нѣкоторыхъ, особенно благопріятныхъ для скотоводства, мѣстно-

---

Ольху да Забѣлской лугъ, а ставится на нихъ сѣна 230 копенъ". Врем., XI, 268: „Да тое жъ волости пожня на Заечьемъ Носу, а косятъ ее христіяне на Янова всею волостью, а ставится на ней 400 копенъ сѣна". Писц. кн. Шелонской пятины XV в., л. 82: „Д. Грядища... да подъ тою же деревнею княжого сѣна 1000 копенъ, а косятъ *волостью*".

[1]) Писц. кн., Ш, 577: „Да тѣхъ же селъ и деревень пожни на рѣцѣ на Бернов҃ѣ... а косили ихъ на монастырь, а нынѣче даны хрестьянамъ въ тотъ же оброкъ, а ставится на нихъ 30 коп. сѣна". Ш, 291: „А пустошей и селищъ и луговъ въ той волости разныхъ бояръ... а даны тое жъ волости крестьяномъ въ тотъ же оброкъ, которые селищо и лугъ подъ которою деревнею писанъ". См. еще Ш, 19, 210, 288, 450.

[2]) Писц. кн., Ш, 210: „Д. Гостивици... Да у тое жъ деревни селищо Исаево, а косятъ его христьяне, и даютъ съ него Ивану оброку гривну". Ш, 298: „Да тѣхъ же деревень луги на рѣцѣ на Аредежи ... а емлетъ съ нихъ Ерѣмей найму на годъ 3 гривны".

стяхъ основывали особенные конюшенные дворы, служившіе какъ мѣстомъ содержанія, такъ и мѣстомъ размноженія лошадей. На существованіе такихъ дворовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ указываютъ двоякаго рода данныя. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ волостяхъ мы встрѣчаемъ между помѣщичьими людьми конюховъ, поселенныхъ особыми дворами и предназначеныхъ, очевидно, не для чего иного, какъ для ухода за лошадьми [1]). Въ послѣднемъ убѣждаетъ насъ другой фактъ, тотъ именно, что въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчались дворы конюховъ, мы замѣчаемъ воздѣлываніе луговъ и поженъ въ такомъ широкомъ размѣрѣ, который можетъ быть объясненъ единственно присутствіемъ въ этихъ волостяхъ значительнаго количества лошадей [2]). Наравнѣ съ свѣтскими владѣльцами не мало заботились о скотоводствѣ и духовные, особенно монастыри. Монастыри уже въ Новгородское время отличались хлопотами по разведенію рабочаго скота. Теперь эти хлопоты усиливаются. Противоположно свѣтскимъ владѣльцамъ, монастыри заботятся не только о размноженіи лошадей, но одинаково и объ увеличеніи числа крупнаго рогатаго скота. Можно даже сказать, что въ Московское время необходимой принадлежностью каждаго монастыря являлись дворы конюшенный и коровій [3]). Увеличеніе рабочаго скота для монастырей было вызываемо часто такими потребностями, которыя въ настоящее время удовлетворяются физическими силами. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что мельницы, устраиваемыя монастырями, работали иногда не при помощи силы вѣтра или воды, а единственно при помощи лошадей [4]). Главное же назначеніе рабочаго скота лежало, естественно, частію въ хозяйственныхъ работахъ по монастырю, частію же въ содѣйствіи административной дѣятельности

---

[1]) Временникъ И. М. О. И. и Д., XI, 260: „Деревня Большой Дворъ, а въ ней Яковли люди: дв. Ортемко Ронинъ ключникъ, дв. Гаврылко конюхъ, дв. Савка Фоминъ конюхъ же; сѣютъ ржы пятнадцать коробей, а сѣна“...

[2]) Времен., XI, 268: „Да тое жъ волости пожня на *Зайчьемъ Носу*, а косятъ ее христіяне на Якова всею волостью, а ставится на ней четыреста копенъ сѣна“.

[3]) Записки Русск. Географ. Общ., VIII, прилож. 72: „Въ Сутоцкомъ же погостѣ мон. Спаской, что на Верендѣ на рѣкѣ... А на монастырѣ... да на *конюшенномъ* дворѣ вкладчикъ Истомка, да вкладчикъ Семенъ... До того же Спаского монастыря дворъ монастырской *коровей*, а въ немъ коровникъ Тимохъ Ивановъ“... См. еще VIII, прилож. 70.

[4]) Зап. Рус. Географ. Общ., VIII, 79—80: „А межонныхъ дв. конюшенной монастырской, да четыре житницы, да мельница *лошединая*“.

монастырскихъ властей, обязанныхъ правильно совершать объѣзды обширныхъ монастырскихъ владѣній.

Нѣкоторыя измѣненія, довольно впрочемъ слабыя, обнаруживаются съ Московскимъ владычествомъ и въ самомъ лѣсоводствѣ. Какъ мы уже говорили, лѣсъ въ хозяйственномъ отношеніи въ древности игралъ вообще крайне незначительную роль. Такой же характеръ лѣсоводство сохраняетъ и въ Московское время. Только, кажется, со стороны Московскихъ владѣльцевъ земли замѣчается бо́льшее стремленіе къ изъятію лѣсовъ изъ общаго владѣнія волостей и обращенію ихъ въ доходныя статьи помѣщиковъ. Нѣкоторыя данныя на этотъ счетъ мы имѣемъ въ описаніяхъ великокняжескихъ оброчныхъ волостей. Въ рукахъ Новгородскихъ собственниковъ земли, волости, сколько кажется, по бо́льшей части безгранично распоряжались принадлежащими имъ лѣсами. Напротивъ, въ Московское время великій князь выдѣлялъ изъ состава волостнаго лѣса нѣкоторыя части и обращалъ ихъ въ оброчныя статьи. Вслѣдствіе этого самое завѣдываніе такими лѣсами изнималось изъ обыкновеннаго волостнаго управленія и поручалось отдѣльно существовавшему вѣдомству, учрежденному великимъ княземъ для дворцовыхъ волостей. Если лѣсъ благопріятствовалъ размноженію пчелъ, то великіе князья заводили въ нихъ борти и пользовались или сами, или же сдавали крестьянамъ, занимавшимся бортничествомъ, на оброкъ. Въ первомъ случаѣ, великіе князья держали особыхъ подлазчиковъ, которые въ медолазъ или во время сбора меда являлись въ бортный ухожай и собирали накопившійся медъ [1]). Подобнымъ образомъ, если лѣсъ изобиловалъ птицей, то великіе князья также обращали его въ извѣстной части въ свою собственность. Въ особенности часто это случалось съ лѣсами, въ которыхъ водились соколы, птица, составлявшая тогда предметъ всеобщаго горячаго желанія. Такіе „мхи" обыкновенно выдѣлялись изъ состава волостнаго лѣса, обращались въ княжескіе и затѣмъ уже сдавались крестьянамъ на оброкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ источники прямо указываютъ, что такое исключеніе мховъ было явленіемъ новымъ, что его прежде не знали [2]). Сколько

---

[1]) Писц. кн., III, 5: „Да у деревни у Осеи (стр. 3) великого князя борть со пчелами, что была Богоявленьская, а въ *медолазъ* ѣздитъ *подлазчикъ* изъ Новгорода". Тамъ же, III, 6: „Да въ томъ же погостѣ въ [illegible] лѣсу да въ [illegible] лѣсу великого князя борть, дана на оброкъ Петрову [illegible] сыну (стр. 2), а ходити ему борть себѣ. Да въ томъ *ухожаю* борти ему себѣ и иные дѣлати и кубовы ставити въ тотъ же оброкъ".

[2]) Писц. кн., III, 5: „Да мохъ тѣмъ же деревнямъ данъ на оброкъ Мохъ

можно думать, такое изъятіе частей лѣса и предназначеніе ихъ для удовлетворенія спеціальныхъ потребностей было единственнымъ препятствіемъ, которое ставилось истребленію лѣсовъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ захватный способъ пользованія и истребленія лѣса владычествовалъ безусловно.

[illegible]

Вежыцкой весь межъ Вежокъ и Замошъя и Земтицъ великого князя хрестьяномъ тѣхъ же деревень Петроку Васкову да Ивашку Денисову да Ѳомкѣ Микулину да Пахомку Окулову и ихъ товарищомъ, а на томъ Мху ловити имъ соколы себѣ а за соколъ имъ давати на годъ оброку 5 гривенъ Ноугороцкая; а дана имъ грамота на тотъ Мохъ лѣта семь тысячъ осмого маія въ 30; а первой имъ оброкъ дати на Р. Хр. лѣта 7009, а платити имъ тотъ оброкъ въ Новѣгородѣ в. князя діаку Сумереку Волщерину". Врем. XI, 345. „В[ъ] князя Мхи оброчные: въ Имерецкомъ погостѣ... да въ Ярвосольскомъ погостѣ... да въ Тигодцкомъ погостѣ... даны на оброкъ Якову Юрьеву Орѣховцу... а давати ему съ тѣхъ мховъ... съ году на годъ соколъ, а не будетъ сокола, и ему давати за соколъ денгами по 3 гривны... А напередъ сего съ тѣхъ мховъ оброкъ не шелъ"...

2) Торговля съ Западомъ.

Въ половинѣ XIII столѣтія въ исторіи Германіи обнаруживается важное явленіе, которое въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не осталось безъ большаго вліянія и на ходъ восточной торговой жизни. Мы разумѣемъ именно усиленіе могущества Нѣмецкихъ городовъ. Вслѣдствіе всеобщей анархіи Германскіе города получаютъ именно въ это время возможность къ энергическому развитію своихъ силъ не только дома, но и за предѣлами своихъ городскихъ округовъ, и распространяютъ свое вліяніе даже на сферу торговли. При помощи многочисленныхъ взаимныхъ союзовъ, они обезпечиваютъ себя отъ нападеній и грабежа хищной сосѣдней знати. При посредствѣ самостоятельныхъ, независимыхъ отъ купечества, сношеній и договоровъ съ иноземными владѣльцами они успѣваютъ снискать себѣ значительныя торговыя привиллегіи. Но что всего важнѣе, города, благодаря общему дѣйствію, умѣли въ случаѣ надобности создавать вооруженныя силы, которыя могли поддерживать добытыя ими привиллегіи. Моментъ этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Вслѣдствіе частыхъ враждебныхъ столкновеній съ иноземными владѣльцами вооруженная защита торговли была рѣшительной необходимостью. Между тѣмъ нѣмецкое купечество само по себѣ не располагало никакими, пригодными для этой цѣли, военными силами и должно было ждать помощи со стороны. Эту помощь давали ему городскія общины, которыя въ каждомъ частномъ случаѣ соединялись въ большіе союзы и сообща высылали свои дружины для защиты купеческихъ интересовъ. Но, неся на себѣ главнымъ образомъ охрану правильной торговли, города, естественно, должны были получить въ ней и нѣкоторое преобладающее значеніе. Это преобладающее значеніе неизбѣжно распространялось и на восточную, новгородскую торговлю, такъ какъ и торговля самого Готланда съ Новгородомъ была не что иное, какъ торговля купцовъ Нѣмецкихъ общинъ, образовавшихъ купечество на Готландѣ. Вслѣдствіе этого центръ тяжести торговой жизни перемѣстился. То, что прежде принадлежало просто Готландскому купечеству, то стало удѣломъ союзовъ отдѣльныхъ городскихъ общинъ или же съ половины XIV столѣтія—удѣломъ всего ганзейскаго союза. Однако, въ средѣ самихъ городскихъ союзовъ не всѣ городскія общины пользовались одинаковымъ значеніемъ. Напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ уже въ XIII столѣтіи выдвигаются изъ ряда, какъ особенно вліятельныя. Къ числу такихъ общинъ принад-

30

лежали Висби и Любекъ. Значеніе Висби основывалось на исторіи, было слѣдствіемъ предшествующаго сосредоточенія торговой жизни на Готландѣ; значеніе Любека, напротивъ, опиралось на новомъ взмахѣ городской жизни въ Германіи. Висби былъ представителемъ купечества; Любекъ, напротивъ, являлся представителемъ городскихъ общинъ. Но еще въ томъ же XIII столѣтіи подлѣ этихъ двухъ общинъ начинаетъ фигурировать, какъ стремящійся къ равенству товарищъ, городъ Рига, а въ послѣдствіи Дерптъ, какъ представитель Лифляндскихъ городовъ. Значеніе послѣднихъ основывалось, главнымъ образомъ, на ихъ географическомъ положеніи, на близости ихъ съ русскими рынками и на томъ обстоятельствѣ, что всѣ торговые караваны должны были слѣдовать ихъ краемъ всякій разъ, коль скоро морское сообщеніе съ Новгородомъ было прервано по какой-либо причинѣ. Но какъ ни несомнѣнно было преобладаніе извѣстныхъ городскихъ общинъ, во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что единство господствовало между ними далеко не вполнѣ, что, напротивъ, каждая изъ нихъ стремилась дать исключительную силу своимъ мѣстнымъ интересамъ. Это обстоятельство не мало содѣйствовало упадку Ганзейской торговой конторы въ Новгородѣ.

Сообразно съ этимъ измѣненіемъ въ Нѣмецкой торговой жизни измѣняется и самый ходъ дѣлъ въ Новгородской торговой конторѣ. Главное распоряженіе дѣлами конторы изъ рукъ Готландскаго купечества переходитъ въ руки сейма союзныхъ городовъ, а въ половинѣ XIV столѣтія—въ руки союзнаго Ганзейскаго сейма. Въ отношеніи къ русскимъ перемѣна выразилась въ томъ, что сношенія съ ними стали вестись представителями уже не купечества, а городскихъ общинъ. Уполномоченные эти представляли обыкновенно или частные сеймы, или, какъ то было съ половины XIV столѣтія—общій союзный Ганзейскій сеймъ и назначались обыкновенно изъ гражданъ Висби и Любка, къ которымъ временами, благодаря раннему поднятію Лифляндскихъ городовъ, присоединялся еще и представитель города Риги [1]).

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 459—60, ок. 1301 г.: „Се пріеха Иванъ Бѣлый изъ Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инчя Олчять изъ Риги отъ своеи братіи, отъ всѣхъ купѣчь своихъ Латиньского языка..." Тамъ же, 505, 1330: „Viris providis... consulibus Rigensibus... Lubecensis... Wisbyensis civitatum nuntii... vobis remittimus per Hermannum dictum de Riga..." Тамъ же, 273, 1392: „Се приѣха Иванъ Нибуръ изъ Любька посольствомъ... Из Риги Тилька Нибрюгѣ... ко всему Великому Новугороду". Тамъ же, 438, ок. 1262 г.

Начиная съ XV столѣтія въ значеніи отдѣльныхъ городовъ происходитъ нѣкоторое измѣненіе. Висби, мало-по-малу, совсѣмъ отходитъ на второй планъ, и исключительными дѣятелями въ сношеніяхъ съ русскими остаются Любекъ и Лифляндскіе города. Распредѣленіе ролей между послѣдними совершено было, кажется, въ томъ родѣ, что Лифляндскимъ городамъ, какъ ближайшимъ и лучшимъ знатокамъ Новгородскихъ отношеній, принадлежали предварительные переговоры и сношенія съ Новгородомъ, а Любку, какъ представителю союза,—окончательное принятіе какихъ-либо мѣръ, взвѣшенныхъ вмѣстѣ съ Лифляндскими городами [1]). Что же касается до внутренняго состоянія конторы, то въ руки сеймовъ союзныхъ городовъ перешло верховное руководство ея дѣлами. Прежде всего, въ рукахъ союзныхъ сеймовъ сосредоточилась власть издавать обязательныя распоряженія по дѣламъ Новгородской конторы. Сами сеймы, однако, принимали на себя изданіе только самыхъ общихъ распоряженій, а болѣе частныя предоставляли во власть кружка Нѣмецкихъ городовъ, ближайше заинтересованныхъ въ русской торговлѣ, а именно—Висби, Любка, Риги, Ревеля и Дерпта. И власть послѣднихъ вскорѣ приняла такіе размѣры, что вскорѣ затмила прерогативы самой Нѣмецкой конторы. Дѣло дошло до того, что въ сколько-нибудь важныхъ дѣлахъ контора могла дѣлать какія-либо распоряженія не иначе, какъ по предварительномъ донесеніи и полученіи согласія на то со стороны Висби, Любка и Лифляндскихъ городовъ [2]). Такъ продолжалось до XV столѣтія. Въ XV же вѣкѣ, когда ясно обнаружилось паденіе Висби и могущественное поднятіе Любка, сцена перемѣнилась. Стральзундскій сеймъ

---

[1]) Hanser., II Abt., III, 396, 1449 г. Тамъ же, II Abt., III, 452, 1450 г.: „Soals unsir (говоритъ Перновскій сеймъ) dryger stede Rige, Darbte und Revel radessendebaden to Naugarden van der gemenen stede wegen sin gewesen und mannigerhande handelinge mit densylven Naugardern gehat hebben van des gemenen kopman. saken, une int ende so hebben se eynen biivrede mit den Nauhardern gemaket und bekusset... Diit willet (Любекъ) int gude upnemen und uns des int arge nicht wiiten"...

[2]) Hanserec., I Abt., I, 336, 1366 г.: „Item decreverunt civitates de terciana Wisbicensi et Lubicensi: 1) Ut mercatores in Nougardia jacentes nulla debent perampla, magna et gravia facere instituta, nisi cum prescitu et consensu civitatum Lubicensis, Wisbicensis et aliarum ab intra"... Ibidem, стр. 337, 1361 г.: „de van bynnen landes liggen, als Righe, Darpte und Reval, quibus inde litteras ante mittere debent". Ср. Hanser., I Abt., III, 136, 1383.

1442 года, исходя изъ того положенія, что Любку лучше всего извѣстны Новгородскія отношенія и что онъ уже издавна привыкъ заниматься ими, положилъ возложить завѣдываніе дѣлами Новгородской конторы исключительно на Любекъ. Послѣднему дана была полная власть заботиться о дѣлахъ купечества, принимать всякія мѣры и всему, чтобы онъ ни сдѣлалъ, обѣщана рѣшительная поддержка со стороны городовъ [1]). Любекъ, однако, взялъ на себя этотъ трудъ не одинъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что звѣзда Лифляндскихъ городовъ поднималась. Въ XV столѣтіи значеніе ихъ еще болѣе усиливается. Съ самаго начала XV вѣка для руководства русской торговлей они начинаютъ составлять особые мѣстные сеймы, которые издаютъ обязательныя для Новгородской конторы постановленія, частію въ развитіи рѣшеній, принятыхъ общими сеймами, частію же въ видахъ осуществленія своихъ особенныхъ желаній. Такъ они посылаютъ въ контору распоряженія о присылкѣ къ себѣ опредѣленнаго общимъ сеймомъ русскаго сбора, равно какъ и отчета по его собиранію. Они же запрещаютъ конторѣ всякія новыя постройки, кромѣ необходимыхъ, да и тѣ позволяютъ дѣлать только подъ условіемъ извѣщенія городовъ. Они уничтожаютъ должность переводчика и хлопочутъ о заведеніи браковщиковъ вина [2]). Въ то же самое время сами не обнаруживаютъ никакой склонности безусловно поддерживать распоряженія, шедшія отъ Висби и Любека, позволяли себѣ нарушать запрещенія, изданныя противъ перекупки, торговли въ кредитъ, и даже собственною властію открывали торговлю съ русскими, прерванную по распоряженію городовъ [3]). Въ такомъ положеніи Любекъ могъ исполнить

---

[1]) Hanserecesse, II Abt., II, 508, 1442 г.: „darumme de erbenomeden radessendeboden (Стральз. сейма) de vorscreven radessendeboden van Lubeke endrachtliken beden, dat se de dinge bii ere oldesten brochten, so dat de radessendeboden van erer stede weghen deme rade van Lubeke hirane vulle macht gheven unde scholden des mechtich wesen, de dinge to des copmans beste to besorghende unde tho vorscrivende, unde wes se hirane deden, des scholden se mechtich sin unde de stede wolden en des bistendich wesen".

[2]) Hanser., I Abt., V, 48, 1402. Тамъ же, I Abt., V, 170, 1405: „Int erste dat gi (контора) dem talke orlof geven, unde geven em sin gelt, nu he dem copmanne nicht nutte is Uns willen dat gi setten win inders"...

[3]) Bunge, U. B., V, 332, 1418 г.: „Uns (сейму въ Любекѣ) is warliken vorekomen, wo gi (лифляндск. города) punttollen upboren laten van gude, dat in Vlandern wesen schal, und dat gi id nicht enholden umme ten vorkop, alse des van den steden geramet is, une besundern, dat de juwe

возложенный на него трудъ не иначе, какъ привлекши къ участію въ немъ и Лифляндскіе города. Онъ такъ и сдѣлалъ. Первые шаги его къ устройству Новгородскихъ Ганзейскихъ дѣлъ были приняты по соглашенію съ Лифляндскими городами [1]). Любекъ пошелъ даже дальше: онъ передалъ послѣднимъ ближайшее руководство торговыми дѣлами. Въ письмѣ къ конторѣ отъ 1442 года онъ рекомендовалъ ей держаться, кромѣ скры, указаній Лифляндскихъ городовъ и совѣтовалъ: въ неотступныхъ случаяхъ обращаться къ рату города Дерпта, который, снесшись предварительно съ ратушами другихъ Лифляндскихъ городовъ, и долженъ былъ дать отвѣтъ на сдѣланный ею запросъ [2]).

Подобно изданію обязательныхъ распоряженій для Новгородской конторы, въ рукахъ сеймовъ союзныхъ городовъ сосредоточилась и власть облагать купечество поборами, долженствовавшими идти на покрытіе расходовъ по торговлѣ. Общій сеймъ, однако, бралъ на себя наложеніе только тѣхъ поборовъ, которые имѣли въ виду интересы, общіе для всѣхъ союзныхъ городскихъ общинъ. Къ числу такихъ поборовъ принадлежала, такъ-называемая, фунтовая пошлина. Фунтовая пошлина была сборомъ съ цѣнности товара. Каждый именно фунтъ Фламандскихъ грошей, въ которомъ полагалось 6 Любскихъ марокъ, долженъ былъ платить 4 Любскихъ пфеннига. Фунтовой сборъ платился одинаково какъ купцами и фрахтовщиками, такъ и судохозяевами. Послѣдніе со своихъ судовъ платили половину пошлины, но со своихъ товаровъ давали столько же, сколько и купцы. Фунтовая пошлина платилась купцами и судохозяевами подъ присягой, удостовѣрявшей, вѣроятно, цѣнность ихъ имущества, во всѣхъ городахъ, гдѣ имѣлись гавани и существовало торговое движеніе. Въ удостовѣ-

---

gelt uppe lakene don, er se gemaket sint, ok dat gi in dem, dat gi de Russchen reise geopend hebben boven bevel der stede Lubeke und der van Gotlande, de dat van den gemeinen steden in bevele hebben"...

[1]) Hanser., II Abt., II, 520, 1442 г.: „darumme de rad van Lubeck unde de vorscreven sendeboden der Lifflandesschen stede hebben ensdragghen unde gesloten, so hir navolghet".

[2]) Hanser., II Abt., II, 521, 1442 г.: „Hirumme do wi (Lubeck) juwer leve (конторѣ) to wetende... dat gy jw richten unde holden na der scra unde anrichtinghe des redere der Lifflandesschen stede, sunderghes wanner jw anliggende noetzake bykamen, dat gy dat — dam rade to Darpte vorschryven... de denne sodanne jwe begerte unde scryvent den bynnenlandeschen steden in Lifflande mogen vorschryven unde jw denne van erent wegen darvan en antwert benalen"...

реніе уплаты купцамъ и судохозяевамъ выдавались особенныя свидѣтельства, которыя и предъявлялись въ тѣхъ пунктахъ, куда направлены были купеческія суда; въ противномъ случаѣ, при неимѣніи надлежащаго свидѣтельства, купцы подвергались платѣ фунтовой пошлины въ мѣстахъ назначенія товаровъ [1]. Поводомъ къ наложенію фунтовой пошлины служили обыкновенно частые грабежи и убійства, которымъ подвергалось купечество со стороны морскихъ разбойниковъ, особенно же братьевъ Виталіевъ. Для борьбы съ разбойниками требовались морскія суда, снабженныя достаточнымъ количествомъ экипажа, а это, конечно, не могло быть пріобрѣтено безъ значительныхъ затратъ со стороны отдѣльныхъ городскихъ общинъ. Фунтовая пошлина и служила обыкновенно для покрытія этихъ расходовъ. Собранныя при ея помощи денежныя средства исчислялись на собраніи городовъ и затѣмъ уже распредѣлялись между отдѣльными общинами, смотря по числу вооруженныхъ людей, выставленному каждою общиною. Фунтовая пошлина вводилась сеймами, обыкновенно, на неопредѣленный срокъ; но такъ какъ прекращеніе ея обусловливалось согласіемъ на то сейма, то пошлина имѣла тенденціи затягиваться, а это, при рѣшительной непопулярности ея, вызывало обыкновенно сильную оппозицію [2]. Примѣръ подавали обыкновенно Лифляндскіе города. Такъ, когда фунтовая пошлина, наложенная въ 1398 году, затянулась на нѣсколько лѣтъ, то Лифляндскіе города, тотчасъ же собственной властью, не дожидаясь рѣшенія городовъ, отмѣнили ея дальнѣйшее взиманіе. Положимъ, что такой образъ дѣйствія навлекъ на нихъ упрекъ со стороны союзнаго сейма; но въ концѣ концовъ сами Ганзейскіе го-

---

[1]) Hanser., I Abt., IV, 421, 1398: „Um de groten koste to der were to dregende, so sind de stede des eens geworden, dat me puntgelt upnemen schal, also dat men geven schal van jewelkem punt grote Vlamisch 4 Lubesche penninge, dat is to rekende islik punt grote vor 6 marc Lubesch; unde de schiphern scolen half puntgelt geven van eren schepen; unde van erem andern gude unde copenscop, de se voren boven coste, scholen se lik den andern copluden geven. Dit puntgelt schal me upboren in jewelker stad, dar me ud der havenen segelt"...

[2]) Hanser., I Abt, IV, 421, 1398 г.: „Dit gelt schal me upboren to der stede behof, de vredeschepe udgemaket hebben, unde bringen dat to rekenscop, wanneir sik es stede vorgaddern, dat tho delende na mantale also en islik stad udgemaket heft. V. schal angan de tid der upneminge desses puntgeldes to pinxsten negest komende unde schal vortstan uppe der stede behach".

рода на сеймѣ 1403 года нашли, что взиманіе фунтовой пошлины слишкомъ затянулось и потому прекратили всякое ея дальнѣйшее собираніе [1]). Подобнымъ образомъ, когда возобновленная въ 1407 году фунтовая пошлина вновь затянулась, то и тутъ дѣло не обошлось безъ оппозиціи [2]). Противодѣйствіе вышло въ этомъ случаѣ, однако, не отъ всѣхъ Лифляндскихъ городовъ, а только отъ одной Риги, которая, вопреки мѣстному Лифляндскому сейму, требовала въ 1409 году уничтоженія фунтовой пошлины. Остальные города, однако, не согласились съ ея соображеніями, и фунтовая пошлина осталась и тамъ продолженною на одинъ годъ [3]).

Мы сейчасъ только сказали, что союзный сеймъ назначалъ отъ себя только тѣ налоги, которые имѣли въ виду удовлетвореніе общимъ потребностямъ всей Ганзейской торговли. Что же касается до частныхъ поборовъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе расходовъ по Новгородской собственно торговлѣ, главнымъ образомъ на покрытіе проторей по сношеніямъ городовъ съ Новгородомъ и между собою, то опредѣленіе ихъ зависѣло исключительно отъ городовъ, имѣвшихъ тѣсную связь съ Новгородской конторой, а именно отъ Висби, Любека и Лифляндскихъ городовъ, Риги, Дерпта и Ревеля. Такъ, на собраніи этихъ городовъ, имѣвшемъ мѣсто въ 1392 году, извѣстный уже намъ Новгородскій сборъ былъ положенъ на купечество въ усиленномъ размѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ точно и самый порядокъ его взиманія и употребленія. Вмѣсто прежняго ферденга со 100 марокъ серебра теперь было положено взимать съ того же капитала по полмаркѣ серебра, слѣдовательно со 100 марокъ вмѣсто $^{1}/_{4}$—$^{1}/_{2}$ процента. Для сбора этой увеличенной Новгородской пошлины на Неву были назначены два лица, одно со стороны Любека, другое же какъ представитель Готланда, которые и обязаны были

[1]) Hanser., I Abt., V, 56, 1402 г. Тамъ же, I Abt., V, 58, 1402 г.: „Umme den punttoln, den gi afgedan hebben in juwen lande, vorwundert uns sere, dat gi dat gedan hebben sunder valbort der andern stede, na deme dat juwe sendeboden dar ane unde over weren, do de stede dat puntgelt setteden, *to durende up der stede behach*, and billik were, dat gi id ok mit der stede valbord afgedan hadden: des begere wi juw to wetende, dat wi des to rade worden sin, dat me dat puntgelt upnemen schal... paschen negest komende"...

[2]) Hanser., I Abt., V, 294, 1407 г.

[3]) Hanser., I Abt., V, 442—445, 1409 г. Ср. еще тамъ же, I Abt., V, 313, 316.

смотрѣть, чтобы всѣ судовщики и торговцы платили положенный налогъ, грозя послѣднимъ, въ случаѣ отказа, карой въ 10 марокъ и лишеніемъ права посѣщать дворъ, а о сопротивляющихся силой доводя до свѣдѣнія городовъ [1]). Такъ какъ, однако, Новгородскіе товары шли не только Невою, но и многими другими путями, то главнѣйшимъ центрамъ послѣднихъ было также предоставлено право сбирать Новгородскую пошлину. Такъ, Готландъ, Рига, Дерптъ и Ревель могли облагать пошлиной всѣ товары, которые, минуя Неву, привозились въ ихъ округи или пріобрѣтались тамъ для дальнѣйшаго слѣдованія [2]). Чтоже касается до Новгородской конторы, то по первоначальному плану ей, кажется, не предоставлено было права облагать купечество пошлиной; но въ 1401 году это право было распространено и на нее [3]). Главное назначеніе этого сбора заключалось въ покрытіи расходовъ по сношеніямъ городовъ какъ съ Новгородомъ, такъ и между собою— по дѣламъ торговымъ, а также на удовлетвореніе потребности конторы. Сообразно съ этими расходами производилось и распредѣленіе сбора. Каждый годъ, именно въ извѣстное время, подводился всему сбору общій счетъ Лифляндскими городами. Для этой цѣли Новгородская контора даже обязана была доставлять послѣднимъ въ извѣстное время весь свой годовой сборъ. Собранная во едино и исчисленная

---

[1]) Hanser., I Abt., IV, 52, 1392 г.: „men schal heven unde upboren Nouwgardes schot van dem kopmanne, de hir in deme lande de reyse ovet myd Nouwgardesschem gude, alse van jeweliken hundert stucken eyn halff stucke sulvers to gevende; unde hir to sal men vogen in de Nu twe gude drepelike [lude), den enen in deme namen der heren van Gotlande; de lude scholen dar leggen unde dat schot upboren also lange, alset den vorscreven steden behegelick is"... Bunge, U. B., VI, 139, 1346: „V. van hundert marken scal men scheiten enen verdinch, van viftich marken enen halven verdinch; we dar min hevet, de scal scheten van der mark ene kunen... V. welik man steit in der Duschen hove, he sta lange eder kort, de scal ut geven enen verdinch; we ok steit uppe der Goten hove VI weken, de scal utgeven to der weken enen soltinch, steit he lenger wan VI weken, so scal he geven ut I verdinch".

[2]) Hanserecesse, I Abt., IV, 52, 1392 г.: „V. we van Nowgarden unde van Plesskouwe kumpt in des stades termyn van der Riige mit Nouwgardeschem gude, eder alsodane gud koft to der Riige, dat schal he vorschoten"... См. и далѣе.

[3]) Hanser., I Abt., V, 19, 1401: „Willet weten, dat wi (Ганзейскіе города) eens geworden sin, dat me dat Nougardesche schot upboren schal to Nougarden"...

сумма распредѣлялась затѣмъ между пятью городами, Висби, Любекомъ, Ригой, Дерптомъ и Ревелемъ, смотря по количеству марокъ, истраченныхъ каждымъ городомъ на общія потребности. Въ числѣ городовъ, получавшихъ долю, не поставлена была одна Новгородская контора [1]). Обстоятельство это не могло не задѣвать конторы и вотъ мы видимъ, что послѣдняя старается сохранить за собою свое прежнее значеніе. Указывая на свою строгую отчетность, благодаря которой всякій сборъ и расходъ заносятся въ особую отчетную книгу и эта книга читается на общемъ собраніи, контора просила именно Лифляндскіе города оставить за ней право расходованія, обѣщая съ своей стороны остатки отъ расходовъ препровождать въ ихъ руки [2]). Подъ предлогомъ необходимости произвести во дворѣ неотступныя постройки, она даже прямо воспротивилась новому порядку. Но все было тщетно: Лифляндскіе города стояли твердо на рѣшеніи, принятомъ ими сообща съ Любкомъ и Висби. Какъ мы уже замѣтили, право налагать сборы принадлежало пяти союзнымъ городамъ. Но иногда случалось, что Любекъ и Висби предоставляли его въ руки однихъ Лифляндскихъ городовъ и позволяли послѣднимъ облагать въ своихъ округахъ купечество умѣренною пошлиною, какъ, напримѣръ, 1/4 % со ста [3]). Иногда же, напротивъ, сами Лифляндскіе города позволяли себѣ самостоятельную инидіативу. Въ 1451 году именно для производства поправокъ въ Нѣмецкомъ дворѣ Лифляндскіе города положили взимать съ товаровъ, привозимыхъ въ Новгородъ, двойной

---

[1]) Hanser., I Abt., IV, 55, 1392 г.: „Vortmer zint ze eens geworden, dat desse stede bynnen landes scholen des jares eyns, alse upp pinxsten, tosamende rekenen, wes van schote gekomen sy, dat men dat dele na marcktale, weme id boren mach, alse de vorscreven stede des sint eens geworden, dat dit sall stan sunder renthe". Тамъ же, IV, 401, 1397 г. Тамъ же, V, 19, 1401 г.: „Unde wes gi (контора) von schate vorovert, dat schole gi den Liflandeschen et eden jarlikes antvorden, de dat delen scolen den vorscreven 5 steden na mark taleu, dar na en islich vorteret".

[2]) Bunge, U. B., IV, 430, 1403 г.: „Des wetet, dat wi (контора) gemeinliken bidden und begeren, dat gi uns laten bliven bi der olden voenheit, wente wi ein rekenbok hebben, dar alle dink up gebort und utgegeven in gescreven wert, unde alle rekencap... hir gedaen wert in einer gemeinen steven. Doch boven alle dink, wanseer hiir wes vorgaddert wert, dat wille wi ju mid allem willen gerne utsenden".

[3]) Hanser., I Abt., V, 76, 1403; 169, 1405 г.

[4]) Hanser., II Abt., I, 208, 1434 г.

сборъ, а именно 2 деньги съ рубля; а такъ какъ въ Новгородскомъ рублѣ было 216 денегъ, то, слѣдовательно, около 1 % со ста, т.-е. вдвое даже противъ увеличенной въ 1392 году пошлины. Затронутый за живое тѣмъ, что такое важное постановленіе принято Лифляндскими городами не только безъ его содѣйствія, но и безъ вѣдома, Любекъ, которому въ то время принадлежало главное руководство Новгородской торговлей, рѣшительно воспротивился. На совѣщаніи съ представителями Лифляндскихъ городовъ Любскій ратъ поручилъ послѣднимъ передать Лифляндскимъ ратамъ, что онъ не согласенъ на взиманіе двойнаго сбора, что величина сбора должна оставаться старая, а именно въ деньгу съ рубля, т.-е. въ $1/2$ % со ста [1]).

Наконецъ, съ измѣненіемъ въ общей германской жизни, шло параллельно и измѣненіе въ формѣ высшаго суда по дѣламъ Новгородской торговли. И верховный судъ по торговымъ дѣламъ окончательно эмансипируется отъ Готландскаго купечества и становится достояніемъ союзнаго сейма или его уполномоченныхъ. Дѣйствительно, въ виду существованія сейма Ганзейскихъ городовъ было бы какъ-то странно, если когда бы нѣмецкіе купцы продолжали обращаться съ аппелляціями въ Висби и не пожелали воспользоваться болѣе подходящимъ путемъ. Любекъ понималъ это очень хорошо и наученный неудачей перваго своего спора съ Висби за право верховнаго суда, конечно, поддерживалъ купечество въ его стремленіи искать управы у сеймовъ. По крайней мѣрѣ, до насъ дошли горькія жалобы Висби на то, что, вопреки несомнѣнному праву Любека и его, Висби, разбирать торговыя дѣла, нарушители постановленій Новгородской конторы отсылались для разбора къ сейму союзныхъ городовъ [2]). Судебная дѣятельность сейма выражалась двояко. Сеймъ, съ одной стороны, самъ, непосредственно, разбиралъ подвергнутыя на его усмотрѣніе дѣла. Такъ, въ 1380 году, когда нѣкто Гейденригъ изъ Данцига жаловался сейму

---

[1]) Hanser., II Abt., III, 570, 1451: „Item gheven vor de vorscreven (Лифляндскій) radessendeboden, wo dat se umme vorbeteringne der hove to Groten Nougarden hadden ghesettet een dubbelt schoet, alse twe dynninghe uppe dat Stucke sulvers van den guderen de dar qvemen"... См. и далѣе. Hanser., II Abt, II, 521, 1442 г.

[2]) Hanser., I Abt., I, 346, 1366: „Sed super isto miramur, quod qui rei et delinquentes sunt contra jus et leges curie Nogardensis, remittuntur ad presenciam communium civitatum, ut ibi pro se debeant respondere, cum bobis (Любку) et nobis (Висби) debetur regimen et correccio juris et legum dicte curie Nogardensis"

на задержаніе въ Новгородѣ его товаровъ за то, что они были привезены сухимъ путемъ, то сеймъ послалъ въ Новгородъ грамоту, требовавшую освобожденія товаровъ. Подобнымъ образомъ въ 1388 году сеймъ разсматривалъ тяжбу нѣкоего Гинтце съ Новгородской конторой и приговорилъ перваго къ лишенію права посѣщать Новгородскій дворъ за то, что онъ не платилъ Новгородскаго сбора, продавалъ русскимъ запрещенныя сукна, возилъ сухимъ путемъ золото и серебро [1]) и т. п. Съ другой стороны, сеймъ дѣйствовалъ въ судебной области черезъ своихъ особенныхъ уполномоченныхъ, назначаемыхъ каждый разъ особо, отъ пяти уже извѣстныхъ намъ городовъ. Этотъ случай имѣлъ мѣсто тогда, когда для правильнаго рѣшенія дѣла требовалось собраніе ближайшихъ справокъ на мѣстѣ. Такъ, когда въ 1373 году многіе изъ купцовъ, обвиненныхъ конторою въ нарушеніи постановленій двора, обратились съ жалобой на это къ сейму, то послѣдній, выслушавъ и донесеніе конторы, и жалобы купцовъ, постановилъ дать знать первой, чтобы та не считала этихъ дѣлъ законченными, что для послѣдней цѣли сеймъ пошлетъ особыхъ пословъ отъ пяти городовъ, которые и разберутъ всѣ недоразумѣнія на мѣстѣ, воздадутъ должное тѣмъ, съ кѣмъ поступлено несправедливо, равно какъ и осудятъ тѣхъ, кто заслужилъ подвергнуться суду [2]). Судъ уполномоченныхъ пословъ считался окончательнымъ, недопускающимъ никакой аппелляціи въ высшую инстанцію, какъ для тѣхъ дѣлъ, которыя были рѣшены послами самими лично, такъ одинаково и для тѣхъ, которыя, будучи рѣшены раньше, были ими только одобрены. Когда, именно въ 1375 году, явились на сеймъ двое купцовъ, Д. Франкенбергъ и Іоаннъ Кроуволь и стали требовать перевершенія дѣлъ, рѣшенныхъ въ Новгородѣ послами въ 1373 г., то имъ прямо было объявлено, что такія дѣла не допускаютъ перевершенія и должны оставаться въ силѣ [3]).

[1]) Hanser., I Abt., II, 265, 1380. Тамъ же, I Abt., III, 386, 1388.

[2]) Hanser., I Abt., II, 68, 1373: „Des scole gy (контора) weten, dat de zake nu nicht gheendeghet en syn, men wi, sint des meenliken to rade worden, dat wy dar boden in dat land senden willen... de alle de zake rechtverdighen scholen, of te weme to kord gheschen sy, dat eme dar inne weddervare also vele, alze redelik is, unde wat dar ok to richtende is, dat se richten na gnaden; unde weme dat nicht en behaghe, he dat schelden moghe, alze de boden ju wol berichten werden“.

[3]) Hanser., I Abt., II, 101, 1375: „V. qwemen vor de steede D. Vrankenberg unde J. Crouwel, unde wolden upbreken stucke de endeghed sin to Nougarden; den ward aldus ghezecht: wad der stede boden endeghed

Переводъ верховной апелляціонной инстанціи изъ рукъ Висби въ руки союзнаго Ганзейскаго сейма былъ въ планахъ Любка, повидимому, простою переходною мѣрою для окончательнаго устраненія отъ этой роли своего стараго соперника. Въ самомъ дѣлѣ, сеймъ въ его полномъ составѣ не могъ служить вполнѣ пригоднымъ орудіемъ для разбора судебныхъ тяжбъ. Онъ не всегда былъ налицо, такъ какъ представлялъ ни болѣе ни менѣе, какъ временное, собиравшееся періодически, учрежденіе, да къ тому же не всѣ члены его были одинаково заинтересованы въ Новгородской торговлѣ. Естественно, поэтому, что онъ самъ долженъ былъ искать для суда подходящаго органа и что этимъ органомъ всего скорѣе могъ быть магистратъ города Любка, игравшаго въ союзѣ самую выдающуюся роль. Какъ-то бы ни было, только во второй половинѣ XIV столѣтія Любекъ вновь поднялъ споръ объ исключительномъ сосредоточеніи верховной апелляціонной инстанціи по Ганзейскимъ дѣламъ Новгорода въ рукахъ своего магистрата. И такъ какъ число сторонниковъ Висби къ этому времени значительно уменьшилось, и даже сама Рига заняла безразличное положеніе, то Любку удалось па сеймѣ 1373 года добиться признанія своего права быть верховнымъ судьей во всѣхъ апелляціонныхъ дѣлахъ Новгородской конторы,—по крайней мѣрѣ со стороны Лифляндскихъ городовъ [1]). Безъ оппозиціи со стороны Висби и на этотъ разъ дѣло не обошлось. Уже на самомъ сеймѣ уполномоченные Висби не присоединились къ предложенію Любка, а положили довести о немъ до свѣдѣнія своего рота. Но еще рѣшительнѣе высказалась оппозиція при сообщеніи Любскими послами объ этомъ рѣшеніи сейма Новгородской конторѣ. Когда именно Любскіе послы заявили новгородскому купечеству, что впредь апелляціи можно подавать не иначе, какъ въ Любекъ, то уполномоченные Дерпта и Ревеля тотчасъ присоединились къ этому заявленію любскихъ собратовъ, а представитель Риги остался при томъ же нейтральномъ положеніи, котораго онъ держался и на Ганзейскомъ сеймѣ, и не высказался ни за, ни противъ. Но уполномоченные Готланда стали противорѣчить и настаивали на старомъ порядкѣ вещей. На это, однако, представители Дерпта и Ревеля заявили, что если кому-либо изъ ихъ гражданъ явится надобность, то они будутъ искать высшаго суда только въ Любкѣ.

---

hebben unde wad ok endeghed was, eer de boden dar quemen, dat dog de boden vulbordet hebben, id si an minne edder an rechte dat schal endeghed unde mechtig bliven".

[1]) Hanser., 1 Abt., II, 67, 1373, Mai 1.

Опираясь на это заявленіе, послы Любка приказали своему ольдерману Новгородской конторы, чтобы тотъ допускалъ впредь такое обращеніе за судомъ къ Любку и обѣщали, что аппеллирующій получитъ тамъ всякое удовлетвореніе [1]). Ходъ окончательнаго установленія этого новаго порядка неизвѣстенъ; но извѣстно, что въ послѣдующее время Любекъ совершенно самостоятельно, минуя совсѣмъ Висби, дѣйствовалъ въ судебной области. Но если самъ сейчъ не могъ вполнѣ принять на себя задачи пересмотра дѣлъ, по причинѣ своего непостояннаго существованія, то и Любекъ имѣлъ въ этомъ отношеніи свою слабую сторону: онъ слишкомъ далеко находился отъ центра торговли, Новгородской нѣмецкой конторы. Неудивительно, поэтому, что онъ временами поступался своими правами въ пользу Лифляндскихъ городовъ, особенно когда послѣдніе въ XV столѣтіи достигли важнаго значенія въ восточной торговлѣ. Иногда къ такой дѣятельности Лифляндскіе города были возбуждаемы самимъ Любекомъ. Такъ, въ 1442 году Любская ратуша поручила Лифляндскимъ городамъ призвать въ свое присутствіе нѣкоего Гослика Копмана и подвергнуть суду за неповиновеніе и нарушеніе ихъ постановленій городовъ [2]). Но коль скоро только разъ признана была судебная дѣятельность восточныхъ городовъ, такъ тотчасъ же они стали усвоивать себѣ значеніе аппелляціонной инстанціи. Въ половинѣ XV вѣка обращенія нѣмецкихъ куп-

[1]) Hauser., I Abt., II, 78, 1373, Okt. 21: „Witlich si al den yenen... dat her Jacob Plescowe unde her Johan Lunenburg to Nogarden in ener meynen Stevenen... openbareden dem menen copmanne... wo dat de menen stede... over en ghedregen, dat de bescheldinge van Nogarden anders nergen wezen scolde, denne to Lubeke. Des stunde en de van Darpte unde de van Revele tho. Unde her Brun Covelt van der Ryge, de zeghede dar aldus tho: he en zeghede dar noch ya noch nen tho. Alze hadde he ok to Lubeke gezeghet vor den steden. Dit weddersprecken de van Godlande, dat it anders nerghen wezen zolde denne mid en. Unde dar zegheden de van Darpte unde de van Revele aldus tho: weret, dat is den eren nod were, ze en zolden anders nergen bescheiden denne tho Lubeke. Unde dat bevol her Jacob unde her Johan Godscalk Lewerke erme oldermanne, dat he des steden zolde, we it dar beschelden wolde, unde we to Lubeke queme mid der besceldynge, de wolden ze dar mid rechte scheyden“.

[2]) Hanser., II Abt., II, 521, 1442: „V. hebben de erbenomeden sandeboden mit den vorscreven heren dem rade to Lubeke overeensgedragen... dat de Lifflandesschen stede, wor se Goslik Copman konen ankomen umme sodanne overtredinghe unde unhorsamheit, alse he jehen der stede recesse gedaan heft, scholen richten alse recht is“.

цовъ съ апелляціей на Лифляндскіе сеймы стали самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Къ нимъ обращались всѣ, кто только чувствовалъ себя недовольнымъ рѣшеніемъ Новгородской конторы [1]).

Не менѣе рѣшительныя измѣненія послѣдовали, съ поднятіемъ Нѣмецкихъ городовъ, и въ непосредственномъ управленіи Новгородскою конторою. Первоначально, какъ мы уже видѣли, каждая путевая торговая компанія сама избирала себѣ своихъ особенныхъ ольдермановъ двора и ольдермановъ св. Петра. Съ усиленіемъ же значенія городовъ установляется иной порядокъ: ольдермана двора стало выбирать уже не купечество, а сеймы союзныхъ городовъ. Для этой цѣли послѣдніе высылали отъ себя особыхъ уполномоченныхъ, которые на мѣстѣ, въ Новгородѣ, и избирали ольдермана двора. Да и право быть избираемымъ присвоено было теперь уже не всякому члену Ганзейскаго союза, а только гражданамъ Любека и Висби, которые обыкновенно и стали съ тѣхъ поръ занимать должность ольдермана поочередно. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и способъ замѣщенія должности ольдермановъ св. Петра. Прежде они избирались самими путевыми компаніями; теперь же, подобно ратманамъ, назначать ихъ сталъ ольдерманъ двора [2]). Въ томъ же случаѣ, когда по какой-либо причинѣ старосты двора не оказалось налицо, порядокъ замѣщенія и здѣсь слѣдовалъ тому же правилу, что и при избраніи ольдермана двора, т.-е. для избранія ольдермановъ св. Петра высылались также уполномоченные отъ городовъ, которые и исполняли свое порученіе на мѣстѣ. И въ старшины св. Петра могли съ этихъ поръ избираться единственно граждане Любека и Висби; только въ томъ случаѣ, когда въ конторѣ подобныхъ гражданъ не оказывалось налицо, могли быть

---

[1]) Hanser., II Abt., III, 895, 1449: „Item quam vor de stede (Лифляндіи) Hans Kartisern, dem de hove to Nougarden vorboden weren, up dat he darmede beschuldiget was, dat he in vorboden tyden. den Nougarden tovore solde gedan hebben"... См. и далѣе. Hanser., III Abt., I, 2, 1477: „is vor uns (Лифлянд. города) gekomen H. Rodenborg, de to Nougarden gekopslaget hadde... deshalven hie to Nougarden van den hoven gewiis is".

[2]) Bunge, U. B., VI, 138, 1346: „Wan es nod is, dat men enen hoves olderman keisen sal, den scolen keisen de gene, de van den steden ut gesant werden. Des hoves olderman sal men keisen to ener tid van Lubeke, ter anderen tid van Gotlande. Wanne des hoves olderman sitten geit, so scolen Sante Peters olderlude de slotele up antworden, und al ammete de sin den vri, und weme he de slotele und ammete bevelet, dat si stede".

избираемы въ это званіе и купцы другихъ городовъ, не иначе, однако, какъ временно, до прибытія кого-либо изъ гражданъ Любка и Висби [1]). Такой порядокъ держался, однако, не долго. Съ конца XIV столѣтія именно должность старшины двора стала выходить изъ употребленія и передавать свою роль старшинамъ св. Петра. Причиной такой перемѣны служило, повидимому, то обстоятельство, что соперничавшіе города, Висби и Любекъ, нашли въ званіи старшинъ св. Петра должность, которая всего лучше примиряла ихъ противоположные интересы и стремленія. Благодаря двойственности этой должности, каждый изъ соперничествовавшихъ городовъ могъ имѣть въ ней своего представителя, а вмѣстѣ и блюстителя своихъ интересовъ. Какъ бы то ни было, только съ конца XIV столѣтія должность старшинъ св. Петра получаетъ особенное развитіе [2]). Они становятся на мѣсто ольдермана двора и получаютъ названіе присяжныхъ старшинъ. Изъ даваемой ими при вступленіи въ должность присяги видно, что главною ихъ обязанностію было поддержаніе права св. Петра во всей его совокупности, доставленіе каждому возможности быть обезпеченнымъ въ своихъ правахъ и судъ по справедливости. Изъ отчета же, даваемаго старшинами св. Петра сейму Новгородскому по сложеніи своего званія, видно не менѣе ясно, что другою ихъ обязанностію были пріемъ и выдача денежныхъ средствъ, составлявшихъ доходъ конторы. Дѣйствія ихъ въ этой области всѣ заносились въ особую счетную книгу, нарочно для этой цѣли заведенную [3]). Мы сказали уже, что

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 138, 1346: „Weret ok sake, dat Sante Peters olderman ut vore, bi des hoves oldermannes tiden, dar neme bedarf men nene lude van den steden utsenden, men des hoves olderman sal ene keisen. V. wanne des hoves olderman nicht en is, so scal men lude van den steden, de scolen keisen Sante Peters olderlude van Lubeke und van Gotlande: weren der hir nicht, so scolde men dar to kesen lude, de dar to vellich weren to der tid, dat iemen van Lubeke eder van Gotlande queme, der gelich scal men keisen de wisesten".

[2]) Способъ замѣщенія ея остается, кажется и теперь старый какъ въ той части, которая требовала избранія старшинъ черезъ уполномоченныхъ сейма, такъ и въ той, которая вмѣняла въ обязанность, чтобы ольдерманами были только граждане Любка и Висби; но значеніе ихъ существенно измѣняется, а къ концу независимаго существованія Новгорода, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, и самый вопросъ о назначеніи старшинъ св. Петра теряетъ свою важность.

[3]) Bunge, U. B., III, 286—287, 1373 г.: „Van we s. Peters olderluden gekoren werden, de sullet ere ede don in enen menen steven, aldus.

должность старшинъ св. Петра удовлетворяла желаніямъ обоихъ соперничествовавшихъ городовъ. Но кромѣ Любека и Висби, на выдающуюся роль въ дѣлахъ Новгородской нѣмецкой конторы претендовали еще и города Лифляндскіе, въ особенности же Рига. И послѣдняя довольно настойчиво добивалась, чтобы, подобно привиллегированнымъ городамъ, и ей имѣть право ставить во дворѣ собственнаго старшину и священника. Пока, однако, Новгородская контора и ея представители пользовались еще нѣкоторымъ значеніемъ, стремленія Риги оставались безплодными [1]). Къ концу, однако, независимаго существованія Новгорода, когда, съ упадкомъ тамошней конторы, вопросъ о назначеніи старшинъ св. Петра потерялъ свою важность, право избирать послѣднихъ перешло въ руки если не Риги, то, по крайней мѣрѣ, Лифляндскихъ городовъ въ ихъ совокупности. Такъ, въ 1450 году, по уполномочію со стороны Любека, Лифляндскій сеймъ въ Перновѣ поручилъ Дерпту и Ревелю, какъ ближайшимъ сосѣдямъ, пріискать для конторы надежнаго и честнаго человѣка, который бы въ званіи старшины могъ возстановить въ нѣмецкомъ дворѣ старинный порядокъ и внушить нѣмецкимъ гостямъ должное повиновеніе [2]).

Представленная нами организація непосредственнаго управленія Новгородской конторы имѣла, впрочемъ, болѣе идеальное значеніе. На

ludende: dat en God also helpe... det se alle s. Peters recht bewaren solen na erer samitlicheit, also dat in desseme boke gescreven steit, und helpen eme juwelkeme to sime rechte, alse se best kunnen und mogen, und richten na genaden... V. so scolen de olderlude, wan se udvaren, rekenscap don in ener menen stevene, wat se upgebort hebben une udgegeven van der tid, de wile dat se dar bi weset hebben... und desse re(kenscap) sal men screven in dat bok, dat dar to gemaket is"... Тамъ же, VI, 175, 1355 г.

[1]) Hanserec., I Abt., IV, 59, 1392 г.: „begeren uwerstete, noch dem mole, das wir in vullem rechte myt in sullen syn, och eynen olderman, und enen prister dor czu haben glich". Тамъ же, I Abt., IV, 54, 1392 г.: „sunder de herlicheid (говорятъ города, собранные въ Дерптѣ) oldermanne to hebbende to Nowgarden, dat tobehoret den van Lubeke unde van Gotlande"...

[2]) Hanserec., II Abt., III, 450, 1450 г.: „Aldus hebben se (Лифляндскіе послы) den Darptschen und Revelschen bevalen und vulle macht geven, dat se siik vorkoveren eynes erliken stanthafftigen mannes, den se up de hove to Naugarden vor olderman schicken up dat erste, welke de den gemenen Dutschen kopman, de dar to sokende werd, in gud regiment und to dem alden helpe bringen"...

практикѣ же, особенно въ позднѣйшее время, замѣчались въ ней значительныя отступленія. Дѣло въ томъ, что купечество въ этомъ періодѣ, особенно же въ XV вѣкѣ, посѣщало Великій Новгородъ далеко не такими большими партіями, которыя бы дѣлали возможнымъ существованіе ольдермановъ. Часто, особенно въ лѣтнее время, число купцовъ въ конторѣ было незначительно, а потому старшинъ двора совсѣмъ не имѣлось на лицо; мѣсто же ихъ занимали два, такъ-называемые, надзирателя (vorstender) или даже просто прикащикъ двора (noves knecht). Какъ и естественно, такая замѣна не обходилась безъ вредныхъ слѣдствій. Какъ люди второстепенной важности, имѣвшіе значеніе только во время отсутствія настоящихъ управителей, надзиратели не внушали уже сами по себѣ нѣмецкому купечеству въ Новгородѣ достаточнаго уваженія. Къ этому присоединялось еще и другое обстоятельство. Какъ ни часто восполнялись скры или постановленія Нѣмецкой конторы въ Новгородѣ, онѣ далеко не всегда заключали въ себѣ отвѣты на тѣ случаи, которые возникали въ торговой практикѣ. Напротивъ, нерѣдко случалось, что надзиратели, налагая штрафъ на извѣстное лицо, иногда совсѣмъ не могли привести скры въ оправданіе своихъ дѣйствій, какъ того требовалъ пострадавшій. Чтобы помочь этому горю, Нѣмецкая контора просила Лифляндскіе города (Ревель), чтобы тѣ снабдили ее особеннымъ документомъ, который бы заключалъ въ себѣ строжайшія внушенія подчиняться конторскому порядку и который бы, будучи хранимъ въ ящикѣ надзирателей, служилъ имъ для руководства и оправданія ихъ дѣйствій во время отсутствія присяжныхъ ольдермановъ [1]). Не знаемъ, было ли исполнено желаніе конторы; но извѣстно, что дѣла въ ней и послѣ отнюдь не исправлялись. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже, узаконенія все больше и больше нарушались. Въ такомъ положеніи собраніе Лифляндскихъ городскихъ представителей положило на сеймѣ въ Перновѣ въ 1437 году перенести всю отвѣтственность за безпо-

---

[1]) Hanserec., II Abt., I, 148—149, 1433 г.: „Dyt (безпорядки) schut mest des somers, wan hir gheyne sworen olderlude en sin, unde sint hir dan junge lude van vorstendere, der en achten se (нарушители) nicht, unde menen to seggende, se willent don. Unde straffet men se hirane, so weten se to seggende, men sole en de schra vorlesen, dat doch altiit nicht en is to done... Hirumme... bidde wy ju (Reval), dat ghy... scriven hir hartliken juwe breve, de gy strengeliken willen geholden hebben, unde de men oc leggen mach in der vorstender kiste, aff hir gheyne sworen olderlude en weren, dat dan de vorstendere sick na den breven mochten richten".

рядки на самихъ старшинъ св. Петра и надзирателей двора и тѣмъ побудить ихъ къ болѣе рѣшительному и твердому образу дѣйствій. Въ этихъ видахъ было постановлено, что магистраты городовъ, каждый по принадлежности, будутъ заставлять старшинъ и надзирателей Новгородской конторы являться въ свои собранія и давать свидѣтельства, первыхъ—подъ присягой, вторыхъ же—съ поднятымъ перстомъ, въ томъ, что при ихъ управленіи всѣ правила двора, какъ въ совокупности, такъ и отдѣльно, соблюдались съ всевозможной строгостью. И еслибы кто изъ старшинъ и надзирателей не смогъ или не захотѣлъ дать такое показаніе, то онъ подвергался безъ всякой пощады штрафу въ 10 марокъ серебра въ пользу города [1]).

Еще менѣе, конечно, могло быть порядка при управленіи прикащиковъ двора. Неизвѣстно, когда именно возникла эта должность; но въ XV столѣтіи прикащикъ былъ уже необходимой принадлежностью конторы. Подобно всѣмъ другимъ званіямъ и замѣщеніе должности прикащика зависѣло отъ усмотрѣнія городскихъ общинъ, а именно отъ усмотрѣнія Лифляндскихъ городовъ, и Новгородское нѣмецкое купечество, если и позволяло себѣ возвышать голосъ по этому предмету, то только развѣ для устраненія разныхъ затрудненій, которыя могли возникнуть отъ назначеній извнѣ, несообразованныхъ съ ходомъ дѣлъ въ конторѣ. Оно просило, напримѣръ, города не присылать новаго прикащика, пока не пройдетъ срокъ служенія стараго, опредѣленный по взаимному договору при поступленіи на службу послѣдняго [2]). Купечество такъ мало уже предъявляло притязаній на господ-

---

[1]) Hanser., II Abt., I, 155, 1434. Тамъ же, II Abt.; II, 119, 1437: „hirum so hebben desse selven radessendebaden gesloten, dat eyn islik in seyner stadt, wanner se sik des bekomen konnen, sollen laten vor sik komen deselven alderlude to Naugarden offte vorstendere unde laten de alderlude by eren eden unde de vorstendere mit upgerichteden vyngeren gestavedes edes laten seggen unde sweren, dat by ered tiden sodanige punte, als en van dessen steden van Woldemer gescreven wort... sementliken unde besunderen vullenkomeliken geholden syn. Unde offte welk van den alderluden offte vorstenderen des nicht don en wolde, darvan sall men nemen 10 mark lodich to broke"... Тамъ же, II Abt., II, 272, 1440.

[2]) Bunge, U. B., IV, 675, 1409 (?): „so vorneme wi (контора) in juwen breve, dat gi uns senden H. van Bemen to eines hoves knechte, dat wi den entfangen solen, des so wi ens guworden, dat wi en entfangen hebben. Men Ketwych, de hir nu is vor hoves knecht, deme is to gesecht en jar, dat mochte wi ovel vor minneren, dat geit ut to vastelavende.

ство въ конторѣ, что временами само просило города прислать во дворъ въ прикащики хорошаго человѣка. Сколько можно думать, собственно должность прикащика двора заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ заботѣ о Нѣмецкомъ дворѣ, какъ объ извѣстномъ мѣстѣ пребыванія или совокупности жилищъ. Это былъ, такъ сказать, смотритель зданій. Онъ долженъ былъ наблюдать, всѣ ли дворовыя постройки находятся въ порядкѣ, или же онѣ требуютъ ремонта. Онъ же наблюдалъ и за производствомъ всѣхъ требуемыхъ поправокъ, за возстановленіемъ ограды, проведеніемъ очистительныхъ трубъ, починкою церкви и т. п. [1]). Подобно другимъ чинамъ и прикащикъ не получалъ прямого жалованья. Но тѣмъ не менѣе и онъ также не оставался совсѣмъ безъ вознагражденія. За хлопоты его по поддержанію внѣшняго порядка во дворѣ ему было предоставлено право продавать во дворѣ пиво, медъ и другіе напитки по мелочи. Въ послѣдствіи, однако, право это подверглось нѣкоторому ограниченію. Такъ какъ продажа питей приводила къ нерѣдкимъ столкновеніямъ съ русскими, приходившими пить во дворъ, то положено было, чтобы прикащикъ продавалъ питья только днемъ, а не ночью, и при томъ только бочками и ведрами, но отнюдь не мелкими мѣрами или распивочно [2]). Въ случаѣ же, если прикащикъ двора не пользовался по какой либо причинѣ этой привиллегіей, ему назначалось тогда и нѣкоторое денежное вознагражденіе, о размѣрѣ котораго судить трудно [3]). Какъ видно съ

Wan Got gift, dat te tiit komet, so mach Hinrik vorscr. dan in den denst treden, und gebruken, des hir wonlik is"...

[1]) Bunge, U. B., IV, 725, 1410(?): „War umme wi ju (Ревель) vrontliken bidden, dat gi wol don mit den heren van Darpte, und besorgen den gemeinen kopman hir ane also, dat gi ons mit den ersten hir enen guden man senden, de ju nutte dunket to hoves knechte, de hove to vorstande, wente ons des hir grot behof is, also de hove to betterne unde to planckenden und ok vorder ander anval, des de hove behoven und de koepman".

[2]) Hanser., II Abt., I, 153, 1444 г.: „so en sal nemant up dem hove beer, mede edder ander gedrenke uthschenken, sunder de hovesknecht mach des dages, unde nicht bii nacht, bii tunnen unde bii spannen schenken, unde nicht bii kleynen mathen".

[3]) Hanser., II Abt., II, 501, 1442 г.: „Unde dosulves wart en gesecht, dat me deme hovesknechte nicht so vele geve, men dat myt deme capellane delede". Ср. Henser., III Abt., I. 52, 1477. Тамъ же, II Abt, II, 273, 1440 г. Bunge, U. B., VI, 166, 3351 г. Hanser., III Abt., II, 305—306, 1447 г.

перваго взгляда, званіе прикащика двора въ его первоначальномъ значеніи было совершенно подчиненное и второстепенное. Но благодаря тому обстоятельству, что, сравнительно съ другими званіями, эта должность отличалась большей постоянностію, прикащикъ двора вскорѣ сталъ являться чуть ли не главнымъ представителемъ конторы. Но затрудненія, возникшія въ послѣдней въ XV столѣтіи, вслѣдствіе слабости властей, обратили вниманіе городовъ и на это обстоятельство и вызвали къ жизни нѣкоторое ограниченіе дѣятельности прикащика двора. Въ 1442 году Любекъ и Лифляндскіе города положили, что прикащикъ двора ни коимъ образомъ не можетъ становиться на мѣсто присяжныхъ ольдермановъ. Что же касается надзирателей, то онъ могъ замѣнять ихъ только тогда, когда во дворѣ не было на лицо никого изъ купцевъ хозяевъ. Да и въ этомъ случаѣ онъ пользовался властью надзирателей далеко не вполнѣ. Онъ могъ собирать и сохранять на пользу купечества Новгородскую пошлину, но какъ скоро во дворѣ появлялись ольдерманы или надзиратели, онъ долженъ былъ дать имъ полный отчетъ въ своей дѣятельности [1].

Переходъ власти въ Нѣмецкой конторѣ изъ рукъ купечества въ руки городскихъ общинъ не остался безъ вліянія и на положеніе въ Новгородѣ каплана или католическаго священника. Достигнувши права назначать чрезъ уполномоченныхъ своихъ гражданъ въ старшины Нѣмецкой конторы, Любекъ и Висби одновременно же снискали себѣ подобное преимущество и въ отношеніи каплана. Съ тѣхъ поръ присутствіе каплана во дворѣ становится болѣе постояннымъ: одинъ годъ капланомъ конторы было лицо, назначенное Любкомъ, другой же—священникъ, присланный отъ Висби [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ содержаніи каплана совершается существенная перемѣна: вмѣсто содержанія натурой, ему опредѣляется денежное жалованье, выдаваемое изъ средствъ казны св. Петра. Первоначально это жалованье было назначено въ формѣ субсидіи тому купеческому товари-

---

[1]) Hanser., II Abt., II, 521, 1442: „V. hebben de horscreven sendeboden ghesloten, dat to Nouwerden des haves knecht na desemme dade nicht schal stan vor zworne olderman edder vorstender, sunder et qweme also dat anders nymant en were van copluden, so mochte he denne vor vorstender staen unde dat schot mit vlite upboren unde to des copmans beste vorwaren so langhe dat dar alderlude edder vorstender kamen, den he denne rekenschup doen schal so dat behort“.

[2]) Bunge, U. B., VI, 138, 1346: „V. de van Lubeke und de van Gotlande scolen hir setten den prester, malch sin jar“.

ществу, которое избираемо было капланомъ для своего жительства въ Новгородѣ. Товариществу именно было предоставлено получать изъ казны св. Петра на содержаніе священника по ферлингу въ недѣлю, что въ годъ составитъ ровно 12 марокъ серебра. Да, сверхъ того, самъ капланъ получалъ на свои руки полмарки серебра за свой проѣздъ въ Новгородъ и столько же—за обратный путь [1]). Но впослѣдствіи, въ XV столѣтіи, эта субсидія стала выдаваться священнику уже прямо на руки, какъ жалованье, и при томъ въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, а именно въ размѣрѣ 10 марокъ. Когда, однако, въ теченіе этого же столѣтія число нѣмецкихъ гостей, посѣщавшихъ Великій Новгородъ, стало дѣлаться все меньше и меньше, когда вслѣдствіе этого и средства казны св. Петра стали скуднѣе, купечество принуждено было уменьшить жалованье каплану ровно на половину. Оно постановило, именно въ 1440 годахъ, выдавать каплану не болѣе пяти гривенъ, а сверхъ того шубу, даровое содержаніе (по всей вѣроятности во время его дороги въ Новгородъ и обратно) и, по прежнему, по полумаркѣ серебра въ оба конца пути на проѣздъ [2]). Рѣшеніе это было принято конторой единственно съ согласія Лифляндскихъ городовъ, но безъ всякаго предварительнаго сношенія съ заморскими городскими общинами, Любкомъ и Висби, а потому сопровождалось неудовольствіями со стороны городовъ, которые считали устройство дѣлъ Новгородской конторы своимъ преимуществомъ и которымъ капланы, обманувшіеся въ Новгородѣ въ „великихъ и богатыхъ милостяхъ“, не преминули довести до свѣдѣнія о совершившейся перемѣнѣ. Въ особенности недоволенъ былъ Висби, видѣвшій въ этомъ сокращеніи содержанія священника вторженіе въ послѣднюю изъ привиллегій, которыя за нимъ еще оставались. У него отняты были къ этому времени Лифляндскими городами, въ особенности Дерптомъ, „des hilgen

---

[1]) Bunge., U. B., VI, 120, 1343: „Vortmer dat men deme prestere scal geven en half stucke in dat lant, und en half stucke ut dem lande, und och io nicht min. V. to weme de prester in de mascop kust, de scolen ene untfan und dat beste dan; der mascop scal Sante Peter geven tor weken enen vesdinc vor den prester“.

[2]) Hanser., II Abt., II, 273, 1440: „Und ume dat ein solk in eyne wonheit moge komen, so hebbe wy den heren van Lubeke und van Godlande gescreven... wanner se hir negest eynen prester werden sendende, dat se dem to lone toseggen des yars 5 stucke eyne sube unb vrie koste und darto $1/2$ stucke sylvers to siner theringe int lant und $1/2$ stucke uth dem lande“... Тамъ же, II, 270, 1440; 584.

ghestes taffelen“ и кружка Св. Духа, поставленная имъ въ Новгородскій храмъ для собиранія на бѣдныхъ; теперь же рука заносилась на содержаніе священника, что̀ въ концѣ концовъ должно было вести съ его стороны къ невозможности находить у себя лицъ, желавшихъ принять на себя эту должность [1]). Но хотя Висби и высказывалъ рѣшительное намѣреніе поддерживать свои старыя права и хотя самъ Любекъ смотрѣлъ неодобрительно на самоуправство Лифляндскихъ городовъ, тѣмъ не менѣе, побудительныя причины были слишкомъ важны, что дѣло могло остаться по старому [2]). Правда, Лифляндскіе города не отказывались окончательно выдавать остаточное жалованье каплану, но только ставили такую выдачу въ зависимость отъ средствъ Новгородскаго нѣмецкаго купечества. По ихъ плану, города, назначавшіе каплановъ, могли обѣщать послѣднимъ полное жалованье только въ томъ случаѣ, когда ѣзда въ Новгородъ усилится, и когда купечество пріобрѣтетъ тамъ большее значеніе [3]). Въ половинѣ XV столѣтія, а именно въ 1451 году, когда Висби уже окончательно потерялъ всякое значеніе въ направленіи Новгородскихъ дѣлъ и когда, кажется, назначеніе каплана поступило исключительно въ руки одного Любка, обязавшагося присылать священника въ Новгородъ съ весны до весны, разрѣшился окончательно и вопросъ о содержаніи послѣдняго. Священнику опредѣлено было теперь не бо̀лѣе пяти марокъ серебра въ качествѣ жалованья и одной марки на прямой и обратный проѣздъ [4]).

---

[1]) Hanser., II Abt., II, 522, 1442: „uns wol berichtet is, wo dat gii unde sunderlinx gii van Darpte uns nu hebben affgedrenget des hilgen ghestes sak io Nougarden, de over velen jaeren mit uns tor stede bynnen int godeshus ghelecht is to nut unde behoeff der armen, dat wol bewiislik is. Des uns vorwundert... desgeliikes ock mit des hilden ghests taffelen“... Тамъ же, II Abt., II, 502, 1442 г.

[2]) Hanser., II Abt., II, 522, 1442; 276, 1440 г.

[3]) Hanser., II Abt., II, 584, 1443 г.: „Wi hebben ok gespreken van dem achterstelligen lone des presters to Nougarden, willen wi bestellen, wanner Gat geven, dat de Nougardesche vart wedder upkomet unde de copman vormach, dat eme dat achterstellige betalet wert; unde sendet uns darenboven mer nenen prester up sodan lon wen de hove mol wormogen uthovende“.

[4]) Henser., II Abt., III, 570, 1451 г.: „Item wart darsulvest (въ Любкѣ) vorgandelet alse van deme copellane... dat men eme scholde gheven viff stucke sulvers unde en halff stucke int land unde en halff uth dem lande. Dat is also belevet. Unde de erbenomeden heren van Lubecke willen to vorjaren dar enen senden int land, de ock to vorjaren schal uth dem lande scheden“.

Чѣмъ болѣе Нѣмецкіе города захватывали въ свои руки не только общее веденіе Ганзейскихъ торговыхъ дѣлъ, но и всѣ частности его, тѣмъ болѣе и болѣе, естественно, падала Новгородская нѣмецкая контора, такъ что къ концу XV столѣтія она стала представлять не болѣе, какъ одну только тѣнь своего прежняго образа. Паденіе выражалось одинаково—какъ въ потерѣ прежняго значенія, такъ и въ постепенномъ сокращеніи торговыхъ оборотовъ. Въ прежнее время важное значеніе Новгородскаго нѣмецкаго купечества сказывалось уже въ томъ обстоятельствѣ, что въ конторѣ, какъ представительницѣ непосредственнаго руководства торговыми дѣлами, хранились всѣ главнѣйшіе аттрибуты послѣдняго. Въ ней заключались книги св. Петра или скры, содержавшія въ себѣ указанія, которыхъ были обязаны держаться въ своихъ сношеніяхъ отдѣльные купцы. Въ ней же сохраняемы были и печати св. Петра, изъ которыхъ одна прилагалась къ бумагамъ, исходившимъ отъ имени конторы, а другая была предназначена для печатанія воска въ засвидѣтельствованіе его несомнѣнной доброкачественности. Какъ кажется, однако, Лифляндскіе города, пріобрѣтшіе въ XV столѣтіи рѣшительное вліяніе на дѣла восточной торговли, были не совсѣмъ довольны существованіемъ въ конторѣ слѣдовъ ея прежняго значенія. Для полноты своего положенія имъ казалось необходимымъ захватить въ свои руки и эти внѣшніе аттрибуты, служившіе нѣкогда свидѣтельствомъ живой дѣятельности Нѣмецкаго двора [1]). Намъ неизвѣстны обстоятельства, которыя побудили контору уступить этому желанію городовъ; но извѣстно, что въ 1406 г. были пересланы въ Ревель вмѣстѣ съ другими принадлежностями имущества св. Петра, какъ законодательныя скры, такъ и обѣ печати [2]). Такъ какъ, однако, вслѣдствіе этой отсылки въ конторѣ обнаружились разные безпорядки, торговыя постановленія, по недостатку законовъ, которымъ можно бы было слѣдовать, перестали соблюдаться, то по жалобѣ конторы и по настоянію Дерпта и Риги, Ревель долженъ былъ отослать въ Нѣмецкій дворъ списокъ съ правилъ скры, оставивши подлинникъ у себя, и печать для свидѣтельствованія воску [2]). По

[1]) Bunge, U. B., IY, 340, ok. 1400 г.: „Item dat gi wol don willen und spreken umme dat was segel, dat id werde vor sin werde geholden in den steden"...

[2]) Bunge, U. B., IV, 551, 1406 г.: „Ju (Reval) geleve to wetene, dat wi ju senden eine tunnen, dar is in... 1 Dusch denkebok, 1 vrove denkebok, 1 Rusch denkebok, 1 rekenschopbok; it S. Peters boke; it 1 scrin mid breven van der stede wegen; it S. Peters ingesegil beede".

этому распоряженію печать, прилагавшаяся къ бумагамъ, осталась, повидимому, въ Лифляндскихъ городахъ; но между тѣмъ мы знаемъ, что контора стала вновь располагать не только восковою, но и документальною печатью. Быть можетъ, она завела послѣднюю вопреки желанію Лифляндскихъ городовъ, на собственный страхъ. Но Лифляндскіе города, хлопотавшіе о возвращеніи въ контору восковой печати, не находили полезнымъ существованіе тамъ печати документальной и рѣшили ее отнять. Ближайшимъ поводомъ къ открытію дѣла послужило, кажется, заключеніе конторой съ представителями Лифляндскихъ городовъ невыгоднаго для нѣмцевъ мирнаго договора съ Новгородомъ, и составленіе и запечатаніе грамоты отъ имени Нѣмецкихъ городовъ [1]). Чтобы воспрепятствовать впредь совершенію такого рода поступковъ, Лифляндскіе города положили на Валкскомъ сеймѣ 1410 года передать документальную печать изъ конторы въ руки Дерпта. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было вмѣнить конторѣ въ обязанность и другою печатью пользоваться только при засвидѣтельствованіи качества воску, но отнюдь не употреблять ее для печатанія грамотъ [2]). Нѣкоторое время контора пробовала было сопротивляться этому рѣшенію Валкскаго сейма, но когда города одинъ за другимъ стали присылать къ ней письма, заключавшія различныя угрозы, то контора рѣшилась лучше уступить, чѣмъ подвергнуться ихъ осуществленію. Еще въ томъ же 1410 году, 20 мая, она послала въ Дерптъ требуемую отъ нея конторскую печать [3]).

Мы имѣли уже случай замѣтить, что съ усиленіемъ вліянія Нѣмецкихъ городскихъ общинъ не только пало значеніе Новгородской кон-

---

[1]) Hanser., I Abt, V, 273, 1407 г. Тамъ же, I Abt., 275, 1407 г.: „des is unse (Рига) rad unde begheringe, dat gi dat bok sut scriven laten unde de ut scrifft mit dem ingeseghele vorgevoret dar senden, unde dat dat rechte bok bi ju blive bettor tid, das sik de dynk anders saten“.

[2]) Hanser., I Abt., V, 475 и далѣе, 1409 г.

[3]) Hanser., I Abt., V, 521, 1410 г.: „Item alse de stede tam Walke eens würden. dem copmanne to Nougarden to seryvende, dat ze S. Peters ingeseghel ud senden scholden, dar ze dach sik entjegen gesat hebben“... Тамъ же, I Abt., V, 523 1410 г.: „unse (Рига) ghantze ernslike wille is, dat gy S. Peters ingheseghels des gy bet hertho tho breven ghebruket hebben, nicht eengher by ju beholdek, sunder den heren tho Darpte ut senden mit den ersten, unde dat gy des andern ingheseghels nerne tho bruken, wen was to beseghelende“...

[4]) Bunge, U. B., IV, 720, 1410 г.: „V. so hebbe wi den van Darpte dat ingesegel utgesant“.

торы, но и значительно сократился размѣръ ея торговыхъ оборотовъ. Одной изъ главныхъ причинъ сокращенія торговыхъ оборотовъ Новгородской конторы было развитіе монопольной системы въ Ганзейскомъ союзѣ. Доколѣ главное направленіе торговли слѣдовало отъ Готландскаго купечества, до тѣхъ поръ не было особенныхъ поводовъ къ крайнему утѣсненію однѣхъ мѣстностей въ пользу другихъ. Готландкое купечество было именно сборнымъ центромъ разныхъ торговыхъ элементовъ. Но коль скоро руководящая роль въ торговыхъ дѣлахъ перешла въ руки городскихъ общинъ, то тотчасъ же возникли стремленія дать ходъ въ торговлѣ особеннымъ мѣстнымъ интересамъ, стремленія покровительствовать однимъ общинамъ на счетъ другихъ. Между городскими общинами выдающееся положеніе въ XIV столѣтіи заняли морскіе города, Висби и особенно Любекъ; неудивительно, поэтому, что они начинають стремиться къ полному уничтоженію сухопутной торговли, которая уже въ древности не пользовалась особеннымъ вниманіемъ. Съ особенной настойчивостію начинають теперь повторяться распоряженія, чтобы никто не возилъ въ Новгородъ товаровъ сухимъ путемъ, черезъ Лифляндію. Въ частности запрещеніе съ особенной силою поддерживается въ отношеніи двухъ статей, благородныхъ металловъ, золота и серебра,—и польскихъ суконъ. Прусскіе города, которые главнымъ образомъ вели сухопутную торговлю и на которыхъ прежде всего падали эти ограниченія, пробовали было протестовать. Они указывали на несправедливость подобныхъ ограниченій въ виду того обстоятельства, что другіе морскіе города возили свободно, напримѣръ въ Новгородъ, и польскія сукна, и благородные металлы [1]). Но всѣ эти жалобы помогали мало: ограниченіе поддерживалось во всей его силѣ до конца независимаго существованія Новгорода, а на жалобы у союзнаго сейма былъ готовый отвѣтъ, что дѣло не въ благородныхъ металлахъ и сукнахъ, а въ томъ, что не только прусскимъ городамъ, но и никому возить въ Новгородъ товары сухимъ путемъ, ни черезъ Пруссію, ни черезъ Курляндію, ни черезъ Швецію

---

[1]) Hanser., I Abt., IV, 59, 1392 г.: „Ouch so werden dy uwere gehyndert in Liflande umme den willen, das sy gut vuren obir land in uweren landen ken Liflande uff dy Russen: des begeren uwer stete, das sy doran ungehindert me moghen blyben". 60: „Ouch werden dy uwer gehindert in Liflande, umme das sy vuren tuch, dy man heyset Polensche tuch, dy doch rechtfertik syn, alleyne dy zeestete dy selben tuch haben gevurt und vuren und der glich"... Hanser., I Abt., III, 387, 1383.

не может быть дозволено [1]). Въ такихъ обстоятельствахъ Прусскимъ городамъ ничего не оставалось, какъ игнорировать эти ограниченія и открыть своимъ купцамъ свободу дѣйствовать по усмотрѣнію. Послѣдніе, дѣйствительно, несмотря на запрещенія, часто вели сухопутную торговлю съ Новгородомъ, возили туда запретные товары. Но это кончалось для нихъ очень часто не благополучно: запретные товары отнимались и конфисковались въ пользу Ганзейскихъ городовъ. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи объ усиленіи движенія изъ Пруссіи въ Новгородъ [2]). Не одни, однако, сухопутные (прусскіе) города страдали отъ эгоистической политики ганзейскихъ общинъ. Руку послѣднихъ чувствовали и приморскіе города. Коль скоро Голландія, по соединеніи съ Бургундіей, отпала въ началѣ XV вѣка отъ Ганзейскаго союза, то всѣ ограниченія были распространены и на Нидерландскіе города. Прежде всего голландцамъ были совсѣмъ закрыты двери Новгородской нѣмецкой конторы и къ достиженію ими Новгорода ставились всевозможныя препятствія. Если не удавалось не допустить ихъ въ Новгородъ, то старались помѣшать имъ въ торговлѣ съ Русскими или же просто схватить ихъ на возвратномъ пути [3]). А затѣмъ и въ самыхъ лифляндскихъ городахъ купцамъ Голландіи, Зеландіи и Кампера запрещена была въ 1426 г. безусловно всякая торговля съ Русскими подъ страхомъ лишенія имущества, а за посредничество при этомъ нѣмецкихъ купцовъ наложенъ штрафъ въ 50 рижскихъ марокъ серебра [4]). Какъ на нѣкоторое оправданіе своего образа дѣйствія предъ голланцами въ послѣднемъ случаѣ, Лифляндскіе города указывали на то обстоятельство, что такъ какъ

---

[1]) Hanserec., II Abt., III, 451, 1450. Тамъ же, I Abt., IV, 54, 1392: „so vrageden ze, war umme dat men en besferde, dat se noch golt, noch sulver voren mochten uth Prutzen umme land. Das wart to geantwordet, dat men nynerleie gud dorch Prutzen, dorch Kurlande, noch dorch Sweden umme land voren solde... unde were nicht forder upp ze (пруссовъ) gemaket, denn upp andere lude"...

[2]) Bunge, U. B., V, 43, 48, 1415.

[3]) Гильдебрандъ, Отчеты о розыск., стр. 40, №№ 110 и 111, 1432.

[4]) Hanserec., II Abt., I, 151, 1434 г.: „Item so en sal ok neyn Hollander, Zeelander noch Camper copslagen mit Russen bii vorboringe des gudes ok en sal dar nemant mekeler to sin bii pene van 50 mark Rigesch, to vorvalende an de stede, so als diit ok in dem 26 jare to dem Walke in vortiiden berecesset is gewesen". Тамъ же, II Abt., I, 202, 1434 г.; II Abt., II, 269, 272, 1440 г.; II Abt., III, 450; II Abt., IV, 135, 1453 г.

Голландцы не участвовали въ крестоцѣлованіи съ Русскими, то въ случаѣ, еслибы кому либо изъ послѣднихъ довелось купить дурной товаръ въ Лифляндіи, отвѣта за обманъ они стали бы искать на Лифляндцахъ [1]. Таже политика была примѣнена, наконецъ, и къ верхне-нѣмецкимъ городамъ, возбуждавшимъ въ союзѣ опасеніе ихъ богатствомъ и торговой предпріимчивостью.

Кромѣ отстраненія отъ торговли разныхъ группъ городовъ, на сокращеніе торговыхъ оборотовъ Новгородской Нѣмецкой конторы имѣло вліяніе и другое обстоятельство, а именно развитіе торговой дѣятельности самихъ Новгородцевъ. Отдаленныя торговыя путешествія и теперь еще предпринимаются послѣдними неособенно часто, такъ какъ этимъ предпріятіямъ и теперь продолжала мѣшать небезопасность на морѣ со стороны морскихъ разбойниковъ. Новгородцы пытались было обойти это затрудненіе пріобрѣтеніемъ отъ нѣмцевъ ручательства за безопасность плаванія во всѣ 73 ганзейскихъ города и успѣли было пріобрѣсть такое ручательство въ 1452 году отъ Лифляндскихъ пословъ Гильбронда фонъ-Мегена и Смединга; но это ручательство не было подтверждено Лифляндскими городами. Города нашли, что послы дали себя одурачить, заключивши условіе, которое не только противорѣчило всѣмъ прежнимъ договорамъ, но и не согласовалось съ недавно (въ іюнѣ 1426 г.) состоявшимися въ Любкѣ постановленіями Ганзейскаго сейма. Послѣднія именно давали Лифляндскимъ городамъ право на заключеніе одного перемирія на два года, да и то только подъ двумя условіями: 1) чтобы Новгородцы вознаградили нѣмцевъ за причиненную имъ задержаніемъ несправедливость, и 2) чтобъ они сами приняли на себя рискъ плаванія по морю и встрѣчи съ разбойниками [2]. Вслѣдствіе этой неудачи отдаленныя предпріятія, какъ уже объ

---

[1]) Hanserec., II Abt., II, 121, 1437 г. Тамъ же, II Abt., IV, 420, 1458 г.; 209, 1454 г.; 344, 1457 г.

[2]) Bunge, VII, 361, 1426 г.: „Dar (въ договорѣ) steit ynne, wo ze sollen hebben eynen reynen wech, in alle de 73 henszestede to komende. Welke krueskussinge holt dat ynne, hebben wii nicht vele derfuren. Unde dat recesse, det de stede van over see nu latest makeden dar steit ynne, dat ze uns vororlovet hebben 2 jaerlang enen vrede to makende, so verne ze deme coepmanne geliik vor unliik den willen unde sulven eventure staen van der sec unde van den roveren... Wii derkennen, dat desulven boden Hilbrande undc Andreus sik sere vordupet hebben in der vorzegelinge tegen de Nougarders in deme, dat ze boden hebben gelvedt darghen to komende, des wii nicht mechtich en sin sodanen dach to besendende; wente

этомъ было нами упомянуто, предпринимались Новгородцами рѣдко; но за то усиливаются ихъ сношенія съ ближайшими Ганзейскими городами. Торгъ, сосредоточивавшійся прежде въ Новгородѣ, начинаетъ переноситься въ ближайшія сосѣднія страны, особенно въ Лифляндскіе города. Но такъ какъ и тамъ Новгородцы, какъ мы уже видѣли, встрѣчались съ разными затрудненіями, то начинаетъ развиваться запретная торговля. Мѣстностью, къ которой начинаютъ стремиться иноземные гости, является рѣка Нева, а складочнымъ пунктомъ, какъ кажется Васильевскій островъ. Сюда, несмотря на всѣ запрещенія и остановки въ торговлѣ, свозились обыкновенно иноземные товары гражданами Данцига, да и другихъ ганзейскихъ городовъ, которые, убѣждая другихъ держаться общихъ распоряженій, всегда находили какой-либо предлогъ для исключенія себя [2]). Торговля на Невѣ находила тѣмъ больше предпочтенія, что чужда была докучнаго контроля и даже допускала возможность наживы при помощи обмана. Въ 1426 году нѣкто Савва съ Васильевскаго острова жаловался въ Нарвѣ, что онъ купилъ у одного Нарвскаго прикащика на $2\frac{1}{2}$ гривны серебра соли; но когда пришло время къ выдачѣ соли, то продавецъ убѣжалъ вмѣстѣ въ русскимъ серебромъ [1]). Въ особенности же въ разсматриваемое время начинаетъ развиваться внѣ-ганзейская торговля. Она располагала многими побочными путями и складочными мѣстами. Мѣстностью, въ которой по преимуществу существовали эти складочныя мѣста, были берега Швеціи, а именно Стокгольмъ, Або, Выборгъ и нѣкоторыя другія. Туда направлялись товары не только изъ Прусскихъ городовъ, но одинаково и изъ Вендскихъ, а затѣмъ передавались Новгородцамъ. Дѣлалось это двоякимъ путемъ [3]). Обыкновенно торговцы

---

de bzeff in hold, alle clegelike to richtende, dar vell up geit". Ср. Bunge, VII, 336, 337, 1426 г.

[2]) Hanser., I Abt., I, 354, 1368 г.: „vestri homines et vestrates (Лифляндскаго ландмейстера) predictum portum Nii et Wiborgh atque Narwe solent visitare et ibi mercandirare, prout ipsis placet".

[2]) Bunge und Hildebrand, U. B., VII, 385, 1426 г.: „en Russe, Saba van Wassilighenholm gheheten unde womt in der Nu, uns (Narva) to vorstente hefft ghegeven, wo dat he kofft hadde salt van enem ghezellen myd uns... unde dar gaff eme de Russe uppe den kôp $2\frac{1}{2}$ stucke sulver; do de Russe mende dat salt to untfangende, do unttep eme de gheselle myd deme salvere".

[3]) Hanserec., II Abt., III, 51, 1444 г.: „dat gy bestellen, dat solke vort uth den Wendeschen steden, uth Prussen noch dorch Sweden nenerleye

Прусскихъ городовъ имѣли своихъ агентовъ (ligger) въ Стокгольмѣ, которые, получивъ товары съ юга, старались направить ихъ въ Новгородъ [1]). Но когда такое явное обхожденіе Ганзейскихъ правилъ могло стать предосудительнымъ, то дѣло обходилось проще. Въ Прусскіе города являлись самостоятельные торговцы Шведскихъ складочныхъ мѣстъ, закупали нужные для Новгородцевъ товары и затѣмъ пересылали отъ себя уже въ Новгородъ. На упреки же со стороны Ганзейцевъ въ такомъ образѣ дѣйствій граждане Данцига отвѣчали, что они не могутъ запретить Шведамъ получать у нихъ товары, и не ихъ дѣло разбирать, что они будутъ дѣлать съ послѣдними [2]). Эта-то Шведская торговля Новгорода составляла нѣмцамъ какъ бы бѣльмо на глазу; она не только наносила не одинъ ударъ ихъ стараніямъ придать торговлѣ монопольный характеръ, но и обращала въ ничто нерѣдкія пріостановки въ торговлѣ, которыя въ разныхъ цѣляхъ были декретированы нѣмцами. При существованіи Шведской торговли остановка непосредственной торговли съ Новгородомъ вела только къ тому, что торгъ начался производиться посредственно, что нѣмецкіе товары вмѣсто Новгорода прямо стали направляться въ Або, Выборгъ и другія мѣста [3]). Перенесеніе торговой дѣятельности въ Лифляндскіе города, конечно, не могло содѣйствовать усиленію Новгородской конторы. Какъ то бы ни было, только начиная съ XV столѣтія, а можетъ быть еще и раньше, Новгородская контора начинаетъ пустѣть; число посѣщающихъ ее купцовъ начинаетъ уменьшаться и замѣняться про-

---

wiis geschee, und dat ok nene nedderlage to Wyborgh, to Aboe, noch in anderen steden gehalden werden, darna unsperklik vorderff den henseren an der kopenscop"...

[1]) Bunge, VII, 240, 1425 г.: „Wente twelke lude sin in juwen (Данцигъ) unde andereu steden der hensze, de ere liggers hebben tho dem Stokholme, to Abo unde in den anderen Swedesscheu steden, dar ze ere gud in zulken vorbodenen reysen an senden, de dat denne vort to Nougarden schicken edder zulven brengen".

[2]) Bunhe, VII, 218, 1425 г.: „Also... geschuet it wol, dat etlike lude ut Sweden salt und hering van hiir (Данцигъ) in Sweden foren, vor uns seggen (de) und glovende, dat in den Russen nicht sal to nutte komen, dat wy en yo nicht hebben to vorbeden Offt desulven guder upp de Russen gefuret werden edder nicht, is uns unwitliken und menen wol wenn gy merke und uppseen darupp welden hebben, nademe it juw betgelegen is wen uns"...

[3]) Hanserec., II Abt., II, 588—589, 1443 г.

стыми приказщиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ сокращаться и доходы, которые поддерживали прежде ея существованіе. Въ XV столѣтіи жалобы на отсутствіе значительнаго числа гостей и на возникающую отсюда невозможность удовлетворять потребностямъ двора становятся чуть ли не постояннымъ припѣвомъ Ганзейскихъ грамотъ. Контора плачется на малолюдство и на возникшую отсюда скудость средствъ и при оправданіи уменьшенія платы каплану, и при отстраненіи претензій Новгородцевъ на поднесеніе нѣмцами поминковъ великому князю во время его подъѣздовъ. Въ послѣднемъ случаѣ нѣмцы характеристично замѣчали Новгородцамъ, что какъ было давать гостямъ поминки великому князю, когда это были молодые люди, которые всѣ вмѣстѣ врядъ ли имѣли капиталу 100 гривенъ [1]). Уменьшеніе числа посѣтителей-гостей, въ свою очередь, не осталось безъ вліянія и на дисциплину двора. Уваженіе къ святости двора исчезало все болѣе и болѣе. При открытіи переговоровъ съ Новгородомъ въ 1450 году Лифляндскіе уполномоченные узнали невѣроятныя для себя вещи. Нѣмецкій дворъ, оставленный купечествомъ въ 1443 году и долженствовавшій въ силу прекращенія торговли оставаться пустымъ, оказался занятымъ отъ имени Ганзейскаго союза какими-то нѣмецкими купцами, которые, не стѣсняясь распоряженіями городовъ, помѣстили въ немъ своихъ сподручниковъ. Къ тому же уполномоченные съ прискорбіемъ узнали, что кромѣ собственно нѣмецкаго двора нѣмецкими купцами снято было до 10 или 12 русскихъ домовъ, въ которыхъ они и размѣстились по своему усмотрѣнію [2]). Но и при правильномъ ходѣ дѣлъ о старой дисциплинѣ думать было нельзя. При маломъ

---

[1]) Hanserec., II Abt., I, 147, 1431 г.: „unde ock en heved he (de prester) de tüd, de he hir was unde gewest hevet, geyn genut gehad, wante de copman by syner tiid hir nicht vele gevaren en hevet". Тамъ же, II Abt., II, 270, 1440 г. Hanserec., II Abt, I, 512, 1436 г.: „sunder do tor tiid weren id junghe lude de Dutzschen, de hir weren, do de grote koninck hir latest was, also en kunden se nene visiteringhe doen, wente se in alnene 100 stucke hadden"... Hanserec., II Abt,, I, 510, 1436 г.

[2]) Hanseres., II Abt., III, 452, 1450 г.: „so was openbar vor ogen mannigerhande vordeff, schaden und hinder dem gemenen kopman und uns allen to beschende, besunderlinges dat de stede der Dutschen hove gwiit weren worden, wante etlike ungehorsam Dutsche koplude in dem namen van den steden dar leger daruppe begrepen hadden. Und ok so weren bynnen Nougarden boven 10 offte 12 Russche hove mit Dutschen kopluden besttovet und besat". Тама же, II Abt., II, 586, 1443 г.

числѣ гостей на дворѣ нельзя было имѣть присяжныхъ старшинъ, а замѣнявшихъ ихъ надзирателей и прикащиковъ двора мало кто считалъ себя обязаннымъ слушаться. Конторскія постановленія поэтому соблюдались чрезвычайно мало. Основное правило двора гласило, что никто не можетъ оставаться во дворѣ болѣе полугода, а между тѣмъ на дворѣ жили цѣлыми годами партіи прикащиковъ, не имѣвшихъ никакой въ томъ надобности и не ведшихъ никакихъ торговыхъ дѣлъ [1]. Дворовыя правила строго запрещали сдѣлки въ кредитъ, а между тѣмъ тѣ же прикащики, заручившись кредитомъ со стороны Русскихъ, обращались въ бѣгство. Контора не позволяла продажи горячихъ напитковъ въ раздробь никому, кромѣ прикащика двора; а между тѣмъ молодые люди, остававшіеся во дворѣ цѣлыми годами, продавали вино и пиво не только бочками, но и ведрами [2]. Подобнымъ образомъ правила конторы предписывали посѣщавшимъ ее гостямъ и строгій частный образъ жизни. Но молодые люди, заброшенные судьбой въ отдаленную восточную страну, не знали чѣмъ наполнить свободное время и отогнать скуку. Поэтому, не смотря на запрещеніе, они предавались нерѣдко запрещеннымъ играмъ, коротали время за игрою въ зернь и въ кости, и даже позволяли себѣ забавляться съ зазорными женщинами въ баняхъ [3].

Между тѣмъ какъ внутреннія измѣненія въ германской торговой жизни медленно, но вѣрно вели къ подрыву существованія Новгородской конторы, въ то время и отношенія нѣмецкихъ городскихъ общинъ къ Великому Новгороду становились все болѣе и болѣе неблагопріятными для послѣдней. Затрудненія исходили одинаково какъ изъ гражданскихъ отношеній купечества, такъ и изъ его торговой дѣятельности. Въ первомъ отношеніи не мало хлопотъ доставляло гаран-

---

[1]) Hanserec., II Abt., I, 152—153, 1434 г., „V. so sollen de alderlude unde wiisesten to Nougarden ernstliken vorwaren, affte dar welke lose partien van gesellen legen sunder redelich bedriiff onde hantheringe"...

[2]) Hanserec., II Abt., I, 148, 1433 г., „so vorneme wy (контора) wol, wu dat id hir tomale wunderliken togheet, alse myt den jungen luden, de hir liggen dat jar vuste dor unde dor, unde hebben hir nicht to done, mer dan dat se van den Russen borgen unde liggen hir op ere krogen, unde vorkopen hir beir by tunnen unde spannen"...

[3]) Bunge, U. B., IV, 834, 1413(?): „Item to sprekende umme de jungen lude, de to Nougarden liggen uud dobbeet und speelt up den worptafelen und mit den wiven in dem bastoven". Hanser., II Abt., I, 153, 1434 г.

тированіе какъ имущественной, такъ и личной безопасности. Уже въ одномъ изъ первыхъ договоровъ нѣмецкаго купечества съ Новгородомъ было положено, что въ случаѣ какой-либо тяжбы гость отнюдь не подвергается насильственному захвату его товаровъ, что истецъ долженъ ждать уплаты до двухъ лѣтъ и только на третье лѣто, еслибы къ этому времени уплаты не послѣдовало, могъ брать слѣдуемое ему у гостя [1]) Но, вѣроятно, вслѣдствіе трудности добиться этимъ путемъ до удовлетворенія, правило это нерѣдко не соблюдалось. Новгородцы еще въ 1436 году жаловались, что Ревельскій купецъ Керкрингъ отнялъ у ихъ гражданина Якова два постава англійскаго сукна на томъ основаніи, что якобы онъ при сдѣлкѣ своей съ послѣднимъ обсчитался на семь гривенъ [2]). Подобнымъ образомъ уже въ договорѣ 1189—1199 года было принято за правило, чтобы, въ случаѣ задолжанія купца, взыскивать долгъ съ виноватаго, но не сажать въ погребъ или тюрьму ни нѣмца въ Новгородѣ, ни Новгородца въ нѣмецкихъ земляхъ [3]). Это правило было подтверждено и въ договорѣ 1269—70 года, но на практикѣ также мало соблюдалось, быть можетъ потому, что задержаніе являлось единственнымъ средствомъ къ удовлетворенію иска. Какъ бы-то ни было, только еще въ 1416 году Новгородцы жаловались Ливонскому магистру, что въ Ревелѣ ихъ братью сажаютъ въ тюрьму или дыбу, чего они дома съ Нѣмцами не дѣлаютъ. Возникшіе по этому поводу переговоры привели къ постановленію, что въ случаѣ важныхъ преступленій Русскіе въ нѣмецкихъ земляхъ отнюдь не подвергаются заключенію въ тюрьму или дыбу, а только заковываются въ желѣза и объ этомъ немедленно же дается знать сосѣдней Новгородской власти, которая и обязана прислать на мѣсто преступленія родныхъ или друзей виноватаго. Судъ долженъ былъ начинаться только съ появленіемъ послѣднихъ и производиться

---

[1]) Bunge, I, 524, 1269 г.: „So war so in pandinge geschut, des ersten iares sal men et kundigen un nicht nemen, un des anderes iares also; un wert it nicht afgeleget, des derden iares sal men panden un nemen sin gut“. Ср. Bunge, VI, 402, ok. 1195 г.

[2]) Hanser., II Abt., I, 512, 1436 г.: „unde do oer broder Jacob to Reval quam, de sprack Kerckrinck, he hedde zick vorrekent als up 7 stucke, unde darvor pendigede he ome 2 Engelsche laken aff“.

[3]) Bunge, U. B., VI, 402, ok. 1195 г.: „Нѣмчина не сажати в погребъ Новѣгородѣ, ни Новгородца в Нѣмцьхъ; нъ емати свое у виновата“. Тамъ же, I, 522, 1269: „Js de Nogardere schuldig tote Gotlande, men ene sal nicht en setten in de pogarden“.

не иначе, какъ въ ихъ присутствіи. Таковой образъ дѣйствія долженъ былъ имѣть мѣсто въ важныхъ дѣлахъ. Въ менѣе же значительныхъ предоставлялись еще большія льготы. Тамъ даже заключеніе въ оковы могло имѣть мѣсто въ томъ только случаѣ, когда виновный не могъ найти поручителя. Но коль скоро были лица, готовыя взять его на свою отвѣтственность, то отвѣтчику предоставлялось право оставаться на свободѣ [1]). По всей вѣроятности льготы для Русскихъ, выговоренныя въ 1416 году, сопровождались подобными же уступками и для Нѣмцевъ; но нѣтъ сомнѣнія, что обѣ стороны соблюдали ихъ очень мало. Такъ, въ 1436 году Новгородцы жаловались нѣмцамъ, что въ Дерптѣ ихъ братья, Мартемьянъ и Максимъ, были безъ суда и расправы подвергнуты заключенію. Подобнымъ образомъ въ томъ же 1436 году нѣмцы жаловались Новгородцамъ, что у нихъ въ городѣ хватаютъ Нѣмецкихъ гостей съ улицы, сажаютъ въ желѣза и, вопреки старому крестоцѣлованію, не позволяютъ ихъ брать на поруки. Въ примѣръ они приводили нѣкоего Сваберда, подвергнутаго Новгородцами заключенію за взятіе товаровъ на сумму 80 гривенъ, составлявшихъ грузъ одной Новгородской ладьи [2]). Бывали, нельзя не прибавить, съ обѣихъ сторонъ случаи и гораздо худшаго обращенія съ личностью купцовъ.

Затрудненія, возникавшія изъ нарушенія правъ собственности или личности торгующаго класса обѣихъ сторонъ имѣли тѣмъ важнѣйшее значеніе, что они обыкновенно не ограничивались отдѣльными

---

[1]) Bunge, V. B., Y, 122, 1416 г.: „So is unse erwerdige meister mit en (Новгородцами) des also eines geworden, und biddet uns, dat wi (Reval) dat ok also holden willen, eft welk van eren Russen in deme unsen wor groffliken breke, dat wi den nicht in thorne efte kasten seten, sunder wi solden en slan in de iserne, und screven dat vort deme vogede tor Narve, dat de dat vort deme borchgreven to dem Nyenslote dat enbede, dat de des mannes vrunde dar bi sende, de sine schult horen und in er jegenwordicheit na simem broke gerichtet werde. Umme ander geringer schult und broke willen, hebben se borgen, der latet se geneten, hebben se der nicht, slat se in de iserne alse lange, dat se borgen krigen und na gnaden betern“. Bunge, U. B., IV, 516, 1406 г.

[2]) Hanser., II Abt., I, 512, 1436 г.: „Item Martinian unde Maxymy, de worden to Darpte in des bodels hus gesat sunder rede unde recht“. Тамъ же, II Abt., I, 510, 1436 г.: „Item dat se de Dutzschen nemen van den straten unde seten se in de yseren, unde laten se nener borgen neten, dat doch tegen de olden crucebreve is, alse Swabberde unde anderen Dutzschen ghescheen is“. Ср. Тамъ же, II Abt., I, 513; 1436 г.

индивидами, а имѣли тенденцію распространяться на все купечество. Явленіе это было совершенно въ духѣ средневѣковыхъ отношеній. При тогдашней трудности преслѣдовать человѣка, не исполнившаго какихъ-либо обязательствъ или совершившаго какое-либо преступленіе, истцы по неволѣ должны были переносить отвѣтственность на то купечество, къ которому принадлежалъ скрывшійся отвѣтчикъ. Обыкновеннымъ слѣдствіемъ всего этого было то, что купечество, въ его цѣломъ составѣ, подвергалось задержанію до тѣхъ поръ, пока какимъ либо путемъ не были удовлетворены претензіи истца. Бывали даже случаи, что подобному задержанію подвергалось купечество, къ которому отвѣтчикъ отнюдь не принадлежалъ, но которое, по какимъ-либо причинамъ, предполагалось солидарнымъ съ купечествомъ, включавшимъ въ свой составъ виновника. Такъ, заморскимъ Нѣмецкимъ гостямъ приходилось нерѣдко отвѣчать за остзейцевъ, а Псковичамъ и Новгородцамъ взаимно, другъ за друга, на томъ единственно основаніи, что тѣ и другіе образовали отдѣлы одной націи [1]). Такой ходъ дѣлъ имѣлъ и свою выгодную сторону. Угроза задержанія побуждала какъ Новгородцевъ, такъ и иноземцевъ къ дѣятельнѣйшему изысканію преступниковъ, которые въ противномъ случаѣ всегда легко могли бы укрыться отъ слѣдуемаго имъ наказанія. Но и невыгоды такого образа дѣйствій, состоявшія главнымъ образомъ въ убыткахъ, причинявшихся купечеству задержаніемъ, и въ слѣдовавшемъ, обыкновенно, за задержаніемъ прекращеніи торговли, были очевидны и очень рано обратили на себя вниманіе заинтересованныхъ сторонъ. Частыя недоразумѣнія между купечествомъ той и другой стороны и сопровождавшія ихъ остановки въ торговлѣ побудили торгующихъ въ 1338 году прійти къ соглашенію, чтобы истецъ во всякомъ случаѣ вѣдался съ однимъ отвѣтчикомъ. Что же касается до торгующаго купечества, то оно ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ за преступниковъ. Его обязанность ограничивается не болѣе, какъ задержаніемъ преступниковъ, въ случаѣ появленія ихъ въ Нѣмецкихъ владѣніяхъ, сообщеніемъ о томъ Новгородцамъ и дачей праваго суда подвергшимся обидѣ [2]). Пра-

---

[1]) Bunge, U. B., VI, 273, 1392 г. „взялѣ есте у нашихъ купьчовъ товаръ в Новѣгородѣ у Юрьевьнъ и у иныхъ городовъ и на сомъ поморьи... 275: „и весь господинъ Велики Новъгородъ повѣлѣша товаръ дати своеи братьи... а то Новъгородъ увѣдается съ Ругодивъци, кто у ихъ товаръ поимале“... Bunge, U. B., IV, 348, 1440 г. V, 540—544, 1420 г.

[2]) Bunge, U. B., II, 312, 1338 г.: „Js dat sake, dat hir nach ein

вило это высказано было въ 1338 году только по поводу однихъ уголовныхъ дѣлъ, имѣвшихъ свой источникъ въ прямомъ ограбленіи торгующихъ; но въ 1392 году оно распространено и на дѣла торговыя: по положенію этого года и во всякой тяжбѣ купца съ купцомъ истецъ долженъ былъ знать исключительно одного истца [1]) Но, не смотря на неоднократное повтореніе, правило это и послѣ весьма мало соблюдалось и той и другой стороной. Въ 1436 году нѣмцы припоминали Новгородцамъ, что въ 1425 году Нѣмецкіе гости въ Новгородѣ подверглись тяжелому испытанію: вопреки крестоцѣлованію они въ числѣ 150 человѣкъ были задержаны, а это не только привело ихъ къ тратѣ значительной суммы денегъ (4000 гривенъ), но и сопровождалось смертью 36 человѣкъ гостей. Въ то же самое время одинъ нѣмецъ хорошаго рода, именемъ Костъ, подвергся побоямъ со стороны пристава, вслѣдствіе которыхъ и умеръ въ Великомъ Новгородѣ [2]).

Кромѣ обезпеченія правъ личности и собственности, не мало затрудненій для торгующихъ сторонъ представляло обезпеченіе правильнаго суда и процесса. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, Новгородскіе князья были лишены въ XIII столѣтіи права суда въ дѣлахъ Новгородцевъ съ иноземцами. Но, какъ видно, лишеніе это было для нихъ неособенно пріятно. По крайней мѣрѣ извѣстно, что они позволяли себѣ вмѣшиваться въ эту, отнятую у нихъ, область и судили при посредствѣ своихъ органовъ дѣла, относившіяся къ Нѣмецкому купечеству. И это вмѣшательство имѣло мѣсто не только въ началѣ XIV столѣтія, т. е. во время, непосредственно слѣдовавшее за ограниченіемъ власти князя, но даже и въ XV столѣтіи [3]). Нѣмцы смот-

---

ungemac schege, it were van dat slage offte ander slachtinge, dar ne scal de gast nicht, mede to donde heben, de scal sik beweten mit dem sakwalden". См и раньше. Тамъ же, VI, 505, 1338 г.

[1]) Hanser., II Abt., I, 510, 1436 г.: „V. satte wy vort, dat se (Новгородцы) unsen Dutzschen coepman, als 150 Dutzsche, in den jaren U. H. 1425... in der besate holden hedden, darvan vorstorben weren 36 Dutzsche, unde in der besate hedde zsk de koepman vorteret wol uppe 4000 stucke"... Ср. Гильдебрандъ, Отч. и разыск., 34, № 42 и далѣе.

[2]) Bunge, U. B., VI, 275, 1392: „А цто буде сопналося купьцю съ купьцомъ съ обѣ половинѣ, или по семь сопенется, а то знати исцю исца и справа имъ дати по хрестному цѣлованію на обѣ половинѣ по старому доконьцанию".

[3]) Bunge, U. B., VI, 108, 1335: „Primo quod rex cum suis leccatoribus praejudicat suo judicio Theutonicis mercatoribus". Гильдебрандъ, Отчеты, 37, № 78, 1426 г.; 33, № 31, 1424.

рѣли на такое вмѣшательство неодобрительно; требовали, чтобы судъ происходилъ у св. Іоанна Предтечи, и даже присоединяли къ этому желаніе, чтобы въ судѣ у св. Іоанна, кромѣ тысяцкаго, присутствовали двое Нѣмецкихъ старшинъ. Послѣднее, однако, желаніе какъ не опиравшееся ни на какіе договорные акты, естественно, не могло найти между Новгородцами благосклоннаго пріема [1]). Самый процессъ во многихъ отношеніяхъ подавалъ поводъ къ частымъ недоразумѣніямъ и вызывалъ поэтому частыя жалобы. Какъ уже извѣстно, по первоначальнымъ договорамъ для рѣшенія какого либо дѣла требовались послухи отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, отъ нѣмцевъ и отъ русскихъ. Но и это постановленіе соблюдалось не всегда. По крайней мѣрѣ въ началѣ XIV столѣтія нѣмцы жаловались, что въ тяжбахъ Новгородцы не представляютъ послуховъ отъ обѣихъ сторонъ, а стараются добиться рѣшенія дѣла при посредствѣ однихъ собственныхъ русскихъ послуховъ [2]). Кромѣ указаннаго, въ процессѣ случались и нѣкоторыя иныя отступленія, подававшія поводъ къ неудовольствіямъ. Въ первой половинѣ XV столѣтія нѣмцы жаловались, что ихъ соплеменникамъ въ Новгородѣ не оказывается справедливости, что если Русскіе обвиняютъ нѣмца на судѣ у тысяцкаго, то послѣднему не позволяется оправдываться отъ обвиненія на основаніи права, воспрещается цѣловать крестъ. А когда Нѣмецъ предлагаетъ, чтобы крестъ цѣловалъ Русскій, то и тотъ не хочетъ итти къ присягѣ, къ кресту, но требуетъ, чтобы нѣмецъ положилъ у креста то, въ чемъ его обвиняютъ. Если же онъ не хочетъ сдѣлать этого, то тысяцкій требуетъ, чтобы онъ шелъ съ Русскимъ на поле (in enen praem—пря, поле?), а это—добавляетъ жалоба—прямо противорѣчитъ договорамъ [3]).

---

[1]) Bunge, VI, 108—9, 1334: „Item, quod forum justitiarum mercatorum debet esse in curia s. Johannis et non alias, coram duce et duobus senioribus Theutonicorum",

[2]) Bunge, U. B., VI, 108, 1335: „Item, quod ipsi Rutheni soli cum suis testimonium inferre nituntur Theutonicis".

[3]) Hanser., II Abt., I, 514, 1436: „Noch se hadde wy vele clage, als dat unsen Dutzschen neyn recht weddervore, wente wen eyn Russe eynen Dutzschen besculdiget vor deme hertogen, so en mach zick de Dutzsche nicht entseghen der tichte (обвиненіе) myt zynem rechte, so dat he dat cruce kusse darvore. Js dat de Dutzsche spreckt, dat de Russe dat cruce darup Russe, des en wil he nicht doen, sunder de Dutzsche moet uthgeven dar he umme sculdiget wert, wil he nicht, so secht de hertoge, dat he myt den Russen *in enen praem* darumme ga, dat doch tegen de crucekussinghe is",

Очевидно, что въ этомъ случаѣ нѣмцы вооружались противъ какой либо изъ формальностей Новгородскаго процесса, только какой именно? Не существовало ли въ Новгородѣ положенія, которое имѣло мѣсто въ Псковѣ и сообразно съ которымъ въ торговыхъ сдѣлкахъ отвѣтчику не позволялось защищаться крестоцѣлованіемъ, а позволялось только прибѣгать къ полю или класть объектъ спора у креста и затѣмъ ожидать рѣшенія дѣла отъ принятія присяги истцомъ [1]).

Наравнѣ съ гражданскими отношеніями и собственно торговая сфера причиняла нѣмцамъ не мало хлопотъ. Прежде всего проѣздъ по Новгородской области не обходился безъ важныхъ затрудненій. За услуги, которыми нѣмцы пользовались при этомъ движеніи со стороны русскихъ лодочниковъ и извозчиковъ, была положена опредѣленная такса. Но должно быть эта плата была опредѣлепа весьма умѣренно или же съ теченіемъ времени сдѣлалась нѣсколько недостаточной. Какъ бы то ни было, только извозчики и лодочники позволяли себѣ увеличивать ея размѣры. Это случалось одинаково какъ на Невѣ, такъ и въ Нарвѣ, равно какъ и въ Цельзѣ [2]). Нерѣдко дѣло происходило, кажется, и такъ, что взявши на мѣстѣ кладь за установленную цѣну, извозчики и лодочники позволяли себѣ на пути прикидывать на иноземныхъ купцовъ еще малую толику [3]). Но обыкновенно найму, особенно на Невѣ, предшествовала стачка лодочниковъ [4]).

---

[1]) Пск. Суд. Гр., 1-е изд., XV, стр. 19—21: „А кто иметъ на комъ торговли искать, или порукы, или именного чего, ино того судити натого волю, на комъ сочатъ: хочетъ на поле лѣзетъ, или у креста положитъ".

[2]) Hanser., II Abt., I, 510, 1436: „Item als umme de Nougardesschen vorlude in der Nu, to der Narwe unde tor Celse, dat de nie upsate hebben gemaket up den coepman, unde bescatten den tegen de olden crucebreve".

[3]) Bunge, U. B., VI, 10?, 1335: „Item de ductoribus lodhiarum et vehiculorum; promittunt bona Theutonicorum transducere, et in via eis nova gravamina imponunt".

[4]) По условіямъ договоровъ В. Новгорода съ Нѣмецкими городами вознагражденіе лодочникамъ опредѣлено было только по отношенію къ однимъ харчамъ: на харчи лодочникъ, встрѣчавшій гостей въ рѣкѣ Невѣ, получалъ 5 гривенъ кунъ или окорокъ, а выѣхавшій на встрѣчу къ Ладогѣ или выше — 3 гривны или половину окорока. Что же касается до собственной платы за провозъ, то она, какъ нужно предполагать, была предоставлена взаимному соглашенію (Bunge, U. B., I 520, 1269 г.). Еще болѣе важное значеніе имѣли стачки между самимъ русскимъ купечествомъ, напримѣръ, относительно установленія цѣнъ товарамъ. Къ этому средству Новгородцы стали прибѣгать въ періодъ упадка торговли: но есть примѣры,

Неизвѣстно, образовали ли изъ себя лодочники на Невѣ строгія артели; но несомнѣнно, что въ отношеніи нѣмцевъ они являлись каждый разъ, какъ единое цѣлое, и что о свободной конкурренціи не могло быть и рѣчи. Стакнувшись между собою, лодочники запрашивали за провозъ съ нѣмцевъ цѣны, какія хотѣли, иногда, быть можетъ, очень высокія. Послѣднее въ извѣстномъ смыслѣ было необходимостью. Такъ какъ на встрѣчу иноземцевъ выѣзжало нерѣдко такое количество лодочниковъ, которое превышало запросъ на ладьи со стороны нѣмцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ, ясно, должны были оставаться въ явномъ убыткѣ. При артельномъ же характерѣ лодейнаго промысла такое явленіе не могло быть терпимо. И вотъ лодочники поневолѣ должны были запрашивать съ нѣмцевъ такія цѣны, чтобы и самимъ не остаться въ накладѣ, да и получить возможность дать отступного товарищамъ, которымъ не удалось получить нѣмецкой клади. Изъ дошедшихъ до насъ данныхъ можно видѣть, что размѣръ отступного равнялся полугривнѣ серебра съ каждой ладьи [1]). Подобныя же стачки имѣли мѣсто и между Новгородскими извозчиками и носильщиками, которые перевозили нѣмецкую кладь съ берега Волхова въ гостинные дворы. И здѣсь также существовала за трудъ опредѣленная, установленная издревле такса. Но, какъ видно, и она не особенно удовлетворяла рабочихъ. По крайней мѣрѣ городскіе извозчики и носильщики также требовали за свой трудъ, чего хотѣли, и возвышали свои требованія съ каждымъ днемъ. Горе нѣмцевъ увеличивалось еще и тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ они не могли помочь ему собственными средствами. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы кто изъ нихъ, особенно изъ разряда бѣднѣйшихъ, пожелалъ исполнить трудъ переноски собственными силами, то онъ не имѣлъ на это никакого права: перевозъ товаровъ въ гостинные дворы составлялъ привиллегію Новгородцевъ. Нѣмцы пробовали было протестовать противъ этихъ порядковъ указаніемъ на то, что въ Лифляндскихъ городахъ ни мало не воспрещается купцамъ, если бы они пожелали, самимъ совершать переноску; но эти протесты,

---

что имъ пользовались и въ болѣее раннее время. Такъ, напримѣръ, Нѣмецкое купечество еще въ XIV — XV вѣкѣ жеповалось на то, что Новгородскіе купцы устанавливаютъ опредѣленныя цѣны какъ на иноземные, такъ и на свои собственные товары (Русско-Ливон. Акты, 100, XIV—XV в.).

[1]) Bunge, U. B., IV, 815, 1412(?): „Vort so maken de Russen gesette in der Hu mit den lodehen, wo se willen, so mote wi en geven, und de lodegen de up voren, de moten illik ½ stucke geven den, de dar leddich liggende bliven“.

кажется, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. По крайней мѣрѣ со стороны Новгородцевъ не сдѣлано было никакихъ распоряженій, которыя бы могли ослабить затрудненія нѣмцевъ [1]).

Если не самыя важныя, то во всякомъ случаѣ самыя многочисленныя затрудненія возникали для Нѣмецкихъ городовъ изъ борьбы противъ разныхъ торговыхъ злоупотребленій, въ особенности же противъ обмановъ въ товарахъ. Въ видахъ предупрежденія Западныхъ торговыхъ центровъ отъ наводненія фальшивыми русскими товарами, Ганзейскій союзъ истощалъ всю свою изобрѣтательность для пріисканія средствъ, которыя бы могли помогать своевременному раскрытію зла; но чрезъ то самое онъ неизбѣжно долженъ былъ приходить въ частыя столкновенія съ Великимъ Новгородомъ. Такъ какъ фальшь особенно часто замѣчалась въ торговлѣ воскомъ, то для засвидѣтельствованія доброкачественности воска были установлены въ 1333 году особенные надзиратели или браковщики. Браковщики, впрочемъ, только осматривали круги воска и произносили приговоръ объ ихъ качествѣ; печать же, свидѣтельствовавшая о доброкачественности воска, прилагалась не ими, а самими старшинами св. Петра [2]). Способъ провѣрки состоялъ въ томъ, что воскъ осматривали и „колупали", т. е. отламывали нѣкоторый кусокъ и по полученному результату заключали о цѣломъ. Но при этомъ Нѣмцы стали отламывать уже слишкомъ большіе куски и при томъ отломленное обращали въ свою собственную пользу. Вслѣдствіе этого Новгородцы возстали противъ обычая колупать воскъ и требовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, колупалось немного и отколупленное передавалось въ руки настоящаго владѣльца [3]).

---

[1]) Hanser., II Abt., I, 509, 1436: „Int erste spreke wy als van den dregers, als umme guet up den hoff to schepende unde van dem hove, dat se den coepman darto drengen, dat he oen geven moet, wat se willen, unde dat des eyn schamel man nen macht en hefft, weret dat he zyn huet zulven wolde upvoren edder dregen, dat he dat doen moge; unde also en werden ore brodere in unsen studen nicht bescattet, wente dar is eyn gesette, wat de dregere nomen zullen... Unde ok is jemant van oren broderen, de zyn guet zulven updregen wil edder voren, edder zyns zulves drellen hefft, dat mach he doen"... Тамъ же, II Abt., I, 519—520. Bunge, IV, 725, 1410.

[2]) Bunge, U, B., VI. 105, 1333: „men holden scal wasvinders, bede winter und somer"... Тамъ же, VI, 104: „dat was, dat de wasvindere gut vindet, dat men to Novgarden mit s. Peters segele besegelt"...

[3]) Bunge, U. B., IV, 392, 1402: „de Russen boden klageden van den wasse, dat men dat to sere bekloppet und beschove. Hanserecesse, II Abt.,

Нѣмцы, однако, не согласились на подобную сдѣлку; они готовы были отказаться отъ колупанья, но не иначе, какъ еслибы Новгородцы рѣшились завести для воску собственную печать и принять на себя отвѣтственность за доброкачественность воска [3]). Но здѣсь они наткнулись на противодѣйствіе Новгородцевъ и дѣло осталось, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ вплоть до Московскаго времени. Такимъ же разладомъ кончились и тѣ мѣры, которыя нѣмцы приняли противъ возможныхъ обмановъ въ мѣховой торговлѣ. Къ числу такихъ предупредительныхъ мѣръ относились осматриваніе и требованіе upgift или намета. Осматриваніе мѣховъ, считавшееся одной изъ важнѣйшихъ привиллегій, которыми пользовалось Нѣмецкое купечество въ Новгородѣ, должно было происходить не иначе, какъ въ Нѣмецкомъ дворѣ, быть можетъ даже въ собственномъ жилищѣ покупателя [1]). Что же касается до намета, то такъ называлась наддача, которую Нѣмецкіе купцы брали съ продавцовъ мѣховъ, сообразно съ величиной заключенной сдѣлки, какъ обезпечительную премію противъ возможнаго обмана. Благопріятныя для нѣмцевъ, мѣры эти, какъ и естественно, были очень обременительны для русскаго купечества и вызвали въ послѣднемъ неудовольствіе. Русскіе продавцы стали жаловаться, что при покупкѣ мѣховъ нѣмцы слишкомъ много осматриваютъ и требуютъ слишкомъ большаго намета [2]). Со стороны русскихъ даже предложено было занести въ договорную грамоту, сколько именно слѣдовало брать намета на разные сорта мѣховъ. Нѣмцы, однако, находили такое опредѣленіе возможнымъ въ томъ только случаѣ, когда бы въ Новгородской мѣховой торговлѣ не было обмана, не было под-

---

I, 515, 1436; „vort seden se als van dem was kloppende, dat me oen dat mede zolde up den bodem legghen, wat men dar affkloppede“...

[2]) Hanser., II Abt., I, 515, 1436: „To dem was kloppende antwerde wy, olso ok vorscreven steit, dat Nougarden ores zulves zegel heildan unde vorantwerden dat, als wy doen mosten dat unse, so en drofte wy oer was nicht becloppen“.

[4]) Hanser., II Abt., I, 153, 1434: „V. welk maen to Nougarden werk kopet, de sal dat up den hoeff bringen unde dar beseen, unde dat ernstliken to holdende, beyde mit gesten unde Nougarders“... Bunge, U. B., IV, 379, 1401: „dit si unser grosten vrigheit ein, de wi hebben mid den Russen, dat wi dat werk mogen nemen, und beseen dat in unses sulves were“. Ср. тамъ же, IV, 396.

[2]) Bunge, U. B., IV, 392, 1402. „Item alse klageden, dat men er werk to sere beschote (чит. beschove) und to vele up neme“...

совыванья однихъ мѣховъ вмѣсто другихъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности дѣло было наоборотъ, то они настаивали на старинѣ, разсуждая, что кто продаетъ хорошіе мѣха, тотъ не нуждается давать наметъ, а кто продаетъ дурные, тотъ, по справедливости, долженъ обезпечивать своихъ покупателей наддачей [1]).

Злоупотребленія случались, однако, не съ одними русскими товарами, но чуть ли еще не въ большей степени съ нѣмецкими. Нельзя сказать, чтобы союзный совѣтъ не заботился о пріисканіи средствъ, которыя бы и здѣсь сдѣлали проявленіе подобныхъ злоупотребленій если не совсѣмъ невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе рѣдкимъ. При всякомъ протестѣ со стороны русскихъ контора для устраненія затрудненій прибѣгала къ штрафамъ, къ усиленію надзора за товарами, особенно сукнами, до ихъ поступленія въ продажу. Контора неоднократно писала купцамъ въ Брюгге, чтобы они были осмотрительнѣе въ покупкѣ суконъ, такъ какъ отъ фальшивыхъ суконъ легко могъ возникнуть вредъ для всего купечества. Такъ какъ, однако, всѣ эти мѣры не могли еще освободить Новгородскій дворъ отъ наполненія дурными сукнами, то для устраненія послѣднихъ со двора учреждены были въ 1332 году особые надзиратели или браковщики суконъ (wantvinder) [2]). Браковщики должны были наблюдать, чтобы каждый поставъ имѣлъ привѣшенную печать, чтобы верхнее сукно, служившее оберткой для кипы, было одинаковаго качества съ кусками послѣдней; если же окажется, что обертка будетъ другого качества, чѣмъ содержимое въ ней сукно, то виновникъ долженъ подвергаться штрафу въ 10 марокъ серебра, а самое сукно секвестроваться въ пользу двора. Браковщики должны были наблюдать, чтобы поставы сукна всегда имѣли опредѣленный размѣръ [3]). Было бы несправедливо отрицать, что эти предупредительныя мѣры не оказывали ника-

---

[1]) Hanser., II Abt., I, 515, 1436: „Se spreken vort als umme de upgiffte, dat me dat zolde mede in den crucebreff setten, wo vele dat me upgeven zolde up dat wymecken, wossen unde up dat blote... Dar antwerde wy to, dat... wen id ore brodere wolden laten den Dutzschen unvorsteken, als se id van deme gaste untfanghen, so mochte me darup dencken, des en scheghe nicht darumme we guet werck hefft, de en dreff nicht upgeven, we qwaet werck hefft, de deyt darna“.

[2]) Bunge. U. B., VI, 97, 1332 г.: „men scal holden wantvinders des somers alse des winters, wante vele wandes wert workoft, wanne nene wantvinders sint, dat valsch is“.

[3]) Bunge. U. B., 154, 1348 г.; 169. 1354 г.

кого дѣйствія на уменьшеніе обмана и фальши въ торговлѣ. Но несомнѣнно также, что онѣ не устраняли послѣднихъ въ корнѣ. Въ то время продавцы еще мало сознавали, что ихъ выгоды тѣсно связаны съ выгодами покупателей, а потому обманъ всегда находилъ себѣ дверцы и вызывалъ противъ себя предупредительныя мѣры уже со стороны самихъ Новгородцевъ. Первоначально послѣдніе, кажется, искали спасенія отъ обмана въ томъ, что брали куски суконъ или отрѣзки ихъ домой на осмотръ; но Нѣмцы вскорѣ рѣшительно запретили членамъ конторы всякую дачу суконъ на просмотръ, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы изъ этого не возникло какихъ либо замѣшательствъ для всего купечества [1]). Тогда Новгородцы принуждены были обратиться къ другимъ средствамъ. Они стали покупаемыя сукна мѣрить и на случай обмана въ доброкачественности начали, по примѣру Нѣмцевъ, требовать upgift или намета. Но такой образъ дѣйствія, въ свою очередь, возбудилъ негодованіе въ иноземцахъ. Конечно, союзный сеймъ поставилъ своимъ купцамъ въ обязанность, чтобы они покупали сукна во Фландріи не иначе, какъ на мѣру, и коль скоро поставъ окажется короче обыкновеннаго больше чѣмъ на три четверти локтя, то онъ не долженъ быть принимаемъ подъ страхомъ кары въ десять большихъ шиллинговъ за каждый поставъ [2]). Но въ отношеніи Новгородцевъ они слѣдовали какъ разъ противоположной политикѣ. Чтобы не установился какой-либо дурной обычай сеймъ вмѣнилъ Новгородскому нѣмецкому купечеству въ обязанность, чтобы оно никоимъ образомъ не допускало ни промѣра, ни дачи намета при поставахъ, которые имѣли пломбу на обоихъ концахъ [3]). Новгородцевъ же сеймъ старался утѣшить разсужденіемъ, что ничего подобнаго въ старину не было, а потому нѣтъ надобности быть ему и впредь, что сеймъ поручилъ Фландрскому купечеству снестись съ поставщиками суконъ, чтобы тѣ

[1]) Bunge, U. B., VI, 124, 1342: „neman scal den Russen want don to hus to bringende to besende op en behagetet, noch lappen af to snidende, uoch nerleige gut also ut to donde“...

[2]) Hanser., I Abt., V, 16, 1401: „Darumme sin de stede vorgescreven des eens geworden, dat nemant jenigerleye lakene kopen schal, he en late he striken, unde de boven 3 quarteer (Elle) Vlamisch to kort sin, schal me nicht entjan, bi broke 10 schilling grote vor islik laken“.

[3]) Hanser., I Abt, V, 20, 1401: „V. scole gi (контора) nenerleye upgift geven uppe de lakene, de to beiden enden heel unde geloyet sin, edder de ok nicht striken laten, bi broke... up dat id nicht in ene bose wonheiken komen“.

дѣлали ихъ по старинѣ. Въ противномъ случаѣ, если поставщики окажутся глухими къ этому требованію, то Ганзейцы совсѣмъ перестанутъ покупать у нихъ сукна [1]).

Въ особенности богатымъ источникомъ недоразумѣній и неудовольствія со стороны Русскихъ служилъ торгъ громоздкими товарами. Товары эти, какъ извѣстно, шли въ обращеніе не на вѣсъ, а на извѣстныя, установленныя долгимъ обычаемъ, единицы мѣры. Такъ, соль продавалась мѣхами, медъ, пиво и вино—бочками и тоннами. Мѣры эти, однако, съ теченіемъ времени мало по малу все уменьшались. Нормальной величиной какъ бочекъ меда, такъ и мѣховъ былъ шиффунтъ или 20 лисфунтовъ, т. е. десять пудовъ. Но уже въ концѣ XIV столѣтія сами Нѣмцы указывали на недостаточность обычныхъ единицъ мѣры громоздкихъ товаровъ, на то, что имъ приходится терять на каждомъ шиффунтѣ по полтора и по два лисфунта [2]). Еще болѣе уменьшается размѣръ мѣховъ и бочекъ въ XV вѣкѣ. Въ началѣ этого столѣтія мѣха соли достигали величины только восьми пудовъ, а медовыя бочки—$9^{3}/_{13}$ пуда. Въ половинѣ XV вѣка, а именно въ 1436 году мѣшки соли и бочки меда сократились еще болѣе: первые стали вѣсить тогда не болѣе, какъ только семь пудовъ, а вторыя около девяти [3]). Неудивительно, поэтому, что Русскіе постоянно жаловались на Нѣмцевъ, что тѣ привозятъ къ нимъ и продаютъ бочки и тонны слишкомъ малаго размѣра, то уменьшаютъ противъ установившагося размѣръ соляныхъ мѣшковъ [4]). Въ особенности

---

[1]) Haeserec., I Abt., V, 80, 1401 г.

[2]) Hanserec., I Abt., IV, 321, 1396 г. „Uns (Дерпту) komet grote klaghe vor van borgheren, unde ghesten. de to male zeze verlezen in der wichte vamme zolte, dat ze doch nicht kesen konnen, dat bestolen si, unde zummels enbrekt en an dem sceppunde $1^{1}/_{2}$ Liirpunt unde zummels 2 Livespunt“. Bunge, U. B., VI, 376—377, 1412 г.: ($^{1}/_{2}$ lisp.—10 markpunt; 1 lisp.—20 markp.). Ср. Hansegec., II Abt., IV, 529, 1460 г.

[3]) Hanserec., II Abt., I, 510, 1436 г.: „item van dem zolte dat van Reval kumpt, dat id nene wichte en holde, id wecht nauwe 14 lispunt“. Карамзинъ, VI, прим. 421: „приходитъ въ Новгородъ соль и медъ отъ нѣмецъ неполно, того дѣля, что въ Новѣгородѣ вѣсу нѣтъ. Въ ласту приходятъ 90 пудовъ Московскихъ, а въ иномъ менши, а напередъ того въ ласту приходило по 100 пудовъ и по 20. А медъ приходитъ не полонъ же, бочка по 9 пудовъ... а напередъ того приходила бочка по 10 пудовъ“.

[4]) Bunge, U. B., IV, 393, 1402 г.: „Item alse se (Новгородцы и Псковичи) clageden, dat de soltecke to cleine weren und to licht und nicht en weren alse se van oldinges plegen to wesene“... Тамъ же, IV, 392.

же они негодовали на потери, которыя имъ приходилось нести въ Лифляндскихъ городахъ, вслѣдствіе того, что тамъ громоздкіе товары принимались на вѣсъ. „Мы въ своемъ городѣ, говорили они Нѣмцамъ въ 1407 году, прямимъ, принимаемъ не иначе, какъ сполна, но зато и даемъ сполна; вы же—нѣтъ; вы издавна наши воры—грабители, вы берете въ Ревелѣ за ластъ XV мѣшковъ соли, а здѣсь даете только XII; точно также, вы берете у себя дома за ластъ 13 бочекъ меду, а здѣсь въ Новгородѣ даете только 12" [1]). Въ виду неодинаковаго отношенія Нѣмцевъ къ дѣлу у себя дома и въ Новгородѣ, причинявшаго много потерь Новгородцамъ, было весьма естественно, что послѣдніе при торговлѣ громоздкими товарами вознамѣрились прибѣгнуть къ тому же средству, которымъ съ такимъ успѣхомъ пользовались сами Нѣмцы, и именно къ вѣсу и мѣрѣ. На вѣчѣ 1407 г. они положили именно, чтобы никто, подъ страхомъ пени въ 50 гривенъ серебра, не осмѣливался покупать у Нѣмцевъ соль иначе, какъ на вѣсъ, а медъ—полными бочками (наполненными до втулокъ) [2]). Для приведенія этого рѣшенія на практикѣ, они положили даже завести для взвѣшиванья соли особенные вѣсы, а именно большой безмѣнъ (punder), или по крайней мѣрѣ—слово „punder" можетъ имѣть и такое значеніе—особенную нормальную единицу или такъ называемый „солоный берковецъ", представлявшій, вѣроятно, только второй экземпляръ обычной единицы вѣса [3]). Казалось бы, дѣло шло на ладъ; но Нѣмцамъ такой оборотъ не нравился по разнымъ отношеніямъ. Прежде

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 594, 1407 г.: „Des hebben se (тысяцкій съ купцами) uns nu en antworde gegeven, dat se willen dat solt hiir wegen und willen dat honich vul hebben, und dat wi vul geven und ok vul nemen, vente se (Новгородцы) seggen, se raden in erer stat und wi nicht, und se seggen, dat wi aldus lange ere deve gewesen hebben, und seggen, dat wi nemen to Revel XV sekkesolt vor de last und geven hir XII. Des gelikes seggen se van dem honige, dat wi nemen met uns XIII tunnen und geven hir XII vor de last". Ср. Bunge, U. B., IV, 672, 1409 г.

[2]) Bunge, U. B., IY, 590, 1407 г.: „unde se (de Russen) hebben einen bref gemaket in deme dinge und besselt under sik also, dat nen Russe sol kopen van den Dutschen anders, den solt bider wicht, dat honich bi vullen tunnen, bi L stukke sulvers"...

[3]) Bunge, U. B., IV, 584, 1407 г.: „Des bede he (тысяцкій) uns puncte voer: int erste... de wichte van deme solte, dat se willen dat solt hir so gewegen hebben, also to Darpte edder to Revele, und wilt hir hebben einen punder, und se willen dat honich vull hebben bette to deme spunde". Тамъ же, IV, 590, 1407 г.

всего установленіе провѣса при торговлѣ солью лишало ихъ важныхъ выгодъ, которыя они извлекали изъ торга на обычныя единицы [1]). А затѣмъ, введеніе провѣса налагало на нихъ и нѣкоторые лишніе платежи. До сихъ поръ Нѣмцы при торговлѣ солью въ Новгородской конторѣ не платили никакихъ пошлинъ; теперь же, съ введеніемъ провѣса, на нихъ неизбѣжно должны были, въ видѣ пошлинъ, пасть расходы по содержанію вѣсцовъ [2]). Оба эти обстоятельства дѣйствовали такъ сильно, что Нѣмцы на рѣшеніе Новгородцевъ принимать соль не иначе, какъ на вѣсъ, отвѣчали подобнымъ же постановленіемъ для своихъ, только въ обратномъ смыслѣ, т. е. рѣшительно запретили продавать соль съ вѣсу [3]). Вслѣдствіе этого введеніе провѣса при торговлѣ громоздкими товарами остановилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились жалобы на потери со стороны русскихъ. Не желая казаться глухими къ послѣднимъ, Нѣмцы отъ себя предложили мѣры, практически имѣвшія весьма малое значеніе. Въ отношеніи медовыхъ тоннъ они указывали, что въ Любкѣ гдѣ дѣлаются бочки и откуда привозятъ медъ, въ ратушѣ висятъ 4 желѣзныя бочки, предназначенныя служить для провѣрки остальныхъ. Поэтому, если бы Новгородцы представили имъ одну какую либо изъ малыхъ бочекъ, то они не прочь послать ее въ Любекъ для провѣрки и, въ случаѣ подтвержденія ея малости, для введенія новой. Что же касается соли, то они просто-на-просто замѣчали, что она вообще не можетъ сохранять своего вѣса, напротивъ уменьшается и при перевозкѣ, и при переноскѣ изъ одного погреба въ другой: взятая отъ воды она въ воду и обращается. Какъ ясно само собой, Новгородцы не могли успокоиться на

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р, VI, прим. 421: „Пошлинники Новгородскіе нынѣ вѣсчего на нѣмцѣхъ не емлютъ: емлютъ на купцѣхъ, хто у нихъ купитъ... А Колыванцы и Ругодивци сами у Заморскихъ купцовъ изъ кораблей соль и медъ вѣсятъ, а Ноугородскимъ купцамъ у себя продаютъ соль и медъ, вѣсятъ же и вѣсчее на нихъ емлютъ и одни въ одномъ Новѣгородѣ хотятъ безъ вѣсу продавати“.

[2]) Bunge, U. B., IV, 590, 1407 г.: „unde des si wi hir ens geworden, dat neman den kop sal an gan bi L mark und bi des hoves rechte, bette to der tiit, dat wi en antworde van juw hebben“.

[3]) Стало-быть не Новгородцы, какъ увѣряетъ напримѣръ Бережковъ, Нѣмцы затормозили дѣло и создали изъ него вопросъ, который волновалъ обѣ стороны въ продолженіе цѣлаго столѣтія, пока, наконецъ, не былъ улаженъ къ обоюдному удовольствію въ 1514 году. Вообще вопросъ этотъ не лишенъ интереса.

этомъ остроуміи и такимъ образомъ противоположные интересы и здѣсь остались непримиренными [1]).

Между тѣмъ какъ торговая жизнь сама по себѣ выставила множество вопросовъ, которые, тщетно ища своего разрѣшенія, ежеминутно грозили полной остановкой торговли, въ то время для послѣдней мало по малу выростала со стороны новая, еще болѣе серьезная опасность. Мы разумѣемъ именно политическія затрудненія между Лифляндіей и Россіей. Со стороны Нѣмцевъ главная причина политическихъ затрудненій заключалась въ томъ, что, несмотря на нѣкоторое желаніе, самостоятельная политика для городовъ Ганзейскаго союза на Востокѣ была совершенно немыслима. Съ одной стороны, большая часть русскихъ торговыхъ дорогъ шла чрезъ владѣнія Ордена и даже самый главный путь чрезъ Финскій заливъ и Неву находился не совершенно внѣ вліянія Ливонскаго магистра. Съ другой стороны, Лифляндскіе города, игравшіе въ союзѣ уже изначала нѣкоторую роль и къ концу пріобрѣтшіе самое рѣшительное вліяніе на торговыя дѣла, не имѣли, подобно Новгороду и Пскову, самостоятельнаго значенія, а состояли большею частію подъ непосредственнымъ владычествомъ Ордена или духовенства, державшагося обыкновенно одной политики съ Орденомъ. Послѣднее обстоятельство получало тѣмъ большее значеніе, что съ теченіемъ времени Орденъ пріобрѣлъ въ Остзейскомъ краю такое могущество, что могъ силою принуждать непокорныхъ къ подчиненію своимъ желаніямъ, хотя, нужно сознаться, относительно значительнѣйшихъ городовъ, какъ напримѣръ, Ревеля, и пользовался своею силою довольно снисходительно. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ условій Ганзейскому союзу нечего было думать объ односторонней политикѣ; напротивъ, большею частію приходилось сообразоваться съ политикой Ордена, а эта послѣдняя была крайне неблагопріятна для мирнаго теченія торговли. Въ самомъ дѣлѣ Орденъ и духовенство съ самаго начала стояли въ враждебныхъ отношеніяхъ съ древней Русью и старались вовлечь въ эту вражду и торговые города. Горя желаніемъ расширить свои владѣнія, Ливонскіе магистры и духовенство старались поживиться на счетъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Въ 1224 году Нѣмцы успѣли захватить въ свои руки у Русскихъ Юрьевъ или Дерптъ, въ которомъ послѣдніе уже были близки къ утвержденію [2]).

---

[1]) Hanser., II, Abt., I, 511, 1436 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 39, 1224 г.: „убиша князя Вячка Нѣмци въ Гюргевѣ, а городъ взяша".

Но недовольные этимъ, они предъявили притязанія на ближайшія Новгородско-Псковскія владѣнія и такимъ образомъ положили начало продолжительной территоріальной тяжбѣ съ Русскими, которая является тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ незначительнѣе были собственные объекты спора. Такъ какъ, однако, собственныя силы Ордена были не вполнѣ соразмѣрны съ его притязаніями, то необходима была поддержка со стороны городовъ и Орденъ умѣлъ воспользоваться ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Зная, что торговля нерѣдко давала средства къ усиленію его противниковъ, онъ старался устранить изъ нея тѣ статьи, которыя, какъ, напримѣръ, оружіе и лошади, могли вести къ увеличенію военнаго могущества Русскихъ [1]). Вѣрно разсчитывая, что прекращеніе подвоза вообще способно склонить противниковъ къ уступчивости, Орденъ старался расположить торговые города въ нужныхъ случаяхъ къ общему закрытію торговли [2]). Въ крайнихъ же случаяхъ, когда наступалъ судъ Божій или война, онъ не отказывался требовать отъ городовъ и прямо военной помощи [3]).

Что же касается Русскихъ, то у нихъ первоначально не было силы, которая бы, подобно Ордену, ставила своей задачей поддержаніе національныхъ интересовъ. Великій Новгородъ, которому такая задача всего скорѣе была бы по плечу, мало чувствовалъ на себѣ гнетъ Нѣмцевъ и потому держался въ отношеніи къ послѣднимъ почти исключительно одніхъ торговыхъ видовъ. Наступленіе Нѣмцевъ направлялось главнымъ образомъ противъ Пскова, а Псковъ обнаруживалъ уже давно стремленіе къ самобытности. Новгородцы, поэтому, даже благопріятствовали давленію Ордена и духовенства на Псковъ, разсчитывая, что этимъ путемъ они заставятъ Псковичей крѣпче держаться Новгородскаго владычества. Вслѣдствіе этого, въ періодъ стрем-

---

[1]) Bunge, U. B., IV, 708, 1411 г.

[2]) Bunge, U. B., VI, 229—230, 1368 г.: „Ne igitur Ruthenos cismaticos, qui conspirationem cum Lettowinis Christianorum fecerunt aemulis, contra (nos) et dictam diocesin (Дерптскаго), mercatorum auxilio canfortari contingat, univirsitatem vestram hortamur in Domino, studiosius rogitantes, sicut etiam alias per nos vobis extitit humiliter supplicatum, ne de cetero mercem in portum, dictum Nu, dummodo aliquo modo possit fieri, ducer seu ordinare velitis, quia Christianitati damna non modica exinde poterunt provenire“.

[3]) Отчеты (Гильдебрандъ), стр. 47, №№ 202, 211, 223, 1442—4 гг.; стр. 54, № 295, 1473 г.; №№ 315, 316, 1480 г.; Hanser., III Abt., I, 224, 1480 г. Тамъ же, III Abt., I, 231, 240, 276, 551.

леній Пскова къ самобытности, Новгородцы не только оставляли Псковичей въ ихъ борьбѣ съ Западомъ безъ всякой помощи, но и еще заключали на нихъ, какъ это напримѣръ, было въ 1342 году, сами союзъ съ Нѣмцами. Даже и тогда, когда самобытность Пскова стала совершившимся фактомъ, и тогда жалобы на непособіе со стороны Новгородцевъ, на дружбу ихъ съ Нѣмцами и Литвою, составляютъ постоянный припѣвъ Псковскаго лѣтописца. Такъ, въ 1407 году Псковичи, подвергшись нападенію Нѣмцевъ, просили помощи у Великаго Новгорода. Новгородцы раньше, въ 1406 году, на просьбу о помощи противъ Литвы, отвѣчали Псковичамъ, что владыка не благословилъ ихъ итти противъ Литвы, но что они готовы биться съ Нѣмцами. Теперь же когда рѣчь дѣйствительно зашла о борьбѣ съ послѣдними, оказалось, что слова ихъ были пустою фразою, что Новгородцы столько же хотѣли биться съ Нѣмцами, какъ и съ Литвою [1]). Они остались безучастными даже и тогда, когда Ливонскій магистръ, въ борьбѣ съ Псковичами, нанесъ въ 1408—1409 годахъ не мало вреда и сосѣднимъ Новгородскимъ областямъ. Самый миръ 1410 года былъ заключенъ Псковичами безъ участія Новгородцевъ [2]). Подобное же равнодушіе замѣчается со стороны Великаго Новгородца и въ 1427—28 годахъ, когда Нѣмцы приходили къ Опочкѣ и косили сѣно на Псковскихъ земляхъ, а также въ 1463 году, когда Нѣмецкіе отряды опустошали разные края Псковской области [3]). Только въ рѣдкихъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 197, 1406 г. Тамъ же, IV, 198—9, 1407 г.: „а Новгородци въ то время приведоша собѣ князя изъ Литвы... а все то Псковичемъ въ перечину, и вложи имъ діаволъ злыя мысли въ сердце ихъ, любовь держаху съ Литвою и съ Нѣмци, а Псковичемъ не помогаше ни словомъ, ни дѣломъ“.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 200, 1409 г.: „и много повоеваше и Новогородцкіе волости, а Новгородци всего того небрегоша, Псковичемъ въ перечину, а Псковичи много челомъ биша Новугороду; а Новогородци не помогоша Псковичемъ ни мало“. Тамъ же, IV, 201, 1410 г.: „поѣхаша посадники Псковскіе... а иныхъ много бояръ подъ Кирьипичу, а иные бояре... въ Избореекъ, и взяша миръ по старинѣ, по Псковской воли, по Новгородскому докончанью: что были Новогородци имали миръ въ первое розратье со Псковичи съ одного, а нынѣ потому же за недѣлю по Ильинѣ дни и безъ Новагорода, занеже Новогородци не помогоша“.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 205, 1428 г.: „Псковичи миръ подтвердиша съ местеромъ и съ Юрьевичи и со всею землею Нѣмецкою, по старому крестному цѣлованью, а безъ Новагорода; а Новгородци не помогоша

случаяхъ Новгородцы забывали свое нерасположеніе къ Псковичамъ и вспоминали объ одинаковости происхожденія, объ одинаковой задачѣ своей на сѣверо-западѣ Россіи и хотя слабо, но все же поддерживали Псковичей противъ Ордена и его сподручниковъ. Такъ, въ 1363 году Новгородцы и Псковичи держались относительно Прибалтійскихъ нѣмцевъ одинаковой политики, и Новгородцы содѣйствовали примиренію Псковичей съ Нѣмцами. Подобнымъ образомъ въ 1368 году, во время нападенія Ливонскаго магистра, епископа и ихъ союзниковъ на Псковскую землю Новгородская рать ходила къ Изборску, оттѣснила оттуда Нѣмцевъ и въ 1371 году содѣйствовала заключенію мира. Наконецъ, въ 1449 году Новгородцы принимали участіе въ выгодномъ мирѣ, заключенномъ Псковичами съ Нѣмцами [1]).

Но если Новгородъ, погруженный въ торговые разсчеты и мелкую междоусобную вражду, находилъ мало собственныхъ поводовъ къ поддержанію національныхъ интересовъ и лучше предпочиталъ отдать Псковъ на расхищеніе его сосѣдямъ, чѣмъ отречься отъ своихъ коммерческихъ выгодъ, то эти поводы явились со стороны. На Руси національные интересы вовсе не были забыты. Уже Владимірскіе князья, Александръ Невскій и Ярославъ Ярославичъ избавили Новгородъ отъ расхищенія его наслѣдія Нѣмцами и прочно установили его западную границу [2]). Московскіе князья пошли дальше и въ отношеніи

ничимъ". Тамъ же, IV, 226, 1463 г.: „А Новогородци не пособиша Псковичемъ ни словомъ, ни дѣломъ противу Нѣмець; а Псковичи тогда много имъ челомъ биша, а они челобитья Псковскаго не пріяша". Тамъ же, IV, 1427 г.: „того лѣта Нѣмцы на Псковской землѣ сѣно косиша"...

[1]) П. С. Р. Л., III, 89, 1363 г.: „Ходивше Новогородскіи послове, изъ концевъ по боярину, въ Юрьевъ въ Нѣметскіи, и смолвиша Нѣмець съ Плесковичи въ любовь, и бысть межу ими мирно"... Тамъ же, III, 89, 1368 г.: „приходиша Нѣмци ратію великою... подъ Изборескъ; и Новогородци поидоша на нихъ, и доидоша до Пскова, и Нѣмци отъ Изборска побѣгоша"... 89, 1371 г.: „ходиша Новогородци съ Плесковичи ко новому городку нѣмецкому"... Тамъ же, IV, 213, 1449 г.: „Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ на Норову рѣчку, подлѣ Новгородцкихъ пословъ, и докончаша миръ, по благословенію архіепископа Великого Новагорода и Пскова владыцы Еуѳимія".

[2]) П. С. Р. Л., III, 54, 1242 г.: „Нѣмцы присласа съ поклономъ безъ князя: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу, мечемъ, то ся всего отступаемъ"... Тамъ же, III, 61, 1269 г.: „Придоша Нѣмци въ силѣ велицѣ подъ Пльсковъ... Новгородци же съ княземъ Юрьемъ погониипася по нихъ... и яко увѣдаша Нѣмци Новгородскыи полкъ, по-

Новгорода и Пскова усвоили себѣ такое же точно мѣсто, какое по отношенію къ Лифляндскимъ городамъ принадлежало Ливонскому ордену. Они не только приняли подъ свое покровительство Псковъ, но и стали хлопотать о возмѣщеніи тѣхъ потерь, которыя были понесены Русскими въ XIII столѣтіи. Первоначально дѣло открылось съ дипломатическаго ходатайства. Такъ, уже въ 1368 году посолъ Димитрія Донскаго долго хлопоталъ въ Юрьевѣ въ пользу Псковичей. Лѣтописецъ съ горечью сообщаетъ, что хлопоты не привели ни къ чему, что въ слѣдъ за возвращеніемъ посла въ Псковъ, во владѣніяхъ послѣдняго явилась и Нѣмецкая рать. Но для насъ важенъ самый фактъ дипломатическаго вмѣшательства, какъ свидѣтельство сознанія Московскими князьями своего призванія [1]). Вскорѣ вмѣшательство стало выражаться болѣе дѣятельнымъ образомъ. Находясь слишкомъ далеко отъ области Ливонскаго ордена, Московскіе князья еще не могли дѣйствовать непосредственно. Но, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ Новгородскими князьями, они по крайней мѣрѣ не опускали случая пользоваться своимъ значеніемъ въ Новгородѣ для поддержанія его младшаго брата Пскова. Впервые Московскіе князья пытались прибѣгнуть къ этому пути, кажется, изъ дружбы къ Витовту, но, къ счастію, на этотъ разъ встрѣтили со стороны Новгородцевъ рѣшительный отказъ [2]). Въ дальнѣйшемъ же теченіи исторіи желаніе пользоваться Новгородскими силами стало управляться болѣе правильными соображеніями. Въ началѣ XV столѣтія слабому Пскову приходилось выдерживать непосильную борьбу съ Ливонскимъ орденомъ. Въ 1417 году въ эту борьбу счелъ нужнымъ вмѣшаться великій князь Московскій и отправилъ въ Новгородъ пословъ поднимать Новгородцевъ на Нѣмцевъ. Новгородцы согласились и разослали биричей кричать по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, чтобы всякъ собирался помогать "вели

бѣгоша за рѣку; Новгородци же пріѣхаша въ Пльсковъ и взяша миръ.. Увѣдавше Нѣмци (прибытіе въ Новгородъ большого войска), прислаша послы съ молбою: кланяемся на всей воли вашеи, Норовы всеи отступаемся"...

[1]) П. С. Р. Л., IV, 192, 1368 г.: „Пріѣхаше посолъ съ Низу отъ в. князя Дмитрея Никита.. и бывъ въ Юрьевѣ много дній, не учини ничтоже на добро нимало, и пріѣха во Псковъ, а за нимъ на борзѣ рать Нѣмецкая пріиде ко Пскову"...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 102, 1397 г.: „А князь Василей Московьскій и Витовтъ прислаша свои послы съ единого къ Новугороду, велѣша разврещи миръ съ Нѣмци; Новгородци же не послушаша".

кому, князю на Нѣмцевъ [1]). Дѣло до войны, кажется, однако не дошло, такъ какъ испуганные собиравшеюся съ разныхъ сторонъ грозой Нѣмцы поспѣшили въ томъ же 1417 году заключить съ Новгородцами и Псковичами миръ. Условія мира обезпечивали Псковичамъ на десять лѣтъ безопасность со стороны Ордена. Магистръ обязался на это время не нападать на Псковъ, не поддерживать его враговъ, даже если бы ими оказались епископы Рижскій и Дерптскій, предостерегать, въ случаѣ опасности, а по истеченіи мира не начинать военныхъ дѣйствій раньше прошествія четырехъ недѣль [2]). Миръ этотъ такъ былъ выгоденъ для Псковичей, что Орденъ недоумѣвалъ, соблюдать ли его или нѣтъ. Ему хотѣлось именно дополнить Псковскія статьи нѣкоторыми прибавками, которыя бы обратили обязанность его не помогать епископамъ Рижскому и Дерптскому въ ничто и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировали бы ему безусловное невмѣшательство Москвы и Псковичей въ борьбу его съ Витовтомъ. Но эти прибавки были Псковичами отвергнуты [3]).

До сихъ поръ внѣшняя Новгородская политика хотя и подчинялась давленію со стороны Москвы, но все еще оставалась самостоятельною. Но съ 1456 года, когда Москва впервые успѣла занять въ Новгородѣ выдающееся мѣсто, внѣшняя политика стала зависѣть не столько отъ вѣчевого города, сколько отъ великихъ князей Московскихъ. Подчиненіе Новгорода Московскому владычеству въ 1478 году, не прибавивъ ничего существеннаго, только окончательно установило такое положеніе дѣлъ. Благодаря этой перемѣнѣ, всѣ столкновенія на Западѣ стали теперь рѣшаться не столько силами отдѣльныхъ владѣній и городовъ, сколько силами Москвы и Ливонскаго

---

[1]) Bunge, U. B., 196, 1417 г.: „Item ist uns zu wissen wurden, das nu binnen korz der koning van Mousco seine grosse bodeschaft zu Nogharden hatte gesandt, sie lassen bitten, das sie im wolden bistanding und behulplich wesen uf die Dutschen"...

[2]) Bunge, U. B., V, 268—270, 1417. Тамъ же, V, 276—278. Тамъ же, V, 286, 1417: „Ints erste das binnen den nehisten zen joren en sal unser ein dem andern den frede nicht ufsagen, und unser ein en sal uf den andern binnen der zit nicht orlogen mit gerschilde, und unser ein en sal uf den andern keine hulfe senden"...

[3]) Bunge, U. B, V. 287, 1417 г.: „wente wir woldin die stifte Rige und Derpt mete in unsern frede haben, und woldin uns von in nicht scheiden. Und ouch der grosse koning von Moskowe oder sie (Псковичи) keine hulfe solden senden oder thun uf unsern ordin, ob is zum kriege queme mit herzog Witovdten und unserm orden etc.". П. С. Р. Л., V, 22, 1416, 1417 г.

ордена. И такъ какъ Москва, могущественная уже сама по себѣ, располагала обыкновенно и средствами Великаго Новгорода и Пскова, то понятно, что всѣ споры стали рѣшаться въ пользу Русскихъ. Такъ, уже въ 1461 году Москва, дѣйствуя совокупно съ Новгородцами и Псковичами, принудила Нѣмцевъ заключить со Псковомъ перемиріе на пять лѣтъ, по которому каждая сторона обязалась ловить рыбу на спорной водѣ только съ своего берега, да сверхъ того Нѣмцы возвратили Псковичамъ захваченныя на обидномъ мѣстѣ иконы и товаръ. Подобнымъ образомъ, только благодаря вліянію Москвы, Псковичамъ удалось въ 1463 году побудить Нѣмцевъ къ уступкѣ спорныхъ мѣстъ. Наконецъ, только прибытіе Московскихъ и Новгородскихъ полковъ окончательно утвердило въ 1474 году за Псковичами обладаніе спорными землями и опредѣлило въ пользу Псковичей ихъ взаимныя отношенія къ Нѣмцамъ. По миру 1474 года относительно Великаго (Чудскаго) озера было постановлено, что каждая сторона ловитъ рыбу у своего берега, ни мало не преслѣдуя ловцовъ противной стороны, если буря случайно занесетъ ихъ въ воды сосѣдей [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ были ясно опредѣлены и отношенія къ великому князю Дерптскаго епископа. Мы говорили уже, что стремленія Русскихъ утвердиться на западной сторонѣ Великаго озера не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1224 году былъ потерянъ ими городъ Юрьевъ вмѣстѣ съ сосѣдней землей Толовы. Потеря, однако, была не безусловная: за отреченіе отъ территоріальныхъ правъ на область Толовы Новгородъ получилъ именно право на дань съ Нѣмцевъ за жителей этого округа въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она получалась и прежде [2]). Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе слабости Новгородцевъ дань эта мало-по-малу была забыта, и уплата ея прекратилась совершенно. Но у великихъ князей Московскихъ въ отношеній всего, что касалось русскихъ интересовъ, была хорошая память. И Юрьевская дань была ими своевременно вспомнена и еще по миру 1463 года была выго-

---

[1]) См. Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 259—260.

[2]) Script. Rer. Liv. I, 290, 1224 г.: „Miserunt (по взятіи Дерпта Нѣмцами) et Rutheni de Novogardia et Plescowe nuncios in Rigam petentes ea, quae pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum, quod semper habuerunt in Tholowa, eis restituentes Letthos vero de Tholowa Rigensis episcopus cum Fratribus suis militiae dividebat". Antiq. Rus., I, 396—7: „Tandem Ligurdus... in Esthoniam venit, ab Valdemare Holmgardi rege missus, ut per eam regionem tributa regi solvenda exigeret".

ворена плата ея Москвѣ. Но, по всей вѣроятности, проплативши три года, Нѣмцы вновь прекратили внесеніе дани въ княжескую казну. Великіе князья, однако, твердо стояли на своемъ и по миру 1474 года обязали Дерптскаго епископа не только снова платить дань, но и внести ее за всѣ неуплаченныя восемь лѣтъ [1]). Кромѣ дани Юрьевъ былъ связанъ съ древней Русью и другою связью. Въ Юрьевѣ находился именно Русскій конецъ. Если не видѣть въ немъ, что не невозможно, остатка первоначальнаго поселенія Русскихъ въ Юрьевѣ, то необходимо признать въ этомъ концѣ колонію русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Остзейскимъ краемъ. Намъ неизвѣстны вполнѣ права, на которыхъ существовалъ этотъ конецъ въ Юрьевѣ; но извѣстно, что къ этимъ правамъ Нѣмцы относились не особенно внимательно. Поэтому уже въ договорѣ 1474 года было внесено великими князьями условіе, обязывавшее епископа честно держать Русскій конецъ въ Юрьевѣ и его церкви [2]). Но должно быть, не смотря на обязательство, дѣло не поправлялось. Вслѣдствіе этого въ договорѣ 1481 года было прямо выражено требованіе, чтобы Юрьевскій епископъ очистилъ Русскій конецъ, его церкви и села тѣхъ церквей, а въ договорѣ 1493 года говорится уже о блюденіи русскихъ церквей во всѣхъ Лифляндскихъ владѣніяхъ. [3]) *).

---

[1]) А. З. Р., I, 84, 1474 г.: „А дани благовѣрныхъ в. к. Русскихъ царей, старыя залоги, и то честному бискупу Юрьевскому за осмъ лѣтъ отдати въ тотъ годъ, по крестному цѣлованію; а отъ сего времени... русскимъ царемъ на честномъ бискупѣ Юрьевскомъ дань своя имати по старинѣ"..., (Съ тѣхъ поръ вопросъ о дани въ ближайшее время болѣе не поднимался).

[2]) А. З. Р., I, 84, 1474 г.: „Што св. Божьи церкви у Юрьевѣ, у Рускомъ концы, и Русскій конецъ, и то честному бискупу Юрьевскому... держати честно по старинѣ"... Ник. Лѣт., VII, 215, 294, 1554, 1558 г. П. С. Р. Л., IV, 309.

[3]) А. З. Р., I, 97, 1481 г.: „А бискупу Юрьевскому... церкви Божіи св. Николы и св. Георгея очистити и Русскій конецъ и села тыхъ церквей очистити".

*) *Примѣч.* Условіе о блюденіи русскихъ церквей въ магистровой державѣ, въ архіепископскихъ и епископскихъ владѣніяхъ, повторенное и въ договорѣ 1493 года соблюдалось, очевидно, очень мало и чрезъ это подавало великимъ князьямъ справедливую причину къ недовольству на Нѣмцевъ. И дѣйствительно, есть извѣстіе, что вопросъ о русскихъ церквахъ въ Юрьевѣ игралъ значительную роль въ вопросѣ о закрытіи Ганзейской конторы въ Великомъ Новгородѣ (А. З. Р., I, 132, 1493 г. Гиль-

Кромѣ территоріальныхъ споровъ и связанныхъ съ ними вопросовъ, могущественное вліяніе Москвы сказалось и на положеніи Русскихъ людей въ Нѣмецкихъ владѣніяхъ. Въ первоначальное время всѣ дѣла, въ которыхъ были замѣшаны мѣстные интересы, разбирались обыкновенно мѣстнымъ судомъ той стороны, гдѣ дѣло получало свое начало. Судъ этотъ, однако, не успѣлъ внушить къ себѣ уваженія, такъ какъ каждая сторона, естественно, склонна была мирволить своимъ единоземцамъ. Вслѣдствіе этого, въ позднѣйшее время возникаютъ попытки дать судебному разбирательству такія формы, которыя бы устраняли возможность слишкомъ рѣзкихъ злоупотребленій. Въ Западной Руси, въ Полоцкѣ было, напримѣръ, принято за правило, чтобы каждый судился только своимъ собственнымъ судомъ и для этой цѣли Полочанинъ, совершившій преступленіе въ Ригѣ, долженъ былъ пересылаться въ Полоцкъ, а Рижанинъ въ такомъ же точно случаѣ наоборотъ въ Ригу, къ собственнымъ судьямъ [1]). Въ Московской Руси, напротивъ, стремленіе избѣгнуть несправедливостей привело къ установленію особеннаго способа разбора дѣлъ, который можетъ быть названъ *смѣстнымъ* или международнымъ, и въ которомъ должны были принимать одинаковое участіе обѣ заинтересованныя стороны. Впервые такой порядокъ замѣчается на практикѣ въ порубежныхъ дѣлахъ. По договору 1474 года, въ случаѣ какихъ либо столкновеній на порубежьи, кражи, убійства и т. п., положено было заинтересованнымъ сторонамъ ссылаться объ этомъ до трехъ разъ черезъ посольства [2]). Вскорѣ, однако, такой порядокъ былъ распространенъ и на другія дѣла. По договору 1481 года разборъ обидныхъ дѣлъ, подъ которыми разумѣлись по преимуществу большія потери, понесенныя купечествомъ той или другой стороны, долженъ былъ производиться уже не судомъ той страны, гдѣ случилась потеря, а особеннымъ съѣздомъ, составленнымъ изъ представителей обѣихъ сторонъ, а по договору 1493 года—коммиссіей изъ пословъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ державъ. Окончательно же такой порядокъ былъ установленъ въ 1509

дебрандъ, Отчеты о разысканіяхъ въ Рижскомъ и Ревельскомъ архивахъ, №№ 366 и 416).

[1]) Bunge, U. B., IV, 582, 1407 г.

[2]) А. З. Р., I, 85, 1474 г.: „А гдѣ на порубежьи съ котороѣ стороны вчиниться татьба или порубъ или грабежъ, или голову убьютъ, или иная какова пеня вчиниться: ино о томъ послы послати и справы просити трижды"...

году [1]). Кромѣ того, въ самыхъ обидныхъ дѣлахъ произведена была лучшая сортировка. Такъ, интересы Новгородскихъ купцовъ были отдѣлены отъ Псковскихъ. Прежде нерѣдко случалось, что за Новгородцевъ отвѣчали Псковичи и наоборотъ. Теперь опять подтверждено правило 1474 года, требовавшее, чтобы въ Псковскомъ дѣлѣ не привлекать въ отвѣтственности и заключенію Новгородскихъ купцовъ, а въ Новгородскомъ — Псковскихъ. Точно также изъ среды заинтересованнаго купечества нельзя было переносить тяжбы съ отвѣтчика на все купечество. Истецъ по прежнему долженъ былъ знать истца, а купечество оставалось въ сторонѣ, нимало не подвергаясь опасности быть арестованнымъ. Что же касается до простыхъ уголовныхъ дѣлъ, то отъ XV столѣтія мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ насчетъ примѣненія къ нимъ въ Новгородѣ международнаго порядка. Но необходимо предположить, что и тутъ господствовало стремленіе къ водворенію того-же начала. По крайней мѣрѣ мы имѣли уже случай указывать, что еще въ 1416 году, вслѣдствіе жалобы Новгородцевъ на дурное обращеніе въ Остзейскомъ краѣ съ ихъ провинившимися братьями, введенъ былъ во взаимныя тяжбы если не смѣстный судъ, то во всякомъ случаѣ, судъ въ присутствіи родныхъ или знакомыхъ подсудимаго [2]).

Наконецъ, водвореніе въ Новгородѣ Московскаго владычества не осталось безъ вліянія и на собственно торговую сферу. Собственно новаго и здѣсь, впрочемъ, было весьма немного. Сюда нужно, кажется, отнести нѣкоторое увеличеніе въ пошлинѣ за провѣсъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что съ водвореніемъ Московскаго владычества въ Новгородѣ провѣсъ товаровъ перешелъ отъ Ивановскаго учрежденія въ руки особенныхъ откупщиковъ, снимавшихъ за извѣстное воз-

---

[1]) А. З. Р., I, 96, 1481 г. Тамъ же, I, 131, 1493 г.: „А о обидныхъ дѣлѣхъ о всякихъ намѣстникомъ государевымъ и къ Новгородскимъ съ князем мистромъ зсылатися послы... и управа дати всякимъ обиднымъ дѣломъ на обѣ стороны"... Ср. Рус. Лив. Акты, 262.

[2]) Bunge, U. B., V, 122, 1416 г.: „So is unse erwerdige meister mit en (Новгородскими послами) des also eines geworden, und biddet uns, dat wi dat ok also holden willen, eft welk van eren Russen in deme unsen wort groffliken breke, dat wi den nicht in thorne efte kasten setten, sunder wi solden en slan in de iserne, und screven dat vort deme vagede tor Narwe, dat de dat vort deme borchgreven to dem Nyenslote dat enbede, dat he des mannes vrunde dar bi sende, de sine schult horen und in er jegenwordicheit na sinem broke gerichtet werde".

награжденіе право взвѣшиванья товаровъ. Увеличеніе вѣсовой пошлины вслѣдствіе этой перемѣны было неизбѣжно. При настоящемъ обиліи матеріала нетрудно опредѣлить, въ чемъ состояло это увеличеніе, на которое громко жаловались Нѣмцы, которое обзывали они нарушеніемъ старины и отступленіемъ отъ крестоцѣлованія! Въ прежнее время вѣсчая пошлина взималась въ Новгородѣ „отъ скаловаго воздыма", т. е. съ самаго акта взвѣшиванья, а не съ количества взвѣшиваемаго товара [1]). Сколько бы послѣдняго не было положено на чашку, одинъ берковецъ, два или три, иноземецъ платилъ все одну и ту же пошлину. Пошлина эта была опредѣлена въ шиллингъ или три Новгородскія деньги. Когда же взвѣшиваніе товаровъ перешло въ руки Московскихъ откупщиковъ, то тѣ стали требовать положенной пошлины въ три деньги не съ акта провѣса, а съ берковца вѣсу товара, и такимъ образомъ, конечно, значительно содѣйствовали увеличенію пошлины [2]). Что же касается до другихъ мѣръ Московскаго времени, то всѣ они клонились не болѣе, какъ къ улучшенію старины. Изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ о новыхъ порядкахъ, введенныхъ Москвою въ Новгородскую торговлю, несомнѣнно явствуетъ, что при этихъ мѣрахъ великій князь руководился единственно стремленіемъ устранить старые поводы къ недоразумѣніямъ между Новгородцами и Нѣмцами, но не болѣе. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Новгородцы тяготились розничной продажей хмѣльныхъ напитковъ, предоставленной прикащикамъ Нѣмецкаго двора; и вотъ, какъ бы во исполненіе ихъ желанія, великокняжескіе намѣстники окончательно запрещаютъ корчму въ Новгородѣ [3]). Въ былое

---

[1]) А. З. Р., I, 96, 1481 г.: „а имати отъ воздыма отъ скалового, какъ вдутъ... противъ"... Ср. Рус. Лив. Акты, 261, 1509 г.: „Dath wage gelt sal mhan nemen vor ein schillinge tegen 4 denninge nha dem olden". Гильдебрандъ, Отчеты о розысканіяхъ, № 356.

[2]) Hanser., III Abt., II, 305, 1189 г.: „Juwe ersamkeit sall weten, dat de groet forste vann Moskow hir twe nyge weghers gesanth hefft, den he de waghe under s. Johannes kercken vorpachtet hefft, unnd solen van uns nemen van deme schippunt ubemen 3 denninge, dat tovorne, van der wicht was 3 denninge, all hedde de wicht tovorne 2 schippunt edder 3 schippunt gewesen, szo gaff men nicht mer van ileker wicht als dree denninge, unnd nu moet men vann deme schippunt geven dree denninghe, dat doch ny tovorne geweset is, unnd ock noch de cruee kussinge nicht na en wiset efft guholt".

[3]) А. З. Р., I, 91, 1481 г.: „А пива и корчмы Нѣмцамъ не прода-

время, въ періодъ процвѣтанія Ганзейской торговли, сами Нѣмцы временами заводили рѣчи о необходимости уничтожить корчму въ Нѣмецкомъ дворѣ, вслѣдствіе возникавшихъ отъ нея столкновеній съ Новгородцами и предполагали для прикащика отыскать иной источникъ вознагражденія. Но теперь, когда средства у конторы были незначительны и когда денежное вознагражденіе прикащика было затруднительно, осуществленіе ихъ собственнаго желанія было встрѣчено ими неодобрительно и послужило источникомъ жалобъ [1]). Точно также извѣстно, что Новгородцы тяготились нѣкоторыми пріемами, съ которыми была связана торговля воскомъ, медомъ и солью. Великій князь и здѣсь принялъ рѣшительныя мѣры. Онъ ограничилъ колупаніе воска отдѣленіемъ незначительныхъ кусковъ, которые должны были возвращаться въ пользу владѣльца, а въ отношеніи взвѣшиванья громоздкихъ товаровъ прибѣгъ къ нѣкоторому обходу трактатовъ. Онъ не возбранялъ Нѣмцамъ продавать въ Новгородѣ свои товары обычными единицами, т. е. безъ взвѣшиванья, лицамъ, которыя бы пожелали купить у нихъ послѣдніе. Но въ то же время онъ обязалъ какъ Новгородцевъ, такъ и своихъ ближайшихъ подданныхъ, торговать этими товарами не иначе, какъ на вѣсъ, и съ платежомъ установленной пошлины. Благодаря этой мѣрѣ, Русскіе купцы если, быть можетъ, и не прямо несли обязанность покупать товары у Нѣмцевъ не иначе, какъ на вѣсъ, то во всякомъ случаѣ, побуждались къ взвѣшиванью ихъ своими собственными интересами [2]).

вати въ Новѣгородѣ, а ни по пригородамъ". Гильдебрандъ, Отчеты о розысканіяхъ, № 345.

[1]) Bunge, U. B., IV, 831, 1412 г.: „so legget uns de Russen alle tiit vor also van deme kroge, den hir des hoves knecht helt, also van vordrete dat dar van komen mochte van dessen Russen, de hir up den hof gaen drinken, und dem kopmanne nutte dunket, dat men den kroch af legge". Ср. Гильдебрандъ, Отчеты о розысканіяхъ, № 573, 1532 г.

[2]) А. З. Р., I, 96, 1481 г.: „А на Ругодивѣ Ругодивьскимъ вѣсцомъ воску не колупати; а хто съ нимъ сторгуетъ, ино тому уколупити мало"... Ср. Гильдебрандъ, Отч., № 372. Hanser., III Abt., II, 302—3, 1489 г.: „Unse werve hedde he (в. князь) wol vorstan, also dat he up Dusschen kopman nen wichte offte nenen tollen gesat hevet und ok nicht setten en wil; de Dusschen kopman muchte syn gut vorkoppen, alle de dat kopen wolden, dat were den Dusschen kopman nicht vorboden; *sunder he hedde sodan tollen und wichte gesat up de Nowerdes und op de synen,* wente de em dar grote klacht van vorgebrocht hebben, wo dat in er tyden en last semes

Говоря объ отношеніяхъ Ивана III къ Ганзейскому союзу, Нѣмецкіе историки высказываютъ мнѣніе, что якобы онъ уже съ самаго начала предполагалъ уничтожить торговлю съ Ганзою, считая ее однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ поддержанія въ Новгородцахъ духа непокорства, и только медлилъ вслѣдствіе нерѣшительности своего характера. Намъ кажется, однако, такое мнѣніе совершенно несправедливымъ. Положимъ, что въ договорѣ 1493 года съ Датскимъ королемъ онъ обѣщался, какъ увѣряютъ иноземные историки, послѣднему закрыть Новгородскую контору. Но, вопервыхъ, если это справедливо, то во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ больше о стремленіяхъ Датскаго короля, чѣмъ Ивана III; а вовторыхъ, предполагаемое обѣщаніе относится уже къ тому времени, когда образъ дѣйствія Нѣмцевъ побудилъ великаго князя Московскаго думать уже объ отплатѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, недовольные рѣшительными дѣйствіями великаго князя въ территоріальныхъ вопросахъ, Нѣмцы стали пользоваться всякими мелкими случаями, чтобы хотя этимъ насолить Московскому князю. Какъ мы имѣли уже случай замѣтить, условіе о блюденіи Русскаго конца, его церквей и селъ тѣхъ церквей постоянно заносилось въ договоры великаго князя съ Юрьевскимъ епископомъ. Но въ дѣйствительности, на практикѣ, очищеніе конца и церквей нимало не подвигалось впередъ, и есть извѣтіе, что вопросъ о русскихъ церквахъ въ Юрьевѣ игралъ значительную роль въ вопросѣ о закрытіи Ганзейской конторы въ Великомъ Новгородѣ [2]). Точно также договоры послѣдняго времени стремились поставить разборъ важныхъ тяжбъ подъ непосредственный контроль обѣихъ сторонъ. Но что же мы видимъ? Вопреки ясно выраженному стремленію великаго князя къ международному улаженію дѣлъ, въ концѣ XV столѣтія въ Остзейскомъ краѣ обвинены были двое Русскихъ въ незаконныхъ поступкахъ: одинъ — Василій Саранъ—въ распространеніи фальшивой монеты, а другой — въ противоестественномъ содомскомъ грѣхѣ, и тотчасъ же, безъ даль-

---

plach to 120 lispunt und ok en last soltes 120 lispunt und nu nicht mer en wech dan 80 offte 90 lispunt"... Тамъ же, III Abt., II, 303, 1489 г. „Aldus under velen worden so wert en (у намѣстника Новг.) gefraget, offte dat de synen sunder broke don muchten; da(r)he uns tho antworde, dat waste he; und dar de Dusschen koppman tho antworde, so wer genach vorboden".

[1]) Gadebusch, I, 2, p. 246, и Dalin, I, cap. 19, § 12, p. 631; Geschichte des Reiches Schweden, aus dem Schwedischen übersetzt, 1756 –1763 гг.

[2]) Гильдебрандъ, Отчеты, №№ 366 и 416.

нихъ справокъ, первый былъ, по Любскому праву, сваренъ живьемъ, а второй—въ отвращеніе гнѣва Божія—сожженъ. Къ тому же, когда послы великаго князя, возвращавшіеся съ Запада, стали требовать по этому дѣлу удовлетворенія, состоявшаго, по Нѣмецкимъ извѣстіямъ, въ выдачѣ судей, то они подверглись оскорбленію и разнаго рода вымогательствамъ. Нѣмцы отправили даже съ своей стороны посольство въ Москву, которое должно было жаловаться великому князю на взятки его намѣстниковъ и на разныя затрудненія въ торговлѣ солью, воскомъ и т. п. Прежде, въ былое время, въ періодъ господства Новгорода и Пскова, Нѣмцамъ все это сошло бы съ рукъ легко. Но теперь обстоятельства были другія, и великій князь не считалъ возможнымъ сносить оскорбленія. Такъ какъ, однако, средства его были не настолько сильны, чтобы направить ударъ туда, куда слѣдовало, т. е. на Остзейскій край, то гроза разразилась надъ невиновнымъ непосредственно Ганзейскимъ купечествомъ. Всѣ иноземные купцы, пребывавшіе въ Новгородѣ, въ числѣ 49 человѣкъ, были подвергнуты аресту, а вмѣстѣ съ ними были арестованы и нѣкоторые члены посольства. Товаръ, принадлежавшій купцамъ и составлявшій до 96.000 марокъ, былъ конфискованъ; равно какъ было задержано имущество церкви и принадлежности двора, а самый дворъ закрытъ [1]). Событіе это сильно поразило Ганзейцевъ. Начались ходатайства за купцовъ со стороны Ливонскаго магистра, Литовскаго великаго князя, Нѣмецкихъ городовъ. Они не пропали даромъ. Сначала купцы были переведены изъ заключенія въ Нѣмецкій дворъ и имъ предоставлено было право пользоваться частью ихъ имущества для своего содержанія. Затѣмъ были освобождены учителя языка и, наконецъ, въ апрѣлѣ 1496 или 1497 годовъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 164, 1495 г.: „Посылалъ князь великій... и велѣлъ поимати въ Новгородѣ гостей Нѣмецкыхъ, Колыванцовъ, да и товаръ ихъ переписавъ привезти на Москву, за ихъ неисправленіе про то, что они на Колывани в. князя гостемъ Новогородцемъ многія обиды чиниша и поруганіе самоволнѣ, а иныхъ людей в. князя живыхъ въ котлѣхъ вариша, безъ обсылки великаго князя и безъ обыску; такоже и посломъ в. князя отъ нихъ руганье бысть, которые послы ходили въ Римъ, и въ Фрязскую землю, и въ Нѣмецкую, да и старымъ гостемъ в. князя Новогородцемъ отъ нихъ много неисправленій бысть и обида, и разбои на морѣ: и за то князь великій... опалу свою на нихъ положилъ, и гостей ихъ велѣлъ въ тюрмы посажати, и товаръ ихъ споровадити къ Москвѣ, и дворы ихъ гостиные въ Новѣгородѣ старыи и божницу велѣлъ отняти“.

всѣмъ купцамъ, за исключеніемъ четырехъ, дана была полная свобода. Что же касается до послѣднихъ, то они вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ были препровождены въ 1498 году въ Москву [1]).

Всего лучше несправедливость обвиненія Ивана III въ намѣреніи уничтожить Ганзейскую торговлю видна изъ того, что закрытіе конторы въ 1414 году отнюдь не было равнозначительно съ прекращеніемъ торговли. Разсматриваемая сама по себѣ катастрофа 1494 года не представляетъ ничего необыкновеннаго. Закрытіе двора и арестъ купечества случались неоднократно и раньше какъ съ Русской, такъ и съ Нѣмецкой стороны. Источники заключаютъ въ себѣ даже указанія, что и послѣ 1494 года Нѣмцы пользовались этимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Такъ, въ 1501 году Нѣмцы арестовали въ Дерптѣ Новгородскихъ и Псковскихъ купцовъ, больше 200 человѣкъ, разграбили ихъ имущество, а самихъ разослали по городамъ въ заключеніе [2]). Какъ на обыкновенную, на эту катастрофу смотрѣли и сами Нѣмцы, и какъ только дѣло уладилось, тотчасъ же начали хлопотать о возобновленіи торговыхъ сношеній. Первоначально, однако, хлопоты ихъ не привели ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ война, начавшаяся у Россіи съ Ливонскимъ орденомъ, отнимала всякую надежду на успѣхъ. Но какъ только военный шумъ умолкъ, то и для торговли наступили благопріятныя обстоятельства. Союзъ Россіи съ императоромъ Максимиліаномъ противъ Польши повелъ къ сближенію и съ Ганзейскими городами. Въ 1514 году заключенъ былъ съ Ганзейскимъ союзомъ договоръ на десять лѣтъ, въ силу котораго торговыя сношенія не только устанавливались вновь, но и на лучшихъ основаніяхъ. Договоръ возвратилъ Нѣмцамъ право на обладаніе дворищемъ, церковью въ Новгородѣ, равно какъ и на постройку гостинныхъ дворовъ. Но одинаково и Русскимъ должны быть очищены и возвращены концы и церкви въ Нѣмецкихъ городахъ [3]). Договоръ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 164—5, 1495 г.; Baltische Monatschrift, B. 20, 128, 1494 г. и далѣе.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 46, 1501 г.: „Нѣмцы въ Юрьевѣ поимаша гостей князя великаго Новогородцкыхъ и Пьсковскыхъ, болши двою сотъ человѣкъ, и товаръ ихъ пограбиша и послаша ихъ по городамъ въ заточенье“. Ср. VI, 47, 1502 г.: „послалъ князь великій воеводъ своихъ... со многими людми Нѣмецкія земли воевати Ливаньскія, за ихъ неправду, что они воевали вотчину его Пьсковъ да и гостей его поимаша въ Юрьевѣ“.

[3]) Рус. Лив. Акты, 294, 295, 1514 г.

подтверждалъ свободу торговли всѣми товарами, но съ нѣкоторыми важными измѣненіями, устранявшими старые поводы къ столкновеніямъ. Продавать громоздкіе товары можно было теперь одинаково какъ на вѣсъ, такъ и на обычныя единицы, смотря по желанію заинтересованныхъ сторонъ. Вѣсовыя пошлины, поэтому, взимать положено только въ первомъ случаѣ. Противъ обмана въ торговлѣ принята была рѣшительная мѣра. Если проданный Русскимъ Нѣмцу воскъ оказывался дурнаго качества, то онъ обязанъ былъ его обмѣнить. Подобная же обязанность возложена была и на Нѣмцевъ, коль скоро они въ обмѣнъ за товары давали дурное серебро [1]). Наконецъ, точнѣе было опредѣлено гражданское положеніе купечества и установленъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, благопріятный для обѣихъ сторонъ способъ разбора дѣлъ. Но торговля, однако, не получила прежняго процвѣтанія, и самая контора въ Новгородѣ, кажется, формально не была открыта [2]). Содержаніе особенной конторы не находилось теперь въ соотвѣтствіи съ выгодами, когда возникла свободная конкурренція, когда ослабѣли связи, соединявшія членовъ союза [3]). Перенесенная неудача заставила Ганзу во второй половинѣ XVI вѣка обратить свое вниманіе на только что завоеванную Нарву и хлопотать объ учрежданіи тамъ складочнаго мѣста. Но и здѣсь ожиданія оказались обманчивыми, ибо Швеція, подъ покровительство которой отдался Ревель, стала затруднять въ интересахъ этого города плаваніе по Финскому заливу, хватая каперами суда, направлявшіяся къ востоку. Каперство не прекратилось и съ примиреніемъ съ Швеціею, а тамъ вскорѣ и самая Нарва была завоевана въ 1581 году Делагарди. Въ такихъ обстоятельствахъ Ганза опять воротилась къ мысли о возста-

[1]) Рус. Лив. Акты, 295, 1514 г.: „Unde kofte en Dutsche van den Nougarder Was: ist Was nicht rein, unde de Nougarder tsal det Was eme buten. Und begieth die Nougarder in Dutshen steden tho kopende ofte vorkopende bie der Baste, so is van en kein Wegegelt; begieth ock wath copen ofte vorkoppen thor Wichte, zo sal men van ein Wegegelt nemen. Dergelicken die Dutsche Koplude... sallen... kopslagen... meth allerlei Ware, nichtes utbescheiden, u. meth Salte dergeiliken, unde meth Sulver, unde Thin, unde meth Copper, u: Blie unde Suevell... Unde gifft in Dutsche vor geinerlei Ware sulver, u. ist nicht reine: unde de Dutsche sal dat sulver umebeuten".

[2]) Гильдебрандъ, Отчеты, 73, № 515, 1518 г.; 74, № 527, 1521 г.; 82, № 606, 1539 г.

[3]) Тамъ же, 79, № 573, 1532 г.; 79, № 577, 1533 г.; 81, № 596, 1537 г.

новленіи Новгородскаго и Псковскаго дворовъ, и, удовлетворяя ихъ желаніямъ, царь Өедоръ Ивановичъ далъ имъ право на свободную торговлю въ Россіи. Но и эта попытка не привела ни къ какимъ результатамъ, отчасти потому, что державы, вытѣснившія Россію съ береговъ Финскаго залива, Швеція и Польша, налагали на торговцевъ слишкомъ большія проѣзжія пошлины. Послѣдняя попытка, сдѣланная Ганзой къ оживленію своихъ связей съ Россіей, относится къ правленію Бориса Годунова. Благодаря сближенію съ Нидерландами, Ганза отправила въ 1603 году посольство въ Россію и получила признаніе всѣхъ своихъ старыхъ правъ, хотя и для одного города Любка. Но начавшіяся вскорѣ послѣ того смуты не дали возможности Ганзѣ воспользоваться и этимъ послѣднимъ признаніемъ. Представленныя нами данныя показываютъ ясно, что катастрофа 1494 года не имѣла никакого вліянія на упадокъ Новгородской торговли, что причины этого упадка нужно искать совершенно въ иной области. Онѣ, дѣйствительно, заключались прежде всего въ эгоистической торговой политикѣ Нѣмецкихъ городовъ. Эта эгоистическая политика отталкивала отъ союза самые Нѣмецкіе города и была причиною того, что уже въ первой половинѣ XV столѣтія ганзейская торговля представляла не болѣе, какъ только тѣнь своего прежняго величія. Новгородская катастрофа только увеличила элементы раздора и дала недовольнымъ союзомъ городамъ случай завести самостоятельныя сношенія съ Россіей. Этимъ случаемъ прежде всего воспользовались Лифляндскіе города и еще въ 1509 году, слѣдовательно, — до возобновленія сношеній Ганзы съ Россіей,—заключили торговые договоры съ Новгородомъ и Псковомъ. Въ отношеніи торговли эти договоры подтверждали только старыя привилегіи; но въ отношеніи къ разбору смѣстныхъ дѣлъ представляла нѣкоторыя новыя данныя. Благодаря новымъ договорамъ международный способъ рѣшенія дѣлъ получилъ дальнѣйшее развитіе. Теперь всѣ имущественныя тяжбы были подраздѣлены на два рода, изъ которыхъ одинъ обнималъ собою дѣла на сумму ниже десяти Новгородскихъ рублей, а другой—выше. Въ первомъ случаѣ дѣла разбирались попрежнему судомъ той стороны, гдѣ открывалась тяжба; въ второмъ же, когда дѣло по цѣнности превышало десять рублей, былъ принятъ практиковавшійся и раньше международный порядокъ. Сообразно съ этимъ порядкомъ отвѣтчикъ долженъ былъ ставить поруку, а за неимѣніемъ послѣдней подвергаться заключенію на то время, пока могъ составиться общій судъ. Для образованія послѣдняго сторона, возбуждавшая дѣло, сносилась съ правительствомъ противной стороны, сообща назначали мѣсто и срокъ суда, посылали туда съ

обѣихъ сторонъ судей и тяжущихся [1]). Противоположно гражданской области, въ уголовной сферѣ былъ введенъ во всѣ дѣла одинъ и тотъ же порядокъ. Коль скоро именно извѣстный проступокъ грозилъ подсудимому какимъ либо наказаніемъ, то ни Новгородцы, ни Нѣмцы, не имѣли права подвергать его этому наказанію односторонне, и должны были ссылаться съ другою стороною и затѣмъ уже разбирать дѣло на съѣздѣ указаннымъ выше порядкамъ. При этомъ было постановлено, что коль скоро дѣло рѣшалось на судѣ присягой, то послѣднюю приносить долженъ былъ не кто другой, какъ отвѣтчикъ [2]). Въ общемъ договорѣ 1514 года о возстановленіи Ганзейской торговли этотъ порядокъ подвергся нѣкоторому измѣненію. По прежнему, въ уголовныхъ дѣлахъ правительства заинтересованныхъ сторонъ должны были ссылаться между собою, но ссылка имѣла цѣлію уже не образованіе смѣстнаго или международнаго суда, а доставленіе на судъ страны, гдѣ началось дѣло, добрыхъ людей, въ числѣ двухъ или трехъ человѣкъ. Только въ присутствіи этихъ послѣднихъ мѣстный судъ приступалъ къ разбору дѣла на основаніи права и крестоцѣлованія [3]).

---

[1]) Рус. Лив. Акты, 262, 1509 г.: „Ock biegenet einen Deudschen ienige sake in Nowgarden lande... dar sal mhan ene vort recht geuen nha Krusing nicht in hoher sake dan stucke suluers. Dreppet sick de sake hoher dan X stucke sul, so sal men Deudschen mith dem Nowgarder tho Nowgarden nicht richten, Man den Antwurders Man dem Deudschen sal mhan vurborgen, kan he keinen borgen krigen so sall mhan enne in de venckenusse holden beth thor tidt dath sick de Statholder van Nowg. mit dem furst M. bosendet unnd eine tidt bostemmett den beiden klegeren von beiden parten up dem gesetten dage thor stedhe sin up dem semptlichen holme in der Nerue becke"... и т. д.

[2]) Рус. Лив. Акты, 259, 1509 г.: „Kumpt ein Nowgarder in fenckenusse in des deudschen Fursten Meisters... steden so sol mhan den Nowgarder des glicken... nicht vurordelen: Die Fursten Meister unnd Bischop sollen sick bosenden mith den Statholderen tho Nowgardenn und bostemmen eine tidt dath mhan den Nowgarder up de bostemdhe tidt stellen vur die Richtere... wirt der Nowgarder den Deudschen unnd... uth dem rechte vurordeltt tho sweren, so soll die Antwardes Mhan der Deudschen dat krutze kussen".

[3]) Рус. Ливон. Акты, 296, 1514 г.: „Unde kumpt de Nougarder thor Straffingen in den seventich Steden: so sol men ed nicht straffen, men sol besenden darume meth des groten Herren Statholderen tho groten Neugarde. Unde des groten Herren Statholdere sollen senden tho Rige, u. tho Dortphe, unde tho Rewell Lude twe ofte drie, die gut sinth; zo soler wir vor den

Какъ кажется, однако, въ сношеніяхъ съ Лифляндцами Русскіе считали обязательными условія договора 1509 года. По крайней мѣрѣ въ 1538 году воевода Ивангородскій оспаривалъ у Ревеля право судить Русскихъ поддѣлывателей монеты, утверждая, что это право принадлежитъ съѣзду, созванному на границѣ [1]). Но какъ только Прибалтійскіе города отдѣлились отъ Ганзейскаго союза, то отношенія между ними тотчасъ же сдѣлались враждебными. Ганзейскіе города издали въ 1521 году постановленіе, которое запрещало Прибалтійскимъ городамъ свободное плаваніе чрезъ Зундъ. Въ отместку за это Лифляндскіе города распространили и на Ганзу правило, по которому купецъ не могъ торговать съ купцомъ. Ганза пыталась было выпутаться изъ этого затрудненія переговорами, но всѣ старанія остались тщетными: Ганзейскіе купцы не возвратили себѣ въ Лифляндіи права свободной торговли. Это былъ первый существенный ударъ Ганзейскому союзу, а вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ средствъ къ поднятію Лифляндской торговли. Послѣдняя развивалась въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ тѣмъ свободнѣе, что условія договора 1509 года устранили многія изъ причинъ къ неудовольствіямъ [2]).

Какъ, однако, ни было существенно разъединеніе интересовъ между Ганзейскими и Лифляндскими городами въ отношеніи упадка ганзейской торговли, всетаки это разъединеніе было только одною изъ причинъ и при томъ не главною. Главной причины упадка Ганзейской торговли, несомнѣнно послѣдовавшей въ XVI столѣтіи, нужно искать въ поворотѣ, которымъ характеризуется наступленіе новой исторіи. Извѣстно, что сбытъ восточныхъ товаровъ чрезъ Россію въ Европу, имѣвшій мѣсто во времена сѣдой древности, былъ, если не уничтоженъ, то сокращенъ поднятіемъ Итальянскихъ городовъ, такъ какъ эти послѣдніе, обладая большими капиталами и собственными факторіями на Востокѣ, имѣли возможность подвозить восточныя сокровища въ Европу болѣе удобнымъ и дешевымъ путемъ. Подобнымъ образомъ и Ганзейская торговля пала отъ самыхъ общихъ причинъ, отъ открытія Новаго свѣта и проложенія новаго морскаго пути. Благодаря этому событію послѣдовала перемѣна во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего Балтійское море мало по малу утратило свое значеніе и уступило его берегамъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ. Затѣмъ, новая міро-

---

Lude dem Nougarden dar ock recht don, na dissen Biefrede Breve unde na der Kruskussinge“. См. и далѣе, тамъ же.

[1]) Гильдебрандъ, Отчеты, стр. 82, № 601, 1538 г.

[2]) Sartorius, Geschicte des hanseatischen Bundes, III, 199, 1540 г.

вая торговля вызвала къ жизни и новыя силы Нидерландовъ и Англіи, которыя, поднявъ знамя національнаго развитія, стали стремиться къ освобожденію отъ оковъ чужеземной зависимости. Въ этихъ видахъ оба государства отвергли всякое посредничество Нѣмецкихъ городовъ и, въ сознаніи собственныхъ силъ, открыли побѣдоносную борьбу за свободный доступъ въ Сѣверныя воды. Успѣхъ вскорѣ увѣнчалъ ихъ усилія, такъ какъ самыя внѣшнія обстоятельства были для нихъ крайне благопріятны. Переходъ финскихъ береговъ во власть Швеціи и Польши, случившійся въ XVI столѣтіи, наложилъ на Ганзейскихъ купцовъ большія проѣзжія пошлины и этимъ путемъ сдѣлалъ совершенно невозможнымъ соперничество съ Голландцами и Англичанами, которые, благодаря Ченслеру, имѣли не только свободный доступъ въ Россію чрезъ Бѣлое море, но и богатыя привиллегіи, дарованныя Грознымъ [1]). Пользуясь такими преимуществами, они безъ труда захватили въ свои руки большую часть иноземной торговли Россіи и мало-по-малу доставили полное преобладаніе Архангельску надъ Великимъ Новгородомъ и Псковомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Широкое развитіе, котораго достигла Новгородская торговля въ періодъ процвѣтанія Новгорода, не осталось безъ важныхъ слѣдствій для теченія народной жизни. Она не только содѣйствовала улучшенію мѣстныхъ условій существованія Великаго Новгорода, но и не чужда заслугъ по улучшенію быта Европейскаго общества вообще. Благодаря неблагопріятному характеру климата и почвы, въ древнѣйшее время Новгородской жизни голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями былъ нерѣдкимъ явленіемъ въ Новгородской землѣ. Жалобы на голодъ въ это время у лѣтописца являются чуть ли не постояннымъ припѣвомъ. То и дѣло мы встрѣчаемъ у него выраженія въ родѣ: „лютѣ бяше", или: „о велика скърбь бяше въ людьхъ и нужа", или же: „зло бысть вельми" [2]). Торговля исправила до нѣкоторой степени это экономическое зло Великаго Новгорода, сдѣлала для него менѣе чувствительнымъ недостатокъ собственнаго хлѣба и сократила для Новгородцевъ въ значительномъ размѣрѣ число голодныхъ годовъ. Со

[1]) Гильдебрандъ, Отчеты, стр. 87—88, №№ 658, 659, 1556 г.
[2]) П. С. Р. Л., III, 5, 1128 г.; 13, 1161 г.; 33, 1215 г.

времени полнаго развитія Новгородской торговли, источники представляютъ намъ всего одинъ примѣръ голоднаго времени: это—1446 и слѣдующіе за нимъ года [1]). Обыкновенно же теперь дѣло ограничивалось одной дороговизной, простымъ болѣе или менѣе значительнымъ поднятіемъ цѣнъ на хлѣбъ, не сопровождавшимся ни однимъ изъ гибельныхъ слѣдствій, свойственныхъ голоду. Дороговизна въ этой формѣ имѣла мѣсто въ 1273, 1282, 1303, 1314 и т. д. годахъ [2]). Но, содѣйствуя улучшенію условій существованія Великаго Новгорода, торговля не осталась безъ вліянія и на общую экономическую жизнь Европы. Если Ганзейцы служили посредниками при передачѣ на Русскій востокъ продуктовъ разныхъ краевъ Европы, то и Новгородцы въ свою очередь, не оставались въ долгу. Если оставить даже въ сторонѣ ихъ попытки къ самостоятельному плаванію на Западъ Европы, то во всякомъ случаѣ Новгородцамъ принадлежитъ честь передачи ихъ во всѣ края обширной восточной Руси. Но независимо отъ этой второстепенной стороны, мы найдемъ въ ихъ торговой дѣятельности много чертъ, заслуживающихъ признательности. Главнымъ образомъ ихъ предпріимчивости обязано то обстоятельство, что въ международное обращеніе введены были не только продукты собственно Русской земли, но и произведенія самыхъ отдаленныхъ окраинъ настоящей Россіи и даже, хотя быть можетъ и въ не очень большомъ количествѣ, продукты восточныхъ азіатскихъ странъ. При этомъ мѣховыя сокровища Двинской земли, Печоры и Югры поступали въ торговое западное обращеніе непосредственно чрезъ руки однихъ Новгородцевъ. Что же касается до произведеній восточной Россіи, Болгаріи и азіатскихъ странъ, то здѣсь пособниками ихъ служили частію торговцы восточной Руси, частію же азіатскіе купцы.

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 124, 1446 г.: „А въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть, не токмо сего единого году, но всю десять лѣтъ, по двѣ коробью на полтину, иногды болѣ, иногды менши, иногды негдѣ купить; и бысть скорбь и туга крестьянамъ велми, толко слышати плачь и рыданіе по улицамъ и по торгу, и мнози отъ глада падающе умираху, дѣти предъ родители своими, и отци и матери предъ дѣтми своими, и мнози разидошася".

[2]) П. С. Р. Л., III, 63: „въ Новѣгородѣ хлѣбъ бысть дорогъ". Тамъ же, 64: „въ Новѣгородѣ хлѣбъ бяше дорогъ". Тамъ же, 68: „не бысть снѣга черезъ всю зиму и не добыша люди хлѣба, и бысть *дороговь велика*, туга велика и печаль людемъ". Тамъ же, 71: „хлѣбъ бяше дорогъ въ Новѣгородѣ".

Не менѣе важныя слѣдствія имѣла торговля и въ политической области. Она дѣлала изолированное положеніе Великаго Новгорода немыслимымъ, связывала его тѣсными узами съ остальной Русью и, такимъ образомъ, могущественно содѣйствовала объединенію древней Руси въ одно цѣлое. Поддерживаемая торговлей связь была двоякаго рода. Прежде всего, недостатокъ собственнаго хлѣба побуждалъ Новгородцевъ сохранять неприкосновенною связь свою съ остальной Русью, такъ какъ въ противномъ случаѣ они легко могли подвергнуться голоду. Эта связь налагалась на нихъ неизбѣжно и неотразимо. Правда, кромѣ древней Руси Новгородцы могли еще получать хлѣбъ отъ Нѣмцевъ. Но это уже было извращеніе естественнаго порядка, стоившее Новгородцамъ недешево. Доставка хлѣба отъ Нѣмцевъ, понятнымъ образомъ, стóила дóрого и могла быть желательной только во время крайней дороговизны хлѣба или голода. А затѣмъ, доставленіе хлѣба Нѣмцы обставляли такими условіями, которыя для Новгородцевъ могли казаться тяжелѣе условій, предлагаемыхъ Русскими князьями. Пользуясь затрудненіями Новгородцевъ при недостаткѣ хлѣба, Нѣмцы обусловливали свою помощь не только снисканіемъ для себя выгодныхъ торговыхъ льготъ, но даже и прямыхъ политическихъ уступокъ. Но, если необходимо было уступать, то лучше было уступать Русскимъ князьямъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ матеріальныя выгоды были на сторонѣ Новгородцевъ. Въ случаѣ возникавшихъ между Новгородцами и князьями остальной Руси, являвшимися обыкновенно изъ Кіева или Суздаля, разногласій въ политическихъ интересахъ, первымъ приходилось принимать въ разсчетъ возможность задержанія Новгородскихъ купцовъ и прекращенія хлѣбнаго подвоза, и сообразно съ этимъ быть болѣе уступчивыми въ своихъ требованіяхъ [1]). Затѣмъ, если бы даже у Новгородцевъ не было недостатка въ хлѣбѣ, если бы запросъ на послѣдній не превосходилъ у нихъ предложенія, то и тогда зависимость ихъ отъ остальной Руси нисколько не уменьшалась. Юго-востокъ Россіи имѣлъ значеніе для Новгородцевъ не только въ отношеніи ихъ домашнихъ потребностей, но чуть ли еще не болѣе въ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 9, 1142 г.: „Епископъ, и купьцѣ, и слы Новгородьскыя не пущаху изъ Руси, и они не хотяху иного князя, развѣ Святопълка"... Лѣт. по Лавр. сп., 293, 1141 г.: „Новгородци же не стерпяше безо князя сѣдѣти, ни жито къ нимъ не идяше ни откуду же"... П. С. Р. Л., III, 70, 1312 г.: „заратися князь Михаило къ Новугороду, и намѣстникы своя выведе, не пустя обилья въ Новъгородъ"...

отношеніи ихъ иноземной торговли. Всякое разногласіе ихъ съ Русскими князьями вело не только къ пріостановкѣ подвоза хлѣба, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ пріостановкѣ тѣхъ статей, которыя шли съ юга и востока для удовлетворенія запроса со стороны иноземцевъ. А это было равнозначительно почти что съ прекращеніемъ всякихъ иноземныхъ торговыхъ сношеній, такъ какъ иноземная торговля Новгорода имѣла засвидѣтельствованный посредническій характеръ. Только въ нѣкоторой части она состояла въ сбытѣ своихъ домашнихъ произведеній. Въ бо́льшей же долѣ она представляла не что иное, какъ мѣну однихъ чужихъ товаровъ (Западно-европейскихъ) на другіе, тоже чужіе, а именно на продукты другихъ Русскихъ княженій. А въ такомъ случаѣ, когда становилось невозможнымъ полученіе однихъ изъ нихъ, древне-русскихъ, то неизбѣжно долженъ былъ остановиться подвозъ и другихъ. Такимъ образомъ, торговля получала если не рѣшительный ударъ, то во всякомъ случаѣ значительное сокращеніе. Тяжелыя слѣдствія этой зависимости Новгородцамъ приходилось испытывать уже въ періодъ ихъ древнѣйшей торговли; только, къ счастію ихъ, эти слѣдствія были парализованы отчасти господствовавшимъ въ древней Руси разъединеніемъ и вытекавшей отсюда возможностью выбора между тѣми или другими княжествами. Подобно тому, какъ въ политической области разъединеніе давало возможность выбирать между князьями, такъ точно, таже причина обусловливала возможность выбора и въ экономической области. Когда именно богатства юга, Кіева, были для Новгорода недоступными, то это не лишало еще возможности добыть желаемое изъ Суздаля или другихъ восточныхъ земель. Положеніе измѣняется къ худшему съ паденіемъ значенія Кіева и вообще южной Россіи. Тогда не только сфера выбора была значительно ограничена, но и дѣло приходилось имѣть съ князьями, отличавшимися настойчивымъ характеромъ. Въ это время ни одно столкновеніе между Новгородомъ и великими князьями не проходило безъ того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдовало и закрытіе воротъ, которыми шли съ юго-востока обозы въ Новгородъ.

Налагая на Новгородцевъ категорическое требованіе пребыванія въ ненарушимой связи съ остальной Русью, торговля опредѣлила вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія ихъ къ разнымъ краямъ древней Руси, указала на ту страну, которой имъ было необходимо держаться болѣе всего. Развитіе торговой дѣятельности присоединило именно къ политическому моменту Новгородской жизни моментъ экономическій и такимъ образомъ содѣйствовало распаденію Новгородскаго общества на двѣ партіи, на западно и восточно-русскую. Западно - русская партія

была партіей чисто-политической. Приверженцы ея больше всего цѣнили мѣстную самобытность Великаго Новгорода и потому держались южно-русскихъ князей, какъ менѣе опасныхъ. Южно-русскіе князья прежде всего не состояли съ Новгородомъ въ непосредственной, территоріальной связи, а потому, естественно, всего менѣе могли оказывать на него какое-либо давленіе. А затѣмъ и по личному характеру они не являлись угрозой для Великаго Новгорода. Это были удалые дружинники, мало знакомые съ государственными понятіями. Противоположно западно-русской, восточно-русская партія была, по преимуществу, партіей экономической, на первомъ планѣ она ставила интересы не политики, а торговли, а потому тянула, естественно, туда, гдѣ эти интересы осуществлялись полнѣе. А такой страной могла быть только восточная Русь. Въ восточной Руси Новгородцы могли разсчитывать на вѣрный сбытъ привозимыхъ съ Запада иноземныхъ товаровъ, тогда какъ въ западной Руси они встрѣчали по этой части многихъ опасныхъ конкурентовъ. Но главное, восточная Русь не только снабжала Новгордцевъ болѣе дешевымъ хлѣбомъ для домашнихъ надобностей, но и значительной долей продуктовъ, шедшихъ за границу. Съ Низу, равно какъ и изъ Камской Булгаріи шелъ въ Новгородъ воскъ, одна изъ главнѣйшихъ статей Новгородскаго заграничнаго отпуска. Съ Низу же посредственно шли въ Новгородъ и нѣкоторыя изъ азіатскихъ статей торговли. Обѣ эти партіи находились въ постоянной между собою борьбѣ, исходъ которой, впрочемъ, легко было предвидѣть. Уже въ XII столѣтіи бывали случаи, что послѣ побѣдоносной борьбы противъ восточныхъ князей Новгородъ вдругъ, какъ бы по волшебному мановенію, обращался въ Суздаль за намѣстникомъ: — явный знакъ, что восторжествовала торговая партія, опираясь на открывшійся недостатокъ въ хлѣбѣ. Но въ XIII столѣтіи, съ переходомъ великаго княженія на сѣверо-востокъ, во Владиміръ, торговая партія должна была неизбѣжно стать на челѣ Новгородской жизни, и обращеніе къ стороннимъ западнымъ князьямъ должно было сдѣлаться все рѣже и рѣже. Владимірскіе князья въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя лучше, отвѣчали экономическимъ интересамъ Великаго Новгорода: они не только открывали для Новгородцевъ богатства собственнаго края, но и, располагая могущественными средствами, могли влiять въ пользу торговыхъ интересовъ Новгорода и на другихъ князей. Такъ, они могли выговаривать у сѣверныхъ князей, чрезъ владѣнія которыхъ шла Новгородския торговая дорога, свободный путь для купцовъ и оставленіе старыхъ мытовъ и пошлинъ [1]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 48, 1368 г.: „А гостемъ и торговцемъ Нова-

Наконецъ, не должно опускать изъ виду, что Новгородская торговля оставила не неважные слѣды и въ культурной области. Нѣмецкіе писатели нерѣдко поддаются увлеченію и въ пылу его много говорять о культурномъ вліяніи Нѣмцевъ на Русскихъ. Напротивъ, Русскіе писатели (г. Бережковъ) склонны отрицать всякое культурное взаимодѣйствіе торговыхъ сторонъ. Намъ кажется, однако, что оба мнѣнія несправедливы. Нѣмецкіе возгласы о культурной роли Нѣмцевъ явно голословны и потому не требуютъ опроверженія. Что же касается г. Бережкова, то и онъ не совсѣмъ свободенъ отъ упрека въ голословности. Оставляя въ сторонѣ его разсужденія о значеніи цивилизаціи вообще, какъ не относящіяся прямо къ дѣлу, займемся только тѣми его замѣчаніями, которыя непосредственно касаются интересующаго насъ вопроса. Г. Бережкову кажется невѣроятною самая возможность цивилизующаго вліянія Ганзейской торговли, такъ какъ онъ сомнѣвается, дѣйствительно ли средневѣковая Европейская жизнь была выше Новгородской. Намъ кажется, однако, сомнѣніе это не совсѣмъ основательно. Сопоставленіе торговыхъ статей Великаго Новгорода и Ганзы показываетъ ясно, что между тѣмъ какъ Россія сбывала за границу преимущественно предметы первоначальной производительности, въ то время Ганза платила ей за то продуктами обработывающей промышленности, сдѣланными нерѣдко изъ русскаго матеріала. Не подлежитъ поэтому спору, что въ экономическомъ отношеніи Западная Европа имѣла значительное превосходство надъ древне-русскою жизнью. Г. Бережковъ сомнѣвается далѣе, чтобы Новгородцы, нося нѣмецкое платье и услаждаясь нѣмецкимъ виномъ, становились культурными европейцами. Но нельзя также не согласиться, что чрезъ усвоеніе продуктовъ европейской промышленности они становились культурнѣе, такъ какъ это усвоеніе вело къ внѣшнему облагороженію частной жизни, пищи, одежды и утвари. Съ другой же стороны не нужно упускать изъ виду, что это только одна половина дѣла, а была еще другая, болѣе важная. Г. Бережковъ не безъ основанія говоритъ, что исторія торговли не есть еще исторія культуры, но несомнѣнно часть ея, и потому всѣ усовершенствовавшія въ торговомъ быту должны считаться чистыми пріобрѣтеніями въ области культуры. А здѣсь мы встрѣчаемся съ принятіемъ отъ иноземцевъ ихъ орудій вѣса, даже самой системы вѣса

города Великого и Торжку и съ пригородей дати ти (Михаилу Тверскому) путь чистъ безъ рубежа сквозѣ Тверь и Тверьскии волости (въ Московскія), а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти"... говоритъ Димитрій Донской въ своемъ договорѣ съ Тверью.

(въ нѣкоторыхъ краяхъ), а также орудія мѣны, денегъ, и, быть можетъ, съ выработкой подъ иноземнымъ вліяніемъ собственно Новгородской и Псковской монетной системы. Даже весь Новгородскій торговой порядокъ съ его покровительствомъ туземнымъ извощикамъ и носильщикамъ, съ его правилами, устранявшими мелочную торговлю и торгъ гостя съ гостемъ, не есть ли собственно простое воспроизведеніе на русской почвѣ германскихъ привиллегій, свойственныхъ каждому складочному мѣсту? Но еще, быть можетъ, было значительнѣе посредственное вліяніе торговли. Благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ и примѣру жившихъ въ Новгородѣ Нѣмцевъ, появляются въ послѣднемъ усовершенствованія въ постройкѣ какъ частныхъ жилищъ, такъ и общественныхъ храмовъ, обязанныя своимъ началомъ Нѣмецкимъ мастерамъ. Совершенствуются далѣе туземные мастера— не даромъ же Новгородцы и Псковичи славились въ древней Руси „каменосѣчною хитростью". Наконецъ, кромѣ зодчества, движенія замѣчаются и въ другихъ искусствахъ. Такъ, въ Новгородской иконописи XVI столѣтія стали появляться, если вѣрить компетентнымъ голосамъ, новые сюжеты, имѣющіе несомнѣнно западное происхожденіе.

Дополненія и поправки*).

Страница.	Строка сверху.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
XIX	10—11	и завершилъ кругъ своихъ капитальныхъ трудовъ въ области отечественнаго бытописанія.	и завершилъ кругъ своихъ капитальныхъ трудовъ въ области отечественнаго бытописанія *).

*) Изъ капитальныхъ трудовъ его замѣчательны два: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“ и 2) „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ“. Первый появился въ печати отдѣльной книгой въ 1873 году и представляетъ, по отзыву проф. Н. П. Барсова, замѣчательное явленіе въ русской исторіографіи, какъ самостоятельное и вполнѣ критическое изслѣдованіе предмета по новымъ источникамъ. Первоначально это сочиненіе печаталось въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ въ Журн. М. Нар. Просвѣщенія (въ 1870—1873 годахъ). За это сочиненіе авторъ удостоенъ степени магистра исторіи и Уваровской преміи. По исторіи В. Новгорода напечатаны отдѣльными монографіями въ „Журналѣ М. Нар. Пр.“: 1) „Областной бытъ В. Новгорода“ (1872 г.); 2) „Великій Иванъ на Опокахъ“ (1869—70 гг.); 3) „Военный бытъ въ В. Новгородѣ“ („Рус. Стар.“ 1870). „Очеркъ исторіи внутренней церкви въ В. Новгородѣ“ появился

*) Исключая типографскихъ опечатокъ, прилагаемыя дополненія, заключающіяся въ подлинныхъ выпискахъ изъ источниковъ, внесены г. Харизоменовымъ послѣ напечатанія текста. *Членъ-соревн. Гоздаво-Голомбіевскій.*

въ печати въ 1879 г. Въ предисловіи къ этому труду сказано, что это сочиненіе представляетъ не отдѣльный, совершенно самостоятельный трудъ, а только часть другаго, обширнѣйшаго труда, а именно: „Исторіи внутренней жизни Великаго Новгорода“. Извѣстно, что историкъ думалъ обозрѣть всѣ данныя, касающіяся политической жизни, искусства, литературы въ Новгородѣ и представить ихъ на судъ науки въ особыхъ очеркахъ. Въ „Очеркѣ внутренней церкви въ В. Новгородѣ“ авторомъ поставлены двѣ основныя задачи: раскрытіе общаго теченія Новгородской церковной жизни и опредѣленіе связи, которая соединяла церковное движеніе съ гражданскимъ и отдѣльныя теченія перваго одно съ другимъ; во вторыхъ критическая провѣрка результатовъ, достигнутыхъ въ области Новгородской церковной исторіи предшествовавшими изслѣдователями. Написанный на основаніи весьма обширнаго матеріала этотъ „Очеркъ“ доставилъ Никитскому дипломъ доктора исторіи.

Изъ болѣе второстепенныхъ его трудовъ необходимо упомянуть о слѣдующихъ: 1) „Теорія родоваго быта въ древней Руси“ („Вѣстн. Европы“, 1870 г.); частію эта статья вошла въ предисловіе къ „Очерку исторіи Пскова“; 2) „Отношенія Новгородскаго владыки къ Нѣмецкому купечеству по новымъ даннымъ“ („Журн. М. Н. Пр.“); 3) „Правительственный Совѣтъ“; 4) Замѣтка о происхожденіи имени Ермакъ („Журн. М. Н. Пр.“); 5) „Кто такой былъ Гедиминъ?“ („Рус.

			Стар.", 1871 г.); 6) Отчетъ о Тифлисскомъ съѣздѣ (отдѣльной брошюрой), 7) „Восточный вопросъ въ его историческомъ развитіи", печатался (часть) въ приложеніи къ циркулярамъ Варшавскаго Учебнаго Округа; представляетъ собою рядъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ прошлую восточную войну въ Варшавѣ (конецъ этой статьи остался ненапечатаннымъ); 8) „О народномъ движеніи въ отечественную войну"; прекрасная по идеѣ и содержанію, эта статья вышла отдѣльной брошюрой; 9) „Отвѣтъ нашимъ критикамъ", написанный по вопросу объ ереси стригольниковъ (Варш. Унив. Изв.); 10 и 11) Рецензіи а) на сочиненіе Бережкова: „О торговлѣ Руси съ Ганзой" и б) на сочиненіе Тихомирова: „Очеркъ исторіи Смоленскаго княжества",— удостоенныя Академіей Наукъ Уваровскихъ золотыхъ медалей.
3	32	Устюженскій	Устюжскій
4	8	Баровичскаго	Боровичскаго
10	11	духъ селъ	двухъ селъ
16	2 цитата, 1—2	...паволокы и овощь"...	...паволокы и овощь"... *Примѣчаніе:* Подъ именемъ паволокъ разумѣлись шелковыя ткани, изъ которыхъ приготовлялись на Руси церковныя одежды и платье богатыхъ людей.
17	2 цитата, 2	тызяцкому	тысяцкому
21	2 цитата, последняя строка	Bunge, U. B., I, 522.	Bunge, U. B., I, 522, 1269 г.: „mer dat schal an iewedher siden vorderen des hertogen hode". Тамъ же, I, 521, 1269: „Item custos, qui dicitur *biriz*"...
22	18—19	Праставъ тысяцкаго, на обязанности котораго лежало производство судебныхъ *дѣлъ*,	Приставъ тысяцкаго, на обязанности котораго лежало производство судебныхъ *позвовъ* (призывъ къ суду),

19	4—5	скалвы введены въ употребленіе въ Новгородѣ только въ половинѣ этого вѣка.	скалвы введены въ употребленіе въ Новгородѣ только въ половинѣ этого вѣка *). *) Bunge, U. B., VI, 438, ок. 1262 г.: „пудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ по своеи воли и по любви".
22	2 цитата, 2	ibid. VI, 108—9.	ibid. VI, 108—9, 1335 г.: „Item quod forum iustitiarum mercatorum debet esse in curia sancti Iohannis et non alias, coram duce et duobus seniorrbus Teutonicorum.
29	2 цитата, 9 строка	, et quibuscunque rebus in septemtrione rarissimis, onustae erant".	, et quibuscunque rebus in septentrione rarissimis, onustae erant". *Примѣчаніе.* Другое сѣверное извѣстіе также подтверждаетъ, что скандинавы вымѣнивали въ Новгородѣ предметы роскоши. Тамъ сообщается, что Гаральдъ Гаарфагеръ, жившій въ X вѣкѣ, посылалъ своего довѣреннаго Гаука-Габрока въ Русь покупать товары; онъ прибылъ туда во время ярмарки и накупилъ тамъ золотошвейныхъ тканей для одежды, какихъ въ Норвегіи не видывали.
32	21	упоминаются и Русскіе, и притомъ на первомъ планѣ.	упоминаются и Русскіе, и при томъ на первомъ планѣ [5]). [5]) „Rutheni, Gothi, Normanni et ceterae gentes orientales, absque theloneo et absque *gansa.* ad civitatem saepius dictam veniunt et libere recedunt" (Sartorius, II, 9).
48	1 цитата, 17 строка	, а дару игумену полкоробьи ржы, столнику...	, а дары игумену полкоробьи ржы, четвертка пшеницы, *масленику* полкоробьи ржи, столнику...
63	7	коночно	конечно
—	23—4	въ обработкѣ монастырскихъ луговъ и *пожни*	въ обработкѣ монастырскихъ луговъ и *пожснъ*
67	1 цитата, 2	половники Онтушовы... 3 обжы".	половники Онтушовы... 3 обжы". *Примѣчаніе.* И до сихъ поръ удер-

			жался въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. во Владимірской губ. Гороховецкаго уѣзда, обычай отдавать землю, особенно сѣнокосъ, „изъ полу“.
72	11	получалась крупа [3]).	получалась крупа или заспа [3]).
74	4 цитата, 3	„10 окараковъ свиныхъ“...	„10 окороковъ свиныхъ“...
79	1 цитата, 2—3 строка	и ина узорочься“...	и ина узорочья“...
81	1	соли, вываренныхъ жителями старой Русы [1]). Но какъ ни разнообразны...	соли, вываренныхъ жителями Старой Русы [1]). Въ уставной грамотѣ князя Святослава Ольговича 1137 года опредѣлено собирать доходу съ соляныхъ варницъ: „на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу“ (Рус. Дост., I, 82—85). Но какъ ни разнообразны...
86	5	ремеслинниковъ	ремесленниковъ
—	26	простейшими	простѣйшими
93	2 цитата, 1 строка	[3]) Bunge, U. B., VI, 95, 1332; Рус. Достопам., I, 79.	[3]) Bunge, U. B., VI, 95, 1332 г.: „De Novgardere scolen van den Nisoweren nicht nemen smerch was, noch van den Kapuleren“... Рус. Достопам., I, 79.
95	3 цитата, 1	[3]) Bunge, U. B., VI, 494, 1331.	[3]) Bunge, U. B., VI, 494, 1331 г.: „Des selven avendes do quam ein, de heit Boris Zylvesters sone, und sprach, ene hedden utgesant CCC guldene gordele“...
95	5 цитата, 2—3	...Bunge, U. B., III, 699—700, 1392. Тамъ же, IV, 504, 1405.	...Bunge. U. B., III, 699—700, 1392: „van des gemeinen kopmans wegene und des gemeinen kopmans kindere wegene... juwe kopllude kindere komen“... Тамъ же, IV, 504, 1405: „van all den hertogen, van all den kindern der koplude“...
96	1 цитата, 1—2	Hanser., II Abt., I, 512, 1416. Тамъ же, I Abt., IV, 49, 1392. Bunge, II, 311, 1338.	Hanserec., II Abt., I, 512, 1436: „Item als van dem hinderstelligen gude, dat Neronen unde zyner selscop genomen wart“. Тамъ же, I Abt., IV, 49, 1392: „der

			gheliik schöleu ok de Dudeschen söken in eren steden to Lubeke unde to Gotlande de mördere, de unsen broder Matfey unde sinen soen unde ere kompane morde-den in der Nu"... Bunge. II, 311, 1338 г.
—	2 цитата, 1	Bunge, III, 551, 1308.	Bunge, U. B., III, 551, 1388: „Ok wetet, dat Novgardere gekomen sint tur Narwe, alse Ignate mit siner selschap... Ok claget Matfey und Condraet und Demiter und andre (rum.: Andre), mit erer selschop, over Hans van Rode"...
100	3	гривен*ни*ками;	гривенками;
101	7	артичами.	арт*иг*ами.
104	7	предпочитательнѣе	предпочтительнѣе
105	24—25	цѣны предметовъ потребленія;	цѣны *тогдашнихъ* предметовъ потребленія;
106	1 цитата, 1	Bunge, U. B., IV, 796, 1411(3): „Vordaen...	Bunge, U. B., IV, 796, 1411(3): „Vorden...
—	„ 4	Waet*t*ande,	Waet*l*ande,
107	2 цитата, 3	, Satscha'k wastchow	Go(t)schalk Wosthof
111	2 цитата, 1—3	Hanserec., II Abt., I 155, 1434 г.: „Weret dat jenich maen sich van dem Dutschen capmane geve unde up der Russen ho ve stunde, den en sal men nu der tiit nicht wedder up den Dutshen hoff entfangen".	Hanserec., II Abi., I, 153, 1434 г.: „weret, dat jenich maen sich van dem Dutschen copmane geve unde up der Russen hove stunde, den en sal men na der tiit nicht werder up den Dntschen hoff entfangen".
—	3 цитата, 3	Michels strate in vruntscop".	Michels strate in vruntscop". Hanser., II Abt., II, 268, 1439; „V. so gevellet sick... porten setten up der Gotten hove vor sante Michaels strate, so weren de olderlude ute sante Michaels strate do darby wol to dren offte... segghen also de olden poste worden ut ghegraven"...

121	11	обеспеченія	обезпеченія
126	12	шрафныя	штрафныя
—	19 - 20	носившій названіе королевскаго сбора.	носившій названіе королевскаго сбора *). *) *Примѣчаніе.* Относительно королевскаго сбора трудно сказать что нибудь опредѣленное: не былъ ли онъ равнозначителенъ съ налогомъ на товары, который впослѣдствіи назывался Новгородскимъ сборомъ, или же - съ платой за квартиру.
136	1 цитата. 3	gpavibus	gravibus
151	11	сафьянъ—на фунты,	сафьянъ—на верники,
161	4	Бредспоперискія	Поперингскія,
—	19	*Кальнъ*	*Кельнъ*
162	12	дерюга (padenwant).	дерюга (paclenwant).
164	16	(quartiv,	(quartir,
—	2 цитата, 2	Isportam	„I sportam
168	28—29	одна нѣмецкая купеческая жена заключила..	одна нѣмецкая купеческая жена фрау фонъ-Доленъ заключила...
184	23	Вальскій договоръ	Валскій договоръ
190	цитата 2, 2	при*ба*токъ	прибытокъ
193	7	въ Новгородъ.	въ Новгород*ѣ*.
194	17	въ XVI столѣтіи	въ XIV столѣтіи
—	цитата 2 1	и п*а*ловника	и половника
195	30	и ул*а*цьскому	и ул*и*цьскому
—	2 цитата, 2	хлѣба оспомъ	хлѣба *п*оспомъ
197	24	новостроившаго	новостроившаго*ся*
199	25	призвали въ Москву	призывали въ Москву
204	21	противенъ	протйвенъ
—	22	обычныя волости	об*ро*чныя волости
205	22	Но и *у*прямыя...	Но и прямыя..
—	28	, Охт*а*нскаго [4])	, Охт*е*нскаго [4])
208	25	въ Торж*ск*ѣ	въ Торжкѣ
217	23	двофянина домашняго человѣка,	дворянина, домашняго человѣка,

ОГЛАВЛЕНІЕ.